

ЛУБЯНСКИЕ ЧТЕНИЯ-2020

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ XXIV НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ИСТОРИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ НА ЛУБЯНКЕ».

МОСКВА, 27 НОЯБРЯ 2020 г.

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Настоящий сборник подготовлен на основе материалов XXIV научно-теоретической конференции «Исторические чтения на Лубянке». В сборник вошли тексты выступлений участников конференции, в которых освещаются актуальные проблемы становления, развития и деятельности органов государственной безопасности России в XIX — XX веках. Материалы конференции предназначены для специалистов, а также читателей, интересующихся историей России и отечественных органов и войск государственной безопасности.

- Лубянские чтения-2020
  - С.В. Медведев
  - Е.И. Щербакова
  - А.И. Логинов
  - А. В. Соколенко
  - Л.В. Лукьянчикова
  - Е.В. Гресь
  - А. С. Соколов
  - О.И. Капчинский
  - С. Г. Бандурин
  - А.В. Рыжиков
  - С. А. Терехов
  - Е. Н. Журавлев
  - Д.А. Ларин
  - Н. Н. Билим
  - В.С. Христофоров
  - И. Ю. Бережанская, А. С. Сухарева
  - М. К. Теунов
  - А. Г. Марутин
  - К.В. Макаренко, Н.А. Егоров
  - О.Б. Мозохин
  - Ф.С. Мусин, Д.Ю. Гусельников
  - А.В. Кочанов
  - А.М. Демидов
  - В.И. Лазарев
  - А.Ю. Попов
  - Д.В. Куваев
  - А. А. Сампиев
  - С.Б. Вязьменский
  - С.В. Тужилин
  - А.Б. Кононов

- А. А. Фомин
- В.И. Попов
- В.Е. Морихин
- С. Л. Медведко, Е. Р. Арруе
- Е.А. Макаров, В.В. Попов
- О.М. Хлобустов
- А. В. Мерзанова
- А.И. Пожаров

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35

- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79

- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123

- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167

- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211

- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255

- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299

- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318
- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321
- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325
- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329
- ○ 330
- ○ 331
- ○ 332
- ○ 333
- ○ 334
- ○ 335
- ○ 336
- ○ 337
- ○ 338
- ○ 339
- ○ 340
- ○ 341
- ○ 342
- ○ 343

- ○ 344
- ○ 345
- ○ 346
- ○ 347
- ○ 348
- ○ 349
- ○ 350
- ○ 351
- ○ 352
- ○ 353
- ○ 354
- ○ 355
- ○ 356
- ○ 357
- ○ 358
- ○ 359
- ○ 360
- ○ 361
- ○ 362
- ○ 363
- ○ 364
- ○ 365
- ○ 366
- ○ 367
- ○ 368
- ○ 369
- ○ 370
- ○ 371
- ○ 372
- ○ 373
- ○ 374
- ○ 375
- ○ 376
- ○ 377
- ○ 378
- ○ 379
- ○ 380
- ○ 381
- ○ 382
- ○ 383
- ○ 384
- ○ 385
- ○ 386
- ○ 387

- ○ 388
- ○ 389
- ○ 390
- ○ 391
- ○ 392
- ○ 393
- ○ 394
- ○ 395
- ○ 396
- ○ 397
- ○ 398
- ○ 399
- ○ 400
- ○ 401
- ○ 402
- ○ 403
- ○ 404
- ○ 405
- ○ 406
- ○ 407
- ○ 408
- ○ 409
- ○ 410
- ○ 411
- ○ 412
- ○ 413
- ○ 414
- ○ 415
- ○ 416
- ○ 417
- ○ 418
- ○ 419
- ○ 420
- ○ 421
- ○ 422
- ○ 423
- ○ 424
- ○ 425
- ○ 426
- ○ 427
- ○ 428
- ○ 429
- ○ 430
- ○ 431

- ○ 432
- ○ 433
- ○ 434
- ○ 435
- ○ 436
- ○ 437
- ○ 438
- ○ 439
- ○ 440
- ○ 441
- ○ 442
- ○ 443
- ○ 444
- ○ 445
- ○ 446
- ○ 447
- ○ 448
- ○ 449
- ○ 450
- ○ 451
- ○ 452
- ○ 453
- ○ 454
- ○ 455
- ○ 456
- ○ 457
- ○ 458
- ○ 459
- ○ 460
- ○ 461
- ○ 462
- ○ 463
- ○ 464
- ○ 465
- ○ 466
- ○ 467
- ○ 468
- ○ 469
- ○ 470
- ○ 471
- ○ 472
- ○ 473
- ○ 474
- ○ 475

- ○ 476
- ○ 477
- ○ 478
- ○ 479
- ○ 480
- ○ 481
- ○ 482
- ○ 483
- ○ 484
- ○ 485
- ○ 486
- ○ 487
- ○ 488
- ○ 489
- ○ 490
- ○ 491
- ○ 492
- ○ 493
- ○ 494
- ○ 495
- ○ 496
- ○ 497
- ○ 498
- ○ 499
- ○ 500
- ○ 501
- ○ 502
- ○ 503
- ○ 504
- ○ 505
- ○ 506
- ○ 507
- ○ 508
- ○ 509
- ○ 510
- ○ 511
- ○ 512
- ○ 513
- ○ 514
- ○ 515
- ○ 516
- ○ 517
- ○ 518
- ○ 519

- ○ 520
- ○ 521
- ○ 522
- ○ 523
- ○ 524
- ○ 525
- ○ 526
- ○ 527
- ○ 528
- ○ 529
- ○ 530
- ○ 531
- ○ 532
- ○ 533
- ○ 534
- ○ 535
- ○ 536
- ○ 537
- ○ 538
- ○ 539
- ○ 540
- ○ 541
- ○ 542
- ○ 543
- ○ 544
- ○ 545
- ○ 546
- ○ 547
- ○ 548
- ○ 549
- ○ 550
- ○ 551
- ○ 552
- ○ 553
- ○ 554
- ○ 555
- ○ 556
- ○ 557
- ○ 558
- ○ 559
- ○ 560
- ○ 561
- ○ 562
- ○ 563

- ○ 564
- ○ 565
- ○ 566
- ○ 567
- ○ 568
- ○ 569
- ○ 570
- ○ 571
- ○ 572
- ○ 573
- ○ 574
- ○ 575
- ○ 576
- ○ 577
- ○ 578
- ○ 579
- ○ 580
- ○ 581
- ○ 582
- ○ 583
- ○ 584
- ○ 585
- ○ 586
- ○ 587
- ○ 588
- ○ 589
- ○ 590
- ○ 591
- ○ 592
- ○ 593
- ○ 594
- ○ 595
- ○ 596
- ○ 597
- ○ 598
- ○ 599
- ○ 600
- ○ 601
- ○ 602
- ○ 603
- ○ 604
- ○ 605
- ○ 606
- ○ 607

- ○ 608
- ○ 609
- ○ 610
- ○ 611
- ○ 612
- ○ 613
- ○ 614
- ○ 615
- ○ 616
- ○ 617
- ○ 618
- ○ 619
- ○ 620
- ○ 621
- ○ 622
- ○ 623
- ○ 624
- ○ 625
- ○ 626
- ○ 627
- ○ 628
- ○ 629
- ○ 630
- ○ 631
- ○ 632
- ○ 633
- ○ 634
- ○ 635
- ○ 636
- ○ 637
- ○ 638
- ○ 639
- ○ 640
- ○ 641
- ○ 642
- ○ 643
- ○ 644
- ○ 645
- ○ 646
- ○ 647
- ○ 648
- ○ 649
- ○ 650
- ○ 651

- ○ 652
- ○ 653
- ○ 654
- ○ 655
- ○ 656
- ○ 657
- ○ 658
- ○ 659
- ○ 660
- ○ 661
- ○ 662
- ○ 663
- ○ 664
- ○ 665
- ○ 666
- ○ 667
- ○ 668
- ○ 669
- ○ 670
- ○ 671
- ○ 672
- ○ 673
- ○ 674
- ○ 675
- ○ 676
- ○ 677
- ○ 678
- ○ 679
- ○ 680
- ○ 681
- ○ 682
- ○ 683
- ○ 684
- ○ 685
- ○ 686
- ○ 687
- ○ 688
- ○ 689
- ○ 690
- ○ 691
- ○ 692
- ○ 693
- ○ 694
- ○ 695

- ○ 696
- ○ 697
- ○ 698
- ○ 699
- ○ 700
- ○ 701
- ○ 702
- ○ 703
- ○ 704
- ○ 705
- ○ 706
- ○ 707
- ○ 708

Лубянские чтения-2020
Актуальные проблемы истории отечественных органов государственной безопасности
Сборник материалов XXIV научно-теоретической конференции «Исторические чтения на Лубянке». Москва, 27 ноября 2020 г

С.В. Медведев
г. Москва

Полицейские учреждения и рабочий вопрос в 1893–1903 гг

По мнению многих исследователей, забастовочное движение в Российской империи началось в 1870-е гг.[1] Промежуточным итогом первой волны недовольства пролетариев стала знаменитая стачка 1885 г., произошедшая на текстильной фабрике «Товарищества Никольской мануфактуры С. Морозова, сына и К°» в Орехово-Зуево. Как писал В.И. Ленин, «эта громадная стачка произвела очень сильное впечатление на правительство, которое увидало, что рабочие, когда они действуют вместе, представляют опасную силу, особенно когда масса совместно действующих рабочих выставляет прямо свои требования. Фабриканты тоже почуяли силу рабочих и стали поосторожнее»[2].

Несмотря на то, что 3 июня 1886 г. император Александр III подписал «Правила о надзоре за заведениями фабричной промышленности и о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих и об увеличении числа чинов фабричной инспекции», которые способствовали «упорядочению системы штрафов»[3], некоторые современные историки придерживаются мнения о том, что штрафы продолжали оставаться серьезной проблемой для трудящихся. Так, доктор исторических наук М.Г. Суслов приводит данные о существовании «509 пунктов, по которым могли налагаться штрафы». Данный факт Суслов иллюстрирует статистикой заработков рабочего Златоустовского завода Ф. Мажаева: «В августе 1894 г. он заработал 10 рублей 20 копеек, а на руки получил 3 рубля 84 копейки. Штраф составил 6 рублей 36 копеек. В сентябре из 15 рублей 60 копеек заработка вычли почти 11 рублей штрафа. В октябре из 14 рублей 70 копеек вычли 8 рублей, в ноябре он заработал 14 рублей 10 копеек, а штраф составил 10 рублей»[4].

Частые стачки рабочих ставили новые задачи перед органами безопасности империи. 10 апреля 1893 г. исполняющий должность обер-полицмейстера Москвы полковник А.А. Власовский адресовал участковым приставам города следующую информацию: «Предлагаю тем участковым приставам, в районе коих имеются фабрики или заводы, с получением сего, обратить особое внимание на всех рабочих, причем поставляю в

обязанность гг. приставам знать подробно и обстоятельно настроение рабочих на каждой фабрике, для чего требовать ежедневного доклада от местного околоточного надзирателя. О всех случаях увольнения беспокойных и дерзких рабочих, а также и о всех проявлениях недовольства со стороны их, как в отношении своего положения, так и в отношении распоряжений фабричной или заводской администрации, мне немедленно доносить (по охранному отделению), сообщая списки увольняемых, с указанием их званий, имен, отчеств и фамилий, а также причин, послуживших увольнению»[5].

Сотрудники Министерства внутренних дел также были обеспокоены недостаточно эффективной сыскной деятельностью полицейских учреждений. 9 октября 1901 г. товарищ министра внутренних дел П.Д. Святополк-Мирский направил губернаторам, градоначальникам и обер-полицмейстерам циркуляр следующего содержания: «Результаты розыскных мероприятий Департамента полиции (ДП) за последние годы свидетельствуют, что активной революционной деятельностью преимущественно занимаются лица, скрывшиеся из мест водворения под гласный или негласный особый надзор полиции. Розыск таких лиц, являющихся сюда под вымышленными именами и подложными паспортами, представляется крайне затруднительным и отнимает очень много времени на выяснение их действительной личности. Главную причину такого явления следует искать в недостаточно своевременном получении Департаментом полиции сведений об исчезновении лица, состоящего под гласным или особым надзором полиции. Между обнаружением местными властями, что одно из таких лиц скрылось и сообщением о том Департаменту полиции проходит обыкновенно довольно продолжительный промежуток времени, посвящаемый на розыски скрывшихся различными путями, причем иногда этот промежуток продолжается до девяти месяцев… Вас же, милостивые государи, прошу, не позднее трех дней после обнаружения побега, сообщать о том Департаменту полиции, который со своей стороны не замедлит принять меры к розыску скрывшихся, а главным образом получит возможность своевременно иметь их всех на учете»[6].

Если местные власти могли девять месяцев искать скрывшегося революционера, то сами революционеры могли находить интересующих их рабочих гораздо быстрее. В Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) хранится достаточно большое количество писем обеспокоенных осведомителей в губернские жандармские управления (ГЖУ) и охранные отделения. К примеру, В.М. Жуков писал начальнику

Тверского ГЖУ Уранову: «Я живу совершенно без работы, мои товарищи и вообще чуть не все рабочие грозят меня убить, и даже имели покушение на мою жизнь. Моего одного товарища, Павла Вольнухина, отправили на тот свет также за откровенность, следовательно, и мне не избежать этого. Я Вам выдал пять кружков с их интеллигентами… В настоящее время мне ничего не остается делать, как садиться в тюрьму или уехать куда-либо в другую губернию, кроме того, я не имею права уезжать из Твери никуда, так как нахожусь под надзором и имею вид на жительство только в Твери»[7].

Бывший агент уфимской полиции Г.И. Боголюбов обращался в Уфимское губернское жандармское управление с похожим текстом: «Из дому меня выгнали, не дав мне никаких средств, вследствие чего я должен был выйти из семинарии. Теперь я скитаюсь кое-где и как-нибудь. Искал место, но не нашел. Вследствие чего я осмеливаюсь просить у вас, не поможете ли вы мне в улучшении моего положения»[8].

Московский обер-полицмейстер Д.Ф. Трепов в 1898 г. регулярно получал письма, свидетельствующие о неудовлетворительной работе и коррупции сотрудников сыскной полиции. Одно из таких посланий, подписанное инициалами «ДПД», было получено им 31 января 1898 г.: «Руководствуясь достоверными сведениями и наблюдением, нельзя не обратить внимание на московскую сыскную полицию, в которой царит всевозможный беспорядок, созданный и поддерживаемый лицами, находящимися на службе в оной. Полицейский надзиратель Ченышев все время службы посвящает единственно только на благоустройство своего дома на Антроповых ямах, и кроме этого, имея легковой извозчичий промысел, только преследует свои личные выгоды, не принося своей службой никакой пользы сыскной полиции, кроме убытка, получая ежемесячно незаслуженное жалование. Отождествляется с господином Чернышевым и равный ему во многих отношениях фаворит гг. чиновников надзирателей Попов, которому служит резиденцией ресторан Павловского на Трубной площади, в который после обхода, с целью наживы, домов терпимости, является надзиратель Горский и совместно с Ченышевым и Поповым приступают к ожесточенной игре на бильярде»[9].

По мнению автора послания, преступные действия полицейских надзирателей имели последствием бездействие секретной агентуры: «Что же касается до розысков, то таковые едва ли могут быть более в количественном порядке, благодаря существующей рутине, ибо собиравшиеся ежедневно все агенты с утра почти до 4 часов дня держатся в управлении, а затем они

бывают посвящены исключительно в дневные и ночные наряды без очереди, что подтвердит карта нарядов, следовательно, на розыски, это специальное назначение сыскной полиции, совсем не остается времени, что воочию становится ясным из тех скудных результатов, которыми проявляют свою деятельность сыскная полиция»[10].

В то же время на имя Д.Ф. Трепова поступали письма, настолько цинично и тенденциозно составленные, что вряд ли он мог задаться вопросом о достоверности приводившихся в них данных: «Случаи «неосторожного» расходования казенных денег высшими чинами бюрократического аппарата довольно часты и даже небезызвестны широкой публике. Так, после полковника Пирамидова, пришибленного на смерть, в кассе Санкт-Петербургского охранного отделения, начальником коего он был, не досчитались 7000 рублей. Чернопятков — казначей Московского ГЖУ»[11].

На правительственном уровне четкого понимания о путях решения рабочего вопроса не было. В 1901 г. министр внутренних дел Д.С. Сипягин предпринял поездку по Ярославской, Костромской, Нижегородской и Владимирской губерниям с целью ознакомления с условиями труда рабочих и состоянием полицейских учреждений. Несмотря на то, что некоторые современники министра неоднозначно относились к этой поездке (А.В. Богданович писала: «Вчера принесли маршрут Сипягина по России. Едет он по фабричным центрам. При неразвитости Сипягина ему следовало бы лучше не показываться, чтобы сохранить хоть частицу престижа, связанного с должностью министра внутренних дел»[12]), ее результатом стала публикация многостраничного аналитического отчета, который обсуждался на Особом совещании министров 9 марта 1902 г., менее чем за месяц до убийства автора эсерами. С одной стороны, Д.С. Сипягин отмечал важность работы секретных сотрудников на фабричных предприятиях: «Губернаторы четырех осмотренных мною губерний полагают в большинстве необходимым сохранить впредь и даже расширить область и средства секретного наблюдения общей полиции за настроением умов среди фабричного населения, с ассигнованием на этот предмет особых кредитов»[13]. А с другой, Сипягин не мог однозначно ответить на вопрос: необходимо ли подчинить фабричные заведения надзору губернских жандармских учреждений? «Не подлежит, конечно, сомнению, что сосредоточению общего полицейского на фабриках надзора в ведении жандармской полиции оправдывалось бы многими серьезными доводами, — писал в докладе Д.С. Сипягин. — В этом отношении нельзя не принять во внимание

разнообразные выгоды, проистекающие от сосредоточения в одних руках однородного во многом надзора, так равно и более высокую степень умственного развития жандармских унтер-офицеров, по сравнению с соответствующими чинами общей полиции, их большую дисциплинированность и лучшую к своему делу подготовку. Еще более веские, однако, соображения говорят против принятия подобной меры. Сосредоточение полицейского на фабриках надзора в руках чинов корпуса жандармов равносильно бы резкому выделению фабрик из общего полицейского управления в положение особо подозрительного и внушающего опасения элемента. Эта мера могла бы поселить в умах рабочих не лишенное внешних оснований подозрение, что правительство их опасается… Подчинение ближайшему надзору чинов корпуса жандармов одних лишь фабрик мало достигало бы своей цели, так как многие рабочие проживают вне последних, в близлежащих селениях, а потому, без подчинения чинам корпуса жандармов и этих последних, надзор был бы не полон и очень стеснен в своих действиях»[14].

В 1902 г., когда был опубликован доклад Д.С. Сипягина, продолжался эксперимент начальника Московского охранного отделения С.В. Зубатова по легализации рабочего движения. Зубатов был заинтересован в создании широкой сети секретных сотрудников в рабочей среде с целью отвлечения основной массы протестующих от риторики революционных движений. В 1900 г. были созданы первые общества взаимопомощи рабочих в Москве, действовавшие под контролем охранного отделения[15].

Эксперимент Зубатова сопровождался перманентной критикой «слева». Так, в том же 1900 г. в журнале «Der Wecker» была опубликована статья под названием «Шпион Зубатов»: «Зубатов — главарь шпионов, ведет самые большие политические процессы и мечтает стать первым жандармом всей России. Он любит похваляться тем, что высоко образован и сам большущий либерал… Зубатов сам сознается, что когда рабочему скверно, он должен объединяться и бороться. Если так, то и мы теперь можем засвидетельствовать Зубатову, что рабочему еще очень не сладко живется, что щетинщики еще и теперь ходят без работы, что рабочий день и теперь очень длинен, заработная плата и теперь местами нищенская и, наконец, если мы разъединимся, то теперь снова получится то же положение, как в то время, когда, по мнению Зубатова, мы «имели право» соединиться. Русское правительство воображает, что мы без его опеки не можем существовать. Мы вечно должны испрашивать его позволения. Оно диктует нам, что читать, каждый шаг свой мы должны объявлять надзирателю участка, полицейский превращается у нас

в педагога и воспитателя. Капиталисты делают стачки, образуют синдикаты, открытые и тайные, о которых все знают, они имеют свои органы, и все это легально, все разрешается. А наш профессиональный орган Зубатов во что бы то ни стало хочет искоренить…»[16].

Д.С. Сипягин критиковал полицейские общества взаимопомощи, привлекая более серьезную аргументацию: «… Совет (речь о координирующем органе зубатовских организаций. — *Авт.*) принял на себя посредническую роль между фабричными рабочими промышленных заведений города Москвы и органами правительственной власти, имеющую предметом взаимные отношения между предпринимателями и рабочими. Сначала сей Совет обращался к фабричной инспекции, но затем, видя, что последняя не признает его компетентности в принятой на себя самовольно посреднической роли, он стал обращаться к г. обер-полицмейстеру, который не только принимает получаемые заявления, но дает им законный ход, чем санкционирует присвоенные себе Советом права. Едва ли столь важный и имеющий общегосударственное значение вопрос, как установление доселе не существующего нового фактора промышленной жизни, то есть организации рабочих (хотя бы и в целях самообразования и самопомощи), может быть решаем местными административными властями, а не законодательным порядком, ибо подобные местные решения, как несообразованные с пользой общегосударственной и устанавливающие неодинаковость положения рабочих разных местностей, обладают случайным характером и посему могут оказаться иногда даже вредными. Что же касается до дарования Совету Общества взаимопомощи вышеуказанных политических функций, то таковое явление должно почитаться ненормальным, как потому, что новый орган, в виду существования учреждения фабричной инспекции, представляется излишним, так и потому, что посредничество во взаимных отношениях работодателей и рабочих представляется настолько серьезным и важным делом, что было бы неосмотрительно включать его в число обязанностей едва зарождающейся организации рабочих…»[17].

Помимо критики со стороны правительственных чиновников и революционеров, Зубатов подвергался обструкции представителей Отдельного корпуса жандармов (ОКЖ) и даже некоторых своих коллег по службе в Московском охранном отделении. В числе первых приведем свидетельство В. Д. Новицкого, который на протяжении 25 лет занимал должность начальника Киевского ГЖУ: «Начальники жандармских управлений даже не понимали значения слова «провокатор», а

между тем в последние годы агентство-провокаторство со стороны розыскной части Департамента полиции развилось до беспредельности под руководством Зубатова, который, безусловно, шел на возбуждение рабочей среды, не только под покровительством, но и направлением департамента полиции, сначала главным образом в Москве, а затем перешел в С.-Петербург и перенес в провинцию чрез своих сторонников, клевретов, агентов и эмиссаров, ходивших в экскурсии по устройству организаций рабочих, стачек, забастовок, и таким образом рабочие фабрик и заводов, а также и городские рабочие, и мастеровые как раз попадали в руки революции»[18].

Еще одним критиком С.В. Зубатова являлся чиновник особых поручений Московского охранного отделения, с 1902 г. заместитель начальника Московского охранного отделения Л. П. Меньщиков. В 1926 г. во Франции он издал воспоминания, в которых о своем бывшем начальнике писал следующее: «С того времени, как Зубатов сделался главой Особого отдела Департамента полиции, Московское охранное отделение перестало быть центром розыскных мероприятий. Мое пребывание в нем теряло смысл: все наиболее ценное я уже успел извлечь, а местные дела представляли лишь относительный интерес. Моей целью теперь стало попасть в штаб охраны. Зубатов этого, видимо, не хотел, может быть, потому, что он смутно чуял во мне политического врага, а, скорее всего, потому, что боялся моей конкуренции, так как некоторые департаменты (Ратаев, например) выдвигали меня в противовес заносчивому московскому парвенюшке, как звали Зубатова некоторые старожилы знаменитого дома 16 на Фонтанке. Кроме того, я отличался самостоятельностью, а Зубатов был властолюбив, гнуть же меня он не мог, так как я был для него уха крупная… Чтобы добиться своего, я начал «будировать» Ратко (преемник Зубатова на посту начальника Московского охранного отделения. — *Авт.*) — стал жаловаться, что ему не оказывают достаточного почтения. Зубатов предложил мне занять должность начальника Киевского охранного отделения. Я ответил, что скорее уйду в отставку, чем поеду в провинцию. Парвенюшка уступил. В то же 1903 году я был уже старшим помощником заведующего Особым отделом, то есть находился в самом центре розыскного действа. Я еще не терял надежды сделаться заведующим Особым отделом и одним ударом сокрушить защитительный аппарат царского правительства. Опальный Зубатов в это время уже сидел в гордом уединении на берегах Клязьмы, перечитывая Коркунова и Зомбарта»[19].

Многочисленные межведомственные совещания по рабочему

вопросу, эксперимент Зубатова, рабочее законодательство 1886 г. не решили многочисленных проблем трудящихся. 1903 г. открылся выявлением сотрудниками Московского ГЖУ информации о готовящихся забастовках фармацевтов Московской губернии. Генерал-лейтенант К.Ф. Шрамм, начальник Московского ГЖУ, сообщал в Департамент полиции: «Исполняющий должность помощника моего в Богородском и Дмитровском уездах, штаб-ротмистр Мартынов, представил мне добытую им агентурным путем гектографированную прокламацию «Новогоднее послание к товарищам фармацевтам» от 4 текущего января, за подписью «Группа фармацевтов»; в коей все фармацевты приглашаются путем стачки добиться: 1) уменьшения рабочего дня; 2) увеличения числа выходных дней; 3) 2-часового отдыха после дежурства; 4) выдачи столовых и квартирных денег»[20].

22 марта 1903 г. начальник Нижегородского охранного отделения ротмистр Засыпкин сообщал в Департамент полиции о готовящихся забастовках в Балахнинском уезде: «По сведениям в Гнилицах Балахнинского уезда на чугунно-литейном и механическом заводе Ярославцева хозяин такового не платит деньги рабочим или платит крайне неаккуратно или же предлагает получать заработок товаром из его лавки, взимая возвышенные цены. Таковое положение дела возбуждает рабочих и содействует успеху революционной пропаганды, которая на означенном заводе ведется в довольно широких размерах»[21]. Подобные сообщения не были редкостью в 1903 г.

В июле-августе 1903 г. на юге России прошли массовые забастовки рабочих. По мнению А.В. Герасимова, в 1903 г. заместителя начальника Харьковского ГЖУ, «политика игры с рабочими обществами, несмотря на тот крах, который она испытала в дни южной стачки 1903 года, не была в корне ликвидирована. «Зубатовские общества» продолжали еще существовать — хотя было ясно, что если эта политика и при Зубатове приводила к печальным результатам, то без Зубатова она должна привести к прямой катастрофе»[22].

С.В. Зубатов, еще в феврале 1903 г. занимавший прочные позиции на посту заведующего Особым отделом Департамента полиции (к примеру, начальник Московского охранного отделения В.В. Ратко и обер-полицмейстер Москвы Д.Ф. Трепов советовались с ним по мелочам. Ратко писал: «Милостивый государь, Сергей Васильевич! Полтавский губернатор письмом от 18 января с.г., на имя московского обер-полицмейстера просит о присылке ему двадцати экземпляров инструкций для чинов московской полиции по производству обысков и арестов по делам

о государственных преступлениях, утвержденных московских обер-полицмейстером для раздачи таковым начальникам полиции вверенной ему губернии, а генерал-майор Трепов предоставил решение этого вопроса на мое рассмотрение…имею честь покорнейше просить ваше высокородие почтить меня уведомлением…»[23]), был уволен в августе того же года[24].

Проекты министра внутренних дел Д.С. Сипягина и командира Отдельного корпуса жандармов генерал-лейтенанта А.И. Пантелеева[25] также не были востребованы. Что интересно, даже министр финансов С.Ю. Витте, в своих воспоминаниях критикующий зубатовские общества взаимопомощи рабочих («Зубатов, зная, что я против его рабочих организаций, никогда ко мне не являлся и я его никогда не видел»[26]), 19 июня 1901 г. информировал министра внутренних дел Д.С. Сипягина о подготовке силами чинов его министерства проектов касс взаимопомощи рабочих: «В настоящее время в Министерстве финансов выработаны проекты: а) уставов касс вспомогательных и сберегательных для рабочих промышленных заведений; б) изменение закона относительно сферы распространения на промышленных заведениях действия статей 48–60, 87–156 Устава о промышленности и изменение действующих ныне постановлений закона о взысканиях, налагаемых властью заведующих на рабочих в заведениях фабрично-заводской промышленности»[27]. Дальнейшая судьба инициатив С.Ю. Витте неизвестна.

Министерские и полицейские проекты решения рабочего вопроса не изменили сложного положения трудящихся. К примеру, «за 1903 год фабричным инспекторам верхневолжских губерний поступило 454 жалобы на задержку зарплаты, 907 — на нарушение других условий найма…, 127 жалоб на дурное обращение и побои»[28]. Ухудшение условий труда и быта рабочих способствовало более успешной пропаганде со стороны активистов революционных групп и партий. В Санкт-Петербурге в 1902 г. было учреждено общество взаимного вспомоществования рабочих в механическом производстве, которое после увольнения С.В. Зубатова в 1903 г. с должности начальника Особого отдела Департамента полиции, приобрело откровенно «квазизубатовский характер». Исследователь И.М. Карусева по этому поводу пишет следующее: «…Гапон при создании своей организации постарался… ограничить связи с охранкой и правительственными органами, придать организации формально независимый характер, что сам отец «полицейского социализма» С.В. Зубатов, будучи уже в отставке, откровенно осуждал»[29].

Инициативы священника Г. Гапона вызвали стихийное

рабочее движение. В революционной обстановке Департамент полиции был вынужден радикализовать меры противодействия рабочим протестам.

Е.И. Щербакова
г. Москва

Верноподданный оппозиционер о противодействии «эпидемическому заговору»

Одной из актуальнейших проблем деятельности отечественных спецслужб всегда был вопрос о взаимодействии с населением, обеспечении общественной поддержки в борьбе с разнообразными видами «крамолы». Особенно остро эта проблема встала во время так называемой «охоты на императора», организованной «Народной волей» на рубеже 70-х — 80-х гг. XIX в.

12 февраля 1880 г. была учреждена Верховная распорядительная комиссия (ВРК) под руководством М. Т. Лорис-Меликова, главной задачей которой было противодействие революционному террору. Одним из первых публичных актов Лорис-Меликова стало обращение «К жителям столицы», опубликованное 15 февраля 1880 г. Таким образом, власть, чуть ли не впервые в истории империи, обратилась к содействию общества для того, чтобы разобраться в причинах революционного движения и выработать адекватные меры борьбы с ним. Общество отозвалось целым потоком предложений и проектов, представленных в ВРК на имя Лорис-Меликова, в личном фонде которого отложилась, в частности, интересующая нас записка Р.А. Фадеева[30].

Генерал-майор Фадеев вышел в отставку в 1866 г., так как находился в оппозиции военным реформам Д.А. Милютина и вообще имел особый взгляд на те масштабные преобразования, которые в историографии принято называть Великими реформами. Именно они, с точки зрения Фадеева, «сдвинули Россию с прежних оснований»[31], собственно и породив «всесословный разброд» и современную смуту.

Записка Фадеева подана еще до публикации воззвания Лорис-Меликова. Вероятно, неравнодушный член общества Фадеев обращался к нему на правах старого товарища по службе на Кавказе. Суть записки Фадеева состоит в том, что «невозможно успокоиться долго на исключительных мерах и чрезвычайных полномочиях»[32]. «Полицейские средства и осадное положение», военно-полевые суды, расширение полномочий генерал-

губернаторов играют, по мнению Фадеева, на руку «вожакам эпидемического заговора», которые намеренно провоцируют власть на жесткие меры, чтобы «убедить Россию в могуществе своей шайки и разрушить доверие к правительству»[33].

Решить проблему можно, только «прибегнув к содействию земли», так как крамола — следствие «общественной болезни, вылечить которую… без расспроса больного и его указаний, правительство положительно не может»[34]. «Нигилистическая шайка» возникла благодаря «общему омертвению», общественной апатии, когда население если и не помогает революционерам, то не станет и мешать. «Таких шаек не возникает в обществах…, в которых есть кому присмотреть, помимо казенных глаз, за ненарушимостью государственных основ и общественной безопасностью»[35].

Фадеев повторяет общее мнение борцов с крамолой об искусственности, неорганичности отечественного революционного движения, якобы списанного с Европы. Нигилисты «опасны как тайные убийцы, но как политическая партия они ничтожнее всякой ничтожности. При отсутствии в России бездомной городской черни, кто, кроме выгнанных школьников, примет их разбойничье, противоестественное и переведенное с иностранного учение…»[36]. И так же, как многие авторы записок, он предлагает в качестве важного средства борьбы с революционным движением внести раскол в его ряды, отделить «закоренелых вожаков, которых желательно истребить, как волков» от «сбитых с толку юношей»[37].

Адресаты отнеслись к предложениям Фадеева более чем серьезно. В том же фонде[38] сохранилась переписка М.Т. Лорис-Меликова с военным министром Д.А. Милютиным, управляющим Министерством иностранных дел Н.К. Гирсом и министром внутренних дел Л.С. Маковым о записке Р.А. Фадеева; разрабатываемый проект всеподданнейшего доклада. Фадеев просил разрешить ему анонимно напечатать записку за границей, допустить распространение этой брошюры в России и ее обсуждение в русской печати. Первые два пункта министры и Лорис-Меликов готовы были поддержать. На третью просьбу предполагалось получить соизволение императора, так как «гласное обсуждение мнений, высказанных Фадеевым, возбудит, быть может, в обществе ожидание каких-либо новых мероприятий со стороны правительства, а потому оно окажется своевременным в таком лишь случае, если взгляды автора будут признаны не стоящими явно вразрез с видами правительства»[39].

Как бы то ни было, в 1881 г. в Германии без упоминания имени автора вышли «Письма о современном состоянии России.

11 апр. 1879 — 6 апр. 1880», принадлежавшие перу Фадеева. Вероятно, в основу «Писем» легла переработанная для печати записка Лорис-Меликову. В «Письмах» содержалась критика либеральных реформ Александра II, требование усилить роль земства при расширении дворянского представительства, предложения в области аграрных отношений предвосхищали столыпинские преобразования.

Еще одним воплощением попыток Фадеева помочь правительству в его многотрудной борьбе с крамолой стало создание «Священной дружины» (1881–1882) — тайной контртеррористической организации, к которой примкнули многие представители аристократических фамилий и лица, близкие ко двору.

А.И. Логинов
г. Липецк

Департамент полиции против религиозно-политического сепаратизма и революционного движения в Российской империи в конце XIX — начале XX в

Традиционно основное внимание исследователей сосредотачивается на фактической стороне деятельности органов государственной безопасности Российской империи — оперативно-розыскной работе лиц, представлявших опасность для государства, проведении спецопераций, предотвращении и ликвидации последствий терактов, следственной и превентивной работе и т. п. Но особую актуальность имеет изучение аналитической деятельности Департамента полиции МВД, что во многом определяло практическую деятельность его структурных подразделений не только в различных уголках России, но и за рубежом.

В документах ДП 1903–1914 гг. выделяется три наиболее тревожных направления — активизация в России движения «революционного социализма», разведывательной работы других государств и религиозно-просветительской деятельности организаций не православного толка.

Сконцентрируем внимание на идеологических антиподах российского царизма, нашедших формальное отражение в религиозной плоскости — деятельности сионистов и римско-католической церкви.

Деятельность ДП против религиозного сепаратизма в контексте революционного движения в Российской империи в конце XIX — начале XX вв. является крайне поучительной, но не в полной мере изученной темой. Следует отметить необходимость комплексного подхода для рассмотрения этого вопроса, введение в оборот ранее неизвестных архивных документов, а также дополнительная трактовка, под новым углом зрения, уже известной исторической информации.

В записке, поданной Николаю I в 1835 г., вскоре после издания нового «Положения о евреях», прямо указывалось на угрозу появления опасного «самозванца», «нового Бар-Кохбы»,

способного поднять еврейский народ на открытое выступление против имперской власти. Источником потенциальной опасности в проекте объявлялась хасидская среда. Капитану Корпуса жандармов А. Васильеву, состоявшем «для особых поручений» при А.Х. Бенкендорфе и являвшегося автором записки на имя императора, была очевидной потенциальная опасность еврейского заговора и еврейского бунта. По мнению Васильева, вместо того, чтобы потакать «преступной» деятельности цадиков, российская власть должна была объявить их фактически «вне закона». Каждый из цадиков мог «подстрекать народ на противоборство правительству». Он предлагал легализовать уже существующие еврейские «тайные общества», учредив «Бевсдины» (раввинские суды)[40].

Слово «хуссид» («хасид»), по мнению капитана Васильева, означало «почти то же, что иллюминат», что в российском политическом словаре обозначало масонскую организацию, которая ставила перед собой целью захват власти в ряде государств[41]. Примечательно, что характеристика хасидов как еврейских «иллюминатов» присутствовала и в «Мнении о евреях» Г.Р. Державина, который указывал на опасность идеи централизации управления евреями[42].

Во второй половине XIX в. предметом тревоги и розыскной заботы МВД стало движение жидовствующих, активно распространявшееся среди русского крестьянства центральных черноземных губерний России[43].

Таким образом, можно утверждать, что органы государственной безопасности Российской империи имели длительные традиции настороженного восприятия идеолого-просветительской деятельности еврейских раввинов. После раздела Речи Посполитой сотни тысяч польских евреев оказались под российской юрисдикцией, хотя до этого русская территория была для них практически закрыта.

Поступательный рост революционного движения в Российской империи, наметившийся уже в конце 1840-х гг., выдвинул на одну из ведущих ролей поляков католического вероисповедания и евреев, традиционно исповедовавших иудаизм. В разной степени это нашло отражение в работах разных лет, предназначенных для обучения и сотрудников Департамента полиции, и практического применения ими информации. Это работы А.П. Малышевского, С.С. Татищева, Н.Н. Голицына, А.А. Лопухина, Е.К. Климовича, Ф.С. Рожанова[44].

При этом надо учитывать взаимопроникающее влияние революционных идей с политическими идеями, основанными на религиозном фундаменте. Так, П.А. Кропоткин отмечал в 1900 г.

в статье «Ещё об анархизме и сионизме» положительное влияние идей сионизма и «еврейской пропаганды» в развитии российского революционного движения[45].

В 1896 г. в Вене вышла в свет небольшая брошюра Т. Герцля под названием «Еврейское Государство». В своём произведении Герцль поднимал вопрос о восстановлении еврейского государства на территории Аргентины и Палестины как исторической родины Израиля. На призыв Герцля отозвалось рассеянное по миру еврейство, объединенное этой идей — сионисты.

В 1897 г. был основан Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России — Бунд. Это была социал-демократическая организация, объединявшая еврейских рабочих и ремесленников западных областей Российской империи. Бунд выступал за национально-культурную автономию для еврейского населения западных регионов Российской империи, поддерживал развитие культуры на языке идиш и создание самостоятельной светской системы просвещения евреев. Фактически Бунд являлся сепаратистским движением. Организация активно включилась в политическую борьбу и имела автономию в РСДРП, преимущественно стояла на позициях меньшевиков.

Подобные идеи не могли не вызвать обеспокоенность Департамента полиции. В 1903 г. в печати появилась записка под подписью его директора А.А. Лопухина «Сионизм»[46]. Структура, отвечающая за безопасность государства, и её аналитики справедливо увидели в этих идеях угрозу для государственного устройства Российской империи. Требовалось не только усиление агентурная работы, но и использование новых методов.

В общественном мнении прочно укоренилось точка зрения о косвенном влиянии Департамента полиции на организацию еврейских погромов. Необходимо отметить, что в подобных действиях была своя логика. Охранители исходили из необходимости ослабления сионистских идей и их распространения. Традиционно обыгрывался и религиозный фактор в противостоянии иудеев православию. Всё вместе это влияло на смещение негативного восприятия деятельности царского правительства Николая II в сторону революционеров и еврейства, служившего питательной средой для значительной части деятелей революционного движения.

Значительный удельный вес ориентировок на лиц еврейской национальности в документах 1890-х — первой половины 1910-х гг. не является секретом для исследователей. У автора на основе работы с архивными документами сложилось мнение, что эта доля никогда не была меньше 30 %, а в некоторых случаях могла

достигать 50 %. Так, в циркуляре Департамента полиции № 139 от 12 февраля 1911 г. об особо опасных террористах из среды социалистов-революционеров и анархо-коммунистов за границей, которые могут осуществить террористические акты первостепенной важности на территории Российской империи в самое ближайшее время, из списка в 33 человека 15 (45 %) являлись евреями, при том, что пять человек из общего числа были неизвестны полиции и фигурировали под кличками[47].

Резкий рост еврейских погромов в период Первой русской революции по сравнению с 1890-и гг., а также появление на российском политическом горизонте как самостоятельной силы черносотенцев, наводит на закономерные размышления.

В 1905 г. произошли 24 погрома за пределами черты оседлости, но они были направлены против революционеров, а не евреев, которых во внутренних губерниях России было немного, так как миграционный процесс из западных губерний только начинался.

Заметим, что представители евреев из числа революционеров оказывали и вооруженное сопротивление погромам. Так, 30 июня 1905 г. в Белостоке еврейский боевик-анархист бросил бомбу в военный патруль на оживлённой улице — в ответ солдаты стали расстреливать евреев на улицах города. Во время погрома, начавшегося вечером 20 июля в Екатеринославе, активно действовал еврейский вооружённый отряд самообороны — евреями было убито и ранено больше погромщиков, чем погромщиками — евреев[48].

После опубликования царского манифеста от 17 октября 1905 г. крупнейшие в истории царской России еврейские погромы охватили южные и юго-западные губернии черты оседлости. В 1906 г. в России произошло ещё несколько погромов: в январе — в Гомеле, в июне — в Белостоке, в августе — в Седльце. Основными участниками этих погромов были солдаты и полицейские. К 1907 г. погромы прекратились.

Под углом зрения осознанного противостояния Департамента полиции сионизму по-новому следует взглянуть на провокаторскую деятельность Е.Ф. Азефа. А убийство анархистом еврейской национальности Д.Г. Богровым, секретным осведомителем местного охранного отделения (агентурный псевдоним Аленский), премьер-министра П.А. Столыпина во многом представляется не только символическим актом.

Таким образом, в довоенные годы юдофобские настроения прочно были внедрены в сознание русского общества, в том числе крестьянства и силовых структур. Широко известен факт, когда в 1915 г. отступавшие казаки учинили жестокий погром евреев в

местечке Молодечно[49].

Многие историки указывают на то обстоятельство, что дореволюционные погромы сопровождались поддержкой властей и полиции, либо ими игнорировались. Например, доктор исторических наук Г.В. Костырченко прав в оценке того, что правительство не организовывало погромов[50]. Но логика погромов соответствовала главному вектору Департамента полиции по ослаблению революционного движения в стране, а высшая власть спрашивала с охранителей результат, не вдаваясь в подробности применяемых методов. Исследователь иудаизма Дж. Клиер отмечал, что погромы были «необычными событиями, а не регулярной особенностью восточноевропейской жизни»[51]. При этом он писал, что юдофобские установки имперского правительства создали условия, стимулировавшие переход евреев в революционную оппозицию[52].

В июне 1907 г. Департамент полиции издал важнейший циркуляр № 23 для губернаторов, до которых доводились разъяснения, что «всякие организации сионистов в сообщества должны быть признаны запрещёнными». Руководителям губерний предписывалось «принять меры по недопущению в пределах империи деятельности «Еврейского национального фонда», имеющее своё правление в Лондоне, а главное бюро — в Кёльне»[53].

Исследовательско-научную линию по изучению сионизма, начатую А.А. Лопухинм, в ДП продолжил полковник А.Д. Нечволодов — автор ряда книг по истории и экономике. В конце мая 1906 г. вышла его книга «От разорения к достатку»[54]. Сделанные им выводы по угрозам российской экономике, в том числе со стороны еврейского капитала, совпадали со взглядами известного русского экономиста С.Ф. Шарапова, выразившего свои мысли в книге «Бумажный рубль», а также одного из идеологов «Союза русского народа» Г.В. Бутми, автора книг «Капиталы и долги» и «Золотая валюта».

Документы Департамента полиции 1906–1914 гг. свидетельствуют о постоянном внимании к деятельности не только активистов партии Бунд, но и к другим активистам революционного движения еврейской национальности. В местные отделения направлялись не только ориентировки, но и документы идеологического характера, что было направлено на то, чтобы низовые сотрудники-жандармы воспринимали процессы не как хаотические, а как серьёзно организованные. Так, 28 июня 1911 г. для сведения сотрудников было направлено обращение Российской социал-демократической рабочей партии, Всеобщего еврейского рабочего Союза в Литве, Польше и России (Бунд) «Ко

всем заграничным организациям Бунда», имевшее важное организационное значение[55].

16 мая 1912 г. «в интересах розыска» Департамент полиции спустил циркуляр, который содержал следующие строки: «Уже со времени IV сионистского конгресса 1900 г. идеи чистого сионизма, выработанные Базельской программой, стали отходить в массах еврейства на задний план, выдвигая вперед программу насущной работы на местах и ставя на первое место социалистические принципы. Сионисты от чисто идейного учения постоянно стали переходить к тактике вмешательства в культурную, экономическую, а затем и политическую жизнь России. Эта эволюция привела последних в сторону противоправительственного направления…»[56].

Департамент полиции активно препятствовал проникновению сионистской литературы и зарубежных представителей движения на территорию Российской империи. Например, в октябре 1911 г. было отменено выданное ранее разрешение о въезде на территорию России австрийскому подданному еврею А. Капелюшу, которого уже ранее, в 1895 г., высылали за пределы страны[57].

Об устойчивом противостоянии сионистам со стороны Департамента полиции ярко свидетельствует принятый в 1914 г. циркуляр «О воспрещении лекций на темы сионизма или подъема еврейского национального духа»[58].

В 1912 г. в типографии М. Стасюлевича вышла в свет работа «Евреи и война» без указания авторства[59]. Характер приводимой информации, её структура, анализ и выводы, приводят автора к умозаключению, что за подготовкой этой книги стояли чины Департамента полиции. В работе рассматривался «еврейский вопрос» с позиции укрепления обороноспособности государства в канун неизбежной войны, а также анализ социально-экономического положения евреев в России, их психические качества, боевой потенциал в войнах конца XVIII — начала XX вв., военная и политическая преступность в среде евреев, численность офицеров-евреев в армиях вероятного противника — Германии и Австро-Венгрии.

Красной нитью в книге проводится мысль об особом положении евреев в стране и в армии, негативном восприятии евреев на бытовом уровне, упреке их в отсутствии патриотизма. В работе особое внимание уделялось религиозным причинам подобного поведения евреев в армии, их уклонении от призыва, а также революционная деятельность представителей иудаизма в армии и их миграция во внутренние губернии Российской империи.

Авторами книги давался прогноз об исключительно важной роли евреев в будущей войне. «Условия Западного театра таковы, что во всех перечисленных формах помощи евреи должны играть заметную, если не решающую роль»[60]. При этом отмечалось, что евреи поддержали правительство России при нашествии Наполеона в 1812 г. и при польских восстаниях 1830–1831 и 1863–1864 гг., но ставился вопрос: какова будет их поддержка в грядущей войне?

Как иллюстрацию справедливости тревоги авторов работы «Война и евреи» приведём лишь один провинциальный пример. 16 августа 1914 г. по случаю начала нового учебного года в Усманском реальном училище Тамбовской губернии был организован молебен. С началом молебна все евреи встали на колени, кроме ученика 6-го класса Г. Капельевича. Он не исполнил требование директора училища встать на колени и удалился. Его примеру последовали учащиеся 7-го класса. Любопытно, что это событие осталось без наказания, а вышестоящий губернский начальник полковник Балабин спустя 5 дней после происшествия, 21 августа, объявил выговор проводившему расследование жандармскому унтер-офицеру «за не указание имён» ушедших учеников[61].

Противостояние римско-католическому влиянию в политической и религиозной сферах в России имело многостолетние традиции.

Опуская очень важные исторические перипетии противостояния с папским престолом, остановимся на событиях 1890-х — начала 1910-х гг.

В 1890-е гг. резко активизировалась деятельность Англии, Австро-Венгрии, Германии, Бельгии, Голландии и ряда других стран против Российской империи[62]. Институт католических священников принял самое активное участие не только в работе агентурной сети в западных губерниях, но и в других внутренних регионах империи — от Смоленска и Санкт-Петербурга, Владимира и Костромы, до Иркутска и Читы. Естественно, что в отношении представителей римско-католической церкви российской контрразведкой уже с конца 1880-х гг. проводились специальные мероприятия.

Одновременно Департамент полиции пытался вести противостояние и на чужой территории. Военные агенты и зарубежная агентура всегда были ориентированы на сбор информации против Ватикана. Деятельность эта проводилась не без успеха.

В 1904 г. в странах Европы разразился грандиозный скандал, который активно стали раздувать крупнейшие европейские

издания. Поводом стало вскрытие фактов разведывательной деятельности агентуры Департамента полиции в самом Ватикане. Сразу два русских агента, начиная с 1901 г., действовали в окружении кардинала Ледовского, который вплоть до своей смерти координировал антироссийскую деятельности Ватикана в странах Восточной Европы и в Российской империи. Шпионский скандал был настолько серьёзен, что сопровождался самыми жёсткими разговорами на уровне министров иностранных дел России, Франции и Италии. Он привёл к тому, что руководитель римской резидентуры чиновник особых поручений И.Ф. Манасевич-Мануйлов был вынужден оставить в Ватикане должность представителя России империи по духовным делам. В ходе скандала были вскрыт факт вербовки Манасевичем-Мануйловым высокопоставленного сотрудника французского разведывательного бюро, что ещё больше накалило ситуацию. Следствием скандала явилось то, что по заграничной агентуре в Риме был нанесён жёсткий ответный удар, что на несколько лет заморозило активную работу русской заграничной разведки на Апеннинском полуострове[63].

Активность католических ксендзов носила перманентный характер. Циркуляром Департамента полиции № 12407 от 3 мая 1911 г. отмечалось, что «на основании Высочайшего повеления, последовавшего 23 апреля 1886 г., иностранцы римско-католического и армяно-католические духовные лица могут быть допускаемы в пределы Российской империи не иначе как с разрешения министров внутренних и иностранных дел. В циркуляре сообщалось, что только в ближайшее время 10 представителям указанной категории был запрещен въезд в пределы империи[64]. Только в августе того же года МВД были отклонены ходатайства о приезде в Россию аббата Ж. Руйе, австрийского подданного ксендза И. Тумовского, аббата Ш. Генэ и аббата Долле. Безвозвратно были высланы за границу голландский римско-католический священник И. Бунса, проживавший в Санкт-Петербурге в женском Мариинском приюте. В октябре был воспрещён въезд иезуиту Гальяру и германскому подданному ксендзу Вайцоху[65].

Департамент полиции крайне настораживало то обстоятельство, что «за последнее время стали проникать в пределы империи, в обход приведенного высочайшего повеления, римско-католические священники по легитимационным билетам, не получив разрешения на приезд в Россию»[66].

На рубеже веков на протяжении десятилетий деятельность католических ксендзов всегда была предметом особого внимания русских контрразведчиков. Традиции противостояния были

продолжены уже в Советской России, когда спецслужбы Германии, Польши, Румынии и стран Прибалтики использовали в своих целях католическую диаспору, оставшуюся на территории РСФСР и СССР.

В «Записках о причинах происхождения подпольного революционного движения в России» неизвестного аналитика Департамента полиции, написанных не ранее 1887 и не позднее 1898 г., отмечалось, что «…начальные мотивы, послужившие к образованию противозаконного явления, окажутся потерявшимися в отдаленности прошлого… Для исполнения этой и теперь уже весьма сложной задачи, необходимо прежде всего установить истинное значение настоящего явления. В этом отношении можно безошибочно сказать, что в агитации выражается стремление к свободе мысли и слова, простираемое до фанатического отрицания самого принципа государственной власти и с целью провести основанное на этом лжеучении понятие в жизнь непросвещенных масс и осуществить его на делах. Следовательно, в основании лежит идея о свободе и притом — безграничной…»[67]. Тем самым правильно оценивался поиск причин истоков сознательного противостояния царизму в конце XIX в. в политике социальной стратификации и уничижения правящей элитой подавляющего большинства населения страны, проводимой в более ранние времена.

Антиправительственное польское движение и начало движения евреев против черты оседлости во внутренние губернии страны и в столицы в значительной мере повлияло на изменение национального портрета революционера последней трети XIX в. Автор неизвестной записки ещё не мог в полной мере оценить эти процессы, так как им только предстояло проявить себя в общественной жизни.

Автором «Записки» был предложен комплекс мер по исправлению ситуации, в основе которого лежала идея ослабления всяческого давления на русское крестьянство. Он писал: «Бесспорно, что осуществление указанных мер встретит немало затруднений, но легкость есть свойство только полумер, ограничиваться которыми не позволяют важность явлений и размер, принимаемых агитацией. В этом убеждает Одесский случай 31 января, в котором появление у агитаторов кинжалов и револьверов и взятие квартиры их войсками приступом, придают этому явлению отчасти уже революционный характер, что служит подтверждением сказанного выше, о возможности перехода агитаций в столь хроническую и застарелую, что отыскание причин и происхождения явлений равно и пресечение его, сделаются скоро невозможными»[68].

Автор оказался прав. Активная подготовка ряда стран Европы к войне против России, усиление новых идей религиозно-политического характера в Европе, провальная экономическая и финансовая политика правительства С.Ю. Витте, изменение структуры мировых финансов, реакционная сословная и управленческая политика высших эшелонов дворянской власти, активные международные миграционные процессы в среде еврейства неизбежно вели страну к катастрофе, уберечься от которой можно было только с холодной головой и только разумными волевыми действиями.

В циркуляре от 6 декабря 1911 г. Директор департамента полиции Н.П. Зуев предписывал всем сотрудникам усилить наблюдение за поведением и изменением общественного мнения российского крестьянства. С лета 1911 г. к жандармам стали поступать многочисленные агентурные сведения «о возникновении среди крестьянства разных губерний империи слухов о предстоящем, будто бы, в 1912 году переделе земли, дополнительном наделении крестьян землями за счёт казенных и помещичьих… В некоторых местностях циркулируют слухи об ожидаемом в 1912 году восстании на почве раздела помещичьей земли, в виду чего некоторые крестьяне отказываются ныне от укрепления ими земли в расчёте получить надел из помещичьей»[69].

Таким образом, крестьянство выполняло роль колоссальной тротиловой закладки. На протяжении более чем десятилетий деятельность Департамента полиции заключалась в том, чтобы предотвратить проведение бикфордовых шнуров и установку взрывателей к этой закладке. После 1896 г. тревожные процессы, которые могли поставить под угрозу безопасность государства и российского общества, стали нарастать как «снежный ком». Судьба конкретной властной политической элиты во главе с Николаем II была предрешена. В целом грамотные действия охранителей по ликвидации и купированию угроз без принятия принципиальных решений, которые могли бы предложить стране новую идею, а российским сословиям будущее процветание, в условиях надвигавшейся мировой войны были предрешены.

В канун столетнего юбилея по случаю изгнания Наполеона из пределов страны, 11 декабря 1912 г., один из руководителей и организаторов политического сыска Российской империи С.Е. Виссарионов, в связи с осознанием идеологической важности событий 1812 г. в российском сознании, спустил в местные отделения всей огромной империи циркуляр, в котором говорилось: «В виду крайне серьёзного характера агитации, могущей привести к весьма нежелательным осложнениям, требую

принятия энергичных мер к их прекращению»[70].

Крах государственного устройства Российской империи и западнической династии Романовых органам государственной безопасности удалось оттянуть лишь на несколько лет. Целенаправленные усилия ряда стран, недружественных России, с использованием религиозно-политического сепаратизма как идеологической основы в революционном движении внутри страны, привёл к известным трагическим историческим последствиям и стал одним из главных факторов в кровопролитной Гражданской войне в России 1917–1922 гг.

А. В. Соколенко
г. Хабаровск

Организация Временным правительством, властями РСФСР и Дальневосточной Республики порядка пересечения государственной границы в Забайкалье и на Дальнем Востоке в 1917–1922 гг

Для России 1917–1922 гг. были богаты судьбоносными событиями. В этот период любая власть, заявляющая о себе, не в последнюю очередь принимала исключительные меры по контролю за пересечением границ российского государства. Представленный материал знакомит читателя с некоторыми мероприятиями, которые предпринимались Временным правительством, в дальнейшем — советской властью и руководством Дальневосточной республики (ДВР), по установлению порядка пропуска российских и иностранных граждан через государственную границу России в Забайкалье и на Дальнем Востоке в преддверии и в ходе Гражданской войны в 1917–1922 гг.

Февральская революция 1917 г. внесла коррективы в деятельность государственных органов и их учреждений на местах. В первую очередь это затронуло те министерства, ведомства и органы, которые, по мнению новой власти, являлись орудием самодержавия против своего народа, т. е. политическую полицию Министерства внутренних дел и Отдельный Корпус жандармов. Однако, упразднив эти органы и выгнав их сотрудников на улицу, Временное правительство разрушило системную работу по выполнению ими иных важнейших функций, которые были возложены на них для обеспечения государственной безопасности страны. В частности, с 17 июня 1871 г. (здесь и далее все даты даны по старому стилю. — *А.С.*) по личному повелению императора Александра II на наиболее важных путях международного сообщения чины ОКЖ в пограничных пунктах стали осуществлять проверку документов у

въезжающих в страну и выезжающих из страны граждан. В Забайкалье и на Дальнем Востоке жандармские пограничные пункты функционировали с марта 1904 г., на ст. Маньчжурия Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), с 1 декабря 1912 г. — на ст. Пограничная КВЖД, с конца 1907 г. — в порту г. Владивостока, с июля 1916 г. — в Петропавловском порту Камчатской области. Установление указанных пограничных пунктов пропуска означало, что в Забайкалье и на Дальнем Востоке, по мнению государственной власти царской России, проходят важные пути международного сообщения, где должны выполнять обязанности чины ОКЖ[71]. В марте 1917 г. после отстранения жандармов от исполнения обязанностей в российских пограничных пунктах в Сибири и на Дальнем Востоке, где ранее они осуществляли паспортно-визовый контроль (паспортный досмотр), эта функция была возложена на военных чинов штабов Иркутского и Приамурского военных округов, в других местах пропуска через границу эту обязанность продолжали выполнять чины таможенных органов[72].

С течением времени система пропуска через государственную границу на Дальнем Востоке стала приходить в упадок. В июне 1917 г. комиссар Временного правительства на Дальнем Востоке А.Н. Русанов докладывал военному министру, министру внутренних дел и в Главное управление Генерального штаба о том, что пункты пропуска в Маньчжурии не функционируют, граница практически открыта, не ведётся регистрация проезжающих, контроль пересечения границы и проверка документов ведётся военными, которые не обладают для это необходимыми знаниями, владеющих иностранными языками были единицы. Но центральная власть ничем помочь окраине страны в решении этих вопросов не могла. В связи с этим российские власти Дальнего Востока вынуждены были самостоятельно решать вопросы и проблемы по налаживанию и организации контроля за порядком пересечения государственной границы[73].

Понимая, что вопрос чёткой организации системы пропуска через границу являлся важнейшим в системе обеспечения государственной безопасности, контрразведка штаба Приамурского военного округа предпринимала в этом направлении определённые шаги. Так, вопросы по порядку пропуска через государственную границу контролировались лично начальником контрразведывательного отделения (КРО) и начальниками контрразведывательных пунктов (КРП), которые для этого организовали взаимодействие с военным руководством пограничных пропускных пунктов. Нужно отметить, что в июне

1917 г. во Владивостоке состоялось специальное совещание по вопросу организации пропуска лиц через границу[74]. Уже в конце июня 1917 г. на станциях Куаньчэнцзы, Маньчжурия и Пограничная были устроены пропускные паспортные пункты[75]. К этому времени такой же пункт уже функционировал в г. Владивостоке[76].

После захвата власти большевиками в октябре 1917 г. в Петербурге 3-й краевой съезд Советов, прошедший с 12 по 20 декабря 1917 г. в Хабаровске, избрал руководящий орган — Дальневосточный краевой комитет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и провозгласил переход власти к Советам. Однако установление советской власти на Дальнем Востоке затянулось до марта 1918 г.[77] (здесь и далее все даты даны по новому стилю. — *А.С.*). В условиях борьбы за власть между сторонниками монархии, казачьей атаманщины и советской власти местные таможенные органы, корчемная и пограничная стража, действующие на старых основаниях, из-за отсутствия финансирования к марту 1918 г. прекратили существование. В период с марта по сентябрь 1918 г. советская власть стала выстраивать таможенно-пограничную службу на новых началах. Однако в связи с массовым наступлением белых войск и интервентов уже к октябрю 1918 г. Советы были вынуждены свернуть всю деятельность в этом направлении[78].

В период с октября 1918 г. по конец 1919 г. советская власть в Забайкалье и на Дальнем Востоке находилась в тяжёлом положении и, занятая борьбой с белогвардейцами и интервентами, практически не помышляла о ведении какой-либо работы по организации установления контроля за пересечением государственной границы в данном регионе. Происходящие в Забайкалье и на Дальнем Востоке события не остались без внимания руководства большевиков. Центральная советская власть вынужденно отказалась от советизации этих территорий, создав на данной территории подконтрольное ей временное государство — своеобразный «буфер» между Японией и остальной частью России. 6 апреля 1920 г. была учреждена ДВР, признанная 14 мая 1920 г. Правительством РСФСР. Это решение, в том числе, тоже способствовало ускорению процесса отказа японцев продолжать вести агрессивную политику на российском Дальнем Востоке[79].

После учреждения ДВР положение на границе в Забайкалье и дальневосточной границе стало меняться. В декабре 1920 г. был составлен договор о границах РСФСР и ДВР. Граница между РСФСР и ДВР проходила по р. Селенге — от её выхода из Монголии до впадения в оз. Байкал, через центр озера и старую

границу Якутской области к востоку и северу до Ледовитого океана. Также в состав ДВР вошла северная часть острова Сахалин. Камчатская область в интересах РСФСР была, наоборот, исключена из территории ДВР. Границей ДВР с Монголией и Китаем являлась ранее действовавшая граница Российской империи. Договор о границах между ДВР и РСФСР 24 января 1921 г. был утверждён правительством ДВР, а в марте 1921 г. ратифицирован Учредительным собранием ДВР. Однако введение в действие Договора о границах между ДВР и РСФСР одномоментно не решало всех проблем, связанных с установлением контроля за границей ДВР. Шло военное противостояние, и единая государственная граница устанавливалась по мере объединения областей Дальнего Востока и освобождения территории региона от интервентов и белогвардейцев[80].

В 1920 г. старой корчемной стражи и пограничной службы на Дальнем Востоке уже не существовало. Охрану государственной границы несли партизаны, части Народно-революционной армии (НРА) и заградительные отряды. При этом эти силы обеспечивали неприкосновенность границы лишь в военном отношении, но, не имея специальных знаний и опыта службы, в полной мере обеспечить контроль на границе в пропускном, политическом и экономическом отношении не могли[81].

Постепенно освобождая Забайкалье и дальневосточную территорию, правительство ДВР стало принимать меры по охране границ. Вскоре начали формироваться первые пограничные подразделения. Приказом главнокомандующего (главкома) всеми вооруженными силами ДВР от 19 декабря 1920 г. для охраны пограничной полосы, защиты местного населения от нападения различных банд и борьбы с контрабандой на читинском участке границы были образованы Троицкосавский, Акшинский и Мензо-Акшинский (в марте 1921 г. расформирован, а его силы и средства переданы в Акшинский) пограничные районы. К середине марта 1921 г. от сторонников белого движения и интервентов была освобождена уже довольно обширная территория Дальнего Востока. 17 марта 1921 г. приказом главкома всеми вооруженными силами ДВР были образованы еще три пограничных района: Нерчинскозаводской, Благовещенский и Хабаровский[82].

Однако важно подчеркнуть, что в указанный период времени пограничные войска ДВР государственную границу республики охраняли в войсковом и экономическом отношении (совместно с таможенными органами), а организация пропуска через пограничный рубеж была возложена на орган государственной

безопасности республики — Государственную политическую охрану (ГПО), начавшую деятельность с июня 1920 г. с последующими реорганизациями и структурными изменениями[83]. Особенностью ГПО ДВР являлось то, что она не имела самостоятельности. Так, через Дальневосточное бюро (Дальбюро) ЦК компартии (г. Омск) ВЧК фактически, хотя и нелегально, осуществляла руководство детальностью ГПО. Последняя повторяла структуру, штаты и выполняла задачи, аналогичные ВЧК. Этот факт был закреплён в декабре 1920 г. решением Дальбюро ЦК РКП(б) «О положении Государственной политической охраны как особого отдела ВЧК». Такой политический ход большевиков позволял сохранять де-юре суверенность ДВР[84].

В «Положении о Государственной политической охране», принятом 23 августа 1920 г., указывалось: «Государственная политическая охрана является центральным органом по борьбе с политическими преступлениями и шпионажем на всей территории ДВР». Структура ГПО включала, в том числе и контрольные пограничные пункты[85]. В частности, осенью 1921 г. в селах Черняево, Рейново, Игнашино и Покровка на российско-китайской границе имелись контрольно-пропускные пункты ГПО ДВР. Система пропуска через государственную границу, которую налаживали власти ДВР, находилась в тяжелейших условиях. На границе практически повсеместно велась борьба с бандитизмом, контрабандистами, а также проходили крупные боевые операции.

Формирование погранохраны в ДВР завершилось в июне 1921 г., и 23 июня этого же года военный министр подписал указ, который вводил в действие «Положение о пограничных войсках Дальневосточной Республики». Согласно Положению, пограничные войска ДВР совмещали обязанности по охране границы с функциями военными и таможенными. Но при этом не была закреплена связь между погранвойсками и органами ГПО ДВР, что являлось существенным недостатком в постановке дела охраны государственной границы ДВР. Однако ход Гражданской войны диктовал новые условия охраны и защиты государственной границы. В связи с чем, согласно приказу главкома НРА ДВР от 24 июля 1921 г., вся государственная граница разделялась на шесть пограничных районов, а уже в конце августа 1921 г. были рассмотрены новые «Положение о пограничных войсках ДВР» и «Инструкция действия войск по охране границы», которые существенно изменили правовой статус пограничных войск ДВР. Охрана границы возлагалась на Военный отдел (ВО) ГПО при Военном совете (ВС) Народно-революционной армии и флота[86].

Как отмечал начальник Управления пограничных районов

ДВР А.А. Ушаков, Положение и Инструкция детально распределяли все обязанности и права пограничных войск, а также определяли «взаимоотношения пограничных войск к соприкасающимся с ними таможенными учреждениями и отделениями Госполитохраны». Ушаков отмечал, что «установив контакт с Главным управлением таможенных сборов, Минпродторгом, Главным управлением ГПО, штаб Начпограйонглава почти прекратил провоз контрабанды по железной дороге из Маньчжурии и установил единообразие и согласованность в работе пограничных войск с таможенными учреждениями и отделениями Госполитохраны на границе». В июле-августе 1921 г. отделения ВО Главного управления (ГУ) ГПО при ВС всех вооруженных сил ДВР были созданы в Троицкосавском, Акшинском, Нерчинско-Заводском (Аргунском), Хабаровском и Благовещенском штабах пограничных районов ДВР. С 11 октября 1921 г. на военные отделения по охране границ, в соответствии с приказом ГУГПО № 83, была возложена обязанность по выдаче пропусков гражданам для перехода границы[87].

В каждом погранрайоне ДВР был установлен пропускной пограничный пункт, который руководствовался «Инструкцией о порядке перехода границы между ДВР, Монголией и Китаем». Постоянное население погранрайона имело право с хозяйственной целью переходить границу через пропускной пограничный пункт, имея документы местных властей. На основе заграничного паспорта, выданного МИД ДВР, начальник погранрайона вручал гражданину пропуск на право перехода границы. В мае 1922 г. был опубликован «Устав о паспортах». Граждане ДВР, выезжавшие за границу, должны были подать заявление в МВД или областное управление МВД. Областное управление связывалось с ГПО и при отсутствии с их стороны препятствий к выезду выдавало заграничные паспорта. Лица, состоявшие на службе в приграничных городах и селениях (не далее 30 верст от границы), могли получить для перехода границы легитимационные билеты[88].

Однако, если на территории Забайкалья и Амурской области ДВР постепенно пропуск через государственную границу обретал системные черты, то в Хабаровске и Приморье такого не наблюдалось. Здесь шла ожесточённая борьба между противоборствующими сторонами. Действующий с января 1921 г. Приамурский отдел ГПО (Хабаровск) после декабря 1921 г. прекратил деятельность, так как в боях с белогвардейцами личный состав его подразделений почти полностью погиб. Оставшиеся его сотрудники далее действовали в составе военного

отдела ГПО Восточного фронта. Войскам НРА ДВР удалось освободить Хабаровск лишь к середине февраля 1922 г.

В Приморье с августа 1920 г. отдел ГПО находился на полулегальном положении, так как японское военное командование, присутствующее здесь, вообще требовало его упразднения. После контрреволюционного переворота в Приморье в мае 1921 г. и ликвидации власти ДВР местный отдел ГПО полностью перешёл на нелегальные позиции. В таких условиях Приморскому отделу ГПО было крайне сложно наладить контроль за пересечением государственной границы. Приморье было очищено от белых войск и интервентов в октябре 1922 г. с освобождением Владивостока. 27 октября 1922 г. состоялось первое заседание Приморского военно-революционного комитета, на котором был образован отдел ГПО, которому поручалось заниматься вопросами охраны государственной границы. Это было первое решение о закрытии и охране границы в Приморье после изгнания интервентов и разгрома белогвардейцев[89].

С окончанием Гражданской войны в Забайкалье и на Дальнем Востоке, после включения 15 ноября 1922 г. ДВР в состав РСФСР, и образования 30 декабря 1922 г. СССР, началось строительство единой системы охраны сухопутных и морских границ советского государства. Дальнейшее развитие системы пропуска через государственную границу на путях международного сообщения в Забайкалье и на Дальнем Востоке следовало в русле нормативно-правовой регламентации, директив и указаний Советского правительства, но при этом с учётом местных особенностей[90].

Таким образом, несмотря на происходящие в 1917–1922 гг. события в Забайкалье и на Дальнем Востоке России, контроль пересечения границ государства в преддверии Гражданской войны и в ходе неё был актуален. Особенность хода Гражданской войны на данной территории наложила отпечаток и на этот процесс. Временное правительство, уничтожив действующую ранее на Дальнем Востоке России систему пропуска на государственной границе, новую наладить, не смогло. Власти РСФСР, а после создания ДВР — и её руководство, понимая серьёзность проблемы, возложили эту задачу на ГПО — орган, который обеспечивал государственную безопасность «буфера». Подразделения ГПО выполняли возложенные на них обязанности по организации пропуска через государственную границу в условиях военного противостояния, постепенного объединения и освобождения территории, входящей в состав ДВР, от интервентов и белогвардейцев. С окончанием Гражданской войны в ДВР и вхождением этой территории в состав советского государства начался новый этап в организации процесса пропуска

через государственную границу в данном регионе.

Л.В. Лукьянчикова
г. Москва

Создание ВЧК в современной оценке революционных событий 1917 г

1917 г. в истории России является предметом постоянного научного интереса. Цепь ярчайших событий — свержение монархии в результате Февральской революции, установление двоевластия, Октябрьская революция и становление советской государственной системы — все это является уникальным отечественным опытом трансформации властеотношений, не исчерпавшим к настоящему времени свой исследовательский ресурс.

В этой связи, создание Всероссийской чрезвычайной комиссии при Совете Народных Комиссаров 20 декабря 1917 г. заслуживает особенное внимание, при том, что теме организации и деятельности первых советских органов, в том числе, органов безопасности, посвящено внушительное число трудов и публикаций. Представителями ученой общественности нескольких поколений и разноплановых научных школ данный вопрос достаточно подробно изложен в фокусе истории Октября 1917 г. и последующей политики большевистского руководства.

Так, еще в период двоевластия, органом противодействия и пресечения проявлений контрреволюции по инициативе ЦК большевистской партии 12 октября 1917 г. при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов был создан Военно-революционный комитет (ВРК). ВРК обладал реальной силой, опираясь на отряды Красной гвардии, верные большевикам армейские части, матросов флота, на районные и Петроградский Советы рабочих и солдатских депутатов, на Советы и местные военно-революционные комитеты. Деятельность ВРК распространялась практически на всю территорию государства и на все наиболее важные ведомства. Комиссары от ВРК назначались в воинские части, в отдельные учреждения и предприятия; в провинцию выезжали агитаторы ВРК, проводившие большую работу на местах по установлению Советской власти. Важное значение для координации деятельности Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) и ВРК имело делегирование ВЦИК 29 октября 1917 г. 13 своих представителей для работы в ВРК. После этого ВРК не только фактически, но и формально превратился во

всероссийский орган, приняв наименование Военно-революционного комитета при ВЦИК[91].

В то же время, неоспоримым фактом является существенное обострение общественно-политического противостояния и ухудшение экономической ситуации к концу осени 1917 г. (в первую очередь в Петрограде и Москве), сопряженное ростом спекуляции, массовых грабежей, разного рода бесчинств, а также саботажа государственных служащих[92]. При этом, как известно, деятельность ВРК завершилась его самоликвидацией 5 декабря 1917 г., что объяснялось, в том числе, постепенным созданием аппарата ВЦИК и Совета народных комиссаров (СНК), размыванием полномочий и компетенции ВРК, ставшим к декабрю 1917 г. «неповоротливым наследием прежних представлений о диктатуре пролетариата»[93].

Тогда же, 5 декабря 1917 г. была перехвачена телеграмма Малого совета министров подпольного Временного правительства, призывавшая к забастовке во всероссийском масштабе, и именно в этот острейший момент, 5 декабря, ВРК, который играл решающую роль в борьбе с контрреволюцией (и рассматривал это как приоритетное направление своей деятельности), по справедливому замечанию С.В. Леонова, объявил о самороспуске. ВЧК, заключал ученый, будет создана только 7 декабря. В отличие от ВРК, ВЧК создавалась без аппарата, представителей и воинских частей, состав самой комиссии непрерывно менялся и 7 декабря насчитывал не более 8 человек, 8 декабря — 10, а ядро ВЧК составляли бывшие работники ВРК[94].

Действительно, весьма странным, на первый взгляд, представляется данный маневр советского правительства, учитывая то, что борьба с контрреволюцией принимала более сложные формы, а ВЧК на момент учреждения была самостоятельным, специализированным и очень малочисленным органом, формы и методы деятельности которого сводились только к предварительному расследованию с передачей материалов в Революционный трибунал, а в числе мер борьбы саботажниками и стачечниками допускались лишь конфискации, выдворения, опубликование списков врагов народа[95].

Хронология событий февраля — декабря 1917 г. демонстрирует, в этой связи, следующее. Временное правительство, находясь в своей внутренней разобщенности, показало неспособность к претворению в жизнь своих либеральных проектов, к обеспечению должного функционирования аппарата власти в центре и на местах. Очень точная характеристика ситуации в России к октябрю была дана в

кадетской газете «Речь»: «Формы в России по-прежнему нет. Есть временный порядок, не подводимый под какую-либо определенную категорию»[96]. Это позволило более серьезным радикальным лидерам перехватить политическую инициативу.

Начавшееся еще с лета 1917 г. противостояние в стране сторонников Временного правительства и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов после 25 октября 1917 г. продолжилось, однако власть теперь была в руках большевистского правительства, сохранившего преемство в осуществлении главной задачи, намеченной еще после Февраля 1917 г. — «честного созыва Учредительного собрания».

Также как и правительство, образованное после свержения в стране монархии, для управления страной впредь до созыва Учредительного собрания, рабочее и крестьянское правительство — СНК, называлось Временным. Созыв Учредительного собрания должен был состояться в намеченный еще Временным правительством срок — 12 ноября 1917 г., а все избирательные комиссии, учреждения местного самоуправления, советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и солдатские организации на фронте обязывались «напрячь все усилия для обеспечения свободного и правильного производства выборов»[97].

На начальном этапе социалистический характер государственной перестройки, предполагающий установление диктатуры пролетариата, был не очень заметен: в стране продолжали действовать различные объединения, открыто выражавшие свою позицию относительно текущего момента. Так, собравшийся в ноябре 1917 г. Совет Всероссийских кооперативных съездов, обратился с воззванием «Ко всем кооператорам России», осуждавшим действия по развязыванию Гражданской войны и призывавшим к борьбе с большевиками «без компромиссов и соглашений», восстановлению власти Временного правительства, законов, суда и созыва Учредительного собрания[98].

Была возобновлена деятельность Всероссийской комиссии по выборам в Учредительное собрание, созданной еще при Временном правительстве. По получении новостей о подготовке к выборам с мест, члены данной Комиссии заключили, что «ход подготовительных работ оказался более (выделено по тексту. — *Л.Л.*) благополучным, чем то можно было ожидать при составлении избирательного закона»[99].

Однако не только своевременный созыв Учредительного собрания являлся необходимым условием сохранения политического преимущества большевиков. Реалии острого системного кризиса, сопряженные участием России в Первой

мировой войне, требовали от советского руководства энергичных мер по наведению революционного правопорядка и законности. Учитывая то, что В.И. Ленин не занимался специальной разработкой концепции по организации и деятельности правоохранительных органов, руководство советской власти проявило не только политическую гибкость, но и максимальный практицизм в использовании имеющегося отечественного опыта в данной сфере.

Так, при формировании Народного комиссариата внутренних дел имело место прямое заимствование организационной структуры у дореволюционного Министерства внутренних дел. К лету 1918 г. наркомат внутренних дел сложился как многофункциональный орган, охватывающий своей деятельностью широкий круг предметов ведения, что видно из названия его подразделений: отделы местного управления и местного хозяйства, финансовый, иностранный, беженцев, ветеринарный, по управлению медицинской частью, а также бюро печати и контрольно-ревизионная комиссия[100].

Была продолжена дореволюционная практика подчинения губернской администрации, а затем и губернских комиссаров Временного правительства министерству внутренних дел. НКВД РСФСР наделялся правом издания правовых актов, определяющих конкретные основы построения и функционирования Советов, а также организацией практической работы Советов на местах[101].

Также, по аналогии с дореволюционным законодательством, различные общества, союзы и объединения подлежали обязательной регистрации в установленные сроки в НКВД. Специально оговаривалось, что данные организации, входящие в советское строительство как полноправные юридические лица, в качестве таковых, могут выносить только постановления хозяйственного характера[102].

Кроме того, деятельность советского народного комиссариата юстиции также опиралась на опыт министерства юстиции февраля-октября 1917 г. Это касалось не только общности в осуществлении значительной работы данных ведомств по созданию правовой базы нового государственного строя, систематизации судоустройственного и судопроизводственного законодательства, но и выработки схожих мер призванных «соединить революционное начало с законностью» в условиях острейшего политического противостояния[103].

Наконец, стоит отметить учрежденных в период двоевластия деятельность различных следственных комиссий, созданных Временным правительством в центре и на местах с целью расследования различных сторон политики царского

правительства. Например, по инициативе Временного комитета Государственной Думы для контроля за арестами была создана комиссия по принятию задержанных военных и высших гражданских чинов, особая следственная комиссия, различные военные комиссии и др.[104]

Особенное значение придавалось деятельности Чрезвычайной следственной комиссии (ЧСК) при Временном правительстве, созданной 4 марта 1917 г. для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и других высших должностных лиц[105]. Создание ЧСК должно было помочь стабилизировать общественно-государственную систему, и ввести в правовое русло народный гнев и самосуд против деятелей старого режима. Строгая приверженность законности и правопорядку была для Временного правительства основанием легитимации и укрепления его власти. При этом подчёркивалось ее принципиальное отличие от свергнутого режима[106].

ЧСК учреждалась при министре юстиции, состояла из председателя комиссии, президиума и членов в общей совокупности 15 человек. Также при ЧСК должны были состоять лица, специально командируемые министром юстиции для производства следствия, а председатель ЧСК мог привлекать к работе в Комиссии должностных лиц всех ведомств, с сохранением за ними их постоянных должностей и окладов, и частных лиц. С целью выполнения возложенных на ЧСК задач, ее следователям предоставлялись все права и на них возлагались все обязанности, принадлежащие следователям по уставам уголовного судопроизводства. При этом следователи должны были строго следовать определенным правилам. Во-первых, возбуждение предварительного следствия, привлечение в качестве обвиняемых, а также производство осмотра и выемок почтовой и телеграфной корреспонденции должны были производиться с ведома и соглашения ЧСК, а, во-вторых, следователи имели право требовать личной явки для допроса всех лиц, означенных в примечании ст. 65 Устава уголовного судопроизводства. С мая 1917 г. ЧСК наделялась более широкими правами. Под эгидой ЧСК для способствования ее деятельности создавались различные следственные комиссии, в том числе, «Комиссия по разбору дел бывшего Департамента полиции» и многие другие[107].

Допросы членами ЧСК производились в Зимнем дворце и Петропавловской крепости, также они могли проводить осмотры и обыски. Выделим при этом, что расследование велось и в отношении тех, кто не входил в предусмотренный актом

перечень, но являющихся сторонниками самодержавия. Об этом убедительно свидетельствуют дела, помещенные в Государственном архиве Российской Федерации. Это, в первую очередь, активные общественно-политические деятели монархического крыла, правые депутаты Государственной Думы[108].

Иногда аресты членами комиссии проводились хаотично и под стражу попадали случайные люди. Так, согласно А.Б. Николаеву, уже 27 февраля А.Ф. Керенский демонстрировал список тех, кого следовало немедленно задержать, с указанием их домашних адресов[109]. Сами члены комиссии признавали, что в ее работе не удавалось избежать предвзятости. Например, С.А. Коренев указывал, что в составе президиума имелось два течения — одно более мягкое, старающееся каждое дело рассмотреть и сточки зрения закона и со стороны простой справедливости, и другое, не знающее ничего, кроме желания «оправдать доверие общества и расправиться со злодеями»[110].

Примечательно, что Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов был не готов взять всю полноту власти в свои руки. Члены Исполкома Совета считали, что в связи с тем, что революция еще не прошла «буржуазную фазу», участие социалистов в новом правительстве может только дискредитировать революционное движение, будет безрезультатным[111].

При этом совместное взаимодействие, в той или иной степени, Временным правительством и Петроградским Советом осуществлялось. В том числе, и по работе ЧСК. Так, 14 марта 1917 г., находим у И.В. Лукоянова, были арестованы 73-летний С.К. Глинка-Янчевский (многолетний редактор «Земщины») вместе с сыном по подозрению в связи редактора с «Союзом русского народа». При обыске ничего компрометирующего у С.К. Глинки-Янчевского не нашлось, несколько дней выясняли, кто дал распоряжение арестовать. Оказалось, что бумаги было две: одна — от А.Ф. Керенского, другая — от Петроградского Совета. Показательно, резюмировал И.В. Лукоянов, что Исполком Совета поспешил отречься от инициативы в этом деле, свалив всё на А.Ф. Керенского[112].

Обращает внимание то, что важность и необходимость деятельности ЧСК признавали и члены Временного правительства, и члены Петроградского Совета, независимо от степени их противостояния. Так, доклад председателя ЧСК Н.К. Муравьева на заседании Первого Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов (июнь 1917 г.) о результатах работы комиссии, был воспринят с большим интересом, причем

сам Н.К. Муравьев пояснял, что о работе комиссии «товарищи должны знать больше», чем можно узнать из официальной печати, с целью «разъяснить все те недоразумения и неясности, которые могут возникнуть в связи с деятельностью комиссии, которая … в силу поставленных ей задач, должна проходить несколько скрыто»[113]. Более того, о работе ЧСК «изнутри» представители революционных партий, в том числе депутаты данного съезда, знали по личному опыту. Так, по делу «провокатора Малиновского» в мае 1917 г. в ЧСК давали показания ряд большевиков — В.И. Ленин, Н.К. Крупская, Н.И. Бухарин, И.П. Гольденберг, А.И. Рыков, А.М. Никитин, В.П. Ногин, Г.Е. Зиновьев и др.[114]

Возвращаясь событиям октября — декабря 1917 г. укажем, что большевистскому правительству в обстановке роста сил и влияния ВРК, и в то же время популярности Учредительного собрания у буржуазных и полубуржуазных элементов, при создании органа для борьбы «с контрреволюцией и саботажем» требовался некий компромиссный вариант. Следует согласиться с А.А. Здановичем, что создание ВЧК было импровизацией[115]. При этом, есть все основания полагать, что опыт организации и деятельности ЧСК при Временном правительстве здесь сыграл не последнюю роль.

Е.В. Гресь
г. Москва

Партийный фактор в деятельности Петроградской ЧК

После переезда Совета Народных Комиссаров РСФСР и центрального аппарата ВЧК в Москву, 10 марта 1918 г., была образована Петроградская ЧК (Петрочека). В связи с образованием в апреле 1918 г. Северной области, в состав которой наряду с другими губерниями вошла и Петроградская, Петрочека становится областной. В 1919 г. после ликвидации Северной области, Петрочека приобретает статус губернско-городского чекистского органа, который просуществовал до 1 марта 1922 г. В период реорганизации ВЧК в ГПУ Петрочека была преобразована в Петроградский губернский отдел ГПУ[116].

Петроградская ЧК являлась самым большим местным чекистским аппаратом в Советской России. Ей приходилось вести борьбу с саботажниками, неработающей интеллигенцией, контрреволюционными элементами, мнившими себя, по образному выражению В. И. Ленина, «мозгом нации» и принимавшими самое активное участие в антисоветских заговорах[117], преступниками и пр.

Деятельность Петрочека непрерывно находилась в поле зрения Центрального комитета Российской коммунистической партии (большевиков) (ЦК РКП [б]) и лично В.И. Ленина, а также рассматривалась на Пленумах ЦК в сентябре 1918 г. и в апреле 1919 г. На заседаниях Политбюро ЦК 20 октября, 3 и 8 ноября 1921 г. были утверждены кандидатуры руководителей Петроградской ЧК[118].

В руководящем звене в разные годы работали два члена ЦК РКП (б) и один кандидат в члены ЦК РКП(б), два члена Северного областного комитета РКП(б), шесть членов Петроградского комитета (ПК) и два члена Петроградского губернского комитета РКП(б)[119]. В выборные партийные органы различного уровня входили руководители Петрочека, тем самым усиливая влияние партии большевиков на оперативно-служебную деятельность сотрудников. Большевики были крепко связаны партийной дисциплиной, что должно было обеспечить и поддержание чекистской дисциплины. Кроме того, для органов ЧК далеко не последнюю роль играла присущая коммунистической партии вертикальная подчиненность в ее кадровой структуре и, как

следствие, возможность влияния на рядовых членов партии.

РКП(б) с самого начала образования органов ЧК укрепляла их членами партии. Так, в 1918 г. среди учреждений государственного аппарата ВЧК располагала одним из самых высоких процентов (52,2) коммунистов[120]. В Петроградской ЧК в 1918 г. 60 % работников являлись членами партии; в конце марта 1921 г. — 42,5 %, а в 1922 г. на момент преобразования ВЧК в ГПУ свыше 46 %[121].

В обстановке Гражданской войны и политики «военного коммунизма» принцип партийности, состоявший в подборе надежных для советской власти кадров, был наиболее значимым. Наряду с добросовестностью, знанием дела и административными способностями, В.И. Ленин к необходимым условиям для подбора кадров относил оценку «с политической стороны»[122]. По мнению члена коллегии ВЧК М.Я. Лациса, служба в чрезвычайных комиссиях членов правительственных партий является первым условием обеспечения чекистской работы, поскольку на ЧК возложена охрана советской власти и правящей коммунистической партии[123].

При подборе чекистских кадров с принципом партийности было напрямую связано наличие опыта партийно-боевой работы. При изучении по опубликованным источникам биографий членов Коллегии ВЧК и ответственных работников Московской и Петроградских чрезвычайных комиссий Паттерсон обратил внимание на то, что многие из них ранее работали в военно-революционных комитетах или служили в Красной гвардии. Исходя из этого, исследователь сделал вывод, что наряду с партийным опытом многие чекисты были объединены участием в Красной гвардии и Военно-революционного комитета, так как во время пребывания в этих организациях ими были приобретены опыт и определенное мышление, которые впоследствии положительно отразились на работе в чекистских органах[124].

ЦК РКП(б) оказывал меньшее влияние на формирование кадров, в т. ч. управленческих среднего и нижнего звена, которое проявлялось в назначениях на высшие руководящие посты[125], а Петербургский комитет партии занимался всеми остальными кадровыми вопросами ЧК.

В Петрочека ячейка РКП(б) была образована в июле 1918 г., спустя четыре месяца после создания ЧК. Это объясняется тем, что влияние партийного аппарата, как решающей силы в партии, только начало возрастать.

В мае 1918 г. ЦК РКП(б) в письме ко всем парторганизациям страны отмечал, что государственное устройство на советских началах можно считать до известной степени налаженным, и на

первый план выдвинул вопросы партийного строительства[126]. Первое собрание ячейки РКП(б) Петроградской ЧК состоялось 31 июля 1918 г. На нем было принято решение о связи членов партии с партийным бюро. В решении записано, что связь осуществляется через делегатов, избранных по подразделениям ЧК:

1) комиссары и разведчики;
2) коммунары роты Петербургского комитета[127];
3) Президиум, следователи и дежурный секретариат;
4) хозяйственный отдел, курьеры и швейцары;
5) канцелярия и казначейство[128].

Делегаты являлись ответственными за партийную работу лицами в своих подразделениях. Ответственным организатором был избран на первом бюро 5 августа 1918 г. Е.И. Степанов — член РСДРП(б) с 1913 г., который работал в Петрочека дежурным секретарем, позже — следователем. В 1916 г. он являлся ответственным организатором подпольного Василеостровского райкома РСДРП(б), а также членом Петербургского комитета. Освобожденный Февральской революцией из тюрьмы Е.И. Степанов возглавил большевиков и фабрично-заводской комитет завода «Сименс-Шуккерт», на котором работал до ареста[129].

Общее представление о партийном составе Петроградской ЧК даёт анкетирование, проведенное Петербургским комитетом РСДРП(б) в августе 1918 г. Если в Петрограде каждый пятый коммунист вступил в партию до Февральской революции, в то время как в партийной организации Петрочека каждый третий коммунист имел дореволюционный партстаж.

Процент коммунистов, связавших свою судьбу с партией большевиков в 1917 г. (от февраля к октябрю), составлял соответственно 40 % и 50 %, а ставших членами партии после Октябрьского вооруженного восстания — 40 % и 18 %. Таким образом, подавляющее большинство коммунистов Петроградской чрезвычайной комиссии (82 %) вступило в партию до октября 1917 г., в том числе одна треть — в суровых условиях подполья[130]. Руководящий состав Петрочека состоял из коммунистов (председатель, его заместитель, руководители отделов). В ячейку РКП(б) входили 15 комиссаров ЧК, 13 следователей, разведчик, дежурные секретари, комендант и другие работники, в том числе технические (курьеры, машинистки, кладовщики и пр.). Так обеспечивалось партийное влияние на все сектора чекистской деятельности.

Возникало много вопросов о взаимодействии партбюро с руководством Петрочека. На первом же собрании ячейки РКП(б) этот вопрос был поставлен в повестку дня. Было решено, что

«прием, увольнение служащих, а также назначение заведующих отделами должно производиться с ведома и утверждения партийного коллектива»[131]. Данное постановление прошло большинством всего в один голос, а это, в свою очередь, свидетельствует о том, что многие члены партии учитывали специфику своего ведомства, требовавшего дисциплины и соблюдения государственной тайны.

Центральный Комитет РКП(б), проанализировав опыт организации и деятельности партийных ячеек, в конце января 1919 г. опубликовал «Инструкцию коллективам Петербургской организации Российской коммунистической партии», в которой были изложены ключевые проблемы партийного строительства. В частности, в ней указывалось, что «коллектив советских и иных учреждений не должен вмешиваться в действия или распоряжения руководящих органов, коллегий и ответственных лиц»[132].

Главное, чем должна была заниматься партийная организация в Чрезвычайной комиссии, — это воспитание личного состава, а также его мобилизация на выполнение оперативно-служебных задач. Самим же задачам служебной деятельности чекистов на партийных собраниях в тот период времени внимания не уделялось.

В годы Гражданской войны очень часто проводились партийные мобилизации. Как правило, коммунисты долго не задерживались на одном месте, что затрудняло партийную работу. Сотрудники комиссии были перегружены работой, испытывали колоссальные нагрузки. Нередко чекисты погибали на боевом посту. Возникали случаи, когда сотрудники ЧК не выдерживали испытания властью. Из первоначального состава партийной организации Петрочека, в которую входили 64 большевика, к декабрю 1919 г. осталось 5 членов РКП(б)[133]. Состав партийной организации изменился практически полностью. Центральный комитет партии направил в Петрочека для укрепления двух членов Коллегии ВЧК: Ф.Д. Медведя (с 5 мая 1919 г.) и Г.С. Мороза (с 7 июля 1919 г.). Коммунисты направлялись на работу в ЧК по рекомендациям губернского комитета РКП(б), Петроградского Совета и городских районных Советов.

Ячейка РКП (б) Петроградской ЧК в июле 1919 г. объединилась с партячейкой отдельной роты (отряда) ПК РКП(б). Рота несла караульную службу по охране помещений ЧК и задержанных граждан. Так же этот отряд проводил аресты, выемки, обыски и пр.

Партячейка Петрочека с момента своего создания

взаимодействовала со 2-м городским районным комитетом РКП(б) г. Петрограда. В директивном письме ЦК РКП(б), направленном всем губернским и уездным комитетам партии, содержалась информация о том, чтобы большевики-чекисты «не замыкались в узкий круг и не отрывались от жизни местных партийных организаций»[134].

Партийная организация комиссии была связана с Петроградским комитетом (ПК) РКП(б). В ПК партии входили следующие руководители Петроградской ЧК: М.С. Урицкий, Н.К. Антипов, С.С. Лобов, Н.П. Комаров, Б.А. Семенов и др. Возникали вопросы о взаимоотношениях ячейки РКП(б) Петрочека с ПК, о состоянии партийной дисциплины в ЧК и пр.

Хорошей формой политической закалки сотрудников чрезвычайной комиссии были партийные собрания. Несмотря на сложность, специфику и тяжелые условия работы собрания коммунистов проводились регулярно (не менее 2–4 раз в месяц). С июля по декабрь 1919 г. состоялось 13 собраний, в 1920 г. — 41, а в 1921 г. — 25 общих партийных собраний[135].

В 1918–1922 гг. регулярно раз в три месяца проходили отчетно-выборные партийные собрания, на заседаниях которых заслушивались доклады о решениях съездов РКП(б), о работе Советов. Отчитывались депутаты, избранные в Петроградский Совет, ответственные работники, депутаты Совета 2-го городского района г. Петрограда, а также руководители Петрочека.

Члены ПК РКП(б) в своих выступлениях перед коммунистами-чекистами затрагивали широкий круг тем. В частности, они рассказывали о целях и задачах ЧК, о морально-политических качествах чекистов, о всеобуче и.т.д.

Партийно-политическая работа в Петроградской ЧК шла под контролем ПК партии большевиков. Партийная учеба занимала ключевое место в партийно-воспитательной работе. Самой распространенной формой политической учебы стали лекции, которые готовили и читали руководители ЧК, ответственные партийные работники, лекторы агитационно-лекторских групп при райкоме и горкоме РКП(б), Красной армии.

По мере того, как уровень политической грамотности сотрудников ЧК повышался, партийная ячейка переводила чекистов к политзанятиям в кружках.

Слушатели на политзанятиях повышали свой уровень знаний по марксизму, изучая следующие темы: классы и классовая борьба; диктатура пролетариата и её враги; социалистическая революция; о капитализме и капитале; о сущности буржуазных и мелкобуржуазных партий; о целях и задачах партии большевиков, изложенных в её программе.

Необходимо отметить уровень образования сотрудников ЧК. С высшим образованием было 2 большевика: М.С. Урицкий (председатель комиссии) и следователь А.Ю. Рикс. Оба закончили юридический факультет. С неоконченным высшим образованием — 4: заместитель председателя комиссии (окончил четыре курса Горного института), два следователя и дежурный секретарь комиссии. Многие коммунисты окончили церковно-приходскую школу, 4-х классное городское училище, техническое училище, либо получили домашнее образование.

Хотелось бы подчеркнуть, что многие партийцы в условиях подполья занимались партийной учебой и самообразованием. В этой связи, в воспитании сотрудников ЧК не менее важную роль играла культурно-просветительская комиссия Петрочека, избранная на собрании большевиков Петроградской ЧК 27 июля 1919 г. Ее основная работа сосредоточилась в клубах (один при ЧК, другой при районном комитете РКП[б]). Проводились митинги, концерты, лекции. Была организована школа грамоты и библиотека. Культурно-просветительская комиссия вложила немало сил в дело воспитания сотрудников Петроградской ЧК, повышения их общеобразовательного и культурного уровня, идейности и политической сознательности.

По решению партийного бюро Петрочека в августе 1918 г. была создана профсоюзная организация служащих комиссии.

Ячейка РКП(б) Петроградской ЧК уделяла колоссальное внимание работе с молодежью. Молодому большевику Я.О. Хаскину было поручено создать под руководством ответственного организатора коллектива Ф.П. Макарова в Петрочека комсомольскую ячейку (образована 25 января 1920 г.). Ее костяком стали молодые большевики, в соответствии с постановлением ПК РКП(б) от 10 октября 1918 г. вступившие в Союз молодежи[136].

Культурно-просветительская работа, проводимая ячейкой РКП(б), сыграла большую роль в воспитании чекистов. Она способствовала повышению их культурного и общеобразовательного уровня, а также их политической сознательности и идейности.

Влияние партийных органов на работу Петрочека выразилось в стремлении повысить культурный, образовательный и профессиональный уровень личного состава, чему способствовала деятельность партийной организации по стимулированию саморазвития чекистов, по внедрению норм партийной дисциплины, особенно для членов партии, вступивших в нее после Октября 1917 г.

Изучение партийного воздействия на органы государственной

безопасности в период их становления требует дальнейшего развития, после всестороннего осмысления и систематизации этих знаний, они могут быть использованы при изучении истории органов в ведомственных образовательных учреждениях.

А. С. Соколов
г. Москва

Борьба органов ВЧК с бандитизмом и крестьянскими восстаниями

Вопрос о борьбе с хулиганством и подозрительными элементами встал перед Военно-революционным комитетом в ноябре 1917 г., когда Охтинской комендатуре было предписано производить обход чайных и трактиров для задержания и тех, и других[137]. Между тем, борьба с бандитизмом и крестьянскими волнениями не была основной задачей органов ВЧК в первое время. Дело в том, что в условиях организации Красной армии и шествия советской власти по стране эти проблемы отошли на второй план, по сравнению с саботажем и контрреволюцией. На это указывает тот факт, что упоминаний борьбы с бандитизмом среди документов большевиков в 1917 г. практически нет. Да и на I Всероссийской конференции ЧК этот вопрос не поднимался[138].

С начала 1918 г. начинаются выступления крестьян, недовольных политикой советской власти и заметно активизируются уголовные элементы. В Москве в ночь на 15 мая отряд ВЧК оцепил район Верхней и Нижней Масловки. В ходе операции был задержан ряд бандитов, терроризировавших город дерзкими нападениями. Производством дознаний выяснилось, что задержанные являлись участниками ограбления военно-промышленного комитета по ул. Малая Дмитровка, где было похищено 250 000 рублей. Они также совершили нападения на кооператив Земского союза в Лебяжьем переулке и контору братьев Бландовых на Варварской площади. Основных участников банды расстреляли[139].

В Саратове в июне 1918 г. была ликвидирована банда уголовников-рецидивистов, большинство участников которой получило амнистию в Февральскую революцию, но так и не поменявших своего криминального занятия[140]. Обращает на себя внимание, что в среде ликвидированных банд были не только деклассированные элементы, но и представители дворянства, купечества и офицерства[141].

Еще более интенсивно по сравнению с уголовными бандами проявились крестьянские восстания. В Нижегородской губернии и соседних районах в течение лета и осени вспыхнули Богородское, Егорьевское, Уренское, Баковское, Курмышское, Ветлужское и Семеновское восстания. Аналогичная ситуация с развитием

крестьянских восстаний складывалась и в Саратовской губернии. В «Обзоре деятельности Саратовской Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем» отмечалось, что «то и дело во всех концах Саратовского уезда возникали кулацкие восстания. Для подавления их посылались отряды, имевшиеся в руках ЧК. Таковыми были восстания в селах Лох, Базарный Карабулак, Алексеевка, Оркино и др.»[142].

На разгул бандитизма ВЧК начинает реагировать соответственно, предпринимая соответствующие меры. В организационном отношении в ее структуре появился сначала уголовный отдел, немногим позже — подотдел[143]. Также в борьбу с бандитизмом подключили специальным приказом и Транспортные ЧК[144]. С июля по декабрь 1918 г. на местах начинают образовываться батальоны при ГубЧК, которые и стали основной вооруженной силой в борьбе с бандитизмом[145].

На II Всероссийской конференции ЧК в ноябре 1918 г. непосредственная борьба с кулацкими выступлениями рассматривалась во вторую очередь в целях координации действий[146]. Кроме того, приказом Президиума ВЧК от 4 декабря 1918 г. № 94 органам на местах предписывалось проводить разъяснительную работу среди деревенской бедноты. При этом предлагалось немедленно установить негласный надзор за всеми крупными селами и волостями, а «агитирующих арестовывать»[147].

Между тем, в организации борьбы с бандитизмом и восстаниями в деревне сразу обозначились и некоторые проблемы. Во-первых, в войсках ВЧК был большой недокомплект. Так, к 1 декабря 1918 г. в частях войск по округам числилось 18781 человек, недокомплект составил 45002 человека[148]. Во-вторых, имевшееся у чекистов вооружение было очень разнообразным, что также не способствовало их боеспособности. Так, согласно приказу от 21 января 1919 г. № 4 в Вятском батальоне войск ВЧК было 76 японских и 143 русские трехлинейные винтовки, 78 «Винчестеров», 73 японских карабинов, 6 пулеметов «Максим», 7 пулеметов «Льюис» и 3 пулемета «Кольт». Кроме того, в условиях Гражданской войны войска ВЧК часто передавались Красной армии[149].

Поэтому неудивительно, что, несмотря на принимаемые меры, проблема бандитизма только усугублялась. В связи с нападением банды Я. Кошелькова на Председателя СНК и сопровождавших его лиц остро обозначился вопрос о ликвидации бандитизма в столице. Поэтому 25 января 1919 г. В.И. Ленин выпускает предписание ВЧК о принятии срочных и беспощадных мер по борьбе с бандитами. Для этой цели сразу же была

образована особая ударная группа из сотрудников МЧК и уголовного розыска во главе с чекистом Ф.Я. Мартыновым[150]. Следовательно, в условиях недостатка сил чекисты выбрали тактику точечных действий, концентрируя специальные кадры в этом направлении.

В 1919 г. была оформлена правовая регламентация борьбы с бандитизмом. Ст. 12 «Руководящих начал по уголовному праву РСФСР» определила квалифицирующие признаки бандитизма: наличие оружия у лиц, объединенных в группу в целях совершения преступления против личности и имущества граждан. При этом отягощающим обстоятельством устанавливалась принадлежность «к имущему классу, с целью восстановления власти угнетающего класса»[151].

В условиях нарастающего экономического кризиса расплодились обычные уголовные банды. В Саратове 20 марта 1920 г. была обнаружена шайка грабителей, которая обычно собиралась на Московской улице, в д. 61, в подвале у армянина-шашлычника А. Давыдова. В засаду, оставленную чекистами, попали три человека, оказавшие сопротивление при задержании. В ходе перестрелки все трое бандитов, а также А. Давыдов были убиты[152].

На Украину для ликвидации уголовных банд была прислана из Москвы особая группа во главе с Мартыновым. Ее усилиями были ликвидированы банды с участием анархистов и уголовников, представители которых занимали должности в советских учреждениях. Так, в Одессе участник ликвидированной банды анархистов Шахворестов занимал должность начальника Одесской городской милиции, а в Харькове гражданин Попов был председателем Союза коммунистической молодежи Петинского района. В последнем случае банда насчитывала около 70 человек.

После ликвидации этих банд особая группа была переброшена в Киев и Екатеринослав, где она раскрыла и уничтожила еще ряд крупных уголовных групп. Самым громким было дело банды «Черная маска», по которому чекисты расстреляли 38 бандитов. Одним из них оказался художник с высшим образованием Эпштейн, участвовавший в 28 грабежах и нескольких убийствах[153].

В борьбе с уголовным бандитизмом чекисты имели определенный успех. Во-первых, уголовный элемент, как правило, был сосредоточен в крупных городах, где были деньги и товары. Практика массовых облав позволяла органам ВЧК выявлять лиц, имевших судимость и зарегистрированных в судебно-уголовном розыске. Так, в Одессе, в период с 20 сентября по 5 октября 1920 г., при массовых облавах задержали 185 человек, из которых

127 — проходили по учетам, как известные бандиты и лица, содержавшие «малину», либо скупавшие краденное. С расстрелом подавляющего большинства этих лиц бандитизму был нанесен ощутимый удар[154]. Во-вторых, сосредоточение бандитов в городах позволяло чекистам направлять против них небольшие специально подготовленные группы.

В феврале 1920 г. было принято постановление СНК «О мерах борьбы с бандитизмом». Согласно ему для лиц, обвиняемых в вооруженных грабежах и налетах, учреждались специальные военно-революционные трибуналы. Их приговоры были безапелляционны и никакому обжалованию не подлежали[155].

К 1920 г. бандитизм начал приобретать более организованные формы. В телеграмме начальника Бийского политбюро председателю Алтайской ГубЧК о банде Колесникова отмечалось, что «бандитизм начинает выливаться в прочно организованное войсковое объединение с лозунгами, знаменами, знакомый с делом командования и некоторыми административными подходами»[156]. По данным Киевской ГубЧК, соотношение сел и деревень, охваченных повстанческим движением летом 1920 г., к общему количеству селений губернии выросло в 10 раз — до 191.

В условиях вооруженной борьбы с армиями А.И. Деникина и П.Н. Врангеля большевики нередко шли на союз с «зелеными». Для Красной армии стратегической задачей был разгром армии Врангеля, и поэтому союз с Н.И. Махно, находящимся в ее тылу, был необходим[157]. Однако в конце ноября 1920 г. Махно отказался выполнить требование советского командования о переброске его отрядов на Польский фронт. Этот приказ на самом деле был практически невыполним, что и подтолкнуло Махно на очередной разрыв с советской властью. Анализ взаимоотношений «зеленых» и большевиков указывает на то, что он был неизбежен. Главной причиной конфликта была попытка Махно организовать советскую власть с помощью созыва избираемых снизу «вольных советов»[158]. Из «Краткого обзора положения на Украине ОО ВЧК» весной 1920 г. следовало, что Махно «работает под лозунгами «беспартийных Советов», «самостоятельной Украины» и «уничтожения коммуны». Однако большевики не были готовы идти на компромисс в вопросе полноты своей власти, считая любые покушения на нее незаконными и фиктивными. По соображениям ОО Юго-Западного фронта «атаманщина развивалась благодаря господствующей в украинской деревне фиктивной Советской власти»[159]. Махно берет курс на подготовку захвата ряда городов, о чем издает секретный приказ, который был перехвачен Мариупольским отделением районной

транспортной чрезвычайной комиссии (ОРТЧК)[160]. Постановлением Политбюро от 18 ноября 1920 г. Дзержинскому было предписано принять экстренные меры для полного обезвреживания отряда Махно. В ночь на 25 ноября 1920 г. Центральное управление чрезвычайных комиссий Украины потребовало от всех ГубЧК арестовать махновцев[161].

Аналогичная ситуация была с атаманом Милашко, который вовремя деникинской оккупации возглавлял повстанческие отряды. С приходом советской власти он предложил командованию Красной армии влить свои отряды в регулярные части. Предложение было принято, и его отряд получил название 4-й отдельной Украинской бригады 45-й дивизии. Между тем части Милашко занимались грабежом, а когда им был отдан приказ о выступлении на фронт, отказались подчиняться. В апреле 1920 г. атаман был арестован в штабе 45-й дивизии, но сумел бежать. В с. Тофиевке он собирает главарей своих отрядов и «объявляет партизанскую войну» советской власти. Благодаря усилиям разведки было установлено местонахождение Милашко, его арестовали и доставили в Екатеринослав[162].

К концу 1920 г. выступление А.С. Антонова перерастает в крестьянское восстание, охватившее Тамбовский, Кирсановский и Борисоглебский уезды. Из оперативной сводки о положении на местах штаба войск по ликвидации восстания при ГубЧК следовало, что в банде, действовавшей в Сампурском районе, было около 500 человек, большинство крестьян. У бандитов имелись флаги с лозунгами «В борьбе обретешь ты право свое!», «Да здравствует Союз трудового крестьянства!»[163]. Набирающие популярность среди крестьянства лозунги, способствовали взрывному росту численности сил Антонова, которые выросли до таких размеров, что были организованы в две армии в составе 13 полков[164].

Организация войск А.С. Антонова, позволила объединить все части под единым командованием главного оперативного штаба. Особенности тактики бандитов сводились к партизанской войне при хорошем знании местности. В результате повстанческие отряды нападали на самые уязвимые участки, появляясь там, где их меньше всего ждали. Во многом этому способствовала постановка разведки восставших[165].

Очевидно, что в этих условиях был необходим целый комплекс мер. С военной точки зрения вся территория восстания была разделена на боевые участки, границы которых, по возможности, сочетались с административным делением губернии на уезды. В результате были образованы 5 боевых участков, охватывающих Кирсановский, Тамбовский,

Борисоглебский, Козловский, Липецкий и Моршанский уезды Тамбовской губернии. На их территории была организована разведка с широкой агентурной сетью, которая была подразделена на районы и охватывала практически все населенные пункты, входившие в этот участок. Кроме того, на участках работала и агентура особого отдела (ОО) и ОРТЧК. Разведка была поставлена на высоком уровне. На это указывает «Обзор особого отдела ГубЧК о зарождении и развитии повстанческого движения во главе с Антоновым», в котором детально расписана организация восставших с указанием приказов их главного оперативного штаба, дан перечень основных деятелей и обрисована тактика действий[166].

По сложившейся традиции, чекисты направляют свои лучшие силы на наиболее опасные участки. В марте 1921 г. Ф.Э. Дзержинский пишет В.Р. Менжинскому записку о необходимых мерах, направленных на подавление восстания. В их числе требование заменить «ненадежный (тамбовцев) батальон ЧК», дать дельного начальника ОО и послать на помощь «первоклассных работников». В результате в Тамбов было переброшен Царицынский ОО в составе 90 человек, начальником особого отдела назначен Чибисов и отправлен запрос в ЦК РКП(б) отозвать из Самары бывшего заведующего СО Беляева[167].

С политической точки зрения также были приняты определенные меры. В частности, ВЦИК выпустил обращение «К крестьянскому населению об отмене продразверстки»[168].

Наконец, были приняты меры по ужесточению карательной политики. Речь идет о приказе М.Н. Тухачевского от 12 мая № 130 и приказе Полномочной комиссии ВЦИК от 11 июня 1921 г. № 171, вводивших уничтожение хозяйств и разрушение домов участников восстания и их семей, взятие заложников из их среды, расстрел заложников и лиц, укрывавших бандитов[169]. Согласно «Сводке начальника особого отделения ГубЧК особому отделу армии о численности и составе заключенных в концлагерях» на 9 июля 1921 г. в концлагере было 1605 арестованных, из которых 796 — заложники[170]. Примечательно, что карательную политику проводили не только части войск ВЧК, но и Красной армии.

В борьбе с бандитизмом у войск ВЧК было очевидное преимущество в численности и организации вооруженных сил. Если к 1 декабря 1918 г. в частях корпуса войск ВЧК по округам насчитывалось всего 18 781 человек, то к 1921 г. ситуация изменилась[171]. Аналогично обстояли дела и с основной боевой единицей на местах. В мае 1919 г. штат отдельного стрелкового батальона включал: штаб, 3 строевые роты, команды связи и

конных разведчиков, а также приемный покой[172]. А в июле 1921 г. такой же батальон имел уже дополнительно: политсекретариат, музыкальную и пулеметную команды, кавалерийский эскадрон и банно-прачечный отряд[173].

Определенное преимущество было и в постановке разведки. На это указывает тот факт, что кроме непосредственной работы разведок местных органов ВЧК в борьбе с бандитами принимали и отделения военной цензуры[174]. К тому же, разведка у чекистов была эффективной, что обусловило просьбу наркома внутренних дел УССР В.А. Антонова-Овсиенко передачи армейским частям, боровшимся с Махно, «не менее 10 опытных чекистских разведчиков» с формулировкой, что «военные разведчики лишь распугивают атаманов»[175]. Чекистам удалось провести ряд удачных операций по ликвидации главарей бандформирований.

К этому времени имеет место и усиленная организация в противостоянии с бандитами. В начале 1921 г. была образована межведомственная комиссия по борьбе с бандитизмом из представителей Революционного военного совета (Реввоенсовета), ВЧК, НКВД, Народного комиссара путей сообщения (НКПС) и других ведомств. На заседании комиссии рассматривались и утверждались планы мероприятий по борьбе с бандитизмом, заслушивались отчеты штаба войск ВЧК, принимались решения по их организации, укреплению и снабжению[176].

Проблема в борьбе с бандитизмом, несмотря на такое преимущество, по-прежнему существовала. Во-первых, большие силы войск ВЧК оказались рассредоточены на огромном расстоянии. Так, из доклада о состоянии 177-й отдельной стрелковой бригады охраны и обороны Юго-Западной железной дороги следовало, что в условиях недокомплекта до полного штата 2297 человек и 3560 верст вверенных дорог для охраны с учетом выделения 1200 штыков для нужд дорожно-транспортной чрезвычайной комиссии не было «гарантий выполнения задач»[177]. Аналогичная ситуация вырисовывается из доклада о деятельности войск ВЧК Украины и Крыма, когда на 19058 строевых приходилось 12329 верст железных дорог, 463 моста, 109 железнодорожных узлов, 673 станции. В докладе отмечалось, что благодаря «разбросанности железнодорожной обороны отдельными караулами от 5 до 30 человек проводить планомерную борьбу с бандитизмом не представлялось возможным»[178].

Во-вторых, попытки борьбы с мелкими и многочисленными бандами нередко заканчивались ничем из-за отсутствия мобильности войск ВЧК. На это указывают результаты «Ударной

компании», проведенной с 24 сентября по 10 ноября 1921 г. войсками ВЧК охраны и обороны Крыма. Во исполнение постановлений военно-революционного совещания Украины участки южных, донецких и одесских железных дорог были объявлены ударными по борьбе с бандитизмом. Для выполнения данной задачи были выделены войска числом 751 штык, 16 сабель при 17 пулеметах. В итоге было обследовано 300 населенных пунктов, задержаны 93 дезертира, 6 бандитов и 2 петлюровских шпиона. При этом боевых столкновений не было, так как из-за медленного продвижения войск все банды скрылись[179].

В-третьих, бывали случаи панических настроений в среде военных и чекистов. Так, председатель Пензенской ГубЧК Аустрин прислал по проводу записку о наступлении на Пензу крупных сил антоновских банд, занятии Чембара и угрозе войсковым складам взрывчатых веществ. По получении такого донесения главнокомандованием по соглашению с ВЧК были немедленно посланы для усиления гарнизона из других мест на ст. Войково бронепоезд, пехотный полк с батареей и открыт закрытый участок железной дороги. В результате выяснилось, что на ст. Воейково есть всего лишь небольшой инженерный склад, что Антонов непосредственно даже не угрожал станции и был разбит силами большевиков. Поэтому приказом ВЧК от 24 марта 1921 г. № 60 «О мероприятиях по борьбе с бандитизмом» предписывалось организовать разведку на предмет выяснения точного количества банд и обстановки на местах, а также организовать взаимодействие с командующими местных вооруженных сил своей и соседних губерний[180].

Однако в 1921 г. общая политическая и экономическая ситуация начинает меняться в лучшую сторону для большевиков. Окончание Гражданской войны, победа революционных сил и переход к новой экономической политике подорвали социальную базу восставших, поэтому к весне вооруженные формирования Махно и Антонова были разбиты силами большевиков. В связи с этим ВЧК дает телеграмму «О мероприятиях по ликвидации повстанческого движения», где предписывалось «приложить все силы», чтобы «добить окончательно рассеявшиеся банды»[181].

В июле 1921 г. на заседании Комиссии по борьбе с бандитизмом при Реввоенсовете Республики был отменен приказ № 171, а в сентябре 1921 г. вышел приказ Полномочной комиссии ВЦИК «О разгроме крестьянского восстания и окончательной его ликвидации»[182]. В августе 1921 г. был разгромлен штаб Н.И. Махно. По данным «Краткого отчета о борьбе с бандитизмом в Заволжье за 1921 г.», политический бандитизм пошел на убыль.

Так, к концу года численность банд, действовавших на территории Приволжского военного округа, сократилась с 70 000 до 9000 человек[183].

Большевики на 5-м Всеукраинском Съезде Советов объявили амнистию добровольно явившимся бандитам. В Подолии это решение чекисты активно использовали для разложения банд. Один из известных бандитов, атаман Брацлавщины А. Онищук, был завербован чекистами и получил задание по агитации его соратников для добровольной сдачи советским властям. В результате Онищук лично привел в Подольскую ГубЧК одного из атаманов банды численностью 40 человек, а всего в результате кампании по добровольной сдаче прекратили свою преступную деятельность 408 бандитов.

Согласно оперативным сводкам по Саратовской губернии в феврале — марте 1921 г. в губернии довольно часто происходили столкновения с бандами численностью от 200 до 1000 человек[184]. По сведениям о состоянии бандитизма на Украине, на 8 марта 1921 г. было зарегистрировано 115 банд[185]. По сведениям из доклада «О деятельности войск ВЧК охраны и обороны путей сообщения Украины и Крыма с 1 по 15 октября 1921 г.» следовало, что банды действовали активно, нападая на станции и железнодорожные пути. При этом речь идет о нападениях мелких банд численностью 15–20 человек. Так, 1 октября на заставу 402-й железнодорожной линии Лиман-Яма произвела налет банда в 15 сабель, а 10 октября на караул станции Борки напала банда в количестве 20 человек. В январе 1921 г. появилась офицерская банда в количестве 78 человек, которая награбила в волости 38 пудов муки, 15 пудов меду[186].

О деятельности чекистских органов в борьбе с бандитизмом в 1921 г. красноречиво говорит статистика из бюллетеня № 217 ВУЧК. По его данным, информация чекистов о количестве и численности банд на Украине резко отличалась от цифр военных. Так, в сентябре, по данным ЧК, на Украине оперировало 64 банды общей численностью в 3277 человек, а по войсковым сведениям — 19 банд с тысячей бандитов. Такой разброс объяснялся характером борьбы, так как чекисты вели работу со всеми проявлениями бандитизма на местах. Несмотря на увеличение количества налетов до 285 в октябре 1921 г., их результативность упала. Так, если в июле бандиты убили 304 человека, то в октябре — 125. В то же время количество операций, проведенных чекистами против бандитов, увеличилось с 179 в июле до 228 в октябре. Бандам был нанесен весьма значительный урон за три месяца: 60 атаманов и 2248 рядовых убитыми; соответственно 32 и 4023 арестованными, а также 66 и 1221 явившимися

добровольно[187].

В итоге, говоря о проблеме борьбы с бандитизмом, необходимо отметить, что с первых дней советской власти она хоть и обозначилась перед большевиками, но все же не была ключевой. Между тем, с 1919 г. происходит становление на основе политических лозунгов организованного политического бандитизма, имевшего свое управление и разведку. Партизанская тактика и определенная поддержка крестьянского населения в условиях нехватки продовольствия и перегибов политики продразверстки обусловили затяжной характер борьбы. Однако в 1921 г. общая политическая и экономическая ситуация в стране изменилась в пользу большевиков. Их победа на основном театре действий Гражданской войны и переход к новой экономической политике подорвали социальную базу политического бандитизма. Важную роль в его разгроме сыграли органы ВЧК, которые во взаимодействии с Красной армией и партийными структурами на местах смогли ликвидировать основные силы восставших. При этом необходимо отметить, что органы ВЧК в этой кампании были лишь одним из субъектов.

Несмотря на заметные успехи в ликвидации как политического, так и уголовного бандитизма, данная проблема не была окончательно решена. Дело в том, что с разгромом в 1921 г. больших и организованных бандитских соединений перед большевиками встала проблема борьбы с небольшими, но многочисленными вооруженными бандами, ликвидировать которые было непросто из-за их мобильности и скрытности.

О.И. Капчинский
г. Москва

Структура и кадры Иностранного отдела ВЧК

Советская внешняя разведка явилась детищем чекистской контрразведки. На 1-м съезде фронтовых и армейских особых отделов, состоявшемся 22–25 декабря 1919 г., была принята резолюция, в которой, в частности, говорилось о необходимости организовать зафронтовую и закордонную работу в местностях, занятых белыми армиями, и в некоторых странах Западной Европы, где имелись «белогвардейские центры»[188]. Однако первое время, если зафронтовую работу направлял из Москвы Особый отдел, то на заграничную — непосредственно руководство ВЧК. Так, в январе 1920 г. Президиум ВЧК направил на работу в Германию секретного сотрудника И.Ф. Фишера (И.С. Липановича), члена немецкой секции РКП(б). В недавнем прошлом он находился по линии Одесской ЧК на секретной работе среди немцев-колонистов, но проработал в Германии недолго, вернувшись, был переведен в Региструпр Красной армии, по линии которого направлен в краткосрочную командировку в Прибалтику[189].

Война с Польшей в 1920 г., взаимоотношения с приграничными государствами — Эстонией, Латвией, Литвой и Финляндией — еще более актуальным поставили вопрос обеспечения советского руководства информацией о состоянии дел в других странах. Остро встала необходимость создания в чекистском ведомстве мощного разведывательного органа. Весной 1920 г. в составе Особого отдела было создано Иностранное отделение, занимавшееся созданием резидентур как на оккупированной польскими войсками территории, так и, в отдельных случаях, за пределами Советской республики. В этом отделении была достаточно большая ротация руководителей: с апреля по декабрь 1920 г. сменилось как минимум четыре начальника: Л.Ф. Скуйскумбре, З.М.Левин, С.Г. Могилевский и Я.Х.Давыдов (Давтян). Пост второго лица был более «стабильным» — помощником начальника отделения являлся перешедший из Транспортного отдела ВЧК К.С. Зильберман. Внутри отделения было создано иностранное осведомительное бюро во главе с уполномоченным Г.Е. Луцким-Елланским, отвечавшим за заграничную агентуру. Был произведен ряд забросок за рубеж по

данной линии. Так, комиссар Особого отдела Ж.Г. Штейнберг был направлен в родную Латвию, а секретный сотрудник Иностранного отделения, а в недавнем прошлом, уполномоченный по закордонной работе Терской облЧК, уроженец Северного Кавказа И.К. Абай — в Турцию[190].

Однако в целом деятельность иностранного отделения в составе Особого отдела оказалась малоуспешной, и после окончания Гражданской войны встал вопрос о его выделения в самостоятельное подразделение. Определенную роль здесь сыграло стремление руководства ВЧК вывести разведку из-под ревизий Наркомгосконтроля. Чекистское руководство стремилось ликвидировать параллелизм в работе по иностранцам, осуществляемой иностранным отделением Особого отдела и возглавляемым Т.К. Грикманом отделением иностранной регистрации Оперода. Важной проблемой была и постоянная текучесть управленческих кадров в иностранном отделении по причине отсутствия подходящего высококвалифицированного руководителя. Наконец, остро стоял вопрос с организацией заграничной агентуры. В связи с последней проблемой 28 сентября 1920 г. Коллегия ВЧК учредила Комиссию из представителей Секретного, Особого отделов и Региструпра Красной армии[191]

12 декабря 1920 г. Ф.Э.Дзержинский дал распоряжение Управделами Г.Г. Ягоде издать приказ за подписью первого, что ни один отдел ВЧК не имеет права самостоятельно отправлять уполномоченных, агентов и осведомителей за границу без согласия Председателя ВЧК, а также проект приказа о ликвидации Иностранного подотдела Особого отдела и создании самостоятельного отдела ВЧК, который только и может посылать людей за границу по чекистской линии[192]. Наконец, 20 декабря 1920 г., согласно приказу, подписанному Дзержинским и Ягодой, иностранное отделение Особого отдела было расформировано, а все его сотрудники, инвентарь и дела передавались в распоряжение организованного Иностранного отдела (ИНО). Отныне все сношения с заграницей, НКИД, Наркоматом внешней и внутренней торговли, Центральным управлением по эвакуации населения НКВД и Бюро Коминтерна отделы ВЧК должны были производить только через ИНО. Этим же приказом Иностранный отдел был подчинен начальнику Особого отдела В.Р. Менжинскому, а врид начальника ИНО назначался Я.Х. Давыдов, которому в недельный срок поручалось представить на утверждение Президиума ВЧК штаты нового подразделения[193].

В резолюции Президиума ВЧК от 21 апреля 1921 г. по докладу начальника Административно-организационного

управления И.А. Апетера уполномоченные по странам ИНО должны были быть помощниками начальников соответствующих отделений Особого отдела [194].

Поначалу выделение иностранного отделения в самостоятельную службу носило, скорее, формальный характер, и фактически она продолжала оставаться в подчинении Особого отдела, что подтверждает наше предположение об одной из причин создания самостоятельного подразделения — желании избавить разведку от ревизий. В пользу этой версии, в частности, говорит тот факт, что исполняющим обязанности начальника отдела был назначен Я.Х. Давтян, получивший оперативный псевдоним «Давыдов», с 30 ноября исполнявший обязанности начальника иностранного подотдела Особого отдела[195].

Чекистское руководство при образовании Иностранного отдела его основную задачу видело в выявлении иностранного шпионажа, белогвардейских и других антибольшевистских политических и экономических группировок за границей и их связей в РСФСР. Кроме того, на ИНО возлагались наблюдение за иностранцами на территории республики, а также контроль за выдачей виз отъезжающим за границу. Для решения этих задач 24 декабря 1920 г. отдел был сконструирован из 4-х подразделений: канцелярии, агентурного и специального иностранного отделений и бюро виз[196].

На 1 марта 1921 г. руководящими и оперативными работниками ИНО являлись: начальник отдела Р.П. Катанян, заместитель Я.Х. Давыдов, помощник К.С. Зильберман, сотрудник для особых поручений Г.Е. Луцкий, сотрудник для поручений И.Я. Гузик, юрисконсультант И.Я. Одинь, начальник канцелярии Рудников, его помощник Жариков, начальник агентурного отделения Ф.Х. Булле, сотрудник для поручений отделения Л.Н. Френкель, уполномоченный 1-го спецотделения Г.Е. Прокофьев (секретарем отделения была его жена С.Е. Прокофьева), уполномоченный 2-го спецотделения Н.Г.Самсонов, начальник бюро виз И.П. Казаков и его помощник М.А. Краузе[197]. В последнем делопроизводство по учету выезда из РСФСР возглавил бывший начальник ряда контрольно-пропускных пунктов Особого отдела В.Я. Авен — младший брат одного из самых первых оперработников ВЧК Я.Я. Авена[198]

К началу марта 1921 г. численность Иностранного отдела составила по штату 43 человека, по списку — 23. Из них руководящих и оперативных работников было соответственно 22 и 14[199].

На основе сопоставления штатной и списочной численности можно сделать вывод о существенной нехватке сотрудников для

вновь образованного отдела. Определенные сложности возникали даже с подбором руководителя ИНО. 26 декабря 1920 г. Ф.Э. Дзержинский обратился в Оргбюро с просьбой откомандировать для руководства Иностранным отделом Р.П. Катаняна, в то время заведующего Агитпропом ЦК РКП (б). Назначением крупного партработника Дзержинский, по-видимому, стремился придать более высокий статус вновь созданному подразделению. Оргбюро просьбу отклонило, поручив Ф.Э. Дзержинскому и секретарю ЦК Л.П. Серебрякову сперва наметить список товарищей, которые будут работать в Иностранном отделе[200]. Катанян был назначен начальником ИНО 20 января 1921 г., а Давыдов стал его заместителем[201]. Однако, уже 10 апреля 1921 г., по-видимому, из-за загруженности в Агитпропе, Катанян ушел с поста начальника ИНО, и его вновь сменил Давыдов[202].

Сложности возникали и с подбором управленцев более низкого звена. Основная проблема состояла в подборе оперативных работников, с одной стороны, владевших иностранными языками и имевших серьезный опыт нелегальной работы, а с другой — абсолютно надежных и преданных режиму. В рапорте, поданном Давыдовым на имя Дзержинского на третий день после создания ИНО, указывалось, что отдел будет совершенно не в состоянии справиться с возложенными на него заданиями без усиления личного состава сотрудников. «Иностранный отдел, — сообщал Давыдов, — нуждается в первую очередь, в нескольких квалифицированных партийных работниках. При отсутствии притока новых сил работа дальше расширяться не будет»[203].

Первоначально кадровую проблему руководство внешней разведки пыталось решить за счет за счет перевода в ВЧК сотрудников военной разведки Западного фронта. Показательным примером является судьба И.В. Мильграма, во время польской войны являвшегося резидентом разведотдела 4-й армии. Прикомандированный в ноябре 1920 г. Революционным военным советом (РВС) Западного фронта к Исполкому Коминтерна, Мильграм, за отсутствием для него работы, был переведен на службу в Наркоминдел. Однако 28 марта 1921 г. начальник Особого отдела В.Р. Менжинский и заместитель начальника ИНО Я.Х. Давыдов обратились в Учраспредотдел ЦК РКП(б) с просьбой откомандировать И.В. Мильграма как крайне необходимого работника в распоряжение Иностранного отдела, если не имеется особых препятствий. Спустя два дня, ЦК направил его в ВЧК, где он стал уполномоченным ИНО[204].

Переводу военных разведчиков, подобных Мильграму, в ИНО, в частности, способствовало назначение 13 апреля 1921 г.

зампредом ВЧК И.С. Уншлихта[205]. В декабре 1919 г. — апреле 1921 г. Уншлихт был членом РВС Западного фронта, где по должности курировал военную разведку. Однако далеко не всегда руководство Разведупра, находившегося в подчинении РВСР, соглашалось откомандировывать в ВЧК своих сотрудников.

Разрыв между требующимся и существующим числом сотрудников сильно тормозил работу внешней разведки. Осенью 1921 г. секретарь Коминтерна К.Б. Радек предложил чекистскому руководству до момента правильной постановки аппарата ИНО посылать ему для оценки иностранные материалы. Уншлихт согласился с Радеком, отметив, что пока непосредственно чекистами серьезному изучению может быть подвергнута лишь белогвардейская пресса[206].

С лета 1921 г. начался новый этап в эволюции структуры Иностранного отдела. 6 августа, ушедшего на дипломатическую работу Давыдова, сменил бывший его заместитель С.Г. Могилевский, ранее уже возглавлявший ИНО в составе Особого отдела[207]. Будучи назначенным начальником внешней разведки, Могилевский, формально не войдя в состав Колллегии ВЧК, фактически получил права ее члена[208]. 2 декабря его заместителем стал И.А. Апетер, до июля 1921 г. возглавлявший Административно-организационное управление и руководивший подбором и расстановкой кадров[209]. Могилевский и Апетер добились существенного увеличения численности ИНО за счет перевода чекистов из Особого отдела, и, в меньшей степени, работников Коминтерна. К началу 1922 г. число сотрудников ИНО значительно возросло. Если в начале марта 1921 г. их было 23, то в феврале 1922 г. только число членов партячейки отдела равнялась 56, а руководящих и оперативных работников из них было 37[210].

Претерпела серьезные изменения и структура внешней разведки. ИНО был выведен из подчинения Особого отдела и вскоре, на равных правах с последним, стал подразделением Секретно-оперативного управления. К концу 1921 г. Иностранный отдел состоял из закордонной части (М.А. Трилиссер), осведомительной части и бюро виз[211]. По данным А.М. Плеханова, к июлю 1921 г. оперработники ИНО ВЧК имелись в 27 государствах[212]. В частности, в 1921 г. на Запад была направлена секретная сотрудница ИНО Е.Р Левитас — большевичка с дореволюционным стажем, бывшая секретарь Благуше-Лефортовского района Москвы[213]. Однако, вместе с открытием официальных представительств Советской России за рубежом стали появляться и легальные резиденты. Таковым, например, стал работавший в 1921–1922 гг. под прикрытием

должности 2-го секретаря полпредства в Латвии Ф.П. Фокин — ранее начальник отделения Особого отдела ВЧК[214].

Вместе с тем, в 1921 г. продолжал ощущаться дефицит квалифицированных кадров. 21 октября 1921 г. Уншлихт направил записку секретарю Коминтерна Радеку, в которой говорилось: «Несомненно, работа ИНО ВЧК не стоит на должной высоте, чему основной причиной является невозможность найти подходящих работников для этого отдела. Для работы в ИНО ВЧК нужны люди политически грамотные, разбирающиеся в международной обстановке, знающие политические группировки за границей и владеющие, по крайней мере, двумя иностранными языками. Учитывая всю важность работы этого отдела, мы неоднократно обращались в ЦК с просьбой дать для постоянной работы людей указанной квалификации, но пока безрезультатно. Ясно, что раз отсутствие работников мешает ИНО ВЧК справиться с основной своей задачей, каковой является непосредственное выявление иностранного шпионажа, белогвардейских, политических и экономических группировок за границей и их связей в СССР, то не приходиться удивляться, что многие может быть и очень ценные материалы, касающиеся лишь косвенно наших заданий, остаются неиспользованными»[215].

Озабоченность подбором кадров для работников за рубежом, с одной стороны, так и для деятельности по линии внешней контрразведки — с другой, стало причиной обращения чекистского руководства в ЦК в начале сентября 1921 г. с предложением взять на учет всех коммунистов, владеющих иностранными языками. 5 сентября 1921 г. Оргбюро одобрило это предложение и поручило С.И. Сырцову и В.М. Молотову его отредактировать[216]. 12 сентября 1921 г. Президиум ВЧК дал указание ИНО разослать всем членам Коллегии, направил в НКИД и Наркомвнешторг для ознакомления проекты инструкции о въезде иностранцев и их регистрации, и в случае получения согласия дать на утверждение зампреду ВЧК. С.Ф. Реденсу было предложено в 24 часа выяснить, сколько коммунистов, владеющих иностранными языками, зарегистрировалось в Московском комитете партии, какие должности они занимают и для какой работы подходят, а также запросить губЧК о результатах взятия на учет этой категории партийцев[217].

Так постепенно формировался кадровый состав подразделения, отвечающего за одно из важнейшее направление чекистской деятельности — внешнюю разведку.

С. Г. Бандурин
г. Москва

К вопросу о дне рождения пограничной разведки

В истории любого ведомства и его системообразующих составных элементов весьма важной является дата их рождения (образования). Отправная точка начала деятельности дает представление о традициях соответствующей структуры, конкретных людях, ретроспективе и векторе развития.

С методологической точки зрения датой зарождения оперативных подразделений отечественных пограничных органов может быть указ (приказ, декрет и т. п.) о создании данной структуры, день начала ее функционирования, окончание срока формирования вертикальной структуры (в Центре и на местах). Возможны, наверное, и другие подходы. Но главным, думается, аргументом могут и должны служить, прежде всего, архивные документы.

Правомерно сразу же оговориться, что вплоть до 1918 г. включительно ни в царском, ни в советском пограничных ведомствах вертикальной структуры, которая бы функционально выполняла разведывательные (контрразведывательные) задачи в интересах безопасности государственной границы, не было. Но существовали подразделения и должностные лица, которые выполняли упомянутые задачи по совместительству с другими миссиями.

На протяжении многих десятилетий внутриведомственным днем создания оперативных подразделений пограничных войск (пограничных органов) является 1 ноября.

Публичное объяснение этой даты можно найти в журнале «Ветеран границы»[218]. Если экс-начальник разведывательного управления пограничного ведомства генерал-лейтенант в отставке В.И. Шишлов априорно обозначил дату 1 ноября 1918 г., то в том же номере историк отечественных спецслужб, доктор исторических наук М.А. Хайров попытался обосновать дату в рамках логических рассуждений. В частности, Мянсур Асымович утверждал, что предтечей создания оперативных подразделений пограничных войск явились Инструкция пограничным чрезвычайным комиссиям (ПЧК), датируемая маем 1918 г., и прошедшая в Москве с 11 по 14 июня 1918 г. 1-я Всероссийская конференции чрезвычайных комиссий, на которой обсуждались

экономическая и военно-политическая обстановка в стране, в том числе и на границе, а также наиболее важные вопросы организации деятельности чекистских органов. Конференция приняла и утвердила «Положение о пограничных чрезвычайных комиссиях». В составе иногороднего отдела ВЧК был создан пограничный подотдел, начальником которого был назначен Д. Гразкин.

В статье М.А. Хайров справедливо утверждал, что на ПЧК и их комиссаров возлагались задачи местных чрезвычайных комиссий. В то же время, по версии Хайрова, создаваемые на границе чекистские органы еще не являлись пограничными оперативными органами, а были местными органами ЧК. Создание этих органов началось через полтора месяца после проведения конференции чрезвычайных комиссий, в связи с чем датой их образования принято считать 1 ноября 1918 г.

Здесь стоит заметить, что в соответствии с этой логикой датой образования пограничной разведки должно было стать хотя бы 1 августа, а никак не 1 ноября 1918 г.

Налицо вариант, когда уважаемый исследователь выдает желаемое за действительное. Тем более, сам же соглашаясь, что речь идет о местных органах ЧК.

Теперь обратимся к архивным фондам Государственного архива Российской Федерации и Российского государственного архива экономики (РГАЭ), где хранятся документы Народного комиссариата финансов (НКФ) и Народного комиссариата торговли и промышленности (НКТиП) РСФСР, которым Пограничная охрана подчинялась в 1917–1922 гг.

После Октябрьской революции пограничники находились под юрисдикцией Народного комиссариата по финансовым делам, а с июня 1918 г. — Народного комиссариата торговли и промышленности (с октября 1920 г. — Народного комиссариата внешней торговли [НКВТ]), которые относились к экономическому блоку Советского правительства. При этом стоит оговорить, что после передачи всех дел по охране границы от НКВТ (где она в это время находилась фактически в законсервированном состоянии) в ВЧК в конце ноября 1920 г., в период с октября 1921 г. по сентябрь 1922 г. вопросы охраны государственной границы находились в ведении ВЧК (оперативная охрана) и Красной армии (войсковая охрана). И только с 27 сентября 1922 г. и оперативной, и войсковой компоненты охраны государственной границы стали находиться в исключительной компетенции органов государственной безопасности[219].

Исследование архивных документов свидетельствует, что с

момента Октябрьской революции и до конца июня 1918 г. в стране существовал только лишь орган управления Пограничной охраной без подчиненных ему каких-либо войск. Начало формирования реальных пограничных сил Советской Республики в составе НКТиП и начало охраны ими государственной границы можно отнести к периоду не ранее конца июня — начала июля 1918 г. С этого времени начался необратимый процесс создания и совершенствования советской пограничной охраны (пограничных войск).

С 28 мая 1918 г., с момента образования советской Пограничной охраны, по декабрь 1918 г. вопросы агентурной разведки в отделении пограничного надзора курировали «состоящие для поручений по Пограничному надзору Александр Петрович Заремба и Морис Евсеевич Долинов, обязанности которых заключались в сборе агентурных сведений о движении контрабанды, ухищрениях и т. п., объединении деятельности всех органов разведки о контрабанде во всех частях Пограничной охраны»[220].

В декабре 1918 г. в Пограничной охране РСФСР (а не в ВЧК) была утверждена «Инструкция о ведении секретной агентуры по контрабандному промыслу». Непосредственное ведение агентурного дела с 28 декабря 1918 г. при Главном управлении пограничной охраны (ГУПО) было поручено, опять же по совместительству, делопроизводителю 1-го разряда П. С. Гапановичу, в обязанности которого, кроме прочего, также входило инспектирование частей по вопросам службы пограничного надзора, внутреннего быта, довольствия обмундированием и снаряжением[221].

Об этом человеке известно немного. В «Анкете работника советского учреждения», датируемой 1918 г., указано, что он офицером служил в Пограничной страже с 21 августа 1908 г. Член партии большевиков с 1905 г. С 1911 г. занимался политической деятельностью в Персии. По всей видимости, там его и застали революционные события 1917 г. Там он записался в 3-й Персидский интернациональный стрелковый батальон. После падения Советской власти в Баку в июле 1918 г. был рекомендован на службу в ГУПО представителем Военно-революционного комитета в г. Энзели (Персия) Юзбашевым и членами Бакинского исполкома Григорьяном и Гагариным[222].

С 12 января 1919 г. в штат отделения пограничного надзора Пограничной охраны НКТиП РСФСР была введена должность заведующего секретной агентурой по контрабанде. На эту должность был назначен П.С. Гапанович, который до 3 февраля 1919 г. исполнял обязанности и по своей прежней должности

старшего делопроизводителя 1-го разряда отделения финансового и расчетного[223].

Общее руководство агентурной разведкой осуществляли заведующие отделением пограничного надзора Пограничной охраны НКТиП РСФСР. Эту должность с июня 1918 г. по ноябрь 1920 г. последовательно занимали С. Г. Шамшев, Б.А. Рембовский и В.Я. Тетеревятников. Всех их объединяла достаточно продолжительная служба в дореволюционном Отдельном корпусе пограничной стражи (ОКПС): Б.А. Рембовский и В.Я. Тетеревятников служили в ОКПС с 1900 г., а С.Г. Шамшев — с 1901 г.

В приказе по Пограничным войскам № 3 от 12 января 1919 г. отмечалось, что служба разведки находится в зачаточном состоянии, а разведка представляет из себя один из самых важных отделов службы пограничного надзора и только при правильной ее постановке возможна планомерная борьба с контрабандным промыслом и целесообразное распределение сил и средств охраны. Указанный приказ определял, что одновременно разведка должна производиться лицами командного и младшего командного составов Пограничной охраны РСФСР. Документ гласил, что разведка должна быть организована в каждом округе, районе, подрайоне и дистанции. Разведование должно производиться непрерывно. Все полученные разведкой сведения, проверенные и могущие дать правильное представление о положении вопроса о ввозе и вывозе контрабанды, должны были систематизироваться и в соответствующем порядке кратко заноситься в особую секретную книжку[224].

В фондах РГАЭ имеется еще один любопытный документ — приказ ГУПО № 18 от 8 апреля 1919 г., в котором были объявлены результаты работы комиссии Высшей военной инспекции. Касательно отделения пограничного надзора, которое отвечало за организацию разведки, было отмечено, что «Отделение не представило творческой работы. Агентурная разведка о контрабанде не связана с работой отделения». Было обращено внимание на необходимость «живого руководства», а также указано «заведующему агентурной разведкой по контрабанде т. Гапановичу ввиду тесной связи упомянутой разведки с работой пограничного надзора, периодически информировать начальника отделения о промысле агентурной разведкой»[225].

Все заведующие секретной агентурой по контрабандному промыслу в пограничных частях по вопросам последней обязаны были сноситься путем секретной переписки с Гапановичем и от него получать руководящие указания по постановке агентурного

дела в частях пограничных войск[226].

В этом же месяце работа П.С. Гапановича была положительно отмечена на заседании Военного совета Пограничных войск (протокол № 21 от 26 апреля 1919 г.), где он был признан «незаменимым работником, в руках которого сосредоточена вся агентурная работа в Пограничных войсках»[227].

В штате Главного управления пограничных войск (ГУПВ) (приказ по Пограничным войскам № 41 от 26 мая 1919 г.) в отделении пограничного надзора были предусмотрены должности заведующего агентурной разведкой по контрабанде (из числа военных специалистов) и одного старшего делопроизводителя для поручений по агентурной разведке[228].

Иными словами, именно 26 мая 1919 г. в ГУПВ появилось некое подобие оперативного подразделения, которое ведало организацией агентурного дела в подчиненных структурах.

В начале июля 1919 г. пограничные части были переформированы (переданы в оперативное подчинение Красной армии), а ГУПВ было сокращено и с 4 сентября 1919 г. стало именоваться Отделом пограничного надзора. В его штате в качестве военнослужащих было оставлено 5 бывших офицеров и несколько гражданских специалистов.

С этого момента в Отделе (с октября 1920 г. — Центральном управлении охраны границы) главным стало проведение аналитической, методической и ликвидационной работы. Никаких штатных структур у Отдела в подчинении не было. Фактически охрану границы осуществляли только лишь таможенные учреждения, где они были.

С октября 1919 г. заведующим агентурой по борьбе с контрабандой был Г.И. Чернецкий, старший делопроизводитель 5-го отделения (мобилизационного, по военному обучению и конского состава), бывший чиновник военного времени ОКПС[229].

Созданные в июне-июле 1918 г. Пограничные Чрезвычайные комиссии (ПЧК) к органам пограничной разведки отнести нельзя по причине того, что именно Пограничная охрана НКФ и НКТиП явилась единственным правопреемником дореволюционного ОКПС.

Это документально также подтверждается рядом фактов:

— именно летом 1918 г. приказом по Пограничной охране РСФСР было разрешено ношение зеленых фуражек и папах с зеленым верхом военнослужащим Пограничной охраны;

— до июля 1919 г., когда пограничные части были переформированы и переданы в оперативное подчинение Красной армии, увольнение военнослужащих и сотрудников с

дореволюционным стажем осуществляло именно ГУПО (ГУПВ), а не ВЧК;

— до июля 1919 г. отдельные приказы по Пограничной охране печатались на бланках с угловым штампом ОКПС;

— весной 1919 г. дореволюционные ведомственные награды ОКПС были переданы по акту из ГУПВ в НКФ.

Таким образом, днем образования пограничной разведки целесообразно считать 12 января 1919 г. или 26 мая 1919 г., а ее первым руководителем и непосредственным организатором П.С. Гапановича.

А.В. Рыжиков
г. Москва

Реализация чрезвычайными комиссиями политики красного террора на Верхней Волге

Как известно, поводом для объявления красного террора послужили состоявшиеся 30 августа 1918 г покушение на В.И. Ленина в Москве и убийство С.М. Урицкого в Петрограде.

Официально красный террор был объявлен Постановлением Совнаркома РСФСР от 5 сентябре 1918 г., которое подписали народный комиссар юстиции Д.И. Курский, народный комиссар по внутренним делам Г.И. Петровский и управляющий делами СНК В.Д. Бонч-Бруевич. В нем констатировалось, что «…при данной ситуации обеспечение тыла путем террора является прямой необходимостью»[230]. Постановлением были определены основные направления реализации красного террора — изоляция «классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях», а также расстрел всех лиц, прикосновенных к белогвардейским заговорам и мятежам. При этом Совнарком предписывал «опубликовать имена всех расстрелянных, а также основание применения к ним этой меры»[231].

В тот же день, 5 сентября 1918 г., народный комиссар внутренних дел Г. И. Петровский издал приказ «О заложниках». Он гласил: «Расхлябанности и миндальничаю должен быть положен конец. Все известные местным Советам правые эсеры должны быть немедленно арестованы. Из буржуазии и офицерства должны быть взяты значительные количества заложников. При малейших попытках сопротивления или малейшем движении в белогвардейской среде должен приниматься безоговорочно массовый расстрел. Местные губисполкомы должны проявить в этом направлении особую инициативу.

Отделы управления через милицию и чрезвычайные комиссии должны принять все меры к выяснению и аресту всех, скрывающихся под чужыми именами и фамилиями лиц, с безусловным расстрелом всех замешанных в белогвардейской работе»[232].

Политика красного террора преследовала целью предупреждение возможных контрреволюционных выступлений.

Л.Д. Троцкий писал: «Устрашение есть могущественное средство политики и международной, и внутренней. Война, как и революция, основана на устрашении. Победоносная война истребляет по общему правилу лишь незначительную часть побежденной армии, устрашая остальных, сламывая их волю; так же действует революция: она убивает единицы, устрашает тысячи. В этом смысле красный террор принципиально отличается от вооруженного восстания, прямым продолжением которого он является»[233].

Следует заметить, что красный террор проводился исполкомами местных Советов, партийными и общественными организациями, органами милиции и ВЧК. Безусловно, важнейшую роль в его реализации, играли чрезвычайные комиссии.

На Верхней Волге красный террор фактически начался сразу после 30 августа 1918 г., до принятия соответствующего постановления Совнаркома. Так, в Рыбинске Ярославской губернии был создан специальный чрезвычайный штаб по проведению террора. За период с 30 августа по 5 сентября 1918 г. по его решениям было расстреляно 29 человек, преимущественно бывшие офицеры[234].

После 5 сентября 1918 г. репрессии приняли более упорядоченный характер. Чрезвычайные комиссии Верхней Волги развернули активную работу по осуществлению красного террора. Как отмечало руководство Иваново-Вознесенской губЧК в своем отчете за 1918 г., «все силы были брошены на активную борьбу с контрреволюцией, на аресты заложников буржуазии, фабрикантов-промышленников и политических противников, конфискацию имущества»[235].

6 сентября 1918 г. Кимрский совет телеграфировал в Тверской губисполком, что в качестве заложников арестованы «крупные шакалы буржуазии города», которые «по рассмотрении направляются в концентрационный лагерь губернии», на население наложена контрибуция в три миллиона рублей, город объявлен на военном положении[236]. В сентябре 1918 г. Кимрской уездной ЧК были расстреляны 12 человек — «контрреволюционеры, разбойники, воры и шарлатаны», а 4 человека — «как крайне враждебно настроенные к Советской власти и одобряющие действия правых эсеров» — высланы из города, их имущество конфисковано[237].

Бежецкой уездной ЧК «…взято было заложников из буржуазного элемента 28 человек и из бывшего офицерства 12 человек»[238].

В Ярославле были расстреляны «самые убежденные враги

Советской власти», была введена обязательная регистрация представителей буржуазии для использования их на общественных работах.

Большую помощь в проведении репрессий в отношении имущих классов оказывало население. Как писал в своих воспоминаниях председатель Ярославской губЧК М.И. Лебедев, «Мы, чекисты, были в этом деле (красном терроре — *А.Р.*) только его организаторами. Ибо сами массы забирали известных царских деятелей и прочих и приводили их к нам, и мы были вынуждены их сажать в подвал, иначе трудовой народ мог их сразу уничтожить»[239].

22 сентября 1918 г. на конференции чрезвычайных комиссий Иваново-Вознесенской губернии были подведены первые итоги красного террора: «взято в виде заложников 184 виднейших представителя местной крупной буржуазии и несколько лидеров социал-предателей, произведено несколько расстрелов, главным образом активных контрреволюционеров. Расстрелян и небезызвестный генерал Ландов. Кинешемская уездная чрезвычайная комиссия оборудовала для белогвардейцев концентрационный лагерь вместимостью на 1000 людей»[240].

В Иваново-Вознесенске все заложники были разбиты на три категории. К 1-й категории были отнесены представители буржуазии, ко 2-й — члены партии меньшевиков и эсеров, к 3-й — монархисты, участники погромов 1905 г. 23 октября 1918 г. заложники 1-й и 2-й категории были освобождены, а 3-й — все оставлены под арестом для проведения следствия и предъявления обвинения[241].

В ходе красного террора чекисты осуществляли массовые конфискации имущества у представителей имущих классов. Так, например, только комиссаром губЧК в г. Кохме (Иваново-Вознесенская губерния) был конфискован 1 пуд 23 фунта серебра, принадлежащего фабрикантам Ясюнинским[242]. В целом, на 1 января 1919 г. иваново-вознесенскими чекистами у населения было «отобрано… до 30 пудов серебра, часть золота и большое количество оружия»[243]. В результате этого в Иваново-Вознесенской губЧК скопилось значительное количество материальных ценностей. 7 октября 1918 г. на заседании пленума местного губисполкома специально рассматривался вопрос «о порядке распределения и использования имущества, конфискованного у буржуазии (деньги, серебро, золото, бриллианты, мануфактура, мебель и хозяйственные вещи)». Было принято решение: «… так как деньги, серебро, золото, бриллианты, мануфактура, мебель и прочее имущество, реквизированное губернской чрезвычайной комиссией, Иваново-

Вознесенским городским Советом и уездными органами у буржуазии, накапливались последними путем эксплуатации пролетариата всей губернии», то использовать реквизированное у буржуазии имущество «в интересах граждан всей губернии»[244]. Для этого была произведена опись и осуществлен общий учет всего конфискованного. Уездным ЧК было предложено все ценности направлять в губЧК. В Центр их можно было перевозить только с соответствующего разрешения губисполкома.

Осенью 1918 г. Шуйской ЧК (Иваново-Вознесенская губерния) было расстреляно шесть человек, из которых четверо были особо опасными уголовными рецидивистами, неоднократно совершавшими убийства и грабежи, а двое — бывшие полицейские — «ярые прислужники царского правительства». Тогда же в Иваново-Вознесенске к высшей мере наказания были приговорены трое бывших жандармов, в Середе — двое контрреволюционеров. В декабре 1918 г. в результате следствия по постановлению губернской ЧК в Иваново-Вознесенске были расстреляны три человека — два участника погромов в 1905 г. и один провокатор охранки[245]. Тогда же был казнен житель Середского уезда П.Н. Забаев, один из организаторов контрреволюционного восстания в уезде, последний руководитель Середского отделения «Союза русского народа»[246]. В ходе предварительного следствия было установлено, что П.Н. Забаев во время погромов в 1905 г. убил несколько рабочих.

Сведения о произведенных расстрелах регулярно печатались в «Еженедельнике ЧК». Так, в № 4 от 13 октября 1918 г. было сообщено: «Расстреляны: чрезвычайной комиссией города Шуи Владимирской губернии[247]: Клюквин, обвиняется в убийствах, грабежах, неоднократно бежал из разных тюрем; Груздин — за то же самое; Суворов, он же Смирнов — за то же самое; Самсонов, бывший полицейский надзиратель, во времена царизма преследовавший рабочих своей жестокостью; Перлов, бывший конный стражник и ярый прислужник царского правительства во время революции 1905 года; Сергунцов — обвиняется в убийствах, грабежах, неоднократно бежал из тюрьмы. <…> Иваново-Вознесенской губернской Чрезвычайной комиссией: Сабуров, бывший околоточный надзиратель, агент и правая рука жандармерии; Власов, бывший жандармский унтер-офицер, один из видных жандармов Иваново-Вознесенской охранки; Васильев, бывший жандармский полковник, контрреволюционер <…> Середской уездной Чрезвычайной комиссией: Сичов, тонкий, неуловимый контрреволюционер; Денисин — то же самое»[248].

Тверская губЧК в своем докладе о деятельности в 1918 г. отмечала, что, выполняя задачу по проведению красного террора,

«… чрезвычайными комиссиями губернии было сделано все, что от них зависело, т. е. брали заложников из элементов враждебно настроенных к Советской власти, а также и лиц, которые по своему прошлому могли в момент того или иного осложнения оказаться на стороне противников пролетариата. В настоящий момент как в г. Твери, так и в гг. Тверской губернии буржуазия вся раздавлена, а за ярыми противниками установлен негласный надзор»[249].

Анализ архивных документов не позволяет точно установить число расстрелянных во время красного террора, так как полной отчетности не велось, некоторые уездные ЧК не докладывали в губЧК о произведенных расстрелах. Так, например, в отчете Иваново-Вознесенской губЧК за 1918 г. сообщается, что за период с июля 1918 г. по 1 января 1919 г. чекистами всего было расстреляно 33 человека, в том числе в Иваново-Вознесенске — 8, Шуйском уезде — 13, Кинешемском — 8, Середском — 1, Юрьевецком — 3[250]. Однако в документе не раскрывается, за какие преступления люди были приговорены к высшей мере наказания. Следует заметить, что часть расстрелянных, как это следует из архивных документов, действительно представляли большую опасность для общества, неоднократно совершали тяжкие преступления (убийства, грабежи и т. п.), участвовали в погромах в 1905 г. Другую часть репрессированных составляли бывшие офицеры царской армии, полиции и жандармерии, провокаторы охранки, представители имущих классов, объявленные «врагами народа» по своему социальному положению.

Практика красного террора на местах привела к тому, что в чекистской среде стали абсолютизироваться репрессивные методы в отношении представителей «буржуазных классов». Выразителем этих настроений явился председатель ЧК Восточного фронта, член коллегии ВЧК М.Я. Лацис. 1 ноября 1918 г. он выступил со статьей «Красный террор» в одноименном журнале. В ней он так изложил свою позицию: «Мы уже не боремся против отдельных личностей, мы уничтожаем буржуазию как класс… Не ищите в деле обвинительных улик о том, восстал ли он против Совета оружием или словом. Первым долгом вы должны спросить, к какому классу он принадлежит, какого он происхождения, какое у него образование и какова его профессия. Вот эти вопросы и должны разрешить судьбу обвиняемого. В этом смысл и суть Красного террора»[251]. Многие современные историки либерально-демократического толка часто спекулируют этим высказыванием, представляя его в качестве стратегической идеологической установки чекистов. Однако они умалчивают, что

статья М.Я. Лациса вызвала резкую критику со стороны В.И. Ленина, который назвал его высказывания «нелепицей»[252]. Практика и идеология репрессий «по отношению ко всей активной буржуазии, и особенно к офицерству, полицейским и жандармам» в виде «массового истребления»[253] была признана руководством страны и РКП (б) ошибочной. Журнал «Красный террор», после выхода в свет единственного номера, был закрыт.

При этом следует признать, что во время реализации политики красного террора на местах имели место серьезные злоупотребления. В письме ВЧК от 10 октября 1918 г., адресованном губернским комитетам РКП (б), отмечалось, «что в некоторых комиссиях, главным образом уездных, творятся безобразия»[254]. Эти нарушения были характерны и для ЧК Верхней Волги. Так, например, 10 сентября 1918 г. по постановлению Шуйской уездной ЧК был расстрелян бывший полицейский надзиратель М.И. Самсонов[255]. В ходе проверки дела, проведенного по указанию секретаря ВЦИК А. Енукидзе, было установлено, что реальными фактами противоправной деятельности М.И. Самсонова чекисты не располагали, а причиной ареста и расстрела явилась личная неприязнь помощника начальника местной милиции[256]. Последний даже испросил разрешения лично привести приговор в исполнение. В Рыбинске чекистами была расстреляна вся семья, включая детей, бывшего купца Попенова, которого не оказалось дома в момент ареста[257]. В Пошехонском уезде Ярославской губернии был арестован и расстрелян гражданин Беляев, сделавший на улице замечание следователю уездной ЧК И.Ф. Ильину[258].

С октября 1918 г. руководством партийных организаций и органов исполнительной власти Верхней Волги стали приниматься энергичные меры по свертыванию красного террора, который стал выходить из-под контроля. 5 октября 1918 г. Владимирский губком РКП (б) постановил «вызвать президиум чрезвычайной комиссии целиком на заседание комитета и поставить на вид им, что прежде чем брать заложников, комиссия должна собрать весь материал, касающийся таковых и брать заложниками тех лиц, собранные сведения о которых имеют смысл»[259]. За незаконные аресты и расстрелы решением губкома РКП (б) был снят с должности и арестован председатель Владимирской губЧК Гортинский[260].

30 октября 1918 г. председатель Бежецкой уездной чрезвычайной комиссии (Тверская губерния) Залескевич докладывал, что прежним руководством ЧК «после объявления красного террора за период времени с 12 сентября по 27 октября 1918 г. были взяты заложники с мест из волостей — кулачество,

их насчитывалось около пятидесяти человек, большая часть из них была не опасна для пролетариата, поэтому Комиссии пришлось… освободить под строгое обязательство»[261].

27 ноября 1918 г. в знак протеста против незаконных действий местных чекистов рабочие Ярославской большой мануфактуры объявили забастовку. При расследовании этого инцидента было установлено, что бойцы батальона губЧК «проявляли хулиганские выходки по отношению к фабричному комитету и в частности к рабочим… терроризировали все население Ярославля»[262]. Проверка выявила «ужасающую распущенность, пьянство и самочинные аресты невиновных лиц без всяких документов»[263].

Член ЦК РКП (б) Д.Б. Рязанов при ревизии Середского уезда Иваново-Вознесенской губернии выявил факты нарушения законности местной ЧК в период красного террора. Чекисты расстреливали граждан за малейшие провинности, без документального оформления приговора. Так, «за несколько мешков хлеба было расстреляно три человека»[264]. При этом вдова одного из расстрелянных была заключена в тюрьму по надуманному обвинению в покушении на убийство. Без оснований был расстрелян гражданин Королевский, имевший в уезде репутацию «заступника крестьян». В другом случае по приказу председателя уездной ЧК «загоняли людей в болото и держали их там под угрозой револьверов»[265].

Говоря о злоупотреблениях, следует отметить, что нередко имели место факты, когда чекисты обвинялись необоснованно. Здесь уместно привести выдержку из заявления заведующего Иногородним отделом ВЧК В.В. Фомина в ЦК РКП (б) от января 1919 г.: «Вспомните знаменитый приказ о заложниках тов. Петровского, после которого исполкомы забрали всех врачей и т. п., но, не имея аппарата, они зачислили их как арестованных за ЧК, в результате получилось, что эту несуразность как будто наделали ЧК. В настоящий момент при сборе чрезвычайного налога исполкомы заставляют ЧК сплошь и рядом арестовывать лиц, которые не могут платить этого налога и опять советское общественное мнение вину за эти аресты бедняков взваливают на ЧК. Всем также известно, что творят комбеды, волостные Советы и т. п., где во всех случаях с арестами по личной вражде, интриге и т. п. ЧК играют роль исполнителей местной власти»[266].

Ошибки и злоупотребления при проведении красного террора сформировали негативное мнение в обществе о чекистских органах. В большевистской партии начался «поход против ЧК». Эти обстоятельства заставили руководство ВЧК взять курс на свертывание репрессий. 19 декабря 1918 г. был издан приказ

№ 113. В нем резкой критике подверглась деятельность местных чрезвычайных комиссий, которые, по мнению Центра, «не везде верно усваивают политическую линию Советской власти, часто действуют в разрез с политикой Советского государства»[267]. В приказе подчеркивалась, что местные органы ВЧК должны «не терроризировать мирную обывательскую среду, а дать ей возможность окончательно убедиться в прочности и необходимости существования Советской власти»[268].

Анализ архивных документов позволяет сделать вывод, что красный террор на Верхней Волге в основном был прекращен в конце 1918 г. Так, в «Отчете о деятельности Иваново-Вознесенской губернской ЧК за 1918 год» отмечалось: «период суровых репрессий как в городе, а также не с меньшею силою в уездах продолжался до 1 января 1919 г.»[269].

Однако в отдельных местностях репрессии продолжались до весны 1919 года. Об этом свидетельствует циркулярное письмо ВЧК от 20 марта 1919 г. В нем констатировалось, что «до последнего времени… не перестают поступать заявления о том, что провинциальные ЧК, несмотря на все наши приказы, арестовывают или, грубо выражаясь, преследуют ни в чем не вредных граждан Республики»[270]. В этом документе была изложена позиция руководства ВЧК по изменению методов ведения работы. В нем указывалось, что «если год или полгода тому назад, в период острой гражданской войны, мы вынуждены были не останавливаться перед единичными ошибками, проводить массовые операции, массовые аресты, если мы раньше должны были изолировать каждого, хотя бы даже и не открытого нашего противника, то в настоящее время, когда внутренняя контрреволюция на 9/10 разгромлена, в этом нужды нет. Ни одно лицо безвредное по отношению к нам не должно быть арестовано»[271].

Вместе с тем в своем выступлении 17 февраля 1919 г. на 8-м заседании ВЦИК председатель ВЧК Ф.Э. Дзержинский подвел следующие итоги красного террора: «Красный террор был ничем иным, как выражением воли беднейшего крестьянства и пролетариата уничтожить всякие попытки восстания и победить. И эта воля была проявлена. И вот краткий период этого красного террора обнаружил, что в самой России нет другой силы, кроме силы рабочих и беднейших крестьян и их партии, партии большевиков, что нет той группы, что нет той партии и нет того класса, которые могли бы взять власть в России, кроме них. Красный террор победил, показал эту силу. Это было тем условием, при наличии которого можно было влить надежду и уверенность победы в сердца тех, которые среди нас самих, может

быть сомневались в успехе борьбы нашей и доказать заграница, что силы наши неисчерпаемы»[272].

В целом, оценивая деятельность чекистских органов Верхней Волги по реализации политики красного террора можно сделать следующие выводы.

Во-первых, Россия традиционно относилась к странам, где цена человеческой жизни была мизерной, а гуманитарные права не соблюдались. При этом следует учесть, что за время войны и двух революций произошло резкое изменение (так называемая «милитаризация») сознания людей.

Во-вторых, красный террор проводился в рамках большевистских идеологических установок на ликвидацию «эксплуататорских классов».

В-третьих, в период гражданской войны террор применялся всеми противоборствующими сторонами. Так, С.П. Мельгунов, автор известной книги «Красный террор в России», планировал вторую часть своей работы посвятить «белому террору». История хранит немало свидетельств зверств и неоправданных жестокостей противников большевиков. Вот некоторые из них. После захвата в июле 1918 г. Ярославля мятежниками начались массовые аресты, расстрелы коммунистов и советских работников. Руководитель мятежа полковник А.П. Перхуров сам признал широкий размах необоснованных репрессий. 12 июля 1918 г. он опубликовал объявление, в котором указывалось, что «многие аресты производятся неосмотрительно, без достаточных улик по непроверенным подозрения и часто людьми, на то не уполномоченными»[273]. Генерал А.И. Деникин, давая характеристику своей контрразведке, писал: «Я не хотел бы обидеть многих праведников, изнывавших морально в тяжелой атмосфере контрразведывательных учреждений, но должен сказать, что эти органы, покрыв густой сетью территории юга, были иногда очагами провокации и организованного грабежа»[274].

Как писал в своей работе «Красный и белый террор в России» А. Литвин, «и те, и другие расстреливали, брали заложников, практиковали децимации и пытки. Само сравнение: один террор хуже (лучше) другого — некорректно. Никакой террор не может быть образцом. Убийство невинных людей — преступление»[275].

В связи с этим необходимо признать, что на практике проведение красного террора вылилось в массовые репрессии против собственного народа, сильно подорвало авторитет чекистских органов среди населения и дискредитировало советскую власть в целом.

С. А. Терехов
г. Москва

Образование и деятельность советских органов государственной безопасности в Крыму (1920–1922 гг.)

15 декабря 2020 г. исполнилось 100 лет со дня образования советских органов государственной безопасности в Крыму.

После исхода из Крыма остатков Русской армии в ноябре 1920 г. ВЧК очередной раз попытается организовать органы безопасности на территории полуострова.

Первую попытку создать местные органы безопасности предпринял Крымский революционный комитет (Крымревком) в ходе совместного заседания Реввоенсовета Южного фронта и Крымского обкома РКП(б). В его структуре планировалось организовать особый отдел, который по замыслу новой власти должен был возглавить борьбу с контрреволюцией на полуострове. Крымским историкам братьям А.Г. и В.Г. Зарубиным, скрупулёзно исследовавшим данный период в Крыму, не удалось обнаружить каких-либо документальных свидетельств о его деятельности[276]. Дело в том, что через два дня Крымревкомом его функции были переданы в Особый отдел 6-й армии, который дислоцировался в Симферополе.

Причиной тому стало, во-первых, элементарное отсутствие у местных властей возможностей по его укомплектованию, а, во-вторых, после занятия красными города маргинальные элементы устроили беспорядки и погромы, и потребовалось срочно навести порядок, для чего особисты подходили лучше, так как располагали для этого необходимыми силами и средствами. Кроме того, нельзя не учитывать относительную слабость местной власти на тот период времени и что настоящим хозяином положения в Крыму в ноябре 1920 г. являлся Реввоенсовет бывшего Южного фронта, т. е. военные.

То, что не получилось у крымских большевиков, удалось руководству ВЧК.

В отчете за 1921 г. Крымской областной чрезвычайной комиссии говорится: «…19 декабря 1920 года из Москвы приехал назначенный на пост председателя КрымЧК Каминский, которому

и предстояла организация в Крыму нашего органа… Каминский привез с собой небольшой штат сотрудников и организовал тут нечто, называвшееся Крымской ЧК. Более ясное определение последней трудно подыскать, потому что не было абсолютно никаких объективных условий, которые могли бы сразу поставить этот первичный образ Чрезвычайной комиссии на соответствующую ее назначения высоту. В распоряжении этого первого председателя не было политически развитых работников, не было аппарата, который ему предстояло только создавать…»[277].

Этот отрывок можно прочитать во всех работах, посвященных истории становления Крымской чрезвычайной комиссии (КрЧК). Часто исследователи, ссылаясь на него, указывают, что датой образования Комиссии является 19 декабря 1920 г., но это неверно.

Автором в крымских архивах выявлены два неизвестных ранее документа — доклад первого руководителя И.И. Каминского ответственному секретарю Крымского обкома РКП (б) Р.С. Землячке (Самойловой), датированный 21 декабря 1921 г., и его же доклад, направленный 8 февраля 1921 г. в адрес Ф.Э. Дзержинского.

Данные архивные источники не только позволяют восстановить картину создания органов государственной безопасности, но и уточнить дату их образования на полуострове, а также понять в каких условиях оно проходило.

В отчете на имя председателя ВЧК в феврале 1921 г. Каминский так опишет свой приезд на полуостров: «Тов. Ксенофонтовым я был командирован в Крым для работы. Не дожидаясь приезда в Москву назначенного председателя ЧК Крыма, по предложению тов. Ксенофонтова, я уехал один в Крым и приступил к организации ЧК. Моим желанием было войти в состав Коллегии Крымчека и быть представителем в Крымском Ревтрибунале. Уезжая из ВЧК, я получил отношение на имя тов. Манцева с просьбой оказать содействие в организации Крымской ЧК. А также мною для организации ЧК был получен весь необходимый материал в количестве 2 пуд. литературы, который, за отсутствием денежных сумм, как на организацию, так и на дорогу, пришлось с тяжким трудом тащить на своей спине, что напомнило мне работу в подполье в 1905–1907 и 1913 годах в Польше.

Поехав в Крым через Харьков — Цупчрезвычком (Центральное управление чрезвычайных комиссий Украины. — *Ред.*) — и оттуда направился в г. Симферополь, где встретил тов. Манцева.

В Симферополь прибыл 9 декабря 1920 года и того же дня получил назначение от тов. Манцева — организовать ЧК и быть председателем таковой»[278].

Помещение скоро было найдено, и Крымская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, саботажем и преступлениями по должности, а именно такое первоначальное название получил новый чрезвычайный орган, разместилась в Симферополе на улице Луговой (сегодня это улица Б. Хмельницкого), д. 1.

Основной проблемой первого руководителя станут кадры. Говоря о них в декабре 1920 г., И.И. Каминский констатировал: «… в период организации мне пришлось начать работу при 23 сотрудниках, присланных ВЧК от тов. Дзержинского, из которых выдвинуть на ответственные должности в ЧК не представлялось возможным, так как они находились рядовыми сотрудниками…». Позднее, в февральском докладе, Каминский добавил, что «… работников, в особенности ответственных и опытных, не было совсем, переданные тов. Манцевым в мое распоряжение 25 сотрудников являются, за немногим исключением, элементом ненадежным, разлагающимся и надеяться на их работу почти не приходилось […] Должен добавить, что при утверждении меня председателем областкомом был поставлен в такие условия, чтобы ни в коем случае из местных коммунистов для работы в ЧК никого не брать…»[279]

На основе анализа приказов, подписанных председателем КрЧК в период с 15 по 31 декабря 1920 г., можно сделать вывод: костяк будущей комиссии действительно составили переведенные из ВЧК 56 сотрудников, 17 были направлены из особых отделов войсковых частей Красной армии, а также из местных партийных структур.

Первый приказ, подписанный И.И. Каминским, датирован 15 декабря 1920 г. Его первый пункт гласил о вступлении его в должность председателя Крымской ЧК с 9 декабря 1920 г. Оставшимися 15 пунктами были утверждены заведующие секретно-оперативным отделом и оперативной частью, секретарь, комендант, комиссары и повар. На довольствие было поставлено всего 19 человек[280].

21 декабря 1920 г. на очередном заседании крымского областного комитета РКП(б) был утвержден первый состав Коллегии Крымской ЧК: председатель — Каминский, заведующий секретно-оперативным отделом — Полканов, секретарь — Протопопов, заведующий административным отделом — Погребной, представитель Крымского Ревтрибунала — Курган.

После завершения первоочередных организационных

вопросов пришел черед для формирования аппарата комиссии на местах. Для этого члены Коллегии Крымской ЧК в последнюю неделю декабря посетили все крымские уезды и 1 января 1921 г. на очередном заседании приняли решение об образовании уездной чрезвычайной комиссии в Севастополе, политбюро в Феодосии и Карасубазаре (сегодня г. Белогорск).

В условиях поствоенной разрухи Каминскому предстояло в кратчайшие сроки наладить работу и сформировать действительно боеспособный орган борьбы с врагами новой власти.

Знакомясь с первыми распорядительными документами Крымской чрезвычайной комиссии, четко осознаешь личный вклад 30-летнего чекиста в создание органов безопасности на полуострове. Сразу обращают на себя внимание попытки первого руководителя навести «железный порядок» в рядах чрезвычайного органа.

Уже в приказе № 2 Каминский требует под «страхом личной ответственности без моего ведома никого из арестованных из-под ареста не освобождать» и объявляет выговор уполномоченному при Президиуме КрЧК Медведеву за «бессмысленное задержание лиц и привод таковых в Комендантскую без всякого основания причины задержания». 18 декабря Каминский для неукоснительного исполнения приказов ВЧК запретил подчиненным во время обысков и задержаний забирать продовольствие и вещи, потребовав передавать их местным органам.

И.И. Каминский останется руководителем крымской ЧК до 19 января 1921 г., когда его сменит С. Ф. Реденс. Станислав Францевич станет первым руководителем образованного Полномочного представительства ВЧК в Крыму, изменит структуру местных органов безопасности, образовав вместо Крымской ЧК три городские чрезвычайные комиссии (со штатом и правами областных): Симферопольскую, Севастопольскую и Керченскую.

Новые специальные органы возглавили: в Симферополе — М. М. Вихман, в Севастополе — В. И. Савинов, в Керчи — И.И. Каминский.

Первое и единственное интервью корреспонденту газеты «Красный Крым» С.Ф. Реденс даст 8 февраля 1921 г. и посвятит его исключительно борьбе со спекуляцией. По своей сути, его беседа с журналистом являлась своеобразном планом действий чекистов на экономическом поприще. Новый руководитель крымских органов государственной безопасности главной задачей назвал ликвидацию «валютчиков» и «примкнувших к Советской

власти». Если с первым все понятно, то «просочившихся в наши хозяйственные и административные органы» Реденс прямо назвал «экономической контрреволюцией», виновной в бюрократической волоките.

Выступил полномочный представитель ВЧК и за «изъятие излишек у буржуазии». Приведя пример подобных операций в Петрограде и Одессе, признал экспроприацию эффективным средством решения проблем в экономике.

В завершении интервью С.Ф. Реденс обратится к читателям: «…весьма желательны указания рабочих на ошибки и подчас преступления сотрудников ЧК…». Он заверил крымчан в том, что каждый такой случай будет принят во внимание и тщательно расследован[281].

Следует отметить, что в начале организационного периода Крымской ЧК в ее состав проникли «…политически неподготовленные и недостаточно зрелые…», а порой и преступные элементы.

Так, например, члены коллегий Керченской, Севастопольской, Джанкойской комиссий были привлечены к уголовной ответственности и осуждены за нарушение законности, должностные преступления, грубейшую халатность в работе.

Ряд работников чрезвычайных органов за уголовные преступления были расстреляны. Имел место случай, когда в ЧК проник член контрреволюционной организации, о чем сотрудники узнали только в начале 1922 г. Феодосийской ЧК была арестована группа сотрудников наружного наблюдения и других лиц, которые под прикрытием вымышленного морского особого отдела совершали налеты и грабежи. Уполномоченный Ялтинской ЧК Петерсон организовал банду и при ее разгроме был убит.

Негативно отражалась на деятельности ЧК частая смена руководящего состава (шесть представителей за год), причем два из них были сняты по требованию обкома РКП(б).

Необходимо отметить, что все факты совершении преступлений в обязательном порядке освещались в прессе. В рубрике «За что карает Советская власть» газеты «Красный Крым» можно было встретить фамилии чекистов и белогвардейских генералов, приговоренных к высшей мере наказания одним решением Коллегии КрЧК.

На полуострове продолжали самостоятельную оперативную работу особые отделы 4-й и 13-й армии, соединений Азово-Черноморского флота, транспортные ЧК, Севастопольское объединенное морское отделение транспортного отдела ВЧК. Большое количество самостоятельных оперативных

подразделений отрицательно сказывалось на работе чрезвычайных органов.

Вопрос о создании единого, объединяющего работу всех ЧК и особых отделов центра в управлении полномочного представителя ВЧК был поднят на заседании бюро Крымского обкома РКП(б) 21 января 1921 г. и проведен в жизнь предписанием ВУЧК от 18 апреля 1921 г. и приказом № 332 Крымского Ревкома, согласно которым Симферопольская ЧК, с учетом решений X съезда РКП(б), была реорганизована в Крымскую областную чрезвычайную комиссию (КОЧК) с непосредственным подчинением Центру.

В связи с ликвидацией подразделений военной контрразведки на полуострове при КОЧК был организован особый отдел. Пограничные особые отделения подчинялись особому отделу КОЧК, но в августе 1921 г. влиты в местные ЧК на правах отделений секретно-оперативного отдела.

После этих организационных изменений структурно КОЧК состояла из секретно-оперативного, особого, экономического, административного и общего отделов. Секретно-оперативный отдел подразделялся на отделения: разведки, оперативное, регистрационно-статистическое и следственную часть. Особый отдел проводил оперативную работу во всех воинских частях и на флоте. Экономический отдел был создан для содействия возрождению народного хозяйства в условиях НЭПа и более успешной борьбы с экономическими преступлениями. В соответствии с этой структурой была проведена реорганизация в городских и уездных подразделениях КОЧК[282].

После образования Крымской АССР (18 октября 1921 г.) КОЧК стала именоваться Крымской чрезвычайной комиссией.

Важнейшей задачей, стоявшей перед чекистами Крыма, стала ликвидация бандитизма. С приходом Советской власти врангелевские офицеры, дезертиры, уголовные преступники, другие враждебно настроенные к новой власти лица, вооружившись, ушли в горы и составили основное ядро бандитских формирований на полуострове.

Особенно заметно бандитизм стал расти с середины апреля 1921 г. после наступления теплой погоды. Первые банды появились в районах Алушты и Ялты, а затем распространились по Южному берегу Крыма от Ялты до Керчи. Отмечались бандитские налеты в предгорной и степной части Крыма. Бандиты нередко прибегали к контрреволюционной пропаганде в целях срыва выполнения продовольственной разверстки. В районе п. Карасу-Базара (Белогорск) ими были убиты начальник снабжения 3-й дивизии и его секретарь, а в районе Алупки —

командир 138-й бригады и командир 413-го полка. Разведка гарнизона Алушты вступила в бой с бандитами и вынуждена была отступить. Некоторые банды имели большую численность, доходившую до 200 человек.

Вначале борьба с бандитами проводилась отрядами особых отделов 4-й армии и Симферопольской ЧК. Нередко бои носили ожесточенный характер. Так, во время проведения в районе Ялты боевой операции ими было ликвидировано несколько банд, убито 60 бандитов.

С помощью созданной в местах нахождения банд осведомительной сети, выявлялись явки бандитов, устанавливалась их численность, вооружение и данные на некоторых главарей. Практиковалось также заложничество среди родственных связей бандитов.

После того, как особые отделы вошли в состав территориальных органов ЧК, был создан оперативный штаб по борьбе с бандитизмом. Объявленная первомайская амнистия в 1921 г. и ее продление, против чего возражала Крымская ЧК, не дала положительных результатов. Явившиеся в местные органы безопасности более ста бандитов, получив регистрационные карточки, снова ушли в горы. Бандитизм продолжал расти. Нападения на проезжавших по Севастопольскому шоссе стали обыденным явлением. Банды совершали, правда, безуспешные, налеты на железнодорожную станцию Альма, Ялтинскую тюрьму, Керченский железорудный завод.

За май 1921 г. было зарегистрировано более 60 бандпроявлений, участились случаи убийств. Численность банд увеличивалась, некоторые из них имели на вооружении пулеметы системы «Льюис». Созданный подотдел по борьбе с бандитизмом Крымской ЧК в результате усиленной агентурной работы получил конкретные материалы о преступной связи бандитов с подпольными организациями в Алуште, Симферополе, Ялте, Феодосии.

Путем активной разработки ряда лиц в Симферополе была выявлена контрреволюционная организация, возглавляемая неким Лошковым, бывшим крупным помещиком. На явочных квартирах организации проводилась обработка и вербовка лиц для пополнения банд с последующим сопровождением в лес. Из 17 членов организации, привлеченных к уголовной ответственности, Лошков и еще 3 активных участника были расстреляны, остальные осуждены к разным срокам заключения[283].

В связи с обширной засухой и начавшимся голодом, бандитизм распространялся за счет простого крестьянства. В

Симферопольском уезде была раскрыта организация из крестьян, осуществлявших систематические грабежи в Симферопольском и Евпаторийском уездах. За коротких срок ею награблено 25 голов крупного рогатого скота, 400 овец, различные ценности. При обысках обнаружено оружие. Арестованные осуждены ревтрибуналом к различным срокам наказания.

В целях активизации борьбы с бандитизмом руководством КрЧК весь полуостров был разбит на восемь районов: Симферопольский, Севастопольский, Евпаторийский, Бахчисарайский, Ялтинский, Феодосийский, Джанкойский и Керченский. Каждый район включал в себя три подрайона. По всем районам назначены особые уполномоченные — лучшие сотрудники ЧК. Из воинских частей сформированы два отряда по 200 красногвардейцев с 14 пулеметами, подчиненные Чрезвычайной тройке в составе представителей КрЧК, областного комитета РКП(б) и командиров войсковых подразделений. Отряды временно расположились в Алуште и Ялте, где они сталкивались с бандами, но без особых результатов, так как бандиты, пользуясь симпатиями местных жителей и хорошо зная местность, при подходе воинских частей скрывались. Их активность в конце весны 1921 г. возросла настолько, что почти прекратилось транспортное сообщение между уездами. Банды начали подрывать линии связи. Были получены агентурные данные о намечаемом бандитском налете на город Бахчисарай.

В первых числах июля 1922 г. отряды ЧК провели ряд успешных операций, что несколько снизило численность банд. В связи с этим руководство всеми операциями было возложено на командование войсками Крыма, а деятельность подотдела по борьбе с бандитизмом сосредоточилась, главным образом, на разведывательной и агентурной работе. Проведенными оперативными мероприятиями удалось внести разложение в две крупные банды.

Всего за время борьбы с бандитизмом в 1921 г. КрЧК расстреляно 198 бандитов, не считая убитых во время ликвидации банд. Осуждено и отправлено в места заключения на различные сроки 817 человек[284].

Ряд сотрудников ЧК за самоотверженную работу по борьбе с бандитизмом был отмечен почетными наградами. 5 мая 1921 г. чекисты Щербаков и Матузенко награждены золотыми и серебряными часами с надписью «За энергичную и усердную работу в Симферопольской ЧК». 18 сентября 1921 г. серебряными часами с надписью «За самоотверженную борьбу с бандитизмом» были награждены чекисты Макаров, Доценко, Поцелуев, Тимошенко, Мухин, Корсак, Тюленев, Терехин, Шерман, Липпо,

Ломоносов.

20 ноября 1921 г. на заседании Коллегии ЧК возбуждено ходатайство перед Крымским ЦИК о награждении чекистов Трапезникова, Поцелуева и Корсака орденами Красного Знамени.

Имелись и потери. В одной из схваток с бандитами погиб уполномоченный Крымской ЧК Ф.П. Парфенов.

Одновременно с активными мерами по ликвидации бандитизма, крымскими чекистами были взяты под контроль оппозиционные партии.

После ухода Русской армии барона П.Н. Врангеля из Крыма, находившиеся в глубоком подполье партии социалистического толка развернули свою деятельность против новой власти. Значительная часть меньшевиков, скомпрометировавших себя тесным сотрудничеством с Врангелем, была выслана из Крыма в начале 1921 г. Оставшиеся проводили индивидуальную обработку окружения, а там, где позволяла обстановка, стремились дезорганизовать производство, подстрекая рабочих к забастовкам. Существовавший в стране подпольный центр меньшевиков направил в Крым своих представителей, которые главное внимание сосредоточили на Севастополе, как на рабочем промышленном центре, где им удалось на ряде предприятий спровоцировать «итальянские забастовки», а на одном из рабочих собраний принять решение с требованием созыва Учредительного собрания. Севастопольской ЧК удалось пресечь враждебную деятельность меньшевиков. Наиболее активные из них — Афанасьев, Новицкий, Галоп, Левитан, Эйнштейн и другие — были арестованы и сосланы.

В 1921 г. чекисты стали фиксировать попытки анархистов использовать некоторых радикально настроенных моряков Черноморского флота, однако они были пресечены. В Симферополе анархисты совершили ряд налетов, но постепенно их группы слились с уголовными элементами и были ликвидированы. Один из авторитетных крымских анархистов Мокроусов организовал земледельческую коммуну, привлекая в нее лиц с анархической идеологией. Однако он постепенно прекратил свою деятельность и перешел на сторону Советской власти.

Одновременно Крымская ЧК вела активную работу по выявлению и обезвреживанию контрреволюционного подполья. Уже в начале 1921 г. в Ялте раскрыто отделение Народно-государственной партии (НГП), которая была создана в 1921 г. в Ростове-на-Дону и имела свои филиалы во многих городах. Среди них наиболее активную подпольную работу вел Ялтинский. Большинство подозреваемых в принадлежности к НГП жили под

чужими фамилиями. В марте 1921 г. 49 участников — бывшие генералы, дворяне, священники, инженеры, юристы — были арестованы и осуждены.

В Таврическом университете вскрыта и пресечена деятельность контрреволюционной организации «Союз русских студентов», выступавшей с требованиями создания единой и неделимой России и созыва Учредительного собрания. 16 членов организации были приговорены к расстрелу, но затем коллегия Крымской ЧК высшую меру наказания заменила пятью годами заключения[285].

В апреле 1921 г. был установлен и арестован организатор «Союза крестьян для борьбы с большевиками, за создание единой неделимой России» Андриевский и некоторые его единомышленники. Автор антисоветских статей во врангелевской газете руководил педагогическим обществом, призывал учителей поддерживать борьбу Врангеля с Советской властью.

В декабре 1921 г. раскрыта контрреволюционная организация из бывших врангелевских офицеров, созданная с целью «организации восстания в воинских частях с последующим свержением Советской власти». Большинство ее участников было осуждено к высшей мере наказания.

В результате оперативной работы были выявлены и после расследования расстреляны бывшие генералы и офицеры, сотрудники и агенты белогвардейской разведки и контрразведки и др.[286]

В связи с новой экономической политикой началось активное посещение Севастополя и Феодосии не только турецкими, но и французскими, итальянскими, английскими и даже американскими пароходами. Этим обстоятельством воспользовались иностранные разведки во враждебных целях. В 1921 г. было выявлено и арестовано по обвинению в шпионаже 10 человек. 3 приговорены к лишению свободы, 2 иностранных подданных высланы за пределы СССР.

В Севастополе были вскрыты связи резидента английской и французской разведок болгарина Ясса. Путем агентурной комбинации его удалось вывести в Одессу и там арестовать. В процессе следствия он дал показания о своих связях в советских черноморских портах. В частности, назвал двух женщин, мать и дочь, проживавших в Севастополе. После внедрения к ним сотрудника ГПУ под видом связника от Ясса, его показания подтвердились. Обе женщины были осуждены к лишению свободы.

Оперативная работа по охране Государственной границы проводилась особым отделом ЧК через сеть военно-контрольных

и особых пунктов, а также постов с группами разведки. Физическую охрану границы также несли воинские подразделения, расположенные в приграничной полосе. Наблюдение за морским шельфом осуществлялось авиачастями.

Разведывательная и контрразведывательная работа по охране государственной границы тесно переплеталась с пресечением контрабанды. На этом направлении особенно выделялась Севастопольская ЧК, которой конфисковано значительное количество золота, серебра, валюты и иных драгоценностей.

В многонациональном Крыму национальный вопрос был под пристальным вниманием. Здесь еще с 1917 г. особое положение занимала татарская националистическая организация «Милли Фирка». После установления советской власти на полуострове «милли-фирковский» центр установил связь с националистами Татарии и Башкирии, используя для этого зашифрованную переписку и подпольные явки. При руководстве «Милли Фирка» в 1921 г. существовали особые комиссии: одна — для связи с татарскими националистами за пределами Крыма, другая — для связи с Турцией. Во время обсуждения вопроса о создании Крымской АССР националисты потребовали, хотя и безуспешно, объявить Крым татарской автономной республикой (несмотря на то, что татары составляли лишь 25,9 % населения Крыма), возражали против развития курортов, превращения полуострова во всесоюзную здравницу, чинили препятствия землеустройству.

Проведение активных чекистских мероприятий по миллифирковцам тормозили националисты, находившиеся на руководящих постах в Крымской ССР: председатель ЦИК В. Ибраимов, председатель Совнаркома О. Дайрен-Айерлы, нарком юстиции Р.А. Ногаев и другие.

Учитывая подпольную деятельность националистов, Крымская ЧК стремилась держать их под агентурным наблюдением. Разгром «Милли Фирки» произошел в 1926–1927 гг.

Таким образом, несмотря на организационный период, Крымская ЧК провела значительную работу по ликвидации бандитизма, контрреволюционного подполья и другого враждебного элемента.

Е. Н. Журавлев
г. Омск

Органы военной цензуры на территории Туркестанской Республики: формирование и организационное строительство (1919–1920 гг.)

Военная цензура — одна из форм контроля государством открытых видов информации и частной переписки.

В РСФСР первый орган военной цензуры — военно-цензурный отдел — был образован в сентябре 1918 г. в составе Регистрационного управления Полевого штаба РВСР. Его деятельность регламентировалась принятым Реввоенсоветом Республики в декабре 1918 г. «Положением о военной цензуре РСФСР», в соответствии с которым главной задачей вновь созданной структуры было сохранение военной тайны и ограждение интересов РСФСР.

Структурно центральному военно-цензурному отделу РВСР подчинялись все военно-цензурные отделения при Реввоенсоветах фронтов и армий. Он определял их численность, местонахождение, осуществлял контроль за их работой.

В августе 1921 г. органы военной цензуры были переданы в ведение Особого отдела ВЧК. Исключением являлась Туркестанская Советская Республика (ТСР), где вся военная и гражданская цензура была объединена и подчинена Особому отделу Туркестанского фронта уже в ноябре 1919 г.

11 августа 1919 г. директивой главкома Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА) на территории Самарской, Астраханской, Оренбургской губерний и Уральской области был образован Туркестанский фронт (штаб находился в Самаре). В состав фронта вошли 1-я и 4-я армии, а также войска Туркестанской Советской Республики, непосредственно дислоцировавшиеся на территории Туркестана.

Приказом по отделу военной цензуры Регистрационного управления Полевого штаба РВСР № 133 от 15 сентября 1919 г. при Реввоенсовете Туркестанского фронта было учреждено военно-цензурное отделение, которое возглавил А.В. Миронов[287].

На заседании Реввоенсовета Туркестанского фронта, которое прошло 29 ноября 1919 г. в Самаре, по докладной записке начальника Особого отдела фронта Г.И. Бокия об организации военной цензуры в Туркестане было принято решение «вследствие ценных данных для особого отдела, обнаруживаемых цензурой в корреспонденции, адресуемой в армию и из армии» объединить деятельность гражданской и военной цензуры на территории Туркестана под руководством Особого отдела Туркфронта[288].

Особому отделу поручалось наблюдение за правильностью и целесообразностью постановки работы военно-цензурного отделения, тем не менее, сохранялось его подчинение военно-цензурному отделу РВСР. В плане отчетности и «технического руководства» военно-цензурное отделение подчинялось Центру.

Однако образованное фронтовое военно-цензурное отделение и такие же отделения при реввоенсоветах 1-й и 4-й армий по-прежнему дислоцировались на территории Самарской, Оренбургской губерний и Уральской области.

На территории Туркестана в ноябре 1919 г. постановлением Реввоенсовета войск ТСР был также образован отдел военной цензуры во главе с Э.Г. Марголиным с подчинением начальнику Особого отдела Турквойск Будникову[289].

Первые организационные мероприятия по созданию военной цензуры на территории Туркестана начались 14 ноября 1919 г. с прибытием в Ташкент представителей фронтового военно-цензурного отделения и Особой комиссии по делам Туркестана.

30 ноября 1919 г. в Ташкент для организации военной цензуры в Туркестане командирован начальник военно-цензурного отделения при особом отделе Туркестанского фронта А.В. Миронов.

Но ввиду крайнего недостатка местных кадров непосредственная организационная работа началась только после прибытия в Ташкент в декабре 1919 г. — январе 1920 г. аппаратов военно-цензурных отделений особых отделов 4-й армии (начальник Э.Г. Шенберг) и Туркестанского фронта из Самары.

23 января 1920 г. Особым отделом Туркестанского фронта утверждена Инструкция по организации военной цензуры в пределах Туркестанской Республики. Для достижения необходимого единства и единообразия в порядке действий организация и руководство военной цензурой были возложены на Особый отдел Туркестанского фронта[290].

Цензура вводилась во всех телеграфных (железнодорожных и полевых), радио- и телефонных станциях и в печати. Цензура телеграфной корреспонденции организовывалась непосредственно на местах, в помещениях телеграфных станций.

Согласно инструкции все учреждения республики, в которых устанавливалась военная цензура, были обязаны предъявлять всю (частную, военную, правительственную) корреспонденцию для просмотра военным цензорам.

Назначение военных цензоров для работы непосредственно в тех учреждениях, где вводилась военная цензура, должно было производиться как из числа штатных военной цензоров, так и из лиц, служивших в этом учреждении, которые совмещали военно-цензурную работу с текущей работой данного учреждения. Материальное вознаграждение за работу такие сотрудники получали в размере разницы от оклада по основному месту работы[291].

Одно из основных условий работы военных цензоров непосредственно в учреждениях почты и телеграфа было сформулировано в Положении следующим образом: «Осуществление военной цензуры в различных учреждениях не должно нарушать установившегося в них порядка работы, а сама цензура должна производиться в секретном порядке, не бросаясь в глаза не только посторонней публике, но и служащим учреждения, не имеющим прямого отношения к цензуре… Никакое вмешательство военных цензоров в административное управление учреждением, при которых они работают, не допускается»[292].

Учитывая особенность Туркестана, отсутствие единого фронта, подразделения военной цензуры формировались по территориальному признаку. Структурно органы военной цензуры состояли из фронтового военно-цензурного отделения в Ташкенте (в документах зачастую именовалось краевым отделом), которое руководило деятельностью областных военно-цензурных отделений (в областных центрах — Самарканде, Фергане, Верном, Полторацке и др.) с подчиненными им военно-цензурными пунктами в уездных городах.

При краевом отделе был образован иностранный стол, а также инструкторская часть, обязанностью которой являлась периодическая проверка всей цензорской работы областных отделений и пунктов.

Служащие должны были подбираться преимущественно из партийных работников со знанием местных языков — сартского, афганского, персидского. Количество цензоров в отделении и пункте могло варьироваться в зависимости от необходимости.

Всем органам военной цензуры было вменено в обязанность направлять в свои руководящие центры сводки с информацией, полученной в результате перлюстрации корреспонденции.

Помимо военных вопросов, контрреволюции и преступлений

по должности в сводках военной цензуры должны были освещаться отношение к советской власти местного населения, случаи межнациональной вражды и многое другое[293].

Отсутствие кадров, особенно коммунистов, знающих восточные языки, существенно сказывалось на деле организации военно-цензурных подразделений, особенно в небольших населенных пунктах. Руководители вновь создаваемых пунктов военной цензуры сообщали в областные и краевой центры о невозможности организации нормальной работы в связи с отсутствием кадров и нежеланием местных партийных органов предоставить эти кадры.

Обилие почтовой корреспонденции на восточных языках, которую было невозможно прочитать даже за 18-часовой рабочий день, приводило к тому, что большая часть писем сдавалась обратно на почту без просмотра[294].

По причине недостатка кадров заведующие пунктов цензуры в нарушение инструкций были вынуждены привлекать к работе непартийные кадры из числа мусульманского населения[295].

Учитывая тяжелое положение с кадрами, Особый отдел Туркфронта при формировании военно-цензурных отделений допускал организацию цензуры почты и телеграфа только в областном городе. Организацию же пунктов в уездных городах было разрешено временно отложить[296].

Несмотря на серьезные затруднения, связанные с объективными причинами и местными особенностями, за период с 16 января по 1 марта 1920 г. были организованы военно-цензурные отделения и пункты в следующих городах:

Семиреченская область — отделение в г. Верный, пункты в гг. Копал, Джаркент, Черняев, резиденция в г. Пржевальск;

Ферганская область — отделение в г. Скобелев, пункты в гг. Коканде и Андижане, резиденции в гг. Наманган и Ош;

Самаркандская область — отделения в гг. Самарканд и Новая Бухара, резиденции в гг. Катта-Курган, Чарджоу и Керки;

Закаспийская область — отделение в г. Полторацк (Асхабад), пункты в гг. Мерв и Красноводск.

Таким образом, в марте 1920 г. процесс формирования органов военной цензуры на территории Туркестанской Советской Республики был завершен.

Д.А. Ларин
г. Москва

Организация и деятельность Спецотдела ВЧК — ОГПУ в 1920-е гг

История российской криптографии насчитывает несколько веков. Технологии защиты информации, в том числе и шифры, применялись в нашем Отечестве с древних времен. Шифровальная служба России была создана в 1549 г. в Посольском приказе. Начало криптоанализа в России заложил Петр I. В 1742 г. началось регулярное дешифрование иностранной шифрпереписки. С начала XIX в. шифровальные службы были в составе военного ведомства, МВД и МИД. Криптоанализом занимались исключительно специалисты внешнеполитического ведомства[297]. В 1898 г. в Особом отделе Департамента полиции МВД была организована дешифровальная служба для борьбы с шифрами революционеров[298]. Во время русско-японской и Первой мировой войн русские моряки успешно вели радиоразведку и осуществляли дешифрование вражеских радиограмм[299].

Важнейшей датой в истории отечественной криптографии является 5 мая 1921 г. В тот день был создан Спецотдел ВЧК — родоначальник криптографической службы Советской России. Современные российские криптографические службы являются ее наследниками.

Необходимость организации службы, которая осуществляла бы централизованное управление шифровально-дешифровальным делом, стала очевидной для руководителей государства еще в годы Гражданской войны, опыт которой красноречиво свидетельствовал о том, что умение держать в тайне информацию о себе и получать секретную информацию о противнике является одним из важнейших факторов победы.

В сентябре 1920 г. Политбюро ЦК РКП(б), рассмотрев предложение В.И. Ленина по принятию мер к усложнению шифров и более строгой охране шифрованных сообщений, постановило поручить наркому по военным и морским делам Л.Д. Троцкому организовать комиссию из представителей Центрального комитета партии большевиков и ряда наркоматов.

Изучив досконально вопрос и мнения различных заинтересованных ведомств, председатель СНК поручил изыскать пути наведения порядка в шифровальном деле руководству ВЧК,

хотя шифровальные службы по сохранялись и во внешнеполитическом, и в военном наркоматах. Возможно, на выбор базового ведомства по осуществлению криптографической деятельности в Советском государстве повлияла сложность обстановки, а также то обстоятельство, что главной функцией ВЧК являлось обеспечение государственной безопасности.

Во второй декаде января 1921 г. Коллегия ВЧК приняла решение о созыве совещания представителей заинтересованных ведомств для подготовки соответствующих предложений по воссозданию криптографической службы. В обсуждении вопроса принимали участие представители ЦК РКП(б), ВЧК и вышеназванных наркоматов.

12 апреля 1921 г. на заседании Малого СНК с проектом создания единого шифровально-дешифровального органа выступил один из руководящих работников ВЧК Г.И. Бокий, которому надлежало стать главным организатором криптографической службы и в течение 15 лет возглавлять 8-й специальный отдел ВЧК — ГПУ — ОГПУ — НКВД.

Глеб Иванович Бокий родился в 1879 г. в дворянской семье. В 1897 г. вступил в петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» и вскоре стал видным революционером. В 1900 г. вступил в РСДРП, на протяжении 20 лет, с 1897 г. по 1917 г., являлся одним из руководителей петербургского большевистского подполья. В октябре 1917 г. он являлся членом Петербургского военно-революционного комитета, одним из руководителей вооруженного восстания.

На протяжении своей революционной карьеры Бокий активно использовал шифры, более того, он разрабатывал и собственные шифровальные системы. Так, при его аресте сотрудники правоохранительных органов нередко обнаруживали на первый взгляд самые обычные ученические тетради, исписанные математическими формулами. В действительности это были конспиративные записи, зашифрованные изобретенным Бокием математическим шифром. Ключ к нему был известен только автору. Дешифровальщики Департамента полиции подозревали, что за этими «формулами» скрывается шифр, но дешифровать его так и не смогли. «Сознайтесь, — предлагал Бокию следователь, — это шифр?». А Глеб Иванович невозмутимо отвечал: «Если шифр, то расшифруйте». С досадой следователь возвращал ему эти загадочные тетради»[300].

Для разработки и реализации проекта создания спецотдела Г.И. Бокий пригласил ряд специалистов-криптографов — В.И. Кривоша-Неманича, И.А. Зыбина, И.М. Ямченко, Г.Ф. Булата, Е.С. Горшкова, Э.Э. Картали, Е.Э. Морица, работавших ещё до

революции. Они внесли большой вклад в становление советской криптографической службы.

К дешифровальной работе в качестве экспертов-аналитиков были привлечены Б.А. Аронский, Ф.А. Блох-Хацкелевич и др. В создании основ новой криптографической службы приняли участие и те, кто ранее не работал в этой области. Это были люди, которых лично пригласил Бокий для работы в отдел: А.Г. Гусев, А. М. Плужников, Ф.И. Эйхманс, В.Х. Харкевич и др.

Структура отдела, кадровый состав, задачи и методы его работы во многом продолжали традиции криптографической службы дореволюционной России. В начале 1920-х гг. отдел включал 6, а позднее 7 отделений.

Задачи между отделениями были распределены следующим образом:

1-е отделение — «наблюдение за всеми государственными учреждениями, партийными и общественными организациями по сохранению государственной тайны»;

2-е отделение — теоретическая разработка вопросов криптографии, выработка шифров и кодов для ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД и других учреждений страны, включая МИД, военное ведомство и др. В первые годы работы отделение состояло из семи человек, его возглавлял Ф.Г. Тихомиров;

перед 3-м отделением стояла задача ведения шифр-работы и руководства этой работой в ВЧК — ГПУ — ОГПУ — НКВД. Вначале отделение состояло из трех человек. Руководил отделением старый большевик, бывший латышский стрелок Ф.И. Эйхманс, одновременно являвшийся заместителем начальника спецотдела. Эйхманс организовывал шифрсвязь с заграничными представительствами органов безопасности СССР, направлял и координировал их работу;

сотрудники 4-го отделения, а их было восемь человек, занимались «открытием иностранных и антисоветских шифров и кодов и дешифровкой документов». Начальниками этого отделения были: с мая по декабрь 1921 г. — Ященко, с января по август 1922 г. — Горячев, с августа 1922 г. по сентябрь 1923 г. — Эльтман, с сентября 1923 г. по январь 1938 г. — А.Г. Гусев. Последний одновременно выполнял обязанности помощника начальника спецотдела;

5-е отделение — «перехват шифровок иностранных государств; радиоконтроль и выявление нелегальных и шпионских радиоустановок; подготовка радиоразведчиков»;

6-е отделение — «изготовление конспиративных документов»;

7-е отделение — «химическое исследование документов и

веществ, разработка рецептов, экспертиза почерков, фотографирование документов»[301].

Работа спецотдела началась с детального изучения архивов дешифровальных служб дореволюционной России. Среди архивных документов были обнаружены подлинники и копии шифров Болгарии, Германии, Китая, США и Японии, отчеты о работе по их вскрытию, а также учебные пособия. Этот факт сыграл важную роль в подготовке криптографов в послереволюционной России. Успехи советской специальной службы в создании систем шифров, системы радиоперехвата, в подготовке кадров криптографов свидетельствуют о большой целенаправленной и продуманной работе, которая велась в стране в области развития криптографической службы. Подготовке новых кадров для шифровальной работы уделялось большое внимание: при ВЧК в 1921 г. были созданы курсы шифровальщиков, где именитые профессионалы делились опытом с молодежью.

Вопрос об организации радиоперехвата, в том числе и зашифрованной информации, был решен путем создания станций особого назначения. Для этого использовались все имевшиеся в войсках приемные, приемно-контрольные и пеленгаторные радиостанции. Таким образом, была создана и начала функционировать служба специальной радиоразведки, работавшая в интересах ВЧК. Кроме телеграмм, поступавших с телеграфа, часть шифрованной иностранной переписки и переписки белогвардейцев по заданиям ВЧК и военных органов перехватывалась на Серпуховской приемной радиостанции Революционного военного совета Республики и Шаболовской радиостанции Народного комиссариата почт и телеграфов[302].

25 августа 1921 г. Спецотдел ВЧК издал приказ, в соответствии с которым все подразделения в центре и на местах должны были направлять в отдел обнаруженные при обысках и арестах шифры, ключи к ним и шифрованные сообщения.

Одним из первых успехов сотрудников спецотдела стало дешифрование немецкого дипломатического кода, поэтому с июля 1921 г. вся переписка между Москвой и Берлином благополучно становилась достоянием ВЧК. В августе 1921 г. были дешифрованы шифры турецких дипломатических телеграмм. При этом следует отметить интересный факт. С 1927 по 1931 гг. ОГПУ поддерживало негласный, но официальный контакт с турецкой контрразведкой. Турки, по их собственному утверждению, «получили … от ОГПУ очень важную помощь в организации шифровального и дешифровального дела». Из Турции приходила и криптографическая информация,

касающаяся других стран. В первой половине 1930-х гг. советской резидентуре в Турции удалось приобрести несколько хорошо информированных источников. Так, в 1932 г. начал сотрудничать с советской разведкой агент «Пижама», служащий посольства Японии в Турции. В течение нескольких лет он передавал важные шифрматериалы посольства Японии.

Успехи советских криптоаналитиков продолжались. В 1924 г. были вскрыты два шифра разведотдела польского генерального штаба, которые использовались для связи с военными атташе в Москве, Париже, Лондоне, Вашингтоне и Токио. В 1927 г. началось «чтение» японской шифрпереписки, в 1930 г. — американской.

Возможность читать зашифрованную переписку противника имеет большое значение и для оперативной деятельности внешней разведки. Вот пример. В 1921 г. ИНО ВЧК добыл шифры антисоветских организаций в Лондоне и Париже. Перехваченные и дешифрованные телеграммы этих центров оказали серьезную помощь в выявлении и обезвреживании врагов молодой советской республики[303].

В 1922 г. в ГПУ СССР был создан контрразведывательный отдел (КРО). В первые же годы своего существования сотрудники КРО добыли ряд шифров и кодов, на основании которых большинство телеграфных сообщений иностранных посольств в Москве контролировалось советскими криптоаналитиками. В последующие годы был проведен еще ряд операций по добыче иностранных шифров[304].

Так, в 1920-х гг. советская разведка провела операцию по проникновению в китайское посольство в СССР с целью добычи шифров. Руководил операцией разведчик-самоучка П.Л. Попов, по профессии судовой механик, работавший в царское время в области охраны рыболовных промыслов России на Камчатке. Пользуясь авторитетом у китайских властей, Попов получил свободный доступ в китайское посольство в Москве. Он сумел получить слепки ключей от сейфов посольства. В результате шифры посольства оказались в руках нашей разведки.

В начале 1924 г. резидентом советской разведки в Ковно (в то время столица Литвы) стал И.К. Лебединский. Он завербовал курьера французского военного атташе в Литве. Через этого курьера советская разведка получала черновики секретной переписки атташе с Парижем, что помогло в раскрытии французских шифров. Работа курьера, получившего псевдоним «Василий», продолжалась до начала 1940-х гг.[305]

В середине 1920-х гг. советский военный атташе в Персии (Иран) Бобрищев (бывший офицер царской армии) завербовал

себе на службу практически всех шифровальщиков главного штаба персидской армии. В результате был получен богатый материал, проливавший свет на внутреннюю и внешнюю политику этой страны. В 1927 г. советская разведка завербовала эксперта по шифрам кабинета министров Ирана. К этому времени на СССР также работал шифровальщик одной из бригад иранской армии, дислоцировавшейся вблизи советской границы. Кроме того, советская разведка сумела получить ключ к шифрам дашнаков[306]. Деятельностью дашнаков руководили из города Тебриза, расположенного на территории Ирана. Советский резидент в Тебризе установил связь с одним из чиновников почтовой службы Ирана и скоро имел в своем распоряжении достаточную информацию, позволявшую ему своевременно узнавать обо всех планируемых мероприятиях дашнаков. К сожалению, в том же году произошел провал — персидская контрразведка арестовала 4 шифровальщиков, работавших на СССР. Трое из них были расстреляны, а один получил 15 лет тюрьмы. Этот факт был предан огласке, поэтому из-за боязни разоблачения многие источники в Персии прекратили сотрудничество с советской разведкой[307].

Большой интерес Спецотдела ВЧК-ОГПУ продолжали вызывать шифры различных антисоветских организаций. В 1920-е гг. было взломано немало таких шифров. Так были вскрыты шифры организации Б.В. Савинкова «Народный союз защиты Родины и свободы», которая из-за рубежа вела активную террористическую деятельность на территории СССР. В результате чекисты получили информацию о паролях и явках савинковцев на территории СССР. Эта информация в немалой степени способствовала успешному проведению в 1924 г. операции «Синдикат-2», в результате которой Савинков и несколько других руководителей его организации оказались на территории СССР и были арестованы.

В 1922–1924 гг. спецотделом было дешифровано около 38 шифрованных сообщений меньшевистских организаций, зашифрованных на 17 ключах. В результате было установлено 65 конспиративных адресов, а также пароли и явки меньшевиков. Также был раскрыт ряд шифров различных монархических организаций. Полученная в результате дешифрования их переписки информация оказалась крайне полезной для советских органов госбезопасности. Интересно отметить, что помимо шифров монархисты использовали и код на 1000 величин, который тоже был вскрыт.

В начале 1920-х гг. спецотдел провел криптоанализ шифрматериалов царских правоохранительных органов. Эта

работа позволила выявить большое число сотрудников и агентов полиции и жандармерии, затесавшихся в различные советские организации.

В дальнейшем тайные операции советской разведки и контрразведки по добыче криптографических секретов оказывали существенную помощь дешифровальщикам.

Одновременно с криптоанализом чужих шифров шла напряженная работа по созданию своих. В 1924 г. на основе 52 различных шифров был создан знаменитый «русский код», расшифровать который не удалось никому. Была создана единая инструкция по шифровальной службе, сотрудники спецотдела начали проводить инспекторские проверки в центральных и периферийных органах.

Н. Н. Билим
г. Хабаровск

Организационная работа в Пограничной охране Дальнего Востока в 1920-е гг

В первые годы Советской власти необходимо было создать государственный орган для борьбы с внутренними и внешними врагами молодого государства. 20 декабря 1917 г. СНК своим Постановлением создаёт Всероссийскую чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией и саботажем. Кроме такого специального органа, который осуществлял деятельность внутри страны, нужны были силы, обеспечивавшие охрану границы. 30 марта 1918 г. при Народном комиссариате финансов создаётся Главное управление пограничной охраны, которому было поручено организовать охрану границы государства. Поскольку партийное руководство осуществлялось во всех сферах управления государством, формирование кадрового состава пограничной охраны проходило при активном участии партийных и советских органов. Особо обращалось внимание на создание института военных комиссаров, подобно Рабоче-крестьянской Красной армии. Положением ЦК РКП(б) руководство военными комиссарами погранохраны ЦК партии осуществлялось через Всероссийское бюро военных комиссаров, которым «… предоставляется право назначения, руководства политической, организационной, деловой работой, увольнения, военных комиссаров… пограничной охраны»[308].

Первым нормативным правовым актом, закреплявшим создание пограничной охраны Советского государства, стал Декрет СНК РСФСР «Об учреждении Пограничной охраны» от 28 мая 1918 г. Пунктом 2 документа на Погранохрану возлагалась защита пограничных интересов страны, в пределах пограничной полосы защита личности и имущества граждан. Среди них — недопущение тайного провода и перехода лиц через сухопутные и морские границы РСФСР; защита от расхищения водных богатств в пограничных и территориальных водах; охрана рыбаков и промышленников в пограничных морях, озёрах и реках; защита пограничных селений от нападений разбойников и кочевых племён и др.[309] Руководство Пограничной охраной возлагалось на Главное управление Пограничной охраны и созданном при нём

Совете Пограничной охраны (состав — два комиссара и военный руководитель (п. 8)[310]. Служба в Пограничной охране осуществлялась по вольному найму на тех же условиях как в РККА (п. 7)[311]. В Постановлении СНК о принятии Декрета указывалось, что работа по охране осуществляется в контакте с военным комиссариатом.

Положения этого декрета трактуются некоторыми исследователями, на наш взгляд, расширительно. Так, А.В. Минаев указывает «…в декрете Совнаркома содержалось несколько положений, отражавших советские реалии. В нем, например, отмечалось, что пограничная охрана создается для защиты пограничных интересов социалистического государства. Таким образом, определялась ее новая социальная природа»[312]. В п. 2 декрета закреплено: «На пограничную охрану возлагается защита интересов Российской Социалистической Федеративной Республики…»[313]. Далее определены объекты защиты (например, правила международного судоходства и их соблюдение и др.). Очевидно, что в документе в этой части документа социальная природа РСФСР не определена. Любое государство защищает и охраняет свои границы, значение имеет его безопасность, а не его политическая сущность. Затем автор пишет, что в «декрете была заложена идея руководящей роли большевистской партии в деятельности погранохраны. Это нашло выражение в том, что в состав Совета пограничной охраны вводились два комиссара-большевика, без подписи которых (или хотя бы одного из них) распоряжения председателя Совета — военного руководителя — не подлежали исполнению»[314]. П. 8 декрета гласит: «Непосредственное руководство Пограничной охраной… возлагается на Главное управление Пограничной охраны. При нём образуется Совет Пограничной охраны в составе двух комиссаров и одного военного руководителя»[315]. В этой части документа не определены полномочия комиссаров и военного руководителя.

Защиту Дальнего Востока от внешней угрозы после окончания Гражданской войны и иностранной интервенции обеспечивала 5-я Краснознаменная армия (переименованная постановлением № 209/42 Революционного военного совета Республики от 22 ноября 1922 г. в Народно-революционную армию Дальневосточной Республики). В её состав входили войска, дислоцированные в Забайкалье, на Дальнем Востоке и на Чукотке. Приказом командующего армией № 145/34 от 24 января 1923 г. она перешла в подчинение главкому республики. (В июне 1924 г. 5-я армия была расформирована, из её частей комплектовались 18-й и 19-й стрелковые корпуса Сибирского

военного округа).

В 1920 г. была разработана концепция охраны государственной границы страны, главной задачей была определена защита военно-политических интересов государства. В их числе — пресечение попыток переброски на нашу территорию вооружённых формирований белогвардейцев, борьба против провоза оружия и антисоветской литературы в пограничные районы и др. В соответствии с Постановлением Совета Труда и Обороны РСФСР (СТО) от 27 сентября 1922 г. охрана сухопутной и морской границ Советской России переходила в ведение ГПУ (с 1923 г. — ОГПУ). Это было связано с созданием Отдельного пограничного корпуса войск ГПУ. Однако затянувшаяся на Дальнем Востоке Гражданская война и иностранная военная интервенция не позволили ввести в действие документ на этой территорию. Только после вхождения Дальнего Востока в состав РСФСР осенью 1922 г. и применение законов СССР и РСФСР было создано Управление пограничной охраны Полномочного представительства ГПУ (ПП ГПУ) Дальневосточного края (ДВК)[316]. Тогда же было создано управление пограничной охраны Полномочного представительства ГПУ по Дальнему Востоку. В январе 1923 г. приказом по ПП ГПУ по ДВК были сформированы Забайкальский, Амурский, Приамурский и Приморский пограничные участки (отряды). Границу охраняли восемь пограничных эскадронов и два отдельных стрелковых батальона, переданных из состава 5-й Краснознамённой армии. 20 июня 1924 г. пограничники приступили к охране государственной границы вдоль побережья Охотского и Берингова морей, в 1925 г. — на Сахалине и Чукотке.

На 5-й областной армейской конференции (март 1923 г.) было проанализировано общее состояние пограничных войск на Дальнем Востоке и поставлены первоочередные задачи: ликвидация в войсках эсеров и меньшевиков, национальных групп, освобождение Дальнего Востока от белого офицерства, пресечение деятельности духовенства, ликвидация бандитизма и т. д. Обсуждался и вопрос об охране границы. В связи с советизацией региона «возник вопрос об охране границы <…> Задача сейчас в этой области — перегруппировка войск и расширение чекистской агентурной приграничной сети»[317].

Большое внимание уделялось не только вопросам защиты и охраны государственной границы, но и партийной работе среди пограничников. Постановлением ЦК РКП(б) 1924 г. руководство партийной работой в пограничной охране передавалось местным партийным организациям (такая подчинённость существовала до 1934 г.). Такое решение позволяло партийным организациям

Дальнего Востока разного уровня рассматривать партийную и комсомольскую работу как органов Пограничной охраны в целом, так и отдельных партийных ячеек. Так, например, в июле 1926 г. на заседании Бюро Амурского окружного комитета ВКП(б) был заслушан доклад о работе 58-го пограничного отряда войск ОГПУ. Отмечалось не только повышение политической активности военнослужащих, оживление партийной работы, но и налаживание взаимодействия с местными партийными и советскими органами. Положительно было оценено укрепление связей с местным населением и активизация борьбы с контрабандой[318].

Регулярно обсуждалась партийно-политическая работа дальневосточных органов безопасности и Дальневосточным краевым комитетом ВКП(б). На одном из заседаний подводили итоги совещания секретарей партийных ячеек пограничных органов. Были отмечены как положительные примеры, так и недостатки. Среди последних указывалось слабое вовлечение в ряды партии красноармейцев, которые не были комсомольцами. Было указано, что активные, хорошо подготовленные военнослужащие из числа рабочих и лучших крестьян могут быть приняты в партию, минуя комсомол[319].

Достаточно хорошо была организована партийная агитация и пропаганда в Пограничной охране. Этот вопрос детально обсуждался на первом окружном совещании работников Погранохраны ДВК в декабре 1924 г. Отмечалась неплохо поставленная работа. Однако ею не в полной мере были охвачены красноармейцы на заставах. Там не были созданы партийные и комсомольские ячейки, которые могли бы усилить политико-воспитательную деятельность. Поэтому первоочередными задачами стали: усиление партийного влияния на красноармейцев; активизация внутрипартийной работы; увеличение числа коммунистов и комсомольцев на заставах. Однако руководители партийных организаций не всегда уделяли этим задачам должного внимания. Этот недостаток в работе партийной организации был предметом обсуждения на первом окружном совещании работников Пограничной охраны Дальнего Востока в декабре 1924 г.[320] Основной задачей оставалась создание партийных ячеек на заставах.

Организационные мероприятия по созданию партийной организации затянулись, что было связано с восстановлением региона после затяжной Гражданской войны и иностранной военной интервенции. Однако с начала 1926 г. партийная работа была налажена. Этому «способствовали современные условия погранохраны, улучшение материально-бытового состояния,

сравнительно хороший социальный состав (рабочих — 22 %, крестьян — 72 %), некоторое увеличение партийной и комсомольской насыщенности членов и кандидатов в члены ВКП(б) — 16,4 %, членов ВЛКСМ — 11 %»[321].

Советский Дальний Восток был одним из регионов страны, где в рассматриваемый период складывалась сложная внешнеполитическая остановка. Поэтому в первую очередь нужно было обеспечить защиту и охрану государственной границы. Уже в 1920-е гг. эта задача была решена.

В.С. Христофоров
г. Москва

Организационно-кадровые проблемы «восточной» работы советских спецслужб в Монголии и Бурятии в 1920-е гг

Включенная в большевистскую идею экспорта мировой революции на Восток Монголия стала одним из первых субъектов международного права (наряду с Персией, Афганистаном и Турцией), подписавшим 5 ноября 1921 г. с Москвой договор о взаимном признании. Целью советской внешней политики в тот период было укрепление позиций советского государства на международной арене и распространение в Монголии революционных идей. Позднее идею экспорта сменило стремление улучшить отношения, в первую очередь, с Японией, сблизиться с Китаем и закрепить Монголию в качестве буферного государства, чтобы защитить себя от потенциального противника.

Не стоит долго говорить о том, что всем этим целям в полной мере служила деятельность советских спецслужб, которые следили за развитием ситуации в Монголии и на сопредельных территориях, оказывали влияние на принятие политических решений, поддерживая местных сторонников советской модели развития и расправляясь с ее противниками.

Актуальность темы проистекает из необходимости изучения интерпретаций «Востока» в границах российского политического пространства и сопредельных странах. В центре нашего исследования — деятельность Восточного отдела (ВО) ГПУ — ОГПУ, а также Полномочных представительств ОГПУ по Дальнему Востоку и Сибири, по изучению ими политической, военной, социальной и религиозной обстановки в Монголии и Бурят-Монголии (Бурятии).

Усилия советских спецслужб по реализации государственной политики в «монгольском» направлении мало исследованы. Среди авторов, пишущих об общих векторах «восточной» деятельности ГПУ — ОГПУ, Д.Ю. Арапов, Ю.Н. Гусева и др. [322] Однако, как свидетельствуют современные исследования, интересы сотрудников Восточного ОГПУ были существенно шире, чем «мусульманские» ареалы Советского Союза и государств

зарубежного Востока[323].

Имеются также узкотематические научные статьи о деятельности советских спецслужб на Дальнем Востоке[324], обзоры документальных материалов Центрального архива ФСБ России[325] или работы, посвященные забайкальской контрразведке[326]. Значительный вклад в развитие темы вносит вышедший в 2019 г. под редакцией научного руководителя Института востоковедения Российской академии наук (РАН) академика В.В. Наумкина сборник «Монголия в документах из архивов ФСБ России (1922–1936)»[327]. В нашем исследовании мы будем опираться не только на блок опубликованных, но и на значительное число неопубликованных документов Центрального архива ФСБ России и Архива УФСБ России по Омской области.

Формирование основных подразделений ВЧК — ГПУ — ОГПУ, которые добывали информацию по «восточным» сюжетам, началось далеко не сразу. Усиление контрразведывательной составляющей в ГПУ произошло летом 1922 г., когда на базе 14-го специального отделения Особого отдела был создан Восточный отдел для работы по «внутреннему» и зарубежному Востоку. Одновременно с этим в ГПУ для борьбы со шпионажем и белогвардейским организациями был сформирован Контрразведывательный отдел[328]. В Полномочных представительствах ОГПУ, дислоцированных в «восточно-национальных республиках и областях», предписывалось «обеспечить работу по восточной линии»[329].

В Восточный отдел в 1922 г. входило три отделения, среди которых 3-е отделение, занимавшееся Дальним Востоком (сюда же входили интересующие нас территории, а также Восточная и Западная Сибирь) (руководитель — М.М. Казас).

Начальником Восточного отдела был назначен Я.Х. Петерс, остававшийся на этой должности до 1929 г. По итогам внутриведомственных прений ему удалось доказать необходимость существования Восточного отдела. Тем не менее, 20 марта 1923 г. часть функций — «разработка шпионажа со стороны Японии, Кореи и Китая» — была передана из Восточного в Контрразведывательный отдел ГПУ. Этим же приказом подтверждалось, что сфера компетенции Восточного отдела распространялась на Внешнюю Монголию, Западную и Восточную Сибирь, т. е. на районы, где компактно проживало нерусское население, исповедовавшее ислам, а также буряты, якуты и иные народности[330].

Основными проблемами при формировании основных разведывательных и контрразведывательных подразделений ГПУ — ОГПУ были организационно-кадровые, так как

катастрофически не хватало специалистов, знакомых с национальными и религиозными особенностями сопредельных стран Востока (Афганистана, Ирана, Китая, Монголии, Турции). В ОГПУ было крайне мало сотрудников, которые имели теоретическую подготовку, владели национальными языками[331]. Соратники Петерса — люди, вершившие судьбы «восточных» народов — как правило, были лишены специальной востоковедческой подготовки, зато имели большой опыт практической работы на «восточных окраинах» страны (прежде всего, в Туркестане).

Основными подразделениями ГПУ — ОГПУ, которые в рамках своей компетенции занимались изучением политической, военной, социальной и религиозной обстановки в Монголии и на сопредельных территориях, были Восточный, Иностранный, Информационный, Контрразведывательный, Особый и Специальный (шифровальный) отделы, а также Полномочные представительства ОГПУ по Дальнему Востоку и Сибири. Сотрудники подразделений ГПУ — ОГПУ и полномочных представительств на местах за редким исключением не знали специфических условий этих территорий, были слабо осведомлены об истории и современном развитии Монголии, не владели монгольскими или бурятскими языками, слабо представляли особенности буддизма, ламаизма, традиции и обычаи монгольского народа[332].

Подобные проблемы возникали и при комплектовании аппаратов советников и инструкторов в Монголии и Танну-Тувинской Республике, направлявшихся заграницу по линии ОГПУ. Так, ПП ОГПУ по Сибири обращало внимание Москвы на то, что подбор советских советников при Танну-Тувинском правительстве был «крайне неудачным, заменить же их на месте некем»[333].

В 1924 г. в областном отделе ОГПУ Бурят-Монгольской АССР (БМАССР) было создано восточное отделение, главной задачей которого стала борьба с ламством. Восточное отделение занималось разработкой национальной интеллигенции, бывших нойонов (представителей местной знати), вопросами мусульманского населения и взаимоотношений бурятского населения с бурятской эмиграцией в Монголии[334].

Для решения этой проблемы велся целенаправленный набор сотрудников из числа бурят, однако об успехах в этом направлении говорить не приходится. Так, в 1926 г. заведующий организационным отделом Бурят-Монгольского обкома ВКП(б) в одном из документов указал на слабую укомплектованность ОГПУ «работниками и особенно бурятами». При этом

подчеркивалось, что «буряты нужны ОГПУ, дабы их можно было приспособить для работы по восточной линии»[335].

Существовали и серьезные проблемы межведомственной координации деятельности. Так, поверенный в делах РСФСР в Монголии В.И. Юдин 11 августа 1923 г. направил письма[336] заместителю начальника Отдела пограничной охраны № 1 Ф.И. Бонову и начальнику Иркутского губернского отдела ГПУ М.Д. Берману, в которых сообщал об отсутствии координации в работе между Полномочным представительством РСФСР в Монголии и сотрудниками Отдела пограничной охраны (ОПО) № 1 ОГПУ, работавшими **в** монгольских учреждениях. Он также давал нелицеприятную оценку рабочим качествам сотрудников Особого отдела ОГПУ: «оторванность сотрудников Особого отдела от Полпредства толкала их на неосмотрительные шаги». Автор указывал на их полную неосведомленность, на то, что чекисты, работавшие в монгольских учреждениях, часто забывали, зачем они направлены в Монголию и, отрываясь от Полпредства РСФСР, становились «приказчиками на службе у монгол»[337]. Юдин обращал внимание на то, что среди работавших в Монголии сотрудников ГПУ были «политически малоразвитые», не способные удовлетворять запросы Полпредства при отсутствии их соподчиненности.

Автор писем предлагал, чтобы сотрудники ГПУ, официально занимавшие должности в монгольских учреждениях, находились в ведении Полпредства РСФСР, которое стало бы своего рода секретным представительством ОПО № 1 ГПУ, что позволило бы координировать разведывательную работу в Монголии и помогло бы представительству точно ориентироваться в окружающей обстановке[338]. Таким образом, речь шла о выстраивании управленческой вертикали, в которой органы ГПУ находились бы в соподчиненном положении. Вряд ли это предложение было встречено с энтузиазмом адресатами писем.

В 1923 г. на Бурят-Монгольское ГПУ возлагались задачи по организации закордонной работы в Восточной Монголии, центром которой была Урга[339]. Для этого было необходимо организовать резидентуру в Монголии, в задачи которой входили: выявление политического и экономического положения страны; политических партий; бандитизма внутреннего и зарубежного; численность и настроения в монгольской армии, места дислокации частей; характеристики деятелей монгольского правительства, положение белой эмиграции (группировки, деятельность руководителей, задачи); иностранные группировки и объединения, шпионаж английский и японский; контрреволюция (агитация лам и князей, центр контрреволюции,

связь с Китаем и другими контрреволюционными группировками); освещение буддизма как «религиозной группировки»; выявление связи Монголии с Бурят-Монгольской АССР[340].

В марте 1925 г. начальник областного отдела ОГПУ Бурят-Монгольской АССР В.А. Абрамов направил полпреду ОГПУ по Дальнему Востоку А.П. Альпову отчет о некоторых результатах работы советской резидентуры. В отчете указывалось, что спецслужбами было недооценены возможности и перспективы, которые предоставляла и открывала Урга в части распространения разведывательной работы на Китай, Тибет и Индию. Это сказывалось и при подборе сотрудников, посылаемых для работы в Монголию, чей уровень оставлял желать лучшего. Автор документа предлагал комплектовать низовой аппарат советских спецслужб в Монголии по возможности из «выдержанных» партийцев из среды бурят и калмыков, отказавшись при этом от направления в Ургу русских работников. Последние, по его мнению, не прививались даже в национальных областях Советского Союза, а в Монголии наносили откровенный вред и ведомству, и даже Коминтерну[341].

Важное значение для понимания деятельности советских спецслужб на восточном направлении, и в Монголии, в частности, представляют материалы Восточного, Иностранного, Информационного и Контрразведывательного отделов ОГПУ, а также Полномочных представительств ГПУ — ОГПУ по Дальнему Востоку и Сибири.

Так, в циркулярных письмах *Восточного отдела* ОГПУ содержались механизмы информационного обеспечения деятельности советских и партийных органов: методы и формы сбора первичной информации о лидерах и организациях «восточной контрреволюции», регламент предоставления документов ПП ОГПУ в Центр[342]. Чем ценны эти документы? Они наиболее полно раскрывают специфику работы не только Восточного отдела, но и Иностранного и Контрразведывательного: формулируют цели, задачи, направления работы, источники сбора информации для реализации вполне конкретных задач. Логика развертывания национально-освободительного, религиозного движения в категориях новой идеологии, понимание специфики Монголии, ее взаимоотношений с СССР, Китаем, Японией и Танну-Тувинской Республикой, анализ проблем в информационном обеспечении деятельности ГПУ, ОГПУ, НКИД, ЦК ВКП(б), пути устранения выявленных проблем — все эти нюансы позволяют наметить характеристики монголо-буддийского дискурса советских

спецслужб в 1920-е гг.

Следующая группа документов, готовившаяся в Восточном отделе — «Информационные сводки по восточным окраинам СССР и сопредельным с ними странам» и «Обзоры по восточным окраинам РСФСР — СССР и сопредельных стран». Материалы по сопредельным странам, освещали восточную политику империалистических держав и Советской России, имеющие гриф «Совершенно секретно», а также рабочие сводки, справки, сообщения[343]. В сводки включалась информация, структурированная в небольшие подразделы в соответствии с проблемно-географическим принципом. Как правило, они начинались с раздела «Общее положение на Востоке», в котором аккумулировались материалы по зарубежным странам, входившим в зону интересов Советской России, в т. ч. по Монголии. Следом обобщались материалы по союзным и автономным республикам, губерниям и областям СССР, в которых был высок процент нерусского населения: среди них — Сибирь, Дальний Восток, Бурятия.

Кроме того, Восточный отдел готовил сводки по Монголии и Дальнему Востоку, в которых отражалась текущая ситуация, информационные сообщения о деятельности Японии во Внутренней Монголии под лозунгом создания «Автономной Монголии», а также о попытках Японии распространить свое влияние на Внешнюю Монголию и Дальневосточный край[344].

В обзорах и информационных сообщениях проходила и тема буддизма, положения и деятельности лам в регионах компактного проживания народов, исповедующих эту религию (Бурят-Монголия, Внешняя Монголия)[345].

Иностранный отдел ОГПУ концентрировал сообщения о политическом положении в Монголии, справки, содержащие сведения об отношении ее с Китаем и Японией, разведывательной деятельности этих стран в отношении Монгольской Народной Республики[346]. Документы ИНО свидетельствуют, что к Монголии проявляли интерес и европейские страны, например, в ноябре 1925 г. был добыт доклад датского посланника в Пекине по ситуации во Внешней Монголии[347].

В документах ИНО содержалась информация о работе монгольской контрразведки против советских инструкторов, настроениях в монгольской армии и в среде ламства, переселении монголов и казахов из Синцзяна в МНР, о конфликтах на монголо-китайской границе[348]. Записки о решении религиозного вопроса в Монголии и взаимоотношениях с ламами, сводки Иностранного отдела ОГПУ о деятельности Панчен-ламы[349].

Наибольший интерес представляют «Обзоры политического и экономического положения республики» (с 1923 — СССР), которые готовились ИНФО ГПУ — ОГПУ для доклада высшему партийному и советскому руководству Советского Союза, а также для информирования руководящего состава ГПУ — ОГПУ, а также секретарей губернских и областных партийных организаций[350].

В сводках и обзорах ИНФО ОГПУ мы регулярно встречаем такие понятия, как «пантюркизм», «панисламизм», «панмонголизм». Каждое из названных движений, по мнению ОГПУ, угрожало безопасности советского государства. Так, в разделе «Националистические партии и группировки» обзора политико-экономического состояния СССР за апрель — май 1923 г. эксперты спецслужб дают характеристику «Панмонголистского движения»[351].

Контрразведывательный отдел готовил справки, аналитические записки, информационные сообщения, содержащие материалы о борьбе с контрреволюционными повстанческими организациями в регионе, характерной тактикой которых было взаимодействие национальной («восточной») контрреволюции с русской (преимущественно, казачьей) контрреволюцией. В ряде восстаний, руководимых контрреволюционными организациями, совместно участвовали алтайцы и русские казаки (Ойротия), буряты, русские казаки (Бурятия, Монголия и ДВК), русские и казахи-националисты (Казахская АССР)[352].

Монголо-будийская тема стала одним из весьма специфических направлений в работе советской разведки и контрразведки 1920-х — 1930-х гг. Не представлявшая первостепенную важность тема выстраивания отношений с относительно слабым геополитическим субъектом, отчасти объясняет фрагментарность сведений, которые добывались десятками подразделений центрального и местного аппарата ГПУ — ОГПУ.

Архивные документы свидетельствуют о напряженной работе советских спецслужб на монголо-бурятском направлении, сложностях взаимодействия с местными национальными элитами, проблемах с незнанием сотрудниками национальных и религиозных особенностей местного населения.

Отсутствие системной и глубокой проработки «монгольского» вопроса и заметной внутриведомственной полемики по ним также являлось производной кадрового дефицита и весьма ограниченных возможностей и стремления к привлечению работников из числа местного населения. Осознание необходимости включения местных элит в работу спецслужб

существовало, прежде всего, у работавших «на земле» чекистов, но не было услышано в Москве.

И. Ю. Бережанская, А. С. Сухарева
г. Москва

Борьба органов госбезопасности с оппозиционными партиями в Советской России

Становление нового государства — Союза Советских Социалистических Республик — пришлось на 20-х гг. XX столетия. Это десятилетие стало поворотным моментом отечественной истории, сформировав дальнейший вектор развития всей страны. Окончание Первой мировой и Гражданской воин в России обусловили серьезный социальный и экономический кризис, приведший к упадку промышленного производства, голоду и обострению демографической проблемы.

С 1920 г. в Советской России нарастала политическая борьба против установления монополии еще не утвердившейся власти большевиков, что спровоцировало репрессии и усиление контрмер в отношении любой оппозиции в СССР. Начиная с 1920 г. в стране вспыхнул ряд восстаний и народных выступлений, связанных, прежде всего, с жесткими установками «военного коммунизма» и впоследствии «продразверстки», ставшими первыми неэффективными методами восстановления экономики государства. На фоне общественного сопротивления активизировалась деятельность антисоветских партий. Особая роль принадлежала меньшевикам и эсерам, которые вели широкую агитационную деятельность по ослаблению влияния политического соперника в лице большевиков. Их работа была неразрывна связана с масштабными антисоветскими восстаниями 1920–1922 гг. Помимо общеизвестных партий, существовали различные региональные объединения[353]. Все вышеперечисленные политические структуры находились в оппозиции к центральной власти, но при этом примерно до середины 1920-х гг. вели свою работу легально.

Центральным органом, в полномочия которого входила защита государственной безопасности от контрреволюции и антисоветских настроений, была ВЧК, с 1922–1923 г. — ГПУ/ОГПУ. Основным направлениями ее деятельности стали борьба против антисоветской агитации, контрреволюции, должностных и воинских, а также уголовных преступлений, иностранного вмешательства во внутренние дела государства[354]. Особое

внимание придавалось решению вопроса, связанного с эмигрировавшими силами либеральных и социалистических партий, которые при поддержке иностранных спецслужб стремились пошатнуть влияние большевиков[355]. Наряду с ними серьезную угрозу становлению политической системы в стране представляли и те организации, которые продолжили контрреволюционную деятельность внутри СССР. Именно в отношении членов этих оппозиционных структур развернулась активная работа Чрезвычайной комиссии. Контроль и наблюдение за их выступлениями на митингах, внедрение агентов ОГПУ в оппозиционные круги для подрыва работы изнутри носили плановый характер[356]. Основными мерами борьбы стали недопущение политической деятельности, аресты и последующие за этим высылка из страны или тюремное заключение. В поле зрения ГПУ — ОГПУ находились практически все оппозиционные политические партии[357], общественные «благотворительные» буржуазные организации, действующие на территории Советской России, такие как Всероссийский комитет помощи голодающим[358], иностранные организации — Американская администрация помощи (АРА)[359], а также свободно мыслящая интеллигенция[360].

При этом Американская администрация помощи объявлялась «значительным центром шпионских организаций» в России. Так, в обзоре политико-экономического состояния РСФСР за май — июнь 1922 г., подготовленном Информационным отделом ГПУ, отмечалось, что «перехваченные документы с несомненностью устанавливают истинный характер деятельности» АРА и доказывают, что «АРА, помимо помощи голодающим России, преследует также и другие цели, ничего общего с гуманитарными идеями и филантропией не имеющие. Установлена персональная виновность в шпионаже и контрреволюции многих ответственных американцев — руководителей организации АРА в России. К изоляции их ГПУ не приступает только потому, что обострение отношений между РСФСР и АРА ослабит помощь, оказываемую АРА голодающему населению Республики»[361].

Местные органы ГПУ были нацелены на постоянное наблюдение за представителями меньшевиков и эсеров на митингах и собраниях, высылку взятых ими на учет меньшевиков из крупных городов, промышленных центров в глухие места, преимущественно на окраины страны. По отношению же к анархистским организациям, ввиду их малочисленности и слабого влияния на рабочих и крестьян, превентивные операции должны были проводиться «по мере проявления ими активной деятельности»[362].

Еще одним объектом контроля со стороны ГПУ — ОГПУ были «пантюркистские» и «панисламистские партии и организации, которые, по мнению представителей советских спецслужб, якобы действовали в Крыму, Казахстане, на Северном Кавказе и в Закавказье, в Средней Азии и Волго — Уральском регионе[363].

Так, к числу «контрреволюционных» организаций в Казахстане была отнесена партия «Алаш», преследование ее сторонников велось, несмотря на то, что в соответствии с постановлением ВЦИК они не подлежали никакому преследованию и наказанию[364].

Расширение полномочий советских органов безопасности происходило на основании декретов и постановлений, принимавшихся высшими органами государственной власти. Так, 10 августа 1922 г. ВЦИК принял декрет «Об административной высылке». По нему Особой комиссии при НКВД под председательством наркома внутренних дел и представителей от НКВД и НКЮ было дано право без суда высылать лиц, причастных к контрреволюционным выступлениям, за границу или в установленные районы страны. 16 октября 1922 г. постановлением ВЦИК Особой комиссии при НКВД было предоставлено право высылать и заключать в лагерь принудительных работ на срок не свыше трех лет деятелей антибольшевистских партий, а также рецидивистов, судившихся за бандитизм, разбой и другие уголовные преступления[365].

Большевики с самого начала стали проводить неоднозначную политику в отношении сионистов. Так, хотя члены организации вошли в 1917 г. во Всероссийское учредительное собрание и открыто выступали на политической арене[366], тем не менее, в это же время стало происходить первое приравнивание сионизма к контрреволюции[367]. Против них активную деятельность развернули Центральный комиссариат по еврейским национальным делам и еврейские секции РКП(б), подотчетные ЦК РКП(б) во главе с Центральным бюро евсекций. Мерами по борьбе с сионизмом стали преследования членов организации, их арест, закрытие сионистский изданий.

Следует отметить, что, несмотря на проводимые меры в отношении сионистов, они не считались серьезной угрозой большевизму, и даже поначалу имели лояльное отношение со стороны таких видных деятелей правящей партии как Ф.Э. Дзержинский и Л.Б. Каменев.

К моменту образования Советского Союза сионисты стали представлять собой наибольшую организованную и структурированную силу евреев в стране. Тем не менее, открыто действовали только два сионистских объединения: легальное

крыло «Гехолуц»[368] и Еврейская коммунистическая рабочая партия «Поалей Цион».

Обращаясь к внутреннему устройству сионистского движения, следует отметить, что в 1920-х гг. оно делились на политические организации («Дрор»: Сионистско-социалистическую федерацию, «Альгемейн Сион»: Сионистскую организацию России, «Цеирей Цион»: Народную фракцию Сионистско-социалистической партии, «Цеирей Цион-Гитахдут»: Сионистскую трудовую партию), объединения студентов и молодежи («Кадима», Единую всероссийскую организацию сионистской молодежи (ЕВОСМ), Еврейский спортивный союз «Маккаби», скаутский сионистский союз «Гашомер Гацоир», Еврейский союз социалистической молодежи (ЕССМ) и т. д.), а также организации по подготовке переселенцев в Палестину (Национальную трудовую организацию «Гехолуц» («нелегальный»), Всероссийскую трудовую организацию «Гехолуц» («легальный»))[369]. Крупнейшие центры действовали на территории России (в Ленинграде, Москве, где в 1920 г. сформировано Центральное сионистское бюро, Нижнем Новгороде), Киеве, а также в Белоруссии.

Активная деятельность сионистов продолжалась и в середине 1920-х гг., путем привлечения в организацию молодежи, ее подготовки к работе в Палестине, издании сионистских газет, печати листовок и важных материалов.

В Центральном архиве ФСБ России хранится ряд документов, отражающих деятельность ряда сионистских организаций и борьбу органов госбезопасности с ними. Некоторые материалы опубликованы в сборнике «“Совершенно секретно”: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.)». В издание вошли ежемесячные обзоры ОГПУ о политико-экономическом состоянии СССР. Они основывались на сводках информационных отделов ВЧК — ГПУ — ОГПУ на местах, а также дополнительных сведениях секретно-политических и контрразведывательных отделов ОГПУ и готовились для руководства страны как форма политической и экономической информации органов госбезопасности. Изначально с момента появления обзоров в 1921 г. для их подготовки использовалась оперативная информация областных и губернских органов безопасности, милиции, сведения, предоставляемые государственными учреждениями, партийными, советскими и профсоюзными организациями, публикации периодических изданий. Ценность этого документального исторического источника заключается в том, что наряду со статистическими данными, которые входили в обзоры, в них предоставлялись примеры, факты, события,

явления, подтверждавшие и иллюстрировавшие сухие цифры и показатели. В большинстве своем, как правило, сводки были разделены на несколько тематических разделов: «Общее положение», «Рабочие», «Крестьянство», «Красноармейцы», «Антисоветские партии», «Националистические партии и группировки», «Религиозные течения», «Интеллигентские группировки», «Кооперация», «Бандитизм», «Контрреволюционные группировки за кордоном». Таким образом, информационно-аналитические подразделения органов безопасности положили начало образованию системы информационного обеспечения руководства СССР и предоставляли самые полные сведения обо всех областях жизни населения.

Данные о деятельности сионистских организаций помещались в разделе о националистических партиях. Первый обзор политико-экономического состояния СССР, в котором была представлена информация о сионистах, охватывает апрель — май 1923 г. Этот период, как отмечали аналитики ГПУ, характеризовался ухудшением хозяйственного состояния Республики, тревожным настроением населения в силу тяжелой болезни Ленина, развитием бандитизма[370]. В это время сионисты уходили в подполье, руководители движений задумывались об их объединении, что, например, в марте 1924 г. привело к слиянию «Геховер», «Кадима» и «Гистадрут». В 1923 г. сотрудники ГПУ уже выявляли подобную тенденцию, в частности, организаций «Гехолуц», «Маккаби» и «Цеирей Цион»[371].

Следующий сохранившийся в архивном фонде обзор политико-экономического состояния СССР содержит информацию за июль 1924 г. К этому времени легальный «Гехолуц», пользуясь своими правами, созвал съезд, на который прибыли около 70 делегатов из России, Украины, Крыма и Белоруссии. Поскольку организация была создана Сионистско-социалистической партией и находилась под ее влиянием, нашлись беспартийные представители «Гехолуц», которые попытались вести борьбу против влияния ЦСП, но их попытки не увенчались успехом. Сионистско-социалистическая партия не могла позволить себе потерять влияние в «Гехолуц», потому что легальный статус последней давал ЦСП возможность продолжать нелегальную работу. Кроме того, «Гехолуц» заинтересовал представителей Еврейской коммунистической рабочей партии («Поалей Цион»), делегат которой также посетил съезд. По мнению аналитиков органов безопасности, таким образом сионисты пытались создать единый фронт движения, что, в свою очередь, сильно беспокоило властей и привело к усилению контрмер против сионистской деятельности[372].

В сентябре 1924 г. был подготовлен еще один обзор политико-экономического состояния СССР. Несмотря на репрессивные меры органов безопасности, разгромленные сионистские организации в Белоруссии начали возобновлять нелегальную работу. Особую активность, как и прежде, проявлял легальный «Гехолуц»: в Самарканде, Саратове, Перми и Брянске были созданы его отделения, образовалась инициативная группа с целью организовать ассоциацию писателей-«гехолуцианцев», двое представителей течения посетили совещание всемирного «Гехолуц» в Данциге, в ЦК которого оставлено одно место для участника российско-украинской организации, ввиду усилившейся деятельности сионистов в Москве были арестованы несколько активистов «Гашомер Гацоир», а на Украине арестованы часть участников «Альгемейн Сион», «Гашомер Гацоир» и захвачены ценные материалы[373].

К концу 1924 г. активность сионистского движения в России не спадала. Особенно оживленно, как подчеркивали аналитики ОГПУ, отмечалась деятельность сионистов в Белоруссии. Власть и органы безопасности беспокоил тот факт, что сионисты агитировали вступать в свои ряды молодежь. В частности, в Белоруссии они вели работу на предприятия и привлекали молодых еврейских рабочих в свои организации. Литературу для обучения молодежи они получали из Ленинграда, а в Минске издавали газету «Вперед» на иврите, печатали листовки и воззвания[374].

Вся деятельность сионистов была представлена в негативном свете и представляла собой, по мнению органов ОГПУ, угрозу существовавшему политическому строю. Особое внимание было уделено тому, что сионизм привлекал еврейскую трудящуюся молодежь, которая проходила обучение в рядах «Гехолуц» и готовилась к работе в Палестине. Большевики уже чувствовали свою силу и вследствие того более жестко повели борьбу против антисоветских партий, в частности, сионистских организаций. В стране должны была существовать только одна — Коммунистическая партия большевиков. Поэтому даже социалистические партии сионистов, ряд из которых идеологически был близок к большевикам и готов сосуществовать с их властью, ликвидировались органами безопасности. Их участники получали тюремные сроки, отправлялись в ссылку, типографии, печатные материалы и архивы изымались. Все это отражено в обзорах следующего, 1925 г.[375]

В 1926 г. перед руководством страны стояли вопросы о будущем развитии государства, экономики и общества. В этом году началась индустриализация и подготовка к коллективизации

сельского хозяйства. Оппозиция более не представляла угрозы для режима, а в приоритете ОГПУ теперь было предупреждение и пресечение иностранного шпионажа. Однако сионистские организации не были ликвидированы повсеместно. Их работа нашла отражение на страницах обзора политического состояния СССР за июнь 1926 г. В целом документ свидетельствует об ослаблении деятельности в силу продолжавшихся арестов, конфискаций материалов и ликвидаций групп[376].

В мае 1927 г. обзор освещал празднование сионистско-социалистическими организациями Первомая, подчеркивая, что мероприятия проходили внутри ячеек, боявшихся репрессий со стороны властей. Лишь одна из одесских молодежных скаутских групп попыталась распространить листовки, но все они сразу же были изъяты[377].

В июне, как отмечалось в первом летнем обзоре, «в сионистском движении в СССР изменений не было»[378].

Тем не менее, в июле 1927 г. Сионистско-социалистическая партия вновь начала работу. Ей удалось создать Центральное бюро, которое должно было выяснять текущее состояние сионистско-социалистической общественности в СССР, возобновить деятельность в прежнем объеме, наладить связь с всемирным объединением сионистско-социалистической общественности. Одновременно подняли голову и сионистско-трудовые группы на Украине, которые готовились приступить к более активной работе[379].

В 1928 г. руководство страны одержало победу над политическими противниками и крепко держало власть в своих руках. Страна пребывала в продовольственном кризисе, ухудшалось как внутреннее, так и международное положение в СССР. Органы безопасности были привлечены к выполнению директив в отношении хлебозаготовок. Конец 1920-х гг. ознаменовал и конец сионистского движения в СССР. По сути, к 1930 г. оно было повсеместно ликвидировано. Это подтверждается и краткими сведениями о сионистах в обзоре политического состояния СССР за март: «За отчетный период ликвидирован главный штаб скаутско-социалистической организации (“Гашомер Гацоир”)»[380].

Таким образом, подводя итог всему вышесказанному, следует отметить, что период наибольшей активности сионистского движения в России в XX в. пришелся на переломный момент для нашей страны, а именно на смену политического режима и становление нового Советского государства. Основная деятельность государственных органов безопасности в первое десятилетие образования СССР была обращена на ликвидацию

любой оппозиционной силы в стране вне зависимости от ее политических и идеологических убеждений ввиду опасения подрыва монополии власти большевиков.

«Антисоветизм» мнимый и реальный, а также обвинение в нем стали мощнейшим механизмом контроля и влияния над общественными массами в их идейной и партийной принадлежности. Расширение полномочий ВЧК — ГПУ — ОГПУ, происходившее за счет декретов и постановлений правительства, лишь усиливало данную тенденцию.

Борьба с сионизмом, движущей силой еврейской общины в 1920-х гг., представляет собой один из ярчайших примеров проведения подобной политики в нашем государстве. Несмотря на то, что цели сионистов никак не были связаны с контрреволюцией, они стали одной из крупнейших общественно-политических организаций, подвергшихся репрессиям и притеснениям со стороны советского правительства. Причиной чему послужили организованность и действенность объединения в столь нестабильный период отечественной истории. Проводимые в их отношении жестокие меры привели к прекращению работы сионистских структур в Советской России к началу 1930-х гг.

Архивные документы, хранящиеся в странах постсоветского пространства, а также в архивах Федеральной службы безопасности Российской Федерации, предоставили подробные отчеты о деятельности как самих сионистов, так и советского правительства против них.

Широкий спектр трудов, посвященных рассмотренной проблематике, позволил оценить важность исследования данного вопроса, а также масштабы активности российских сионистов, их вклад в продвижение сионистских идей и помощь в возвращении евреям их родины — Палестины.

М. К. Теунов
г. Нальчик

Роль Восточного отдела ОГПУ в борьбе с мусульманским духовенством на Северном Кавказе (на примере Кабардино-Балкарии)

К моменту установления советской власти на Северном Кавказе мусульманское духовенство являлось самой многочисленной, влиятельной и, с точки зрения советской исторической науки, наиболее консервативной группой интеллигенции[381].

В первые годы установления советской власти политика большевиков в отношении мусульманского духовенства характеризовалась большой осмотрительностью, осторожностью и существенным образом отличалась от политики в отношении православного духовенства, сросшегося с государственной властью в Российской империи.

Посулы об отмене национальных и религиозных ограничений, сохранении обычаев и культуры мусульман, и особенно тезис «о совместимости коммунизма и шариата», помогли большевикам заключить союз с лидером местного мусульманского духовенства Н. Катхановым. Возглавляемая им шариатская колонна под лозунгом «За советскую власть, шариат и объединение народа!» способствовала установлению советской власти в Кабарде и Балкарии[382].

С момента установления в конце 1921 г. контроля над основной частью Северокавказского региона 14-м спецотделением Особого отдела Государственного политического управления при НКВД РСФСР регулярно направлялся в Москву информационно-аналитический материал по Северному Кавказу и Закавказью. Особенно часто в Центр приходили сведения по наиболее сложным с точки зрения оперативной обстановки районам Северного Кавказа — Чечне, Дагестану и Кабарде[383].

С конца 1922 г. основная нагрузка по сбору и анализу информации по Северному Кавказу легла на Восточный отдел, образованный приказом ГПУ от 2 июня 1922 г. № 98 в составе Секретно-оперативного управления ГПУ[384]. В рамках своих полномочий Восточный отдел в числе прочих курировал

деятельность Полномочного представительства ОГПУ по Юго-Востоку в Ростове-на-Дону, с сентября 1924 г. — Полномочного представительства ОГПУ по Северокавказскому краю, в состав которого входили 15 областных и окружных отделов, в том числе и Кабардино-Балкарский областной отдел[385].

В 1920-е гг. Восточный отдел в своей переписке со структурными подразделениями ОГПУ на местах постоянно употреблял такие выражения как «шариатисты», «шариатское движение», подразумевая под ними так называемые панисламистские организации, якобы действовавшие на Северном Кавказе и, в частности, в Кабардино-Балкарии.

В январе 1923 г. Восточный отдел отмечал, что в Кабарде и Балкарии повсеместно функционируют шариатские суды, что советские народные суды не пользуются доверим среди широких масс коренного населения, а мусульманское духовенство ведет агитацию о неприемлемости советского судопроизводства вследствие его слабости и неспособности установить должный правопорядок[386].

Несмотря на то, что мусульманское духовенство и религиозные организации находились под пристальным контролем советских спецслужб, власти рекомендовали последним крайне осторожно осуществлять в отношении них свою деятельность, дабы не вызвать массовое недовольство населения. Так, Восточный отдел в своем письме, направленном в 1923 г. в подразделения ГПУ на местах, рекомендовал «в порядке надзора за деятельностью религиозных обществ не производить никаких вторжений в молитвенные дома во время собраний или совершения религиозных обрядов до окончания таковых»[387].

Хотя советская власть и вынуждена была проявлять лояльность в отношении мусульманского духовенства, тем не менее, она уже с середины 1920-х гг., в нарушение собственных деклараций, осуществляла систематические мероприятия по отчуждению служителей культа от трудового народа, их изоляции от общественной жизни. Среди указанных механизмов наиболее распространенными были лишение духовенства избирательных прав, повышение налогообложения за профессиональную деятельность, а также отказ от постановки на учет на бирже труда до момента публичного отказа от сана[388].

В связи с этим показательна справка, датированная 1925 г. и направленная заместителем заведующего Восточным отделом ОГПУ Н.Л. Волленбергом Ф.Э. Дзержинскому, в которой отмечалось, что «мусульманское духовенство является решающей силой на Северном Кавказе. Лишение его общегражданских прав не позволяет приспосабливаться к новым общественным

отношениям, и оно вынуждено вести с нами борьбу не на жизнь, а на смерть»[389].

Боязнь открытого вооруженного выступления против советской власти толкала работников Восточного отдела ОГПУ к плотному изучению общественно-политической ситуации в регионе, отслеживанию деятельности наиболее крупных, значимых фигур и их возможных связей с зарубежьем. В Кабарде и Балкарии именно религиозные авторитеты становились центром формирования антибольшевистских настроений. В частности, ОГПУ рассматривало Н. Катханова как наиболее крупного и влиятельного лидера шариатского движения на Северном Кавказе, могущего объединить под знаменем Ислама значительную часть коренного мусульманского населения[390]. Подобные идеи распространялись и подогревались известными кабардинскими шариатистами — К. Шогенцуковым и А. Абуковым.

К середине 1920-х гг. советская власть на Северном Кавказе более или менее укрепилась, и уже не нуждаясь в лояльности духовных авторитетов, готовилась к решительной борьбе с недавними союзниками. Все громче начинали звучать призывы «отбросить нейтральную тактику в вопросах религии на Востоке»[391]. Конфликт нового большевистского строя и религии был предопределен. Синтезировав культуру своих народов с достижениями исламской цивилизации, мусульманское духовенство «придерживалось ценностей, противоречащих коммунистической идеологии», а потому являлось «потенциальной духовной оппозицией правящему режиму»[392].

22 июля 1925 г. председатель Кабардино-Балкарского облисполкома Б. Калмыков официально заявил о наличии плана борьбы против мусульманского духовенства области[393].

Осуществляемые советской властью шаги по ограничению сферы влияния мусульманского духовенства в обществе выражались, в частности, в лишении его традиционных занятий. Советское государство пошло на ограничение сферы шариатского судопроизводства, а в последующем и его полной ликвидации; введение запрета на преподавание в советской школе религии; передаче закята Крестьянским комитетам общественной взаимопомощи; лишение духовенства права регистрации рождений, браков и смертей. Указанные действия в значительной степени сократили полномочия служителей мусульманского культа, существенно ограничив область их влияния на общественную жизнь народов исследуемого региона[394].

Но вытравить из сознания северокавказских народов исламскую религию, которую они исповедовали несколько

столетий, за такой короткий срок было задачей сверхсложной. Однако эту проблему, так же, как и другие, вполне можно было решить репрессивными мерами. В частности, Оргбюро ЦК ВКП (б) на заседании, состоявшемся 18 августа 1927 г., потребовало от ОГПУ усиления борьбы «с контрреволюционной частью мусульманского духовенства через соответствующие организации, не останавливаясь перед применением репрессивных мер судебного и внесудебного характера»[395].

Призывы высшего политического руководства СССР на ужесточение и применение репрессий против так называемого «реакционного мусульманского духовенства» не остались не услышанными. С марта 1928 г. ОГПУ с санкции ЦК ВКП (б) резко ограничивает деятельность мусульманского духовенства и начинает применять против него репрессии[396].

Обыденным явлением становятся расстрелы и высылка духовных лиц и ученых-арабистов. Первыми жертвами репрессивного маховика стали недавние союзники большевиков «шариатисты» Н. Катханов и К. Шогенцуков, как «предатели, попутчики, контрреволюционеры, знаменосцы кулацко-мулльской идеологии. Представителей мусульманского духовенства, среди которых был видный «шариатист» А. Абуков, репрессировали и как участников антиколхозных восстаний, имевших место в Кабарде и Балкарии в конце 1920-х гг. По официальным данным, в результате карательных мер 88 кабардинских и балкарских мусульманских священнослужителей были репрессированы. Обвинения против них были стандартными — «за антисоветскую и контрреволюционную деятельность» (ст. 58 УК РСФСР)[397].

Фабрикуемые органами ОГПУ материалы уголовных дел в отношении влиятельных религиозных деятелей были типичными. В основном руководителем «контрреволюционной группы» определялся какой-нибудь известный мулла, а в качестве свидетелей выступали местные советские активисты и кто-либо из «бедняков». Показания «свидетелей» тоже не отличались оригинальностью. Затем выявлялось и привлекалось его ближайшее окружение. Прежде чем арестовать влиятельного религиозного деятеля, через агентов выясняли обстановку в нужных населенных пунктах.

Анализируя приговоры периода конца 1920-х гг. справедливости ради отметим, что репрессивные меры применялись к представителям мусульманского духовенства сравнительно редко и лишь к наиболее реакционной его части. Основой для обвинений в основном становилась профессиональная деятельность служителей культа. Большинство из них пережило лагеря, но лишь немногие вернулись после этого

к религиозной деятельности. Опасаясь дальнейших репрессий, многие представители духовенства публично заявляли об отказе исполнять религиозные обряды.

По сведениям ОГПУ, к октябрю 1928 г. в Кабардино-Балкарии осталось 307 служителей мусульманского культа, из которых 153 уже отказались от своей деятельности[398]. Но партийные органы, недовольные данным обстоятельством, в январе 1929 г. потребовали дальнейшего усиления «репрессивных мер против контрреволюционной части мусульманского духовенства»[399], считая, что оно по-прежнему сохраняет влияние на крестьян, неотъемлемо от жизни, и ревностно защищается последними.

По далеко неполным данным, с начала 1928 г. по конец 1931 г. в Кабардино-Балкарии было подвергнуто репрессиям более 200 служителей мусульманского культа[400].

К концу 1920-х гг. позиции Советов в Кабардино-Балкарской автономной области были уже достаточно прочными, а местный отдел ОГПУ приобрел значительный опыт в борьбе с мусульманским духовенством и в подавлении личности посредством нагнетания в обществе морально-психологического напряжения.

В основном логика репрессивной политики советских спецслужб была типичной. Работники Восточного отдела ОГПУ, основываясь на высказываниях мусульманских религиозных лидеров об отрицательном восприятии советской власти, собирали первичную информацию и после ее творческой интерпретации, делали вывод о существовании «центров заговора» на местах. Тем самым в ОГПУ фактически формировали «реакционные исламские центры», «устанавливали» их связи с эмиграцией и представителями иностранных государств. Все это впоследствии «подтверждалось» в ходе многочисленных допросов арестованных[401].

Работники ОГПУ сознательно преувеличивали масштабы деятельности конкретной личности или вышеуказанных «реакционных исламских центров».

К этому времени «в силу складывающихся тенденций на местах и в целях объединения работы по всем видам шпионажа и по белогвардейско-кулацкой и повстанческой контрреволюции» приказом ОГПУ СССР от 10 сентября 1930 г. № 299/137 Восточный отдел был ликвидирован[402].

Таким образом, советские спецслужбы сделали все возможное, чтобы лишить мусульманское духовенство влияния в обществе. Эта работа велась целенаправленно и методично. Предполагалось, что, как и все остальные мероприятия, борьба с мусульманским духовенством должна будет завершиться в

сжатые сроки, и чем меньше оставалось времени, тем жестче были репрессивные меры в отношении религиозных деятелей. Официальная идеология интерпретировала это как классовый антагонизм. Чем явственней становилась тенденция усиления репрессивной составляющей деятельности советского государства и жестче звучала риторика внутрипартийной борьбы, тем очевиднее становилась иллюзорность насаждения большевистской идеологии и переориентации общественного сознания горцев.

А. Г. Марутин
г. Санкт-Петербург

Деятельность ПП ОГПУ по борьбе с белоэмигрантским терроризмом в Ленинградском военном округе

1927 г. вошел в историю страны, как год «военной тревоги». В январе член ЦК РКП(б) Я. Э. Рудзутак, выступая на XXIV Ленинградской губернской партийной конференции, обратил внимание актива на угрозу возникновения войны: «Мы вступаем сейчас в такую полосу истории, когда наши классовые враги неизбежно навяжут нам войну»[403].

События лета 1927 г. подтверждали опасения руководства страны о реальности военной угрозы.

3 июня в Москве на улице Малая Лубянка, в доме, где проживали сотрудники ОГПУ, были обнаружены и обезврежены зажигательные бомбы общим весом в 4 кг.

4 июня советские газеты опубликовали сообщение о том, что в районе села Алтуховка Смоленской губернии в перестрелке с бойцами ОГПУ убит террорист Э.О. Опперпут-Стауниц — участник покушения на взрыв дома на Малой Лубянке в Москве.

6 июня в Москве террористом Русского общевоинского союза (РОВС) Г. Н. Радкевичем-Шульцем была брошена бомба в бюро пропусков ОГПУ.

На следующий день, 7 июня, из Варшавы, Ленинграда и Минска пришли известия о совершенных террористических актах. В Варшаве, на вокзале, русским белоэмигрантом Б.С. Кавердой был убит полпред СССР в Польше П.Л. Войков. В Ленинграде, в здании Дискуссионного клуба, группой террористов РОВС был осуществлен террористический акт, направленный против партийного актива города. В Минске в результате террористического акта был убит заместитель полпреда ОГПУ по Белорусскому военному округу И. К. Опанский[404].

8 июня на КПП Батумского погранотряда сотрудниками погранохраны ПП ОГПУ в Закавказской Советской Федеративной Социалистической Республике при переходе турецко-советской границы был задержан эмиссар Парижского бюро ЦК СДПГ (м) И. Карцивадзе.

Реакция политического руководства СССР была предельно жесткой. 10 июня 1927 г. оно опубликовало официальное

сообщение Коллегии ОГПУ о вынесении смертных приговоров 14 террористам-монархистам и 6 английским шпионам[405].

Из всех террористических групп, заброшенных в СССР, только тройке под началом В.А. Ларионова удалось осуществить террористический акт и с помощью финских спецслужб скрытно пересечь советско-финскую границу.

Как пишет в своих воспоминаниях Ларионов, они совершили несколько выходов в Ленинград с целью разведки местности. Заранее подготовленного плана и четко обозначенной цели у террористов не было, весь их поход в северную столицу был сплошной импровизацией[406].

Но на самом деле за любой успешной импровизацией стоит большая подготовленная работа. Отделение Русского общевоинского союза, которое находилось в Финляндии, имело в Ленинграде конспиративные квартиры и свою агентуру, с помощью которой эмиссары РОВС собирали необходимую информацию. В.А. Ларионов в своих воспоминаниях об этом умалчивает. Однако нахождение агентов РОВС в Ленинграде подтверждается материалами уголовного дела № 1985 от 14 февраля 1928 г., возбужденного в отношении гражданки Е. П. Хвощинской уполномоченным 5-го отделения КРО ПП ОГПУ в Ленинградском военном округе (ЛВО) Л.П. Дмитриевым[407].

В процессе расследования было установлено, что проживавшая в Ленинграде вдова бывшего гвардейского офицера Е.П. Хвощинская с 1914 г. лично знакома с генералом А. П. Кутеповым. В эмиграцию она не поехала, осталась в Ленинграде, устроившись работать преподавателем музыки. В апреле 1925 г. в пригородном поезде познакомилась с С.С. Кожевниковым, прибывшим из Финляндии с целью ведения разведки и создания агентурных позиций в Ленинграде. В процессе знакомства Кожевников представился Хвощинской журналистом одной московской газеты и попросил об услуге — возможности останавливаться в ее квартире во время приездов в Ленинград.

В конце июня 1925 г. на квартиру Хвощинской прибыл молодой человек, который представился Старковым передал от Кожевникова привет, деньги и духи. Через два дня он снова появился и попросил разрешения переночевать. Этим молодым человеком был А.Б. Балмасов, активный участник эмигрантской монархической организации, возглавляемой генералом А.П. Кутеповым. Во время своих тайных визитов в Ленинград он стал останавливаться у Хвощинской.

Следствию удалось установить, что от Кожевникова и Балмасова женщина получала задания собирать информацию о настроениях рабочих на заводах Ленинграда и крестьян в

пригороде. В ее обязанности входил прием от курьеров на хранение пакетов и документов. Так же через нее передавались условные пароли. Хвощинская вполне освоила искусство конспирации: она выбрала место в Петровском парке, куда можно было незаметно положить записку или документы. Но самой большой ценностью для представителей зарубежных монархических организаций было наличие у женщины квартиры[408].

Изучив обстановку в центре города, В.А. Ларионов и А. Б. Балмасов приняли решение совершить террористический акт в здании Дискуссионного клуба отдела агитации и пропаганды Ленинградского горкома ВКП(б), размещавшегося на Набережной Мойки, д. 59[409]. Это решение было не случайным: здание не имело охраны, в нем одновременно собиралось большое количество людей, кроме того, это центр города, где всегда много прохожих и, соответственно, есть высокая доля вероятности затеряется в толпе.

Как пишет Ларионов в своих воспоминаниях, они вошли в здание без десяти минут девять вечера, расписались на входе у дежурной по фамилии Брекс. Ларионов расписался как Федоров, а Мономахов поставил номер партийного билета 34, но в книге регистрации посетителей фамилию, которую написал Мономахов (Жаров) он не указал. Далее все трое поднялись в актовый зал, и, убедившись в том, что зал полон, бросили бомбы. Воспользовавшись всеобщим смятением, они скрылись с места преступления, а затем ушли в Финляндию[410].

В тот вечер в адрес заместителя руководителя ленинградского контрразведывательного отделения (ЛКРО) Н.Д. Шарова поступила докладная записка о взрыве в Дискуссионном клубе. В 21.10 ответственному дежурному по ПП ОГПУ в ЛВО Беликову позвонил один из участников совещания и сообщил о террористическом акте. По указанному адресу немедленно выехала группа сотрудников[411].

Осмотрев зал заседаний и опросив на месте свидетелей происшествия, сотрудники приступили к проведению дознания на месте. Дознание началось с опроса работницы гардероба В. А. Брекс, которая сообщила, что примерно за семь минут до взрыва в здание вошло трое незнакомых мужчин. По существующим правилам посещения клуба все посетители должны расписаться в книге посетителей. Двое расписались, а один отказался, сославшись на то, что он зашел на минутку в библиотеку. Посетитель, отказавшийся расписаться, держал в руках портфель, в котором находилось, что-то объемное. Один незнакомец снял свой макинтош и повесил на вешалку, второй отказался, а на

третьем был пиджак. Спустя примерно семь минут в зале заседаний раздался сильный взрыв. Так же Брекс вспомнила, что накануне шестого числа эти трое уже приходили в клуб. Так как по установленному правилу при входе в клуб необходимо предъявить партийный билет, незнакомец, который отказался расписываться, предъявил билет, но фамилию и номер закрыл пальцем, так что их невозможно было прочитать. В руках у него был портфель[412].

Работница клуба С. Н. Питкина сообщила сотрудникам ОГПУ, что пошла в буфет выпить чаю, в это же время туда вошли трое незнакомых ей молодых людей, один из них спросил, где проходит заседание.

Член клуба И.И. Презент сообщил, что, когда председатель клуба делал доклад, в зал вошел блондин, который бросил в сторону трибуны какой-то предмет, а затем еще один. Раздался оглушительный грохот. Член клуба Ямпольский, сидевший около входа, попытался задержать этого человека, но был ранен выстрелом из револьвера.

Помимо опроса свидетелей сотрудниками ОГПУ были проведены обыски в здании клуба и прилегающих зданиях, никого, кто бы по приметам подходил под описание, обнаружить не удалось. В тот же вечер сотрудники наружного наблюдения, находившиеся на посту около польского консульства, заметили автомобиль, из которого вышел неустановленный посетитель и быстро скрылся в здании консульства. Через некоторое время из этого здания вышли два человека и направились к зданию Дискуссионного клуба. Совершив внешний осмотр здания, они удалились[413].

Для координации действий между ПП ОГПУ в ЛВО и милицией о террористическом акте были проинформированы руководители Ленинградской милиции и уголовного розыска. После чего начались совместные проверки во всех гостиницах и подозрительных местах, где могли укрыться террористы.

Полностью первоначальный этап расследования преступления был отражен в рапорте заместителя начальника ЛКРО Н. Д. Шарова на имя начальника ПП ОГПУ в ЛВО С. А. Мессинга. В нем были перечислены неотложные мероприятия, проведенные для задержания террористов.

Сотрудники ОГПУ провели тщательный осмотр самого здания, где был осуществлен террористический акт, и трех соседних зданий, на все вокзалы разосланы приметы террористов и направлены сотрудники для осмотра пригородных поездов. В пограничные органы были даны указания на усиление границы и закрытие пунктов пропуска[414]. Так же в район Лахты были

направлены сотрудники ОГПУ для закрытия явок и переправочных пунктов на границе.

В процессе расследования сотрудники ОГПУ установили следующее:

во-первых, бомба, которая не разорвалась, была сделана по русской технологии, но краска, которая применена для покрытия корпуса, имела иностранное происхождение;

во-вторых, три неустановленных лица, которые вошли в здание Дискуссионного клуба, расписались вымышленными фамилиями, имели фамилии агентов ОГПУ, принимавших участие в операции «Трест»;

в-третьих, все свидетели утверждали, что одежда подозреваемых имела иностранный покрой;

в-четвертых, на гильзе, найденной в холле, отсутствовал фабричный знак, что указывало на то, что она была изготовлена по спецзаказу[415].

Учитывая тот факт, что Государственная граница СССР в 1927 г. проходила в 35 километрах от центра Ленинграда, полномочным представителем ОГПУ в ЛВО С. А. Мессингом было поручено заместителю начальника отдела контрразведки округа В Р. Домбровскому принять меры по усилению охраны всех участков советско-финляндской границы с целью установления и задержания всех лиц, пытающихся уйти в сторону Финляндии.

В рапорте начальника ГПУ Автономной Карельской Социалистической Советской Республики (АКССР) И. Н. Хропова В. Р. Домбровскому указывалось, что в зоне ответственности погранохраны ЛВО происходила заброска террористических групп из Финляндии и Латвии.

21 августа в районе села Шуя, что недалеко от Петрозаводска, двумя неизвестными был убит лесник-объездчик Ведешкин.

22 августа были задержаны двое неизвестных. Ими оказались члены РОВС А. Б. Балмасов и А. А. Сольский. К убийству лесника они отношения не имели. Убийство совершили члены РОВС А. А. Шорин и С. В. Соловьев, прошедшие по этому маршруту двумя днями ранее[416].

26 августа в районе города Остров были задержаны Н. П. Строевой, В. А. Самойлов, фон Адеркас.

В 1927 г. за охрану карельского участка Госграницы, проходившего по наиболее сложному участку местности, отвечал начальник ГПУ АКССР И. Н. Хропов. Именно благодаря его умелому руководству и слаженным действиям подчинённых, в районе Онежского озера были обнаружены две группы террористов, заброшенных с территории Финляндии. Для их

обнаружения и задержания И.Н. Хропов мобилизовал все силы погранохраны, подразделений ОГПУ на транспорте и территориальных органов безопасности. На всех дорогах, туристических и охотничьих тропах были выставлены секреты. Оперативные сотрудники, переодетые в охотников, рыболовов и собирателей ягод, прочесывали предполагаемые места нахождения террористов. Была подключена общественность, во все сельские советы посланы приметы террористов и обещано вознаграждение за информацию 2000 рублей.

Совокупность мероприятий по поимке террористов дала положительный результат. 26 августа в пять часов утра, в шести верстах от Онежского озера пограничным секретом были обнаружены двое неизвестных. При попытке провести задержание они оказали вооруженное сопротивление. В результате завязавшейся перестрелки двое пограничников получили легкие ранения, один был тяжело ранен.

Один террорист был убит, второму удалось скрыться. Для его задержания в район поселка Пески в 6 километрах от Петрозаводска была выдвинута оперативная группа под командованием начальника 3-го погранотряда Орлова. Оперативным сотрудникам удалось полностью блокировать местность, выйдя в район лесопильного завода. Там был обнаружен труп разыскиваемого террориста.

При осмотре трупов террористов каких-либо документов обнаружить не удалось. Оба были вооружены огнестрельным оружием с достаточным количеством патронов. У них имелись карты местности, компас, взрывчатка, 260 советских рублей и 10 золотых червонцев. Трупы обоих террористов по указанию И. Н. Хропова были забальзамированы и отправлены в Ленинград. Как потом установило следствие, это были А. А. Шорин и С. В. Соловьев. Причем последний являлся одним из участников проведенного террористического акта в Дискуссионном клубе.

Следствие по делу в Дискуссионном клубе было поручено начальнику 4-го отделения ОКРО в ЛВО Корниенко. В рамках уголовного дела сотрудниками подразделения были проведены необходимые исследования и экспертизы.

Экспертам предстояло ответить на следующие основные вопросы: из чего были произведены самодельные взрывные устройства (СВУ), какой их химический состав, какова мощность СВУ, кто являлся их производителем?

Взрывотехническая экспертиза проводилась на Центральном оборонном заводе Ленинграда. Ей было установлено, что СВУ общим весом 750 грамм изготовлено кустарным способом и имело сильную разрушительную силу. Капсюль, используемый в

СВУ от ручных гранат, имел наполнение 1,5 грамма гремучей ртути[417].

Помимо взрывчатки у террористов был обнаружен яд. В процессе химической экспертизы, проведенной в Военно-медицинской академии РККА, было установлено, что яд в виде сухого порошка произведен в лабораторных условиях и относился к группе батулотоксина. Отравляющее действие у батулотоксина возможно через подмешивание в холодную пищу, но при температуре свыше 80 градусов он утрачивает свои отравляющие свойства[418].

В протоколе допроса А. Б. Балмасова приводятся данные о совместной работе боевого крыла монархических организаций, возглавляемых генералом А. П. Кутеповым, и иностранных разведок. Из тех показаний, которые дал А. Б. Балмасов, следователям ОГПУ стал известен состав участников монархических организаций, осуществлявших заброску террористов в Советский Союз.

Начиная с 1922 г. в Финляндии действовало несколько монархических организаций, целью которых являлась подготовка к войне с Советской Россией. В общество «Южных добровольцев», которым руководил генерал Ф.Л. Чижиков, входили офицеры, воевавшие в Гражданскую войну на юге России (марковцы, дроздовцы, корниловцы)[419]. Организация «Северное общество» состояло из офицеров, воевавших в армиях под командованием генералов Н.Н. Юденича и Е.К. Миллера. Во главе этого общества были полковники Кондырев, П. Ф. Лодыжкин и прапорщик А. А. Денисов. Организация «Легитимисты» состояла преимущественно из морских офицеров[420].

Финансирование организаций осуществлялось параллельно: одна часть средств направлялась из Парижа, где находился координационный центр всех эмигрантских организаций, вторая поступала по линии финского генерального штаба. Так, например, от РОВС А.Б. Балмасов получал 800 франков в месяц, а от финского генерального штаба — 3000 финских марок за каждый переход советско-финской границы и выполнение заданий по линии финской военной разведки[421]. Последнюю интересовали сведения, относившиеся к состоянию оборонительных сооружений на границе, работе военных заводов, состоянию воинских частей Ленинградского военного округа. Политическая полиция собирала данные, относившиеся к деятельности финской фракции в Коминтерне.

В начале 1927 г. в Хельсинки прибыл генерал А. П. Кутепов. На квартире поручика К. Н. Корнеева произошла его встреча с представителями белоэмигрантских монархических организаций:

В. А. Ларионовым, А.Б. Балмасовым, С.В. Соловьевым, Д. Мономаховым, А.А. Сольским, Г. Петерсом. Во время встречи Кутепов кратко объяснил, почему необходимо именно сейчас перейти к активным террористическим действиям против большевиков[422]. Целью прибытия главы Русского общевоинского союза в Финляндию была встреча с бежавшим из СССР Э.О. Опперпутом-Стауницем. Кутепову было очень важно получить информацию от первоисточника о том, что с помощью оперативной игры ОГПУ удалось длительное время сковывать активность РОВС на советской территории[423].

Руководство ОГПУ во главе с В. Р. Менжинским, понимая опасность внешней угрозы, предприняло все меры для защиты населения Советского Союза. С учетом политического значения дела о взрыве в Дискуссионном клубе, вопрос о порядке его рассмотрения был вынесен на заседание Президиума ЦИК Союза ССР под председательством А.С. Енукидзе[424]. 20 августа 1927 г. на нем приняли решение рассмотреть уголовное дело № 0253/с на выездном заседании военной коллегии Верховного Суда Союза ССР в Ленинграде…

25 сентября председательствующий В. В. Ульрих огласил решение суда: применить к Балмасову, Строевому, Самойлову, Сольскому высшую меру социальной защиты — расстрел, Адеркас был приговорен к 10 годам лагерей и 5 годам поражения в правах[425].

К.В. Макаренко, Н.А. Егоров
г. Москва

Борьба органов ОГПУ СССР с зарубежными вооруженными формированиями белоэмиграции на границе с Маньчжурией накануне и в период конфликта на КВЖД

После окончания Гражданской войны в 1922 г. и восстановления советской власти на Дальнем Востоке военно-политическая обстановка в регионе оставалась достаточно сложной. Кроме угроз безопасности, исходивших от деятельности иностранных спецслужб, проявлял активность против советской власти более актуальный противник — осевшая за кордоном белоэмиграция. На Дальнем Востоке в 1920-е гг. отмечалась большая активность зарубежных бандформирований, имевших нередко достаточно крупную численность. Дальневосточным чекистам совместно с центральными органами госбезопасности потребовались серьезные усилия в оперативной работе для успешного пресечения разведывательных и диверсионно-террористических акций белоэмигрантских организаций, сотрудничавших, как правило, с иностранными спецслужбами. Требовались эффективная организация разведывательной и контрразведывательной деятельности, политического розыска, режимных мероприятий, координация действий и непрерывное взаимодействие с войсками ОГПУ, милицией и РККА.

Подобные вооруженные формирования белоэмигрантов усилили свою активность накануне и в период конфликта 1929 г. на КВЖД. Они готовились и направлялись, как правило, такими военно-политическими организациями белоэмиграции как «Российская фашистская организация» (РФО), «Союз казаков на Дальнем Востоке», а также филиалами крупных европейских белоэмигрантских организаций: Русского общевоинского союза, Братства русской правды (БРП), Трудовой крестьянской партии (ТКП) и др.

Засылка вооруженных отрядов и диверсионных групп с территории Маньчжурии на советскую сторону осуществлялась на трех основных направлениях: восточном, северном и западном. На восточном направлении отряды засылались в Приморье, для

чего их основной базой были ст. Пограничная и угольные копи «МУТ» (Мулинское углепромышленное товарищество, находившееся в районе г. Лишучжень). На северном направлении в районе Сахаляна (ныне — г. Хэйхэ, КНР) вооруженные отряды засылались в Амурскую область. Для ведения подрывной деятельности на западном направлении были организованы базы в г. Хайларе и на ст. Маньчжурия, где формировались отряды для заброски в Забайкалье. Общее руководство всей работой на трех направлениях осуществлялось из Харбина[426].

Для противодействия разведывательной, диверсионно-террористической и иной подрывной деятельности белоэмигрантских организаций на Дальнем Востоке в основном были задействованы органы разведки, контрразведки и войска пограничной охраны ОГПУ.

Иностранное отделение как подразделение внешней разведки Полномочного представительства ОГПУ по Дальневосточному краю (ПП ОГПУ ДВК) работало над созданием легальных и нелегальных резидентур за рубежом, сотрудники которых осуществляли вербовку агентуры в среде белой эмиграции. Нередко уже заранее завербованные агенты внедрялись в организации и вооруженные формирования белой эмиграции. Имея надежное осведомление в белоэмигрантских организациях, органы ОГПУ получали возможность контролировать их, оказывать влияние, а также выявлять, предупреждать и пресекать их подрывные акции.

Во второй половине 1920-х гг. органами ОГПУ было налажено надежное агентурное осведомление почти во всех белоэмигрантских организациях в Маньчжурии, благодаря чему их деятельность находилась под контролем. Так, в июле 1929 г. резидентурами ИНО ПП ОГПУ ДВК в Маньчжурии были получены сведения о формировании и подготовке к выходу на советскую территорию банд Гордеева, Бянкина, Перфильева, Пешкова и др., их численности, вооружении, настроениях и планах[427].

Помимо сбора информации о белоэмиграции и ее планах, органами разведки и контрразведки прилагались большие усилия к ее разложению и компрометации. Результатами этой работы являлись постоянные склоки и недоверие друг к другу руководящих деятелей белоэмиграции, отсутствие слаженности действий, неудачные попытки объединения организаций и формирования банд, обвинения друг друга в работе на советскую разведку и т. д.

Важное участие в борьбе с засылаемыми на территорию СССР вооруженными формированиями принимали войска Погранохраны ОГПУ, т. к. белоэмигрантские отряды проникали

на территорию советского Дальнего Востока через границу и оперировали в основном в приграничных районах. Для пресечения проникновения на советскую территорию банд, шпионов и эмиссаров белоэмигрантских центров, их курьеров и связников требовалось надежное войсковое прикрытие границы. Кроме того, в войсковых операциях по обнаружению и ликвидации банд основной боевой силой были пограничники.

Так, в 1926–1928 гг. в рамках агентурного дела «Подрывники» дальневосточными органами ОГПУ были ликвидированы белоэмигрантские отряды Арестоулова и Козлова, засылаемые из Маньчжурии на территорию Амурской округа. Данные отряды поддерживали связь и получали поддержку от монархических организаций в Харбине[428].

Летом 1928 г. в приграничье Амурского округа в районе с. Грибского оперировал отряд под командованием жителя с. Чернoберезовки И. Роева. Отряд был сформирован белоэмигрантом М. Щербаковым из пособников ликвидированного ранее чекистами отряда Панкевича. Для разработки отряда с целью его последующей ликвидации окружным отделом ОГПУ в него был внедрен спецосведомитель «Архаровец». В июле 1928 г. при ликвидации отряда одному из его участников Москалеву удалось скрыться. В ноябре 1928 г. Москалев при задержании был убит уполномоченным контрразведывательного отделения Амурского окружного отдела ОГПУ Коневым[429].

26 марта 1928 г. в Хабаровске прошло внеочередное закрытое заседание Бюро Далькрайкома ВКП(б), на котором был заслушан доклад полномочного представителя ОГПУ по ДВК о результатах работы Полномочного представительства за 1927 г. Заслушав доклад, Далькрайком ВКП(б) работу ПП ОГПУ ДВК и его органов на местах признал удовлетворительной и линию правильной, констатировал значительное укрепление аппарата Полпредства (окружных, транспортных и особых отделов, погранотрядов) в сравнении с 1926 г. В оперативной работе одним из достижений отмечена успешно проведенная работа по ликвидации бандитизма и очистке края от антисоветского элемента. Ввиду стремления зарубежной контрреволюции в 1928 г. организовать бандитское движение и совершение диверсионных актов в Дальневосточном крае Далькрайком постановил принять все меры, как к предупреждению их, так и срочной ликвидации в случае возникновения[430].

В 1927–1929 гг. Полномочным представительством была проведена агентурная разработка деятельности генерала Н.П. Сахарова, являвшегося в этот период руководителем всего

белоэмигрантского движения в Маньчжурии. Прибыв во второй половине 1927 г. из США в Харбин генерал Н.П. Сахаров был назначен начальником военно-разведывательного отдела и начальником боевых дружин Дальневосточного отдела БРП. В сентябре 1927 г. им был сформирован отряд во главе с полковником Д.Ф. Карловым и направлен для проведения диверсионных акций в Амурский округ. В октябре 1927 г. отряд Карлова в момент перехода на советскую территорию в районе с. Екатерино-Никольского был ликвидирован силами 56-го погранотряда ОГПУ. Эта операция стала возможна благодаря внедрению в ближайшее окружение генерала Н.П. Сахарова секретного сотрудника харбинской резидентуры ОГПУ. В конце 1928 г. Сахаров вышел из БРП и, создав свою организацию «Дальневосточный корпус русских добровольцев», приступил к самостоятельной организации белоэмигрантского движения и разведки на территории советского Дальнего Востока. Благодаря реализованной разработке дальневосточными чекистами были пресечены многие выходы белоэмигрантских отрядов на территорию СССР из Маньчжурии[431].

В июне 1928 г. активным членом Братства русской правды, бывшим подъесаулом белоказачьих войск и полковником китайской армии П.К. Рудем со ст. Пограничной на территорию Приморья была отправлена разведывательно-диверсионная группа в составе 6 человек под руководством Рябова. Диверсанты получили задания по проведению диверсионных актов на советской территории и сбору разведданных по линии военной разведки для китайских войск. Благодаря имеющимся у дальневосточных чекистов оперативным данным группа диверсантов была задержана[432]. Также летом 1928 г. силами 58-го пограничного отряда были ликвидированы отряды Мартыненко и Лисицы, выходившие оперировать на территорию Приморья со ст. Пограничная[433]. В сентябре 1928 г. мерами пограничной охраны был предотвращен выход на территорию советского Приморья диверсионного отряда БРП под командованием Р. Ф. Типцова[434].

В 1928 г. экс-полковник врангелевской армии Ф.Д. Назаров сформировал в Маньчжурии отряд из бывших жителей приграничных сел Приморья численностью 65 человек В мае 1929 г. Назаров провел налет на погранзаставу войск ОГПУ с целью захвата оружия. Он планировал начать восстание крестьян, но, потерпев неудачу в налете и потеряв несколько человек убитыми и ранеными, отступил на китайскую территорию. В ликвидации отряда Назарова участвовали подразделения погранвойск ОГПУ[435].

В период конфликта на КВЖД, 12 августа 1929 г., в районе села Скобельцино Амурской области силами Пашковской пограничной комендатуры был ликвидирован высадившийся на советский берег белоэмигрантский отряд Ярцева[436]. В сентябре 1929 г. органами ОГПУ были пресечены подрывные замыслы полковника Мохова, действовавшего по заданию БРП. Мохов с группой в 22 человека планировал выйти в Спасский район Приморья, связаться с имевшейся там ячейкой БРП, организовать базу и начать подготовку крестьянского восстания. Однако благодаря имевшимся оперативным данным приморскими чекистами была проведена ликвидация ячейки БРП, а 9 сентября 1929 г. вышедший на советскую территорию отряд Мохова в результате оперативно-войсковых мероприятий ОГПУ был уничтожен[437].

В специальном докладе Амурского окружного отдела ОГПУ «О политсостоянии округа» от 19 июля 1929 г. отмечалось большое оживление зарубежного белогвардейского бандитизма, попытки наладить связь с местными внутренними антисоветскими группировками, оживленное создание таких группировок в селах приграничья и установление связи между ними[438]. Устремления белоэмиграции связаться для совместной работы с внутренними антисоветскими группировками дальневосточные контрразведчики активно использовали в свою пользу. Ими создавались легендированные антисоветские организации, посредством которых проводились оперативные игры по дезинформации белоэмигрантских центров, осуществлялся контроль их деятельности, пресечение и нейтрализация подрывной работы против СССР, в том числе предупреждение выхода на нашу территорию банд и принятие мер к их ликвидации.

Продвижение в ходе конфликта на КВЖД Особой Краснознаменной Дальневосточной армии в Маньчжурию, позволило создать на ее территории новые прочные агентурные позиции органам ОГПУ. Во время конфликта органами советской военной контрразведки на территории Маньчжурии было выявлено и задержано свыше 160 бывших белых офицеров, участвовавших в белоэмигрантском движении и бандитских налетах на советскую территорию[439].

Отдельно необходимо остановиться на информированности органов ОГПУ о противнике накануне и в ходе вооруженного конфликта на КВЖД. После разрыва дипломатических отношений с Китаем и выезда советских дипломатических представительств в СССР в июле — августе 1929 г., советские органы безопасности сохранили свои агентурные позиции и иные возможности сбора

разведывательной информации о противнике на китайской территории. Чекисты владели детальной информацией о характере военных приготовлений в Маньчжурии, передвижениях войск и замыслах белоэмигрантских организаций, дислокации и активности их формирований в китайском приграничье. Объем и качество получаемых разведданных позволяли их ранжировать на достоверную и нуждавшуюся в дополнительной проверке информацию. Данный тезис авторов подтверждается ежедневными разведывательными сводками полевого штаба Сибирского военного округа за лето — осень 1929 г., где обобщалась информация о деятельности противника с отдельным пунктом по белоэмигрантским вооруженным формированиям[440].

Таким образом, накануне и в период вооруженного конфликта на КВЖД органы и войска ПП ОГПУ ДВК успешно пресекали попытки дестабилизации политической ситуации в приграничных районах советского Дальнего Востока, предпринимаемые зарубежными антисоветскими организациями и спецслужбами иностранных государств.

Сотрудники дальневосточных органов госбезопасности в конце 1920-х гг. проводили результативные разведывательные, контрразведывательные и войсковые операции по пресечению разведывательной и диверсионно-террористической деятельности белоэмиграции. В результате агентурно-оперативной работы дальневосточных чекистов было организовано надежное осведомление во многих белоэмигрантских организациях и их вооруженных формированиях.

Благодаря этому органы госбезопасности могли вовремя пресекать выходы диверсионных отрядов белой эмиграции на нашу территорию и принимать меры к их ликвидации, вскрывать агентуру, выявлять ее повстанческие намерения, проводить операции по дезинформации и парализации подрывной деятельности белоэмигрантских организаций.

О.Б. Мозохин
г. Москва

Участие слушателей ЦШ ОГПУ в работе политотделов МТС (1933–1934 гг.)

К началу 1930-х гг. в стране создалась очень сложная ситуация в сельском хозяйстве, что было вызвано рядом причин. Ставя задачу ускорения роста промышленного потенциала страны, руководство ВКП(б) основным источником средств для индустриализации избрало крестьянство. В процессе неэквивалентного обмена из их хозяйств выкачивались средства на развитие промышленности. Экономическое неравноправие привело к нежеланию крестьян продавать хлеб государству по заниженным ценам, что привело к срыву хлебозаготовок в 1927–1928 гг. и поставило под угрозу план преобразования страны.

Чтобы контролировать этот процесс советское правительство стало реализовывать свои планы по коллективизации сельского хозяйства и раскулачиванию зажиточной части сельского населения активно сопротивлявшейся этим преобразованиям. На местах начались массовые антисоветские выступления. Удержать ситуацию под контролем удалось только при помощи государственного террора. Сотни тысяч крестьян были отправлены в лагеря и трудовые поселения. В 1930 г. ОГПУ приговорило к расстрелу 20201 человека, в основном это были жертвы проводимой операции в сельских районах страны.

К концу 1932 г. сталинское руководство осознало, что «революционного» пыла и рвения у исполнителей на местах хватило лишь для того, чтобы загнать крестьян в колхозы и отобрать у них хлеб для текущих нужд индустриализации. Чтобы организовать колхозное производство так, чтобы оно давало государству хлеб и необходимые ресурсы постоянно, а не один или два года, необходимы были дополнительные силы и корректировка всей аграрной политики.

Создавшуюся критическую ситуацию надо было срочно исправлять, с этой целью стали проводить работу по созданию политотделов машинно-тракторных станций (МТС). Возглавляли работу этих органов бывшие партийные руководители. Их заместителями были представители ОГПУ и Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи (ВЛКСМ).

Должность заместителя начальника политотдела по ОГПУ, или «по чекистской работе», являлась важнейшей должностью. Именно на них возлагалась обязанность стать «карающим мечом» партии в советской деревне. Именно они должны были организовать чистку колхозов и совхозов от пробравшихся туда «контрреволюционных» и «классово чуждых» элементов.

Документы свидетельствуют, что непосредственная организационная работа по созданию политотделов МТС началась с заседания комиссии ЦК ВКП(б) по организации МТС под председательством В.М. Молотова 26 ноября 1932 г. В ее работе приняли участие В.М. Молотов, секретари ЦК ВКП(б) Л.М. Каганович, П.П. Постышев, заведующий орграспредотделом ЦК ВКП(б) Н.И. Ежов, нарком земледелия СССР Я.А. Яковлев, секретарь ЦК КП(б)У М.М. Хатаевич, председатель Всесоюзного центра машинно-тракторных станций А.М. Маркевич, секретарь Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) Б.П. Шеболдаев, заместитель председателя ОГПУ СССР Г.Г. Ягода, начальник отдела кадров ОГПУ Д.А. Булатов, начальник политуправления РККА Я.Б. Гамарник, первый секретарь ЦК ВЛКСМ А.В. Косарев. Все перечисленные лица вошли в состав созданной на данном заседании комиссии ЦК ВКП(б) по подбору кадров для политотделов МТС. Председателем комиссии был избран Л.М. Каганович. Первое ее заседание было назначено на 11 декабря 1932 г.[441]

Однако оно состоялось раньше, 28 ноября 1932 г., под председательством Кагановича, с участием П.П. Постышева, Г.Г. Ягоды, А.В. Косырева, Я.А. Яковлева, А.С. Булина, А.М. Маркевича, Н.И. Ежова, Д.А. Булатова и А.Л. Вальян. В повестке заседания стоял вопрос о порядке подбора кадров для политотделов МТС. На данном заседании был выработан механизм формирования кадрового состава политотделов МТС, определены конкретные сроки работы в данном направлении[442].

На втором заседании комиссии прошло утверждение начальников политотделов МТС. Заместители начальников политотделов МТС по чекистской работе подбирались из состава кадров ОГПУ всех областей, краев и республик, а также слушателей Центральной школы ОГПУ. Их содержание было отнесено за счет сметы ОГПУ. При этом ОГПУ разрешалось увеличить штаты в 1933 г. на 2500 работников.

Руководству ОГПУ поручалось разработать положение о работе заместителей начальников политотделов МТС по линии ОГПУ, руководствуясь тем, что они, являясь составной частью политотделов МТС и совхозов, «в своей повседневной работе подчинялись начальникам политотделов МТС, а в своей

оперативной работе руководствовались приказами оперативных секторов ОГПУ». В случае противоречия между приказом начальника отдела МТС и совхоза и оперативного сектора, заместитель начальника политотдела подчинялся приказу оперативного сектора[443].

30 декабря 1932 г. путем опроса членов Политбюро ЦК ВКП(б) утверждается проект постановления «О целях и задачах политических отделов МТС и совхозов». Принимается решение вынести его на утверждение Пленума Центрального комитета (ЦК) и Центральной контрольной комиссии (ЦКК) ВКП (б).

В нем говорилось, что коллективизация основных масс бедняцко-середняцкого крестьянства, расширение производственно-технической базы колхозов и развитие совхозного строительства — создали необходимые предпосылки для дальнейшего подъема сельского хозяйства, укрепления продовольственной и сырьевой базы индустриализации и непрерывного роста доходов, как колхозов, так и отдельных колхозников. Успешному разрешению этих задач оказывают жестокое сопротивление антисоветские элементы села, которые стремятся организовать вредительство, портят машины, сеют с огрехами, расхищают колхозное добро, организуют воровство семян, саботируют хлебозаготовки, вредят совхозному строительству умышленной поломкой тракторов, комбайнов, плохой обработкой земли, плохим уходом за скотом, разложением трудовой дисциплины, расхищением совхозного имущества.

В этой обстановке политические отделы МТС и совхозов должны были путем развертывания массово-политической работы в колхозах и совхозах, с одной стороны, и организационно-хозяйственным укреплением колхозов и совхозов, с другой, дополнять хозяйственно-техническую работу МТС и совхозов по выполнению колхозниками и совхозами всех своих обязательств перед государством, обеспечить партийный контроль во всех областях работы и жизни самих МТС и совхозов.

Январский 1933 г. Пленум ВКП(б) одобрил проект Политбюро ЦК ВКП(б). Политическим отделам МТС и совхозов поручалось обеспечить настойчивое, правильное и своевременное применение законов Советского правительства об административных и карательных мерах в отношении организаторов расхищения общественной собственности и саботажа мероприятий партии и правительства в области сельского хозяйства.

Через три месяца, 28 марта 1933 г., заместитель председателя ОГПУ Я.С. Агранов и начальник Секретно-политического отдела

(СПО) ОГПУ Г.А. Молчанов доложили И.В. Сталину о работе заместителей начальников политотделов МТС по работе ОГПУ.

Они сообщали, что в марте, в связи с подготовкой к севу, была развернута работа по вскрытию и ликвидации контрреволюционной вредительской деятельности кулацких элементов, пытавшихся сорвать сев. Направление и содержание оперативной работы за вторую декаду марта характеризовалось следующими данными:

В 57 МТС было арестовано 793 человека. Из них за контрреволюционный саботаж, срывающий сев — 323 человека, за хищение имущества колхозов, МТС и машинно-тракторных мастерских (МТМ) — 286, за организованное вредительство — 180, за террор и диверсии — 4. В 46 МТС было вычищено из колхозов, МТС и МТМ 2197 человек.

По материалам заместителей начальников политотделов снято с руководящей работы 35 человек: 11 директоров и помощников директоров МТС и МТМ, 24 председателя колхозов.

Кроме того, было разоблачено очковтирательство со стороны ряда руководящих работников МТС и МТМ, дававших ложные сведения о подготовке к севу, чем тормозили ликвидацию прорывов и борьбу с вредительством. Были выявлены контрреволюционные группы и контрреволюционеры-одиночки, в ряде случаев, занимавших командные посты, которые разрушали тракторное хозяйство, пытаясь сорвать посевную компанию путем вредительского ремонта и порчи тракторов. В ряде колхозов была вскрыта подрывная контрреволюционная деятельность кулацких организаций и групп, которая сводилась к хищениям колхозного имущества, умышленному истощению и истреблению поголовья скота, приведению в негодность сельскохозяйственного инвентаря, массовой порче продуктов, дезорганизации учета труда колхозников и имущества колхоза, провоцированию массового недовольства колхозников и т. д.

Так, в Александровской МТС в колхозе «Донская правда» было расхищено значительное количество зерна, в его хищении участвовало 90 колхозников. Скошенное сено на 240 га и не убранное в стога сгнило. В течение года погибло 245 голов лошадей от истощения и заражения сапом. На птицеферме за год пало 3400 штук птицы и др. Гарнцевый сбор, взимавшийся колхозной мельницей при размоле зерна в количестве 13 центнеров, разбазарен и расхищен. План засыпки семфонда выполнен на 5 %. Арестованы председатель колхоза Сиров, его заместитель Шевченко, секретарь ячейки ВКП(б) Стетюта[444].

Из докладной записки заместителя начальника политотдела Курганской МТС Северо-Кавказского края следовало, что планом

МТС был предусмотрен ремонт 49 тракторов. Сверх плана отправлено 10 тракторов для восстановления на завод «Армалит» в Армавир. Их ремонт затягивался, восстановление затруднено, так как они были «раскулачены» при отправке на завод. Было выявлено еще 11 тракторов, разобранных на части и разбросанных по двору МТС. Директору МТС Ковачу и механикам Лагоде и Миргородскому было предложено срочно их собрать и отремонтировать. Однако к сборке никто не приступил, якобы из-за отсутствия рабочей силы. Видя явный саботаж, политотдел самостоятельно организовал сборку тракторов.

Заместитель начальника политотдела Курганской МТС посчитал, что действия Миргородского, Лагоды, Ковача и ряда других лиц были направлены на срыв весеннего сева. Ковача уволили с работы, дела передали вновь назначенному директору[445].

19 июня 1933 г. начальник отдела кадров ОГПУ Д.А. Булатов сообщил Сталину о результатах комплектования политотделов МТС и совхозов работниками ОГПУ по состоянию на 1 июня 1933 г.

В соответствии с решением ЦК ВКП(б), органы ОГПУ должны были выделить к 1 июня для работы в организуемых политотделах МТС и совхозов 3050 оперативных работников. Несмотря на принятые меры, полностью выполнить это решения не удалось. Из 2133 политотделов МТС работниками ОГПУ были укомплектованы 2009, из 917 политотделов совхозов укомплектованы 612.

Основным источником комплектования политотделов являлись: чекисты из действующего состава местных органов ОГПУ, на территории которых были организованы политотделы МТС и совхозов — 2016 человек; окончившие основной курс 3-го набора Центральной школы (ЦШ) ОГПУ, рабочие-коммунисты, мобилизованные для работы в органах ОГПУ по решению ЦК ВКП(б) из учащихся разных учебных заведений среднего и высшего типа — 409 человек; оперативники-чекисты, окончившие в 1933 г. курс усовершенствования Центральной школы ОГПУ — 182 человека; досрочно выпущенные оперативники-чекисты из Центральной школы ОГПУ — 14 человек. Всего — 2621 человек.

Таким образом, Центральная школа ОГПУ оказала большую помощь в комплектовании политотделов МТС.

Социально демографические данные заместителей начальников политотделов по линии ОГПУ были следующие. По партийности: члены ВКП(б) с 1917 по 1920 г. — 488 человек или 18,6 %; члены ВКП(б) с 1920 по 1924 г. — 397 человек или 15,1 %; члены ВКП(б) с 1924 по 1930 г. — 1602 человек или 61,2 %.

Из общего количества оперативных работников, направленных в политотделы, молодые коммунисты с партстажем с 1930 г. и позднее составляли незначительную прослойку в 134 человек или 5,1 %.

По социальному положению: рабочих — 1321 человек или 50,4 %; батраков — 27 человек или 1,0 %; крестьян — 416 человек или 15,9 %; служащих — 857 человек или 32,7 %.

По чекистскому стажу: работали в органах ОГПУ свыше 5 лет — 1238 человек или 47,3 %; свыше 3 лет — 829 человек или 31,5 %. Количество молодых чекистов было 554 человека или 21,2 %. Необходимо отметить, что 378 человек или 68,2 % из этого количества являлись бывшими студентами высших учебных заведений или рабочих факультетов, которые получили теоретическую и практическую подготовку в Центральной школе ОГПУ[446].

Выправив катастрофическую ситуацию на селе, с середины 1933 г. ОГПУ по указанию ВКП(б) стало исключать методы массовых репрессий из своей практики. Прекращение массовых репрессий и массовых выселений в деревне и запрещение арестов за незначительные преступления требовали у сотрудников более осторожного отношения к производству арестов. Надо было тщательно взвешивать, насколько арест политически целесообразен и необходим. В связи с эти заместитель председателя ОГПУ Я.С. Агранов приказом № 00207 от 9-го июня 1933 г. предложил рационально использовать и организовать гласные и агентурные силы, поставив на такую высоту агентурную работу и следственное производство, чтобы удары по классовому врагу были более своевременными и меткими, более отточенными и организованными. При ликвидации контрреволюционных, повстанческих, кулацких организаций в деревне арестам необходимо было подвергать только организаторов и активных участников. Массовые операции воспрещались.

28 августа 1933 г. СНК СССР принял постановление об укомплектовании должностей заместителей начальников политотдела МТС по специальной работе с увеличением штатной численности сотрудников ОГПУ на 2150 человек[447]. На следующий день, 29 августа 1933 г., Политбюро ЦК утвердило постановление СНК СССР об отпуске ОГПУ из резервного фонда СНК СССР 7 034 940 руб. на расходы по содержанию до конца года сотрудников ОГПУ в политотделах МТС[448].

К 1 января 1934 г. было укомплектовано 3459 должностей заместителей начальников политотделов: 2352 — МТС и 1107 совхозов[449].

28 октября 1934 г. Пленум ЦК ВКП(б), учитывая, что политотделы МТС выполнили поставленные перед ними задачи, постановил преобразовать их в обычные партийные органы, объединив с существующими районными комитетами партии.

В период проведения в стране сельскохозяйственных реформ обстановка была очень сложной, фактически страна находилась в состоянии гражданской войны. Подавляющая часть колхозников оказалась заложниками негативных последствий сталинской аграрной политики в советской деревне.

Созданные политотделы МТС и совхозов сумели вывести сельское хозяйство страны из глубокого кризиса. Результатом их деятельности стало организационно-хозяйственное укрепление колхозов. Из них были «вычищены» некомпетентные и враждебно настроенные по отношению к колхозному строю должностные лица, удалены многие рядовые работники, виновные в халатности и недобросовестном отношении к труду, действия которых, в том числе и осознанные акты вредительства и саботажа, самым негативным образом сказывались на состоянии колхозного производства.

Необходимо отметить, что положительную роль в этом процессе сыграли слушатели Центральной школы ОГПУ, которые в этой критической ситуации были откомандированы в сельские районы страны для наведения порядка.

Ф.С. Мусин, Д.Ю. Гусельников
г. Москва

Совершенствование охраны границы Пограничными войсками ОГПУ СССР в 1920–1930-е гг

Октябрьская революция 1917 г. положила начало советскому периоду истории пограничных органов. Он характеризовался утверждением новой концепции охраны границы, изменениями их назначения и применения.

В связи с подписанием 2(15) декабря 1917 г. соглашения о перемирии между Германией и Россией перед большевиками, пришедшими к власти, встал вопрос об организации защиты и охраны границы республики. Российский Генеральный штаб и Управление Отдельного пограничного корпуса предложили использовать для охраны границы старые кадры пограничных частей, находившихся в распоряжении военного ведомства. Однако эти части, практически разложенные пропагандой и возглавляемые к тому времени солдатскими комитетами, уже не могли быть использованы ни для охраны границы, ни для обороны государства.

Угроза немецкого наступления сделала бесперспективными и всякие предложения о немедленной организации для этой цели милиционных формирований. Советская власть взяла курс на построение новой армии и новой пограничной охраны.

Декретом Совета Народных Комиссаров 28 мая 1918 г.[450] на пограничную охрану возлагалась защита пограничных интересов РСФСР, а в пределах пограничной полосы защита личности и имущества советских граждан. Определялся и порядок размещения и применения сил и средств. Вводились понятия: «защита пограничных интересов», «пограничная полоса», «морская таможенная полоса», «пограничная охрана» и др. Действия по охране государственной границы осуществлялась в соответствии с накопленным в дореволюционный период опытом. В дневное время пограничные заставы свои участки охраняли дозорной службой и наблюдением, а в ночное время кроме дозорных на опасные участки (направления) высылались секреты. Однако, должного эффекта одна войсковая охрана не давала. Обстановка диктовала необходимость привлечения оперативных органов. В этой связи принимаются меры к тому, чтобы войсковая

охрана границы сочеталась и четко координировалась с деятельностью ВЧК.

Военный совет пограничной охраны 31 июля 1918 г. обратился с письмом к председателю ВЧК Ф.Э. Дзержинскому, в котором просил создать специальные органы для наведения революционного порядка в пограничных районах. По его указанию в короткий срок были созданы 3 окружные чрезвычайные комиссии (Петроградская, Смоленская, Курская), 34 участковые пограничные чрезвычайные комиссии (ПЧК), назначены 60 комиссаров ЧК на таможенные пропускные пункты, а при ВЧК образован пограничный отдел.

Начиная с августа 1918 г. роль оперативных органов на границе выполняли пограничные чрезвычайные комиссии, которые взяли на себя определенные функции по охране границы. На ПЧК были возложены следующие задачи: наблюдение за деятельностью таможенных учреждений, без вмешательства при этом в техническую, распорядительную и административную деятельность таможенных работников, для чего пограничные комиссии назначали в таможню своих комиссаров, которые постоянно находились в таможне; запрещение въезда тем лицам, которым он воспрещен; задержание на границе лиц, разыскиваемых правительством, как при въезде, так и при выезде; ведение дознания над пойманными контрабандистами, шпионами, контрреволюционерами, спекулянтами, взяточниками и т. п.; наблюдение за тем, чтобы не ввозили в пределы республики и не вывозили из республики всевозможные товары и другие предметы, запрещенные к ввозу и вывозу; передача таможенному ведомству лиц, перешедших границу без законного вида на переезд границы, для взыскания таможенного штрафа; наблюдение за офицерами армий сопредельных государств, а также за лицами, подозреваемыми в шпионаже и т. д.

При сравнении задач, возложенных на пограничные войска и пограничные чрезвычайные комиссии, нетрудно заметить, что они объединяют усилия войсковой охраны с оперативной работой. Только совместные согласованные действия войсковых и оперативных сил и средств приводили к положительным результатам. С учетом этого охрана государственной границы и демаркационной линии осуществлялась несением разведывательной и сторожевой службы скрытыми и открытыми пограничными нарядами.

Из всего комплекса задач, возложенных на пограничные войска и пограничные чрезвычайные комиссии, на первое место выдвигаются задачи по борьбе с бандами, шпионами, контрабандистами, защита населения от бандитских налетов. При

этом, как правило, большинство задач выполнялись в форме боевых действий пограничными заставами, дистанциями, подрайонами, районами, округами. На северо-западном направлении это были боевые действия с регулярными подразделениями противника, с контрабандистами, на западном и закавказском — с бандформированиями и контрабандистами; на южном — борьба с басмачеством и контрабандистами; на дальневосточном — борьба с контрабандой.

В годы Гражданской войны пограничные формирования участвовали в боевых действиях на различных фронтах, а также выставлялись для охраны линий перемирия или освобожденных от противника участков государственной границы. После окончания войны процесс становления и укрепления пограничной охраны продолжился.

В связи с тем, что пограничные районы сразу оказались поражены бандитизмом, который использовался для контрреволюционной и шпионской деятельности, на первый план была выдвинута задача политической охраны границы. Успешная охрана стала невозможной без ведения упорной борьбы с бандитами, шпионами и контрабандистами. Поскольку эту борьбу вели чрезвычайные комиссии, встал вопрос о передаче охраны границы в ведение ВЧК.

Совет Труда и Обороны 24 ноября 1920 г. принял постановление, которым устанавливалась новая организация охраны государственной границы с передачей руководства ею органам ВЧК. В ведение Наркомвнешторга оставался только таможенный надзор за экспортом, импортом и провозом багажа пассажиров через границу. «…Охрана всех границ РСФСР возлагается на Особый отдел ВЧК по охране границ…. Численность войск для пограничной охраны определяется взаимным соглашением особого отдела по охране границ, таможенного управления Наркомвнешторга и командующего войсками Внуслужбы Республики…».

С возложением на Особый отдел ВЧК ответственности за охрану государственной границы Советской республики начался новый этап в совершенствовании пограничной охраны. Этим постановлением было закреплено то положение, что охрана границ является составной и неотъемлемой частью обеспечения государственной безопасности первого в мире социалистического государства.

На первое место выдвигается задача политической охраны границы республики, которая может быть решена органами ВЧК, имеющими в своем составе налаженный и достаточно разветвленный оперативный аппарат.

В составе ВЧК и ЧК пограничных губерний стали создаваться особые отделы по охране границы. На них возлагалось руководство охраной границы от шпионов и диверсантов, от политической, военной, экономической контрабанды и бандитизма, борьбой с незаконным проникновением через линию границы. Особым отделам по охране границы и их местным органам подчинялись в оперативном отношении все воинские части, несшие войсковую охрану границы.

Особый отдел по охране границы, находящийся в составе губчека, руководил охраной границы в рамках пограничного района, пределы которого определялись: линией государственной границы, с тыла — границей 15 верстной пограничной полосы, с флангов — разграничительными линиями с соседями (линии проходили по административным границам губерний).

Территория пограничного района разделялась на участки. Для обслуживания каждого из них создавались пограничные участковые особые отделения. В распоряжении начальника пограничного особого отделения для охраны границы предоставлялись: группа штатных сотрудников ЧК, сеть информаторов, пограничные заградительные посты, вооруженная сила для войсковой охраны линии границы в интервалах между заградительными постами, для борьбы с бандитами, конвоирования задержанных и т. д. Если на участке имелся пограничный пропускной пункт, то его начальник подчинялся начальнику пограничного участкового особого отделения.

Войсковая охрана границы осуществлялась войсками внутренней службы (ВНУС) республики, переданными в полное оперативное подчинение Особому отделу ВЧК. Руководство этими войсками возлагалось на командующего войсками ВНУС республики, который получал оперативные задачи от начальника особого отдела ВЧК и проводил их в жизнь аппаратом штаба ВНУС. Места дислокации частей и подразделений ВНУС, предназначенных для охраны границы, определялись начальниками отделов и передавались к обязательному исполнению командирами войск внутренней службы.

При каждом особом отделе по охране границы находился штаб войскового соединения или части (группы, дивизии, бригады) выделенных для охраны определенного участка государственной границы. Командиры соединений и частей в оперативном отношении выполняли все требования начальника особого отдела, а во всех остальных отношениях подчинялись непосредственно командующему ВНУС республики.

Вместе с тем активные боевые действия против крупных вооруженных банд на границе требовали временного привлечения

дополнительных сил, так как войска внутренней службы, выделенные для охраны границы, с этими задачами не справлялись.

Все эти обстоятельства спустя два месяца после принятия постановления СТО потребовали внести в него некоторые изменения. 15 января 1921 г. состоялось совещание представителей военного ведомства и ВЧК (под руководством Ф.Э. Дзержинского), которое приняло постановление об усилении охраны границы за счет увеличения контингента войск, улучшения их вооружения и снаряжения. Комиссия, в составе которой кроме Ф.Э. Дзержинского входили И.С. Уншлихт, С.С. Каменев, М.Н. Тухачевский, своим решением определила численность войск по охране границы в 50 тысяч человек, одну шестую часть должна была составлять конница[451].

Постановлением Совета Труда и Обороны от 19 января 1921 г. все части и отряды, находящиеся в ведении ВЧК, в том числе и охраняющие границу, сводились в особые войска — войска ВЧК, на которые наряду с другими задачами была возложена и охрана государственной границы. В развитии указанного постановления приказом Реввоенсовета Республики и ОГПУ от 24 января 1921 г. было определено, что все части и отряды бывших войск ВНУС, несущие службу по заданию чрезвычайных комиссий, а также отряды особых отделов ВЧК при частях Красной армии и войска по охране границы с их штабами передаются в ведение Всероссийской чрезвычайной комиссии с исключением из списков Красной армии.

Проведенной в сентябре 1922 г. реорганизацией пограничной охраны, путем создания в составе ГПУ Отдельного пограничного корпуса, было достигнуто только объединение подчинения органов пограничной охраны одному ведомству. В работе же такого объединения не было, так как руководство всей агентурно-осведомительной работой, оперативной службой, а также службой пограничного надзора было сосредоточено в пограничных отделениях, а непосредственное управление находившимися на охране границы войсками ГПУ осуществлялось в Штабе войск ГПУ.

Так, разделенность пограничной охраны на оперативную и войсковую, при наличии двух параллельно существующих аппаратов, несмотря на оперативную подчиненность войск органам, вскоре также показала свою нежизнеспособность.

Продолжая параллелизм в работе, а вследствие этого столкновение интересов и трения между этими аппаратами, она не давала возможности использовать все силы пограничной охраны. Хотя возникшие на почве двойственного подчинения

недоразумения и трения между этими двумя аппаратами и разрешались авторитетом вышестоящих инстанций, само наличие недоразумений и трений указывало на необходимость объединения оперативного и административно-строевого руководства в одних руках.

Кроме указанных соображений поводом, к реорганизации служили и чисто практические соображения: практика работы пограничной охраны с достаточной убедительностью показала, что военная организация, принимая во внимание существующие условия и обстановку, не обладает достаточной гибкостью и возможностями своевременно предупредить и обеспечить невозможность нарушения границы.

Только оперативная деятельность, только данные агентурно-осведомительной работы, своевременно реализованные войсковой силой, могли обеспечить безопасность границы.

В целях изжития параллельности в работе и подчинении, а также в целях устранения имевших место трений между оперативными и строевыми командирами и начальниками, в сентябре 1923 г., начальникам пограничных отделений были присвоены все права строевых начальников частей, несущих охрану границы в пределах участка, состоящего в ведении пограничного отделения, с возложением на начальника пограничного отделения полной ответственности за боевую, строевую и специальную подготовку войск и общее состояние охраны границы.

Одновременно с этим, командиров и комиссаров пограничных частей войск ГПУ было предложено полагать соответственно помощниками начальника пограничного отделения по строевой и политической части.

Объединение руководства пограничными частями в лице единого оперативного работника органов ГПУ — начальника пограничного отделения, с придачей ему командиров и комиссаров пограничных частей, как помощников по соответствующим отраслям работы, не изменило внешних форм управления пограничными частями.

Необходимо было провести новую реорганизацию, в результате которой весь личный состав строевых подразделений был приближен к непосредственной работе органов ГПУ, а не являлся бы лишь воинской, подсобной для органов ГПУ силой.

В приказе ГПУ № 404 от 3 октября 1923 г., о целях и задачах войск ГПУ, намечающей новую и коренную реорганизацию всех войск ГПУ, говорилось, что «… предстоящая реорганизация должна не только изменить внешние формы управления войсками, но, главным образом, твердо определить путь их

дальнейшей подготовки, усовершенствования и использования».

В этом же приказе говорилось, что «Каждый орган ГПУ в своей секретно-оперативной работе нуждается в постоянном содействии и помощи надлежаще воспитанной и подготовленной вооруженной силы. Такой силой состоящем в полном распоряжении органов ГПУ, являются войска ГПУ. Органы ГПУ остро нуждаются в постоянном пополнении своих кадров свежими силами, политически воспитанными и уже знакомыми с нашей работой. Войска ГПУ должны явиться базой воспитания новых сотрудников органов — в этом их вторая, не менее важная задача. Наконец, рядовой работник органов ГПУ не может быть оторван от чисто военной подготовки. В его психологии должны объединяться методы секретной борьбы и борьба с винтовкой в руках. Необходима контактная работа комсостава и сотрудников органов. Военное обучение сотрудников обеспечивает правильное использование ими войск для выполнения оперативных заданий. Войска должны быть привлечены к строевой обработке всей массы сотрудников — в этом их третья задача…

Командир войск ГПУ должен быть одновременно и командир, и работник органов ГПУ».

Указанный выше приказ положил начало пересмотру существовавшего до сих пор определения задач и назначения войск ГПУ в общем аппарате ГПУ, а также изменения их управления.

Накопленный по вопросу организации управления охраной и осуществления самой охраны границы материал был достаточен для того, чтобы с определенностью сказать, что в части взаимоотношений пограничных строевых частей и соответствующих пограничных органов ГПУ надо произвести коренной пересмотр, который имел бы целью установить на каждом участке границы одного начальника ответственного, как за охрану границы, так и за личный состав во всех отношениях.

Иными словами, ставилась задача воспитания и подготовки сотрудников, обладающих знаниями и качествами чекиста и войскового командира. В охране границы это могло дать лучший результат, ибо агентурно-осведомительные материалы могли позволить наилучшим образом организовать войсковую охрану.

Поиск оптимальной организационной структуры дал положительные результаты. Под руководством Ф.Э. Дзержинского и Р.В. Менжинского[452] завершилось объединение пограничных органов и пограничных войск ОГПУ в единый аппарат пограничной охраны ОГПУ.

Приказом ОГПУ № 122/44 от 25 февраля 1924 г. о реорганизации пограничной охраны на основе объединения

органов и пограничных войск отдельные пограничные батальоны сливались с пограничными отделами ОГПУ — образуя отряды. Роты (взводы) сливались с пограничными постами ОГПУ, образуя комендатуры пограничных участков, которым подчинялись и заставы, непосредственно охранявшие границу. В некоторых пограничных отрядах заставы (часть их или все) подчинялись непосредственно начальнику отряда. Контрольно-пропускные пункты, в зависимости от условий подчинялись или коменданту пограничного участка или непосредственно начальнику отряда.

В основу организации пограничных частей и подразделений были также положены принцип единоначалия и принцип объединения в одном аппарате оперативного, строевого, административно-хозяйственного и политического руководства пограничными войсками.

Дальнейшее накопление боевого опыта привело к необходимости создания резервных подразделений. В этой связи 12 августа 1925 г. Совет Труда и Обороны постановил «при каждом из пограничных отрядов… сформировать особые маневренные группы общей численностью 100 человек …».

Маневренная группа, входящая в состав пограничного отряда на правах комендатуры, являлась оперативно-боевым резервом отряда.

В задачу маневренных групп входило: борьба с диверсионными бандами и отражение внезапных нападений из-за рубежа, борьба с уголовным и политическим бандитизмом, с вооруженной контрабандой и массовыми нарушениями границы, оборона отдельных участков в случае массового нарушения границы, подготовка командиров отделений для пограничного отряда из рядовых пограничников первого года службы.

Маневренные группы в полном составе либо повзводно (по заставно) использовались для формирования рейдовых и летучих отрядов, из личного состава резерва начальник пограничного отряда создавал группы поддержки пограничных застав, на участке которых ожидалось вторжение закордонных банд. Создание штатных боевых резервов обеспечило включение в борьбу отрядного звена, что явилось значительным вкладом в развитие системы вооруженной борьбы пограничных войск с политическим бандитизмом.

Пограничный отряд стал основной единицей по организации всей деятельности по охране определенного участка границы, в том числе агентурно-оперативной и войсковой, и руководство ею.

Сосредоточение в едином аппарате управления пограничного отряда политического, оперативного, строевого и административного руководства пограничными подразделениями

обеспечило фактическое единство в планирование и осуществление борьбы с приграничным политическим бандитизмом. Основной ее формой в пограничном отряде становится чекистско-войсковая операция — совокупность взаимосвязанных по задачам месту и времени мероприятий по ликвидации бандформирований, проводимых по единому плану и под единым руководством.

Основу операции составляли оперативные и войсковые действия, на которых базировались следственные и административные мероприятия. При проведении чекистско-войсковой операции использовались все способы вооруженной борьбы, применение этих способов тщательно планировалось и согласовывалось между собой. Непосредственным руководителем операции являлся начальник пограничного отряда.

Пограничная комендатура (кроме отдельной, пользовавшейся правами и обязанностями пограничного отряда) являлась промежуточной инстанцией между пограничным отрядом и заставой. Комендатура выполняла целый ряд оперативных поручений по охране границы и была создана для приближения оперативной работы к охране границы и руководства подчиненными ей пограничными заставами — основным подразделением, выполняющим отдельные виды оперативной работы и несущим всю сторожевую службу на границе.

Контрольно-пропускные пункты (КПП) создавались в местах постоянного пропуска лиц и грузов, следующих из-за границы и обратно. В задачу КПП входило наблюдение за соблюдением установленных правил въезда в СССР и выезда из СССР, борьба с контрабандой, розыск, наружное наблюдение и др.

Организационная структура пограничных войск выглядела следующим образом: Главное управление пограничной охраны ОГПУ, которому подчинялись управления пограничных округов полномочных представителей ОГПУ. В каждом пограничном округе было несколько пограничных отрядов и отдельных пограничных комендатур. Пограничный отряд состоял из 2–3 пограничных комендатур, имевших в своем составе 3–4 пограничные заставы, 2–3 пограничных заставы, подчиненных непосредственно отряду. В состав отряда так же могло входить 1–2 КПП. Резервом пограничных отрядов были маневренные группы. Отдельные пограничные комендатуры в своем составе имели 3–4 пограничные заставы, подразделения обеспечения и резервную заставу.

Дальнейший опыт оперативно-служебной и боевой деятельности пограничных войск показал, что данная организационная структура, установившаяся в ходе поисков

оптимальных вариантов, выдержала многолетние испытания. При всех последующих организационных изменениях совершенствовались, видоизменялись отдельные ее элементы (штабы, политотделы, внутренняя организация подразделений). Принципиальная же организация основных звеньев (пограничный округ, отряд, комендатура, застава) сохранилась до настоящего времени. Хотя до этого варианта организационная структура изменялась 16 раз.

Исторический опыт учит, что охрана границы эффективна только тогда, когда она адекватно отражает состояние, потребности и возможности государства, имеет единую систему управления, исключающую вероятность субъективно-бюрократических решений, и полноценную законодательную базу, четко определяющую пределы компетенции пограничных институтов и меру их ответственности. При этом пограничные институты должны выступать не только инструментом пограничной политики, но и ее непосредственным конструктором.

А.В. Кочанов
г. Москва

Историография деятельности органов ВЧК — ГПУ — ОГПУ — НКВД на железнодорожном транспорте в 1918–1941 гг

В своем становлении историография органов государственной безопасности прошла путь от отдельных статей до фундаментальных трудов. Она представлена крупными сборниками статей и монографиями известных ученых[453]. Однако в отношении исследования именно обеспечения безопасности на транспорте мало работ, что указывает на наличие проблемы в историографии деятельности органов ВЧК — ГПУ — ОГПУ — НКВД на железнодорожном транспорте. Историографию по данной теме исследования можно условно разделить на два периода: советский и российский. Ввиду малочисленности работ, посвященных истории органов безопасности на транспорте, необходимо обратить внимание на обобщающие исследования по истории органов ВЧК — ГПУ — ОГПУ — НКВД, в которых эта тема, так или иначе, затрагивалась.

В советский период деятельность органов ВЧК — ГПУ — ОГПУ — НКВД на железнодорожном транспорте в целом освещалась фрагментарно.

С 1917 по 1953 гг. говорить о развитии историографии органов госбезопасности сложно по двум причинам. Во-первых, если история ВЧК еще как-то попадала в поле зрения исследователей, то история ГПУ — ОГПУ, а тем более НКВД — нет. Во-вторых, история в этот период находилась под заметным влиянием пропагандистских установок коммунистической партии, а в последствии — культа личности И.В. Сталина. Так, если в публицистических работах М.Я. Лациса, несмотря на увлеченность классовой борьбой, можно найти фактический материал, касающийся проявлений саботажа железнодорожников[454], то в изданиях 1930-х гг. его уже нет. В книге «20 лет ВЧК — ОГПУ — НКВД», изданной государственным издательством политической литературы в 1938 г., основное внимание сосредоточено на борьбе с политическими противниками и иностранными шпионами[455].

С середины 1950-х наблюдается подъем исследовательского интереса к истории органов госбезопасности. Появляются труды, основанные на архивных документах, воспоминаниях и материалах периодической печати. В первых крупных работах основное внимание было уделено периоду ВЧК, который рассматривался в общих чертах и под влиянием коммунистической идеологии. На первый план в исследованиях 1950–1960 гг. выходят вопросы борьбы с контрреволюцией, а теме обеспечения безопасности в экономике уделяется внимание по остаточному принципу. Так, в работе доктора исторических наук, профессора П.Г. Софинова рассматривается организация ВЧК и борьба с контрреволюцией в период Гражданской войны[456]. Внимание автора сосредоточено на борьбе с Б.В. Савинковым, левыми эсерами, контрреволюционным заговором в Петрограде, «Тактическим центром», анархо-эсеровским подпольем и т. д., в то время как деятельности органов ВЧК на транспорте в рамках укрепления советского тыла и борьбы на хозяйственном фронте посвящены очень скромные фрагменты[457].

Наибольший интерес вызывают исследования 1970–1980-х гг., когда можно говорить о зарождении направлений в историографии органов госбезопасности и появлении крупных научных работ. В монографии доктора исторических наук А.С. Велидова, изданной Высшей школой КГБ в 1967 г., история транспортных ЧК представлена в разделе, посвященном строительству чекистского аппарата[458]. В центре внимания крупного советского ученого была роль партии в жизни ВЧК, что не позволило ему затронуть ряд важных вопросов в деятельности чекистов. Деятельность транспортных ЧК А.С. Велидовым представлена в небольших сюжетах, посвященных борьбе с разрухой на транспорте и со снежными заносами в 1920 г.[459] К тому же, как все представители советской исторической науки того периода, автор исходил исключительно из позитивной роли коммунистической партии и чекистских органов в жизни советского общества.

Среди крупных работ по истории ВЧК — ГПУ — ОГПУ можно также отметить двухтомник Д.Л. Голинкова «Крушение антисоветского подполья в СССР»[460]. В исследовании следователя по особо важным делам прокуратуры СССР был использован значительный по объему опубликованный материал, включая стенографические отчеты и обвинительные заключения по ряду громких дел. Автор, следуя идеологическим установкам, остановился, в первую очередь, на исследовании борьбы с контрреволюцией как в центре, так и на местах. Рассматривая подрывную деятельность агентов международного империализма

в советском тылу, исследователь останавливался главным образом на финансировании зарубежными странами контрреволюции в Советской России[461]. В связи с этим деятельность органов госбезопасности в экономической сфере, а тем более на железнодорожном транспорте, практически не попала в поле зрения Д.Л. Голинкова. Во второй книге имеются всего несколько небольших сюжетов, посвященных голоду, экономической контрреволюции и шахтинскому делу. Описание экономической контрреволюции сводится автором к связям с заграницей и занимает при этом восемь с половиной страниц[462]. В результате, деятельность органов ВЧК — ГПУ — ОГПУ — НКВД на железнодорожном транспорте в двухтомнике Д.Л. Голинкова не затрагивалась.

Аналогичная ситуация прослеживается и в крупной коллективной работе «Чекисты Петрограда на страже революции», где деятельность органов ВЧК рассматривалась в первую очередь через призму борьбы с контрреволюцией и шпионажем[463].

Таким образом, в советской историографии основной акцент был сделан на исследовании деятельности органов госбезопасности в области борьбы с контрреволюцией, шпионажем и бандитизмом. Вопросы обеспечения экономической безопасности если рассматривались, то в контексте главной сюжетной линии. В этих условиях говорить о полноценном изучении деятельности органов ВЧК — ГПУ — ОГПУ — НКВД на железнодорожном транспорте не приходится. Кроме того, советская историография имела яркую идеологическую окраску и исходила из исключительно позитивной роли коммунистической партии и чекистских органов в жизни советского общества.

Российский период изучения истории ВЧК — ГПУ — ОГПУ — НКВД ознаменовался либерализацией подходов к исследованию отечественной истории. В результате можно наблюдать две тенденции. Во-первых, резко повысился интерес к темам, которые раньше находились под запретом цензуры. Во-вторых, произошел количественный рост выпуска разнообразных научных трудов, мемуарной публицистики и документальных источников. Начался процесс рассекречивания документов, которые раньше не были доступны для широкого круга исследователей. Возникла широкая основа не только для переосмысления многих положений советской историографии, но и для новых подходов к освещению истории органов госбезопасности. В результате, с одной стороны, в историографии органов госбезопасности наблюдается наличие определенного перекоса в сторону появления работ, посвященных «запретным» темам советского времени, и с яркими названиями

на злобу дня[464]. С другой стороны, появляются крупные исследования, в которых более подробно, чем в советский период, рассматривается деятельность органов госбезопасности на хозяйственном фронте, в том числе и на железнодорожном транспорте.

Докторская диссертация А.М. Плеханова легла в основу монографии «ВЧК — ОГПУ: Отечественные органы государственной безопасности в период новой экономической политики. 1921–1928»[465]. Автор в весьма обширном издании, с опорой на архивные источники, затрагивает вопросы историографии, правового регулирования, совершенствования организационной структуры, кадрового обеспечения и деятельности органов государственной безопасности в период с 1921 по 1928 гг. В последнем случае, внимание А.М. Плеханова было сосредоточено, в том числе, и на защите интересов государства и общества в сфере экономических отношений. Между тем, как организационная структура органов государственной безопасности на транспорте, так и их деятельность рассмотрены автором фрагментарно, что объясняется заявленной исследователем темой. Так, останавливаясь на характеристике борьбы органов госбезопасности со взяточничеством и хищениями, А.М. Плеханов приводит примеры и из транспортной сферы, и из промышленности[466]. К тому же, установленные хронологические рамки не позволили автору раскрыть в полном объеме историю ни органов ВЧК, ни органов ГПУ — ОГПУ.

На современном этапе сделан заметный шаг в исследовании вопросов, посвященных обеспечению экономической безопасности советского государства, в которых, в том числе, затрагиваются и некоторые аспекты деятельности органов ВЧК — ОГПУ — НКВД на транспорте[467]. Среди них наибольшего внимания в рамках исследуемой темы заслуживает монография О.Б. Мозохина «ВЧК — ОГПУ — НКВД на защите экономической безопасности государства. 1917–1941 годы», в основу которой была положена кандидатская диссертация автора. На основе анализа архивных документов и научной литературы историк установил причинно-следственные связи, обусловившие реорганизацию подразделений органов госбезопасности, стоявших на защите экономики государства, дал оценку развития их сил и средств, а также раскрыл основные направления деятельности. Между тем, столь широкая постановка темы не позволила О.Б. Мозохину уделить значительное внимание именно органам госбезопасности на транспорте. В частности, рассматривая организацию экономических подразделений, автор основной акцент делает на

развитии Экономического управления ВЧК — ОГПУ и соответствующих подразделений в структуре НКВД[468]. Аналогичная картина наблюдается и при рассмотрении деятельности органов ВЧК — ОГПУ — НКВД на объектах транспорта[469].

На современном этапе получило свое развитие и исследование деятельности органов госбезопасности на транспорте. К столетию ВЧК вышел академический сборник статей и документов под редакцией В.С. Христофорова. Его несомненным достоинством является обращение к истории местных органов ВЧК и малоисследованным темам. В частности, история транспортных органов ВЧК рассматривается в статье А.П. Шатилова[470]. В тоже время основное внимание автор уделил организационным моментам, а непосредственную деятельность транспортных ЧК освятил фрагментарно.

Представляет определенный интерес статья В.П. Василевского и А.В.Сушко, посвященная наборам в Транспортную Сибирскую школу ГПУ[471]. И хотя в ней деятельность органов госбезопасности на железнодорожном транспорте не рассматривается, сам факт появления подобного материала указывает на возрастающий интерес к этой теме.

В результате, оценивая состояние отечественной историографии по рассматриваемой проблеме, можно указать на возросший интерес ученых к деятельности органов ВЧК — ГПУ — ОГПУ — НКВД на железнодорожном транспорте. Между тем, особенностью этого процесса, является тот факт, что исследование заявленной тематики, как правило, проходило в рамках работ, посвященных обеспечению экономической безопасности советского государства. В результате, в отечественной историографии появились небольшие статьи, посвященные истории органов госбезопасности на транспорте. Однако до настоящего времени деятельность органов ВЧК — ГПУ — ОГПУ — НКВД на железнодорожном транспорте в 1918–1941 гг. не была предметом крупного научного исследования.

А.М. Демидов
г. Москва

«Войсковая юрта»: мероприятия военной контрразведки по защите РККА от бактериологической диверсии противника накануне и в годы Великой Отечественной войны

Пандемия covid-19 вызвала к жизни не только меры противодействия массовому заболеванию, но и ряд публикаций об истории эпидемий. В этой связи, как представляется, определенный интерес может представлять исторический экскурс об участии отечественных органов государственной безопасности в обеспечении бактериологической безопасности гражданского населения СССР и воинских контингентов РККА.

28 мая 1941 г. начальник 3-го управления Наркомата обороны СССР майор госбезопасности А.Н. Михеев подписал директиву № 29446[472] 3-м отделам военных округов и Дальневосточного фронта «Об агентурно-оперативной работе по выявлению и предупреждению актов бактериологической диверсии». Отдельным пунктом этого документа предписывалось присвоить кодовое название «Войсковая юрта» всем материалам централизованной разработки по линии противодействия бактериологической диверсии против Красной армии.

Появилась названная директива в период, когда советская военная контрразведка и органы государственной безопасности в целом активно готовились к отражению возможной военной агрессии нацистской Германии. В условиях нарастающей военной угрозы, на что указывал ежемесячно увеличивавшийся поток разведывательной информации по этому вопросу, надежное обеспечение бактериологической безопасности частей и соединений Красной армии становилось важным направлением контрразведывательной работы.

В исторической памяти были еще свежи воспоминания о тяжелых последствиях так называемой «испанки», охватившей страны и континенты в 1918–1919 гг. «Испанка» («испанский грипп») стала самой массовой пандемией за всю историю человечества. Ею было заражено около 550 млн. человек, или 29,5 % населения планеты. Начавшись в последние месяцы

Первой мировой войны, заболевание в короткий срок превзошло ее по количеству жертв. По разным историческим источникам летальность среди зараженных составляла 10–20 %, от болезни умерло от 50 до 100 млн. человек или 2,7–5,3 % населения Земли, намного превысив число погибших на войне[473].

Болезнь развивалась молниеносно. В течение первых часов у человека появлялась сыпь, кровохарканье, нарушалось дыхание, падало давление. Затем открывалось внутрилегочное кровотечение. Часто люди умирали на следующий день после заражения. Города охватила паника и массовый психоз. В англо-саксонских газетах распространителями эпидемии объявляли то немцев, то большевиков, которые якобы отравляли колодцы. Поверив слухам, что немецкие аптекари подмешивают в лекарства возбудителей болезни, граждане жгли и громили аптеки.

В некоторых странах были запрещены рукопожатия и закрыты места, где обычно находилось много людей: школы, суды, театры, танцзалы, синематографы и даже церкви. Торговля велась бесконтактным способом: продавцы брали деньги через окошко в двери магазина, а товар выставляли за порог. Железнодорожное сообщение во многих странах было парализовано. В США на дорогах близ селений выставляли вооруженные отряды самообороны, которые круглосуточно несли караул и, опасаясь заражения, выстрелами отгоняли путников от своих домов.

Попытки разработать вакцины результатов не давали. В качестве мер предохранения людям предписывалось полоскать горло морской водой, безостановочно жевать лук, чеснок, турнепс и даже пить керосин. Целые города оказывались без медицинской помощи, так как медицинский персонал погибал в числе первых. Пышным цветом расцвело колдовство. Многие американцы в качестве амулетов носили высушенные куриные желудки и мешочки с мышьяком. Мошенники воспользовались моментом, и кто как мог делали деньги. Так, запустили слух, что эффективной профилактикой заболевания является курение, и спрос на табак поднялся вдвое, несмотря на резко возросшие цены. По-крупному сыграли продавцы драгоценных камней, нанявшие «специалистов», которые с умным видом утверждали, что от заражения надежно предохраняет ношение бриллиантов, так как возбудитель болезни их дескать не переносит и, оказавших вблизи, погибает. Кто мог себе позволить, раскошеливался. Естественно, ни одна из этих «эффективных» мер не помогала. В ряде стран вымерли целые деревни, а население некоторых городов сократилось на 90 %. Мертвых было некому хоронить, и трупы сутками, а то и неделями лежали в домах и на улицах.

В России от пандемии пострадало около 1,5 млн. человек. Мировая и Гражданская войны, а также революционные потрясения разрушили медицинское обслуживание населения, и многие заболевшие оставались без врачебной помощи. Основой борьбы с эпидемией стали жесткие, зачастую жестокие меры карантина. В их реализации советское правительство вынуждено было использовать органы и войска ВЧК. Угроза осознавалась настолько остро, что иногда даже в случаях подозрений в злостных нарушениях карантина дело доходило до кровопролития. Например, в начале эпидемии в Сызрани, когда количество заболевших «испанкой» превысило 10 тыс. человек, т. е. приблизительно 20 %[474], местные чекисты по распоряжению властей установили карантин и контролировали его выполнение не только в городе, но и в близлежащих деревнях. Начальник уездной Чрезвычайной комиссии доложил: «15 сентября в деревне Калиновке отряд под командованием тов. Косолапова окружил дом крестьянина Пряжина, который подозревался в том, что с женой и тремя взрослыми сыновьями нарочно ходили по улице, будучи в болезненном состоянии, и распространяли «испанку» на всех жителей, стремясь тем самым подорвать в Калиновке рабоче-крестьянскую власть… Арест семьи Пряжина из-за опасения заразиться был затруднителен, посему дом расстреляли из винтовок и сожгли со всеми бывшими там людьми…»[475]. В приведенной цитате обращает на себя внимание фраза «стремясь тем самым подорвать в Калиновке рабоче-крестьянскую власть». Наглядно демонстрируется революционное сознание как источник права, существовавшее в те годы. Начальник уездной ЧК, сам боясь заразиться, «бесконтактным» способом определил контрреволюционный умысел в действиях всей семьи («нарочно ходили по улице»), вынес приговор и привел его в исполнение.

Позиция автора статьи «Изоляция, вакцинация и расстрел: как в СССР боролись с эпидемиями», в которой содержится процитированный выше фрагмент, видимо, заключается в том, чтобы подвести читателя к выводу о бесчеловечности Советской власти по отношению к несчастным заболевшим смертельной болезнью. Однако следует иметь в виду, что в мировой истории известно множество случаев, когда установление жесткого карантина вокруг населенных пунктов, пораженных чумой, оспой и т. п. смертельно опасными болезнями, являлось единственной мерой, благодаря которой предотвращалось дальнейшее распространение эпидемии ценой жизни заболевших, обреченных на вымирание.

Практика использования органов государственной безопасности в борьбе с вспышками эпидемий сохранилась и в

последующие годы. Так, летом 1933 г. была зафиксирована вспышка неустановленной болезни на Урале. По поручению правительства на место срочно выехал заместитель председателя ОГПУ Я.С. Агранов, который 10 июня 1933 г. спецсообщением[476] доложил председателю СНК СССР В.М. Молотову о том, что эпидемией охвачено 72 населенных пункта двенадцати районов Уральской области и зафиксированы единичные случаи заболевания в четырех районах Западно-Сибирского края. Я.С. Агранов отметил, что отдельные заболевания начались с 20 мая, о чем местный медицинский персонал не знал, так как больные за помощью не обращались. Но и на момент подписания спецсообщения диагноз болезни не был установлен. В документе описаны признаки болезни: опухание горла и языка, кровоизлияние изо рта и носа. Первоначальные подозрения на легочную чуму прибывший из Москвы профессор Сукнев отверг. В докладной записке Я.С. Аграновым обращено внимание на общественную опасность заболевания в связи с высокой смертностью: из 712 заболевших умерло 343 человека (48,2 %). В то же время не было зарегистрировано ни одного выздоровления. Медики обратили внимание Я.С. Агранова на особенность распространения заболевания, которая заключались в том, что передавалось не только вследствие контактов больных с окружающим населением, но и неожиданно появлялось в населенных пунктах, отдаленных друг от друга на значительные расстояния, и поражало лиц, в возрасте преимущественно от 18 до 40 лет, т. е. наиболее трудоспособное население.

Я.С. Агранов отметил, что в зараженных районах наблюдается паника, многие спешно покидают места постоянного проживания, оставшиеся предаются пьянству. Все это негативно сказывается на сельскохозяйственных работах, фиксируется существенное сокращение весеннего сева, едва доходившее в отдельных районах до 30 % суточной нормы.

Я.С. Агранов перечислил основные меры, предпринятые для борьбы с эпидемией по линии органов государственной безопасности и других органов исполнительной власти. Так, полномочным представителем ОГПУ в пораженные эпидемией районы была командирована оперативная группа ответственных оперработников, силами войск ОГПУ и железнодорожной охраны установили карантин. К несению карантинной службы привлекли партийный и советский актив в общей сложности 5 тыс. человек. В качестве начальников караулов назначали лиц командного состава из запаса и курсантов Камышловской школы младшего командного состава. На всех железнодорожных станциях пораженных болезнью районов была запрещена продажа билетов,

остановка проходящих пассажирских поездов допускалась только по техническим надобностям, при этом пассажирам запрещался выход из вагонов.

Категорически не допускался выезд населения из пораженных мест и въезд граждан в эти местности. Для усиления борьбы с самовольным и нелегальным выездом жителей из пораженных эпидемией районов было дополнительно выделено 70 стрелков военизированной охраны. В целях недопущения самовольной посадки населения на поезда на перегонах при тихом ходе, установили патрулирование вагонов. В районах приостановили продажу спиртных напитков. При обнаружении новых заболеваний больные немедленно изолировались в специально отведённые помещения.

Следующее спецсообщение на имя председателя СНК СССР В.М. Молотова об эпидемии на Урале Я.С. Агранов подписал через три дня –13 июня[477]. К этому времени заболеванием на Урале было охвачено уже 83 населенных пункта 14 районов. За истекшие трое суток вновь заболело 57 человек и умер 31. Всего с начала эпидемии заболело 769 человек, из них умерло 374 больных (48,6 %).

В своем спецсообщении Я.С. Агранов указал, что распространению эпидемии способствовала плохая, как написано в документе, «карантизация», хотя диагноз болезни так еще и не установили. Вокруг диагностики, главной проблемы на тот момент, разгорелись нешуточные страсти. Московские профессора Сукнев и Громышевский считали, что никаких эпидемических заболеваний в тех населенных пунктах, где они побывали, нет вообще, а имеется цинга, вызываемая острым дефицитом в организме людей витамина С, которая инфекционным заболеванием не является, поэтому эпидемию вызвать не может. Названные ученые предложили прекратить карантин, а вместо этого наладить элементарное снабжение населения продуктами питания, и, по их твердому убеждению, заболевания прекратятся. Прибывший в Свердловск народный комиссар здравоохранения РСФСР М.Ф. Владимирский, категорически опровергая мнение Сукнева и Громышевского, безапелляционно утверждал о наличии эпидемии и настаивал на усилении карантинных мер, ответственность за организацию и исполнение которых несли органы ОГПУ.

Именно это мнение и возобладало в споре между учеными и наркомом здравоохранения РСФСР. Для усиления карантинной службы при определяющем участии ПП ОГПУ по Уральской области в пораженные болезнью районы были дополнительно высланы 150 стрелков военизированной охраны, 500 курсантов

школы младшего комсостава войск ОГПУ, 500 милиционеров и направлены части РККА. В связи с появлением заболеваний в Воткинском районе, граничащим с Горьковским краем, Я.С. Агранов прямо из Свердловска дал соответствующие указания ПП ОГПУ в Горьковском крае о принятии «предохранительных» мер. Изложив все это в своем спецсообщении, Я.С. Агранов срочно убыл в Москву.

Вслед за убывшим Я.С. Аграновым на исходе этих же суток 13 июня в ОГПУ по телеграфу ушло сообщение за подписью заместителя ПП ОГПУ по Уральской области Минаева[478]. В документе можно выделить следующие основные положения:

— эпидемия негативно отражается на ходе весеннего сева: в Голышмановском районе выполнение суточного плана 11 июня упало до 17,9 %, в Артинском — до 7,8 %.

— имели место факты распространения антисоветским элементом провокационных слухов о том, что советская власть путем эпидемии хочет ликвидировать единоличников и сократить население;

— в связи с определением профессорами Громашевским и Сукневым диагноза (скорбут [цинга]) и выводов, поставивших «ликвидацию эпидемии в зависимость от усиления снабжения продовольствием», заметно усилились негативные настроения жителей пораженных населенных пунктов$

— поголовным обследованием больных в селе Шаблыкино диагноз профессоров не подтверждился, вновь обследовалось село Голдобино, где работали Громашевский и Сукнев.

И, наконец, самый важный фрагмент документа — его концовка, которую следует процитировать: «В связи с явно контрреволюционной установкой Громашевского с Сукневым — требования на основании диагноза цинга снятия карантина, высылки продовольствия, с получением которого эпидемия, по их мнению, прекратится, — поставил вопрос перед Владимирским об отзыве бригады. Последний с этим согласился. Громашевский с бригадой отозван в Свердловск, будет направлен в Москву. Привлечение к ответственности на Урале считаем невозможным — может вызвать расхолаживание медперсонала к работе по борьбе с эпидемией».

Будучи уже в Москве, Я.С. Агранов в целях выяснения действительных причин возникновения и распространения неизвестной эпидемии сформировал и направил в Уральскую область специальную группу в составе оперативного работника центрального аппарата ОГПУ Перлина и трех профессоров-эпидемиологов Никандрова, Суворова и Князецкого. Прибыв на место, они провели опрос и обследование сорока пяти семейств

села Голдобино. В результате было установлено, что в условиях голода накануне своего заболевания люди использовали в пищу зерна проса, собранные на прошлогодних полях. Проведя научные эксперименты на мышах, свинках и кроликах по определению степени ядовитости этих зерен, ученые пришли к выводу, что все подопытные животные погибли от отравления, никаких микробов, способствовавших их гибели, обнаружено не было[479].

В своем сообщении, отправленном Перлиным по телеграфу и рассмотренном Я.С. Аграновым 25 июня 1933 г., дословно приведено заключение группы профессора Никандрова: «Выяснившиеся причины заболевания ничего общего не имеют с инфекцией. Настоятельно необходимо изъять из употребления населения все просо, собранное на полях прошлого года, с запрещением в дальнейшем собирать зерно прошлогоднего урожая. Одновременно отпустить взамен этого продовольственную помощь населению до нового урожая». О результатах работы группы профессора Никандрова на Урале немедленно был проинформирован В.М. Молотов.

Как представляется, правительством были предприняты соответствующие меры, и это нашло отражение в очередных донесениях с Урала. Так, 28 июня 1933 г. В.М. Молотов вновь был ознакомлен с информацией, полученной от заместителя ПП ОГПУ Урала Минаева, который по состоянию на 26 июня отметил, что в 34 населенных пунктах нет заболеваний в течение последних 8 суток, Красноуфимский район выведен из числа пораженных болезнью ввиду отсутствия заболеваний свыше 10 дней. Появилась критика в адрес местных органов здравоохранения, со стороны которых продолжает отмечаться неоперативность в борьбе с массовым заболеванием. Знакомясь с сообщением Минаева, Я.С. Агранов подчеркнул следующую фразу: «Среди населения фиксируются разговоры, объясняющие эпидемию как результат употребления в пищу протравленных семян»[480].

Таким образом, представленные материалы показывают, что органы государственной безопасности являлись важным элементом в государственной системе борьбы с эпидемиями и массовыми заболеваниями населения. Приобретенный органами госбезопасности опыт был использован в борьбе с эпидемией чумы в Калмыцкой АССР и Сталинградской области в 1937–1938 гг.[481]

Расследуя случаи вспышек массовых заболеваний, органы госбезопасности анализировали факты, в том числе на предмет возможного применения против СССР бактериологических средств. Для этого были основания, особенно после того, как советской разведке стало известно о том, что с 1939 г. Япония в

ряде случаев применяла бактериологическое оружие против китайской и монгольской армий. Накануне второй мировой войны и Германия готовились к тайному применению бактериологического оружия, что впоследствии было доказано на Нюрнбергском судебном процессе над военными преступниками.

Здесь уместно вернуться к тому документу, с которого начинается данные тезисы — к директиве № 29446 3-м отделам военных округов и Дальневосточного фронта «Об агентурно-оперативной работе по выявлению и предупреждению актов бактериологической диверсии». В целях вскрытия и ликвидации шпионско-диверсионных организаций и групп, проводящих контрреволюционную работу в области бактериологии, эпидемиологии и санитарии, начальник 3-го управления Наркомата обороны СССР майор госбезопасности А.Н. Михеев потребовал учесть все уязвимые пункты по бактериологической диверсии: госпитали, лазареты, санитарно-эпидемические лаборатории, вакцинно-сывороточные базы, склады медикаментов и продовольствия; тщательно проверить на этих пунктах весь личный состав и подозрительных лиц взять в активную разработку. При этом особое внимание обратить на лиц, имеющих связи с заграницей, бывших участников антисоветских политических партий, организаций и групп, бывших офицеров, белогвардейцев и лиц, подвергавшихся репрессиям; организовать подбор и вербовку агентуры, способной в короткие сроки обеспечить разработку антисоветского элемента в перечисленных выше пунктах, уязвимых по бактериологической диверсии; по каждому случаю группового отравления военнослужащих, эпидемических и эпизоотических заболеваний и по всем другим фактам и сигналам, подозрительным по бактериологической диверсии, производить тщательное расследование и агентурную проверку с целью выявления конкретных виновников и их вражеских замыслов; изучить все действующие и архивные дела по массовым отравлениям и заболеваниям в армейских частях с признаками бактериологической диверсии, наметить по ним необходимые оперативные мероприятия — аресты, вызовы ранее осужденных из лагерей для доследования, розыск лиц, заподозренных в причастности к бактериологической диверсии, ушедших из-под нашего наблюдения; разработать и выслать в 3-е управление НКО СССР план агентурно-оперативных мероприятий, обеспечивающих своевременное выявление враждебных намерений антисоветского элемента по диверсии на обслуживаемых вами объектах; все агентурно-оперативные мероприятия, связанные с бактериологическими диверсиями, проводить в контакте с

органами НКГБ; сосредоточить все имеющиеся агентурные, следственные и иные материалы по бактериологической диверсии в 4-м отделе 3-го управления НКО и соответствующих отделениях 3-х отделов округов.

По сути дела, перечисленные мероприятия составили основу деятельности органов военной контрразведки по линии противодействия бактериологической диверсии против Красной армии, получившей кодовое название «Войсковая юрта».

На первом этапе Великой Отечественной войны органы военной контрразведки систематически анализировали свою работу на данном направлении и своевременно вносили необходимые коррективы. В частности, 4 августа 1941 года начальник Особого отдела НКВД Среднеазиатского военного округа (САВО) дивизионный комиссар Н.И. Железников направил на места указание № 14845 о мероприятиях по предотвращению бактериологической диверсии противника[482]. В документе еще раз обращалось внимание оперативного состава на важность контрразведывательной работы против германской и японской разведок, которые в своей подрывной работе против СССР большое значение придавали вопросам бактериологической диверсии. Однако, подчеркивал Н.И. Железников, агентурно-оперативная работа особых отделов по этой линии до сих пор не организована так, чтобы своевременно вскрывать замыслы и предупреждать действия шпионско-диверсионных групп и организаций, насаждаемых иностранными разведками для осуществления бактериологической диверсии.

В связи с этим, в целях исключения возможности осуществления бактериологической диверсии в частях РККА Н.И. Железников приказал всему оперативному составу дополнительно проработать и скорректировать ранее составленные мероприятия по делу «Войсковая юрта». Нужно было вновь проанализировать все имеющиеся агентурные и официальные материалы за последнее время и прошлые года о массовых эпидемических заболеваниях, отравлениях и хищениях ядовитых веществ, имевших место в оперативно обслуживаемых подразделениях. На основании результатов анализа этих документов предписывалось составить конкретные планы агентурно-оперативных мероприятий по противодиверсионной работе в оперативно обслуживаемых частях Красной армии и их окружении. Для усиления координации и взаимодействия все материалы по противобактериологическо-диверсионной работе подлежали дальнейшему сосредоточению в одной разработке, которой ранее было присвоено единое по СССР название «Войсковая юрта». В этих же целях устанавливался порядок,

согласно которому регулярно к 15-му числу каждого месяца органы военной контрразведки должны были представлять в Особый отдел САВО докладные записки о наличии и состоянии объектов оперативного обслуживания и учтенного по объектам враждебного элемента, подлежащего разработке, о проведенных противодиверсионных профилактических агентурно-оперативных мероприятиях. Кроме того, в докладной записке нужно было отчитаться о наличии агентурных данных, сигнализирующих о диверсионно-вредительских настроениях или деятельности подучетного контингента, а также о наличии в обслуживаемых соединениях и частях бактериологических препаратов и отравляющих веществ, состояние их учета и хранения с указанием расстановки агентурной сети.

Благодаря взаимодействию с территориальными органами во время Великой Отечественной войны удалось избежать эпидемий в частях и соединениях РККА, а также в крупных городах Урала и Поволжья[483], предупредив тем самым подрыв военно-промышленного потенциала СССР как материальной основы Победы.

В.И. Лазарев
г. Москва

Зафронтовая работа советских органов государственной безопасности в годы Великой Отечественной войны глазами противника

Одной из наиболее ярких страниц истории советских органов государственной безопасности периода Великой Отечественной войны является зафронтовая деятельность. На эту тему проведено немало исследований, написаны книги как непосредственными участниками тех событий, так и в более поздние времена профессиональными историками.

Как известно, первые шаги по организации зафронтовой работы были предприняты руководством советских органов безопасности в июле 1941 г., когда была образована Особая группа при наркоме внутренних дел СССР. В октябре этого же года группа была преобразована во второй отдел НКВД СССР. В начале 1942 г. на базе отдела было развернуто знаменитое 4-е управление НКВД СССР, которое на протяжении всей войны руководило действиями оперативных групп и агентуры советских органов безопасности на территории, занятой противником.

В работе за линией фронта на протяжении четырех военных лет принимали участие как подразделения центрального аппарата НКВД-НКГБ СССР, так и территориальные органы, органы военной контрразведки на фронтах. Как и любое другое явление, зафронтовая работа не оставалась по своим задачам, целям, участникам одинаковой на протяжении войны. Постепенно совершенствовалась тактика, работа, улучшалась подготовка сотрудников, включенных в оперативные группы для заброски за линию фронта. Соответственно, повышалась и отдача от зафронтовой работы как в плане ведения разведывательной, так и диверсионной работы.

В подавляющем большинстве выполненных по истории зафронтовой деятельности периода Великой Отечественной войны работ исследователи опираются в своих выводах и оценках на архивные документы 4-го управления НКВД СССР и подчиненных ему подразделений, органов военной

контрразведки, а также воспоминания ветеранов органов безопасности. Вместе с тем, было бы несомненно интересно взглянуть на зафронтовую работу советских органов безопасности глазами противника. В определенной степени оценка противником наших действий может выступить в качестве дополнительного и достаточно объективного критерия оценки ее состояния.

После разгрома фашистской Германии и ее союзников в руки советских органов безопасности попало в качестве трофеев немалое количество документальных материалов немецкого военного командования, включая и документы контрразведки. Часть из них отложилась в свое время в фондах Центрального государственного особого архива СССР (с 1992 г. — Центр хранения историко-документальных коллекций, в 1999 г. присоединен к Российскому государственному военному архиву. — *Ред.*).

В ходе работы в начале 1990-х гг. с документами архива, были выявлены выполненные на немецком языке документы германской военной контрразведки, которые отражали ее борьбу с забрасываемой в немецкий тыл советской агентурой и партизанами. Отдельные из них представляют определенный интерес с точки зрения оценки противником наших мероприятий по линии зафронтовой работы. Документы относятся к разным годам и, безусловно, не дают полного представления по данной проблеме. Вместе с тем, они интересны именно с точки зрения того, что носят непредвзятый, рабочий характер и подготовлены «по горячим следам» сотрудниками подразделений немецкой контрразведки. С учетом ограниченности объемов тезисов остановимся подробнее на двух из них.

Первый документ относится к начальному этапу в организации советскими органами государственной безопасности зафронтовой работы и представляет собой «Обзор русской шпионской и партизанской деятельности в районе дислокации 1 танковой армии». Он подготовлен 27 марта 1942 г. в отделе 1 Ц штаба 1-й танковой армии, соединения и части которой в этот период занимали участок фронта шириной в 100–150 км. от побережья Азовского моря в районе г. Таганрога в направлении на север.

В первом разделе документа дается общая характеристика советских агентов, попавших в руки немецкой контрразведки. Так, по ее данным основной контингент задержанных был представлен мужчинами и женщинами в возрасте от 10 до 60 лет. В отдельные периоды времени преимущественно забрасывались подростки в возрасте до 15 лет. Значительная часть советской

агентуры якобы соглашалась выполнять задания органов безопасности только под давлением. Среди задержанных встречались лица, которые совершили ранее преступления, и им было обещано освобождение от ответственности после выполнения задания. Лишь в единичных случаях заброшенные агенты давали добровольное согласие на выполнение задания, полностью осознавая грозящую им при заброске в тыл врага опасность. Причем среди последней категории агентов было много женщин.

Комментируя утверждения немецких контрразведчиков о применении давления советскими органами безопасности при вербовке зафронтовой агентуры, следует допустить, что часть задержанных давала такие показания на допросах в расчете на смягчение ответственности. Представляется, что доля советских граждан, которые сознательно соглашались на заброску за линию фронта, была значительно выше. Подтверждением может служить тот факт, что, по признанию самих сотрудников немецкой контрразведки, примерно половина задержанных советских агентов, в том числе и подростков, давали показания лишь после применения к ним «самых жестких мер».

Что касается присутствия в числе задержанных кадровых сотрудников советских органов безопасности, то, как установила немецкая контрразведка, они забрасывались за линию фронта только в тех случаях, когда им предстояло руководить действиями группы агентов.

Задания задержанной немцами советской агентуры касались в основном сбора разведывательных сведений, совершения диверсий и актов саботажа. К числу выявленных немецкой контрразведкой «нестандартных» заданий относились:

— отравление девушками немецких солдат и офицеров с целью похищения у них военных документов;

— разведка аэродромов;

— сбор сведений о немецких и румынских частях в г. Одессе;

— сбор сведений о политике немцев на оккупированной территории в сфере религии;

— положение в лагерях советских военнопленных и др.

Задания агентура получала от сотрудников особых отделов НКВД 9, 18, 56-й армий, а также от руководства разведывательных школ. Было установлено, что на один советский орган разведки, непосредственно осуществлявший заброску, работали несколько «агентур» (подразделений), которые вербовали и обучали агентуру.

Исходя из тактики применения, немцы делили всю советскую зафронтовую агентуру на четыре категории.

Первая категория — *«резиденты»*. Они представляли собой лиц, завербованных органами безопасности перед отступлением Красной армии из определенной местности. В большинстве своем они приобретались из числа партийных работников и членов комсомола.

Следующая категория — *«агенты, перебрасывавшиеся через линию фронта»*. Переброска их осуществлялась пешим порядком на тех участках фронта, где была пересеченная местность, не позволявшая вести сплошное наблюдение.

«Агенты-парашютисты» представляли собой лиц, которые, как правило, прошли перед заброской только кратковременную подготовку. Забрасывались они небольшими группами, причем, по нескольку групп в один день. Как правило, в их состав входили руководитель, радист с радиостанцией и несколько мужчин с оружием и взрывчаткой. Значительная часть выброшенных с парашютами приземлялась неудачно вследствие непрофессиональных действий по выброске. Особенно усилилась заброска агентов-парашютистов после того, как немецкими войсками был принят ряд мер по повышению бдительности и усилению охраны на линии фронта.

Четвертая категория советских агентов была весьма специфической и представляла собой *«агентов, переброшенных по льду Азовского моря»*. По данным немецкой контрразведки, массовая заброска такой агентуры осуществлялась советскими органами безопасности в период с января по март 1942 г. Первые заброшенные агенты вынуждены были весь путь проделывать пешком и добирались после 30-часового марша до занятого немцами побережья полностью обессилившими и часто с обмороженными участками тела. Однако со временем были приняты меры по доставке агентов на грузовиках или санях на расстояние нескольких километров от берега. Из этого немецкая контрразведка сделала вывод, что часть советской агентуры, выполнив задание, благополучно вернулась назад и сообщала свои предложения по улучшению процесса заброски.

Подавляющее большинство задержанной немцами советской агентуры являлись уроженцами тех местностей, где предстояло вести работу, и имели при себе адреса явок. Благодаря этому немецкой контрразведке удалось, прежде всего, в г. Таганроге выявить обширную сеть явочных квартир, а затем захватить значительное количество советских агентов. В целом немцы полагали, что советские органы безопасности не жалеют свою агентуру и рассчитывают на то, что назад вернутся с нужными сведениями 1–2 % от общего числа заброшенных агентов, в том числе подростков и девушек.

Что касается активности партизанских отрядов, то она в районе дислокации соединений немецкой 1-й танковой армии была невысокой. Одной из основных причин, как признавали сами сотрудники немецкой контрразведки, было отсутствие в данной местности лесов. Кроме того, им удалось сразу же после захвата города Сталино (ныне — Донецк) и прилегающей области выявить и задержать руководителей партизанских и диверсионных групп.

С момента захвата области, то есть с октября 1941 г. по март 1942 г., контрразведка зафиксировала только два случая диверсий. В первом из них было затоплено одно из сооружений шахты, во втором — на шахте произведен взрыв. Большинство сообщений о диверсиях на кабельных линиях связи оказывались после проверки случайными повреждениями. Только в одном случае в Таганроге молодой «фанатично настроенный коммунист» повредил несколько кабелей по собственной инициативе[484].

Как видно из представленного документа, противник в лице органов контрразведки 1-й танковой армии, располагал достаточно подробными и в целом объективными данными о тактике, составе и задачах зафронтовой агентуры советских органов государственной безопасности. В документе отчетливо просматриваются и те типичные недостатки, которые были присущи зафронтовой работе на ее начальной стадии.

Однако в условиях военного времени и острого противоборства с сильным противником в лице немецкой контрразведки советские органы безопасности достаточно быстро делали выводы из допущенных ошибок и совершенствовали тактику своей работы. Об этом свидетельствует другой трофейный документ — обзор о разоблачении советского агента, подготовленный 4-м рефератом (отделом) 4-го управления (гестапо) Главного управления имперской безопасности 14 апреля 1943 г.

В нем говорится, что немецкой контрразведкой разоблачена в качестве советского агента 20-летняя русская студентка машиностроительного вуза З. Чинова, уроженка г. Орджоникидзе. Девушка была завербована в начале октября 1942 г. в качестве агента старшим лейтенантом госбезопасности Засухиным, предположительно из Особого отдела НКВД, дислоцированного в г. Елец, который до середины ноября проводил ее обучение и отрабатывал задание.

Авторы обзора отмечают, «что как это принято в советской разведывательной службе», обучение было проведено с особой тщательностью. Предметом подготовки было главным образом

тщательное заучивание легенды, которая содержала во всех подробностях предыдущую вымышленную биографию девушки.

Во время подготовки легенда проговаривалась ежедневно в течение месяца. В последний день обучения Чинова была подвергнута учебному допросу с оформлением протокола.

Легенда основывалась на том, что сразу же после приземления в немецком тылу, девушка, не собираясь выполнять полученное от советских органов безопасности задание, добровольно является в ближайшее немецкое учреждение. А в последующем сообщает немецкой контрразведке о полученном задании. Оно якобы касалось: разведки местоположения немецкого штаба и местных немецких спецслужб в Орджоникидзеграде (Брянская область); вербовки хозяина домовладения с целью последующего использования его дома в качестве явочной квартиры для агентуры, забрасываемой из г. Ельца.

Настоящее задание Чиновой заключалось в том, чтобы путем добровольной явки и выдачи немецкой контрразведке вымышленной легенды завоевать ее доверие и получить вербовочное предложение со стороны немцев. В случае такого предложения на первом этапе она должна была отказываться от сотрудничества, якобы из опасения быть расстрелянной советами после своего возвращения. Во время допроса не было необходимо точно запомнить место расположения подразделения немецкой контрразведки, присутствовавших при вербовке лиц и полученное задание.

После окончания первичной подготовки Чинова вначале была направлена в Москву и 5 января 1943 г. прибыла на аэродром Чкаловский. Оттуда 15 января 1943 г. ее перебросили на самолете «Дуглас» на партизанский аэродром Снелиш, примерно в 22 километрах юго-восточнее г. Трубчевска. Там начальник особого отдела НКВД партизанского отряда Лозунов выдал Чиновой деньги и еще раз проговорил с ней задание. После этого девушку доставили в район населенного пункта Литовня, где она под видом выброшенной с самолета парашютистки явилась к местному бургомистру.

Во время допроса Чиновой сотрудниками отдела 1 Ц штаба немецкой боевой группы девушка так правдоподобно изложила свою легенду, что ее настоящее задание осталось нераскрытым.

Только при последующих допросах сотрудникам контрразведки другого немецкого соединения удалось, благодаря хорошему знанию ими методов обучения и конкретно персонала органов НКВД, путем указания на некоторые неточности в легенде, ввести Чинову в смятение. Большую роль сыграло

корректное обращение с агентом, которое противоречило имевшемуся у нее плохому мнению о немцах. И только через два дня после перекрестных допросов Чинова рассказала о своем настоящем задании.

В конце обзора сотрудники гестапо сделали следующие выводы:

— советская разведывательная служба с чрезвычайной тщательностью готовит заброски агентуры за линию фронта;

— противник, то есть советские органы государственной безопасности, перебрасывает свою ценную агентуру в местности, которые контролируются партизанами, что позволяет надежно осуществить их подвод к объектам устремлений;

— только тщательное знание реалий в советской разведывательной службе (структура, замещение должностей конкретными лицами, почерк их работы) позволяет допрашивающему сотруднику контрразведки выявить и обезвредить такого рода опасную советскую агентуру[485].

Составленный сотрудниками гестапо обзор хотя и освещает закончившуюся неудачей операцию советской разведки, однако одновременно позволяет сделать вывод о значительных шагах вперед в развитии зафронтовой работы. В тексте документа явно просматривается уважительное отношение немцев к советской разведке, как к достойному противнику.

Не смотря на отдельные ошибки и просчеты начального периода Великой Отечественной войны, в последующие годы 4-е Управление НКВД — НКГБ СССР, соответствующие подразделения территориальных органов безопасности и военной контрразведки добились значительных положительных результатов в сборе разведывательной информации, осуществлении на временно оккупированной противником территории диверсионной деятельности, решении других не менее важных задач, чем всемерно способствовали достижению победы над фашистской Германией и ее сателлитами.

А.Ю. Попов
г. Москва

Участие органов советской контрразведки в дезинформации и разложении изменнических формирований на оккупированной территории в годы Великой Отечественной войны

В целях сковывания подрывной деятельности спецслужб оккупантов сотрудники органов госбезопасности принимали участие в подготовке и проведении дезинформационных мероприятий: доводили до врага сведения о численности партизанских сил, во много раз превышавшей действительную, создавали ложные партизанские базы, имитировали подготовку нападения партизан на те или иные объекты и др. Подобные мероприятия дезорганизовывали работу фашистских спецслужб, направляли их усилия по ложным или бесперспективным объектам, задерживали проведение подготовленных карательных операций, снижали результативность деятельности разведки и контрразведки противника[486].

Организованные с учетом конкретной обстановки дезинформационные мероприятия приводили нередко и к такой ситуации, когда сбитые с толку оккупанты, предпринимали карательные акции даже против своей агентуры, предателей, сотрудников своих служб. Так, путем дезинформации немецкого командования были дискредитированы видные руководители предательских казачьих формирований в районе Таганрогского полуострова. Об этом автору рассказал известный специалист по партизанским диверсиям И.Г. Старинов:

«В период наступления Красной армии зимой 1942–1943 годов и освобождения Сталинградской и Ростовской областей, Калмыкии, республик Северного Кавказа и других районов эти формирования совместно с немецко-румынскими войсками отступали вплоть до стабилизации линии фронта в марте 1943 года на Тамани и реке Миус. Оборону здесь преимущественно держали казачьи формирования и национальные батальоны, кроме того, в Мариуполе находилось на формировании до 40

тысяч «добровольцев».

На основе данных, полученных от агентуры, штаб партизанского движения при Военном совете Южного фронта поставил перед собой задачу провести широкомасштабную операцию по разложению изменнических формирований. Предполагалось путем дискредитации видных руководителей казачьих коллаборационистов вызвать у немецко-фашистского командования недоверие к изменникам, снять их с линии фронта и расформировать, ослабив тем самым боевой потенциал противника.

Для выполнения этой задачи Штаб партизанского движения (Центральный штаб партизанского движения. — *Ред.)* сделал следующее. Собрал подробный материал о казачьих формированиях Войска Донского; восстановил список командного состава и видных руководителей; через Управление НКВД по Ростовской области подобрал объект для заброски в тыл фашистам; составил дезинформационный материал и письма с целью дискредитации добровольцев. Материал и письма были оформлены в виде обращений на имя видных руководителей казачьего Войска Донского. Содержание личных писем не внушало ничего подозрительного и представляло обыкновенное письмо от жены, племянника, друга и т. д.

Тексты были написаны тайнописью. Подготовленная Штабом партизанского движения специальная директива была адресована на имя Одноталова — руководителя ростовского казачества, председателя малого войскового круга, бывшего офицера. В тайнописи было написано, что план восстания казаков против немцев одобрен командованием Красной армии и им желают успеха в ликвидации гитлеровский частей.

Подобные материалы были разосланы остальным руководителям казачества. В их текстах упоминались видные казаки как «соучастники» заговора. Передачу компрометирующих материалов в руки немецкой контрразведки было решено произвести путем заброски захваченных ранее нами видных руководителей полиции и предателей Родины с нераскрывшимся парашютом. Для этой цели был использован арестованный органами НКВД и обвиняемый как изменник Родины некто Середа, бывший офицер царской армии, активный пособник оккупантов. Лучшей кандидатуры быть не могло. Середу знали в лицо все полицейские и офицеры казачьих формирований. Работником органов государственной безопасности СССР Середе было сделано ложное вербовочное предложение. Для искупления вины перед Родиной, он якобы должен был выполнить задание органов безопасности на территории противника. Изменник легко

пошел на вербовку, втайне предвкушая, как сразу же после выброски с парашютом явится к своим фашистским хозяевам. Для выброски инструкторами парашютно-десантной службы был подготовлен нераскрывающийся парашют.

Замысел руководителей штаба партизанского движения и чекистов удался. Труп Середы с документами был найден немецкой контрразведкой на контролируемой фашистами территории. В результате этой акции, казачья дивизия, дислоцированная в Таганроге в мае 1943 года, была снята с фронта и, по частям, без оружия, направлена в глубокий тыл, якобы для борьбы с партизанами».

Большая работа проводилась чекистами по разложению полицейских и иных изменнических формирований. За весь период работы, например, орловских чекистов в тылу противника, из полицейских формирований перешло к партизанам около четырех тысяч человек[487]. Многие из них хорошо показали себя в боях с оккупантами и были отмечены поощрениями, а некоторые были удостоены правительственных наград.

Как показала практика, действенную форму борьбы против предательства, имела гласная публикация имен изменников Родины. Так, в специальной листовке, изданной от имени командования орджоникидзевских[488] партизан в Орловской области в 1942 г., указывалось: «В диком разгуле с фашистскими ордами соперничают их холуи. Вот имена предателей и изменников, которые заслужили всеобщую ненависть и презрение советских граждан. Это Неделюев, Скотников, Поляков… Оглянитесь мерзавцы, кому вы служите? Кого вы предаете?.. Скоро настанет для вас час расправы»[489].

Такая публичная огласка предательства имела предупреждающее значение для недостаточно устойчивых коллаборационистов.

В основу мероприятий по разложению антисоветских воинских формирований чекисты положили фактор идеологического воздействия, рассчитанный на подрыв политико-морального состояния личного состава, парализацию фашистской пропаганды.

В начальный период Великой Отечественной войны отдельные мероприятия по внедрению агентуры в состав антисоветских формирований с целью их разложения не давали положительных результатов в виду успехов немецко-фашистских войск на фронте, оккупации противником значительной части советской территории и активной антисоветской пропаганды среди личного состава формирований.

Победы Красной армии в 1943 г., мощный размах партизанского движения положительно отразились на деятельности групп по разложению антисоветских формирований.

В процессе разложения этих формирований преследовалась цель — оторвать рядовых участников от командно-начальствующего состава путем проведения широкой агитации и пропаганды, распространения среди личного состава правдивой информации о положении на фронте, в советском тылу и на временно оккупированной территории.

Основным средством разложения антисоветских воинских формирований являлась специально подготовленная и внедренная в подразделения этих формирований агентура чекистских органов. Она распространяла антифашистские листовки, сводки Совинформбюро, своевременно получала информацию о настроении личного состава, собирала данные об отношении германского командования и его разведорганов к тому или иному формированию, офицерскому составу, устанавливала доверительные отношения с отдельными военнослужащими, которых обрабатывали с целью последующей вербовки в качестве агентов органов государственной безопасности.

В своей работе чекисты использовали факты пьянок, разврата, аморального поведения среди командного состава спецслужб противника, недостатки в снабжении рядовых сотрудников и другие моменты, способствовавшие порождению антагонизма между различными группами вражеской среды.

Воздействие на личный состав подразделений спецслужб оказывалось также и через агентуру из местных жителей, проживавших вблизи объектов противника. С этой целью им давались задания поступать на работу в специальные службы и карательные формирования оккупантов в качестве официанток, уборщиц, машинисток, поваров, парикмахеров, прачек и т. д.

Великая Отечественная война дала много примеров, когда в результате умелой работы агентуры партизан подразделения вражеских спецслужб переходили на их сторону в полном составе. Так, в Гдовском районе Ленинградской области в 1943 г. подпольная организация под руководством А.Д. Антоновой разложила взвод карателей, личный состав которого, уничтожив офицеров своего и других подразделений, взорвал девять автомашин и с оружием в руках перешел на сторону партизан.

Для борьбы с советскими партизанами фашистские спецслужбы создавали из уголовников и прочего сброда лжепартизанские отряды. Они вооружали эти банды, посылали их

в леса и даже позволяли им время от времени делать налеты на полицейских для завоевания авторитета у местных партизанских отрядов и местных жителей[490].

Эти отряды по заданию немцев связывались с местными партизанскими отрядами, даже иногда ходили вместе с ними на операции, но при первой же возможности приводили полицейских или карателей, чтобы ликвидировать партизан. Все это делалось для компрометации партизанского движения. Основная цель, которую преследовали оккупанты, это поссорить партизан с местным населением. Поэтому они заставляли лжепартизан грабить мирное население[491].

Отрядом Д.Н. Медведева в 1942 г. были разоблачены и уничтожены три лжепартизанских отряда. Один отряд, состоявший из уголовников, был разоблачен в районе Хотинска. Лжепартизаны занимались грабежами, насиловали девушек, а потом их расстреливали. Другой отряд был ликвидирован возле станции Куява (железная дорога, соединяющая Дятьково и Людиново). Там группа меньшевиков из 8 человек под руководством одного из видных местных меньшевиков Цадика была сформирована по заданию бургомистра г. Людиново. В задачи этой группы входило — найти партизанский отряд, влиться в него и вести работу по его разложению[492]. Она была хорошо вооружена. Получив об этой группе агентурные сведения, партизаны проверили их на месте и, когда группа собралась у этого Цадика, всех их ликвидировали.

Одним из важнейших факторов, способствующих выявлению и ликвидации лжепартизанских отрядов, являлась деятельность агентуры органов госбезопасности, действовавшей в оккупационных службах и учреждениях. Так, в партизанском соединении под командованием А.Н. Сабурова информация о формировании лжепартизанского отряда из предателей была получена от агента, внедренного в руководящие органы полиции г. Ельска. Через два дня эта информация была подтверждена другим источником, работавшим в Ельском гебитскомиссариате. Гитлеровцы перед созданным отрядом поставили задачу выявлять и уничтожать партизан, их разведчиков и связных. Уже 3 сентября 1943 г. в районе сел Ремезы и Движки бандиты, маскируясь под партизан, внезапно открыли огонь по группе разведчиков-сабуровцев, убив трех патриотов. Решительными действиями партизанского соединения эта банда вскоре была разгромлена в районах Мозыря и Овруча[493].

Разложение изменнических формирований, ликвидация лжепартизанских отрядов, выявление лиц, которые своими действиями компрометировали партизанское движение, являлись

составной частью контрразведывательного обеспечения партизанских формирований. Искусство специальной деятельности оперативных сотрудников органов государственной безопасности СССР повышало уровень безопасности партизанских отрядов и, в целом, помогало достичь основной цели партизанского движения — ускорить победу над гитлеровской Германией.

Д.В. Куваев
г. Хабаровск

Особенности подготовки кадров контрразведкой Тихоокеанского флота накануне и в годы Великой Отечественной войны

История органов советской военной контрразведки продолжает оставаться важным объектом интереса историков, при чем не только отечественных. Со второй половины 1980-х гг. на основе научных трудов сформирована обширная историография деятельности особых отделов, в том числе подготовки военных контрразведчиков. Однако за последнее десятилетие в различных сегментах Интернета и иных изданиях появилось изрядное количество публикаций, существенно искажающих не только направления и результаты деятельности контрразведки Красной армии и Военно-морского флота, но и образ оперативного сотрудника военной контрразведки. Многие сетевые «мыслители», никогда не имевшие дела с историческими источниками периода Великой Отечественной войны, продолжают формировать поводы для мифотворчества. Нередко их интерес привлекают вопросы профессиональной подготовки сотрудников контрразведки и основ их идеологического воспитания. Чтобы развенчать некоторые мифы, мы расскажем, как осуществлялась подготовка военных контрразведчиков Тихоокеанского флота (ТОФ) в 1941–1945 гг.

Уровень оперативной подготовки сотрудника-агентуриста в военные годы был не менее важен, чем его боевые навыки. Специалисты понимают, что безупречные навыки стрельбы «по-македонски» не способны привести к эффективной реализации задач по контрразведывательному поиску и разоблачению агентуры противника. Эти задачи решались путем напряженной и кропотливой работы, которая строилась на системе подготовки кадров, включавшей комплексное обучение сотрудников оперативным (правовым), специальным и боевым дисциплинам.

С февраля 1941 г. 3-м Управлением НКВМФ СССР проводились организационно-штатные мероприятия во всех органах военно-морской контрразведки. По состоянию на 15 мая 1942 г. общая численность Особого отдела (ОО) НКВД ТОФ

составляла 568 человек с некомплектом оперативного состава 39 человек.

В 1941 г. кандидаты в органы госбезопасности отбирались преимущественно из флота, береговой обороны, авиации, слушателей военно-политических курсов и кадрового резерва партийных организаций, а также из числа призванных из запаса.

С сотрудниками, не имевшими теоретической подготовки, в соответствии с приказом НКВД СССР от 25 августа 1939 г. № 00989 проводились занятия в форме семинара по плану 100-часовой программы обучения оперативных работников.

Прошедших тщательный отбор оперработников обучали, в первую очередь, таким дисциплинам, как уголовное право, уголовный процесс, криминалистика, характеристика иностранных разведок, а также специальным предметам, регламентировавшим методы и порядок использования агентурно-осведомительного аппарата[494].

Удалённость главной базы Тихоокеанского флота от европейского театра военных действий позволила в период с 1941 по 1945 гг. провести подготовку кадров и сформировать резерв для органов военной контрразведки. Увеличение сферы контрразведывательных задач ОО НКВД ТОФ и объема кадровой работы по подбору и обучению оперативных работников для восполнения штатов на вновь созданных участках оперативно-служебной деятельности прослеживаются в архивных материалах, датированных осенью 1939 г.[495]

Особенностью учебного процесса являлась передача молодым сотрудникам агентурных навыков и иного оперативного опыта. В этих целях занятия проводились руководством контрразведки ТОФ от начальника ОО до руководителя структурного подразделения. Рациональность и практическая значимость участия руководителей в процессе обучения была связана с уровнем их квалификации, позволявшей правильно передать накопленный опыт контрразведывательной работы в ограниченные сроки[496].

Планы подготовки для подобранных на работу сотрудников были направлены на привитие им навыков по основным направлениям оперативно-служебной деятельности, таким как секретное документоведение и шифровальная работа, организация процесса осведомления, следствие, оперативно-боевая подготовка. Занятия проводились ежедневно, с 9 до 17 часов. Расписание занятий отдыха не предусматривало. За восемь дней слушателям читался курс лекций по 17 темам юридическихи специальных дисциплин, проводились прикладные занятия, связанныес организацией работы агентурно-осведомительной

сети.

Первая лекция семинара была направлена на ознакомление сотрудников с общей характеристикой разведок иностранных государств и, в первую очередь, с особенностями и структурой специальных служб Германии и Японии. В ходе занятия начальник ОО НКВД ТОФ дивизионный комиссар В.В. Виноградов учил молодых сотрудников отличать иностранные разведорганы по их характерному подчерку, знакомил с контрразведывательными задачами и мерами советского государства по борьбе с агентурой противника. Важным элементом начального этапа обучения являлось доведение главных и основных задач по контрразведывательному обеспечению частей Красной армии и Военно-морского флота, а также работе в их окружении. После этого обучавшиеся последовательно переходили к изучению основ организации работы с агентурным осведомлением[497].

За качество усвоения учебной программы по основам организации агентурно-осведомительной сети отвечал заместитель начальника ОО НКВД ТОФ батальонный комиссар В.А. Ларионов. Главным для сотрудников, еще не имевших практического опыта, было быстро изучить одно из наиболее сложных направлений оперативно-служебной деятельности — ведение агентурно-осведомительной работы и следственных дел. В процессе обучения сотрудников знакомили с образцами учебно-практических агентурных материалов, агентурных разработок, делами-формулярами, а также следственными делами.

Особое внимание уделялось качеству передачи практических знаний по специальным дисциплинам, таким как «Агентурная разработка». Сотрудники изучали основы вербовки и проверки агентуры, методы связи, обучения и использования сети осведомления. Новичков знакомили с видами агентурной разработки, рекомендациями по составлению плана разработки, методами использования агентуры и осведомления, в том числе практике реализации агентурных комбинаций.

В комплексе со специальными предметами начальник следственной части ОО НКВД ТОФ военюрист 2 ранга В.Б. Иосилевич читал лекции по таким юридическим предметам как «Советское уголовное право», «Советский уголовный процесс», «Значение и задачи следствия в системе оперативной работы НКВД», «Разъяснение статей уголовного и уголовно-процессуального кодексов, входящих в компетенцию Особых отделов», «Методы расследования преступлений», «Профилактическая работа Особых отделов НКВД»[498].

В контексте профессиональной подготовки кадров для

военной контрразведки было очевидно, что важным элементом в военные годы являлось воспитание из подобранных на службу политработников, командиров или военных специалистов в сотрудников-агентуристов. Воспитательный процесс заключался в том, что из оперативных работников ковались руководители, способные создавать и укреплять незримый процесс осведомления в любой обстановке, и, в первую очередь, в боевых условиях.

Со второй половины 1941 г. и в 1942 г. подготовка оперативных работников на Дальнем Востоке по планам 100-часовой программы обучения сыграла важную роль в комплектовании особых отделов, обслуживавших части Дальневосточного фронта. Принятые меры по обучению и переквалификации оперативных сотрудников в особых условиях выполнялись в ОО НКВД ТОФ вплоть до августа 1945 г.[499]

С учетом реалий военно-политической и оперативной обстановки, в первые два года войны контрразведка ТОФ решала задачи по созданию резерва зафронтовых диверсионных резидентур на случай нападения милитаристской Японии на советский Дальний Восток и временной оккупации прибрежных территорий[500]. Для развертывания сети диверсионных резидентур контрразведчикам ТОФ пришлось решить задачу по подбору и обучению руководителей зафронтовых групп из кадровых работников Особого отдела ТОФ и агентуры, из числа специалистов с навыками минно-подрывного дела, а также созданию для них надежных конспиративных условий.

В апреле 1942 г. во Владивостоке при УНКВД Приморского края, где готовили специалистов диверсионной работы, прошли обучение на 15-дневных спецкурсах трое оперативных работников флотской контрразведки. По возвращению с курсов, эти сотрудники приступили к обучению сотрудников ОО НКВД ТОФ, отобранных для зафронтовой работы. К сентябрю 1942 г. еще десять оперработников прошли через эти курсы переподготовки. Работой по подбору агентов и сведению их в резидентские звенья занимались все особые отделы по морским соединениям, укреплённым районам береговой обороны и ВВС флота.

В конце июня 1943 г. начальник Отдела контрразведки (ОКР) «Смерш» ТОФ генерал-майор Д.П. Мерзленко сообщил в Центр следующее: «На случай войны на Дальнем Востоке и временного тактического успеха противника на отдельных участках нами готовится агентурная сеть на основных морских базах и в крупных гарнизонах береговой обороны и ВВС ТОФ для проведения разведывательной, диверсионной и вредительской деятельности на случай оккупации. Для этой цели намечено

создать 21 разведывательную и диверсионную резидентуры с количеством агентуры от 3 до 7 человек в каждой. На 1 июня 1943 года уже создано 13 резидентур с общим количеством агентуры 54 человека. Агентура для этих резидентур подбирается за счёт осведомления из гражданского окружения и частично из числа вольнонаемного состава гарнизонов. В работе по созданию спецрезидентур контактируем с УНКГБ Приморского края»[501].

В связи с изменениями военно-политической обстановки, когда в конце 1943 г. Япония отказалась от реализации плана нападения на СССР, работа по формированию зафронтовых резидентур на Дальнем Востоке была приостановлена, часть агентуры передана на связь в УНКГБ по Приморскому краю, а контрразведчики флота продолжили борьбу с агентурой органов специальных служб Японии.

Анализ ключевых элементов системы подготовки сотрудников военной контрразведки в ОО НКВД — ОКР «Смерш» ТОФ позволяет прийти к выводу о том, что и в военные годы важным аспектом подготовки кадров для советских особых органов являлся уровень квалификации сотрудника-агентуриста. Переквалификация подобранных и призванных из запаса сотрудников строилась на системе подготовки кадров, включавшей комплексное обучение оперативным (правовым), специальным и боевым дисциплинам. По каждой дисциплине был предусмотрен экзамен, в ходе которого комиссия из числа руководителей органа оценивала полученные знания и принимала решение о допуске оперработника к самостоятельной агентурной работе или под контролем наставника. После этого начинающий оперработник приступал к оперативной работе согласно планам становления в должности под руководством своего непосредственного начальника.

Таким образом, отдельные архивные материалы опровергают околонаучные домыслы о низкой профессиональной подготовке сотрудников военной контрразведки в период Великой Отечественной войны. Исследованные аспекты организации обучения кадров в ОО НКВД — ОКР «Смерш» ТОФ могут позволить историкам более точно подойти к определению роли и места специальной подготовки флотских контрразведчиков в особых условиях, а также способствовать формированию историографии органов советской военной контрразведки на научной основе.

А. А. Сампиев
г. Нижний Новгород

Из истории борьбы органов государственной безопасности с немецко-фашистскими спецслужбами в битве за Кавказ в 1942–1943 гг

Начало Великой Отечественной войны коренным образом изменило военно-политическую и оперативную обстановку в Советском Союзе. Летом 1942 г. в результате вынужденного отхода советских войск в руки врага попали богатейшие области Дона и Донбасса. Создалась прямая угроза выхода противника на Волгу и Северный Кавказ, потери Кубани и всех путей сообщения с Кавказом. В стратегических планах гитлеровского командования на 1942 г. Кавказ занимал главное место, а Сталинград указывался как один из важных объектов, который следовало захватить в ходе выполнения основной стратегической задачи[502].

С развертыванием боевых действий непосредственно в районе Северного Кавказа[503] фашистские разведывательные органы усилили заброску агентуры на территории республик, областей и краев региона, с конкретными заданиями проведения шпионажа и диверсий, инспирирования антисоветских выступлений, распространения различных провокационных слухов и осуществления других враждебных акций, направленных на дезорганизацию тыла. Немецкая разведка практиковала массовую вербовку и переброску в нашу прифронтовую полосу и в глубокий тыл со шпионскими, диверсионными и террористическими заданиями антисоветского и политически неустойчивого элемента из числа командиров и красноармейцев, сдавшихся в плен. Также немецкая разведка вербовала агентуру из среды антисоветски настроенного и политически неустойчивого элемента гражданского населения на временно занятых противником территориях, которую забрасывали со шпионскими, диверсионными и террористическими заданиями в прифронтовую полосу расположения наших войск и в глубокий тыл под видом беженцев[504].

Германскими спецслужбами активно создавались

коллаборационистские формирования, школы по подготовке шпионов и диверсантов[505]. При этом, к созданию коллаборационистских формирований привлекались представители эмиграции. Так, еще в 1941 г. в Берлине было создано «кавказское правительство», включавшее представителей различных национальных секций. В 1942 г. в Берлине был создан Северокавказский национальный комитет, который издавал журнал «Северный Кавказ» и газету «Газават»[506].

Из советских граждан было сформировано и несколько специальных, выполнявших особые задания германских спецслужб, подразделений, в рядах которых служили представители различных народов Кавказа. Так, по инициативе руководителя абвера адмирала В. Канариса в конце 1941 г. в Германии (г. Нойхаммер) был сформирован батальон специального назначения «Бергман» («Горец»), который имел в своем составе штаб с группой пропаганды и пять стрелковых рот. Их общая численность составляла 1200 человек, в том числе 900 кавказцев и 300 немцев[507].

Подразделения «Горца» забрасывали в советский тыл разведывательно-диверсионные группы для сбора сведений, разрушения коммуникаций и организации паники, вели радиопередачи с призывом переходить к немцам[508].

В течение августа — сентября 1942 г. органами НКВД на Кавказе было изъято и ликвидировано 50 немецких парашютистов, из них только в Грузинской ССР — 35 человек. В отличие от имевших ранее место случаев противник забрасывал не только бывших военнослужащих Красной армии, находившихся в плену, но и немцев в форме германской армии. Так, в первых числах сентября в Грузии, в Цхалтубо, вражеский самолет дважды высадил по одному парашютисту, которые оказались немцами — военнослужащими германской армии. Оба были убиты при преследовании. 25 августа 1942 г. в числе высаженных противником в Чечено-Ингушской АССР парашютистов находились десять немецких военнослужащих. По показаниям арестованных парашютистов, они были высажены с заданием совершать диверсионные акты на предприятиях военной промышленности, транспорте, проводить вербовки для разведывательной работы и совершать террористические акты[509].

В начале августа 1942 г. на территорию Нагорного района Кабардино-Балкарской АССР была заброшена группа из 10 человек, бывших военнопленных, завербованных гитлеровскими спецслужбами для использования в тылу Красной армии. Перед этой группой стояла задача воспрепятствовать советским властям

по эвакуации нескольких сот тысяч голов скота, находившихся на отгонных пастбищах в альпийских лугах.

В августе 1942 г. в районе населенных пунктов Алагир, Ардон Северо-Осетинской АССР была сброшена группа из 5 агентов-диверсантов[510].

В августе-сентябре 1942 г. на территорию Азербайджана было заброшено 6 групп парашютистов (всего 31 человек). Все задержанные оказались бывшими военнослужащими Красной армии, попавшими в плен и завербованными германской разведкой. Они имели задание «организовать бандповстанческие группы и другие контрреволюционные антисоветские формирования для ведения подрывной профашистской работы на территории Азербайджанской ССР»[511].

В сентябре 1942 г. в Агульском районе Дагестанской АССР были арестованы одетые в немецкую форму парашютисты Гасанов и Джаватханов. При них были обнаружены планы организации повстанческих отрядов, оружие и немецкие листовки повстанческого характера на аварском языке[512].

В сентябре 1942 г. в Телавском районе Грузинской ССР арестован немецкий парашютист — эмигрант, грузинский меньшевик Чиракадзе, заброшенный противником вместе с группой германских агентов с заданием связаться с бывшими членами антисоветских политпартий Грузии[513]. В Сталинирском районе Юго-Осетинской автономной области Грузинской ССР ликвидирована бандповстанческая группа, участники которой ставили своей задачей организацию вооруженного выступления против советской власти. В этих целях они вели антисоветскую, пораженческую агитацию среди населения и вовлекали в свою группу новых участников[514].

С самого начала войны в ряде районов Северного Кавказа активизировались антисоветские элементы. Органы госбезопасности наряду с организацией розыска заброшенной в советский тыл немецко-фашистской агентуры, борьбой против враждебных действий преступных и других антиобщественных элементов принимали решительные меры для пресечения паникерства, уклонения от мобилизации в Красную армию, дезертирства из ее рядов, измены Родине, а также бандитских проявлений в регионах страны[515].

В апреле 1942 г. органами НКВД была вскрыта контрреволюционная шпионская группа Бадриева, завербованного немцами, и группа дезертиров во главе с Савлаевым, осуществлявшая вербовочную работу по организации повстанческого движения в Северо-Осетинской АССР, привлекла в свою организацию секретаря Ардонского райотделения НКВД

Гагиева (арестован, осужден к высшей мере наказания), который в нужный момент должен был обеспечить указанной повстанческой группе захват оружия и боеприпасов, принадлежащих истребительному батальону и хранившихся при Ардонском райотделении НКВД[516].

В январе, феврале и марте 1942 г. органами НКВД и милиции Северо-Осетинской АССР было изъято 832 дезертира и уклонившихся от призыва. На нелегальном положении скрывалось около 300 дезертиров и уклоняющихся от призыва[517]. В Ирафском районе Северной Осетии на захваченной противником территории находилось свыше 50 % партийной организации, а всего в республике в оккупации осталось 485 коммунистов. Добровольно с немцами ушли 22 человека, 48 человек с семьями были угнаны насильственно, 19 человек сдали свои партийные документы оккупантам, а 318 коммунистов их уничтожили или утратили[518].

Перед органами государственной безопасности Кавказа стояли весьма сложные и ответственные задачи, которые, как правило, нужно было решать в срочном порядке. Уже с первых дней войны в чекистских органах на местах были внесены серьезные изменения в структуру аппарата в соответствии с условиями военного времени. Первоочередной задачей стала защита и обеспечение прочности тыла действующей Красной армии. Для активного розыска агентуры германской разведки использовались гласный и негласный аппарат, истребительные батальоны, аппарат милиции, бригады содействия милиции[519]. Во всех национальных автономиях и краях Северного Кавказа и Закавказья была усилена борьба с парашютными десантами противника, установлено круглосуточное наблюдение бойцов истребительных батальонов[520] за воздухом для предотвращения безнаказанной высадки вражескими самолетами парашютистов, усилена охрана всех предприятий военной промышленности и транспорта, железнодорожных мостов, тоннелей и путей, важнейших заводов, фабрик, электростанций, нефтепромыслов, обеспечено соответствующее наблюдение за лицами, потенциально могущими укрывать вражеских парашютистов и оказывать им содействие в их подрывной антисоветской работе[521].

Широко использовались системы заградительной службы, действовавшей в прифронтовой полосе, режимные мероприятия, проводившиеся военным командованием в тылу. Для обеспечения изъятия высаженных противником парашютистов в местные органы госбезопасности командировались ответственные работники центральных аппаратов республиканских НКВД и

партийно-советских органов с задачей оказания органам НКВД в этой работе необходимой помощи[522].

Борьба органов госбезопасности с агентурой спецслужб фашистской Германии приобретала все более системный, целенаправленный характер. Происходило централизованное накопление информации о местах дислокации разведывательных органов и школ, о составе кадровых разведчиков, завербованной агентуре, проходившей подготовку и заброшенной в тыл нашей армии. Обобщалась и анализировалась информация о методах вербовочной работы, заброски агентуры и выполнения ею заданий в нашем тылу. По каждому выявленному разведоргану или разведшколе противника выпускались ориентировки о розыске завербованной и прошедшей в них подготовку агентуры[523]. В 1942 г. советская контрразведка уже располагала довольно детальной информацией о 78 разведывательных школах противника, в том числе Варшавской, Смоленской, Борисовской, Полтавской и других, разведывательном органе при 16-й немецкой армии, о ряде абверкоманд и абвергрупп, дислоцированных на территории СССР[524]. Благодаря централизованному учету вражеских агентов, системе накопления и быстрой реализации вновь добываемой информации, активной разработке разведывательных и контрразведывательных органов и школ противника, эффективной следственной работе значительная часть заброшенных шпионов и диверсантов задерживалась сразу же после заброски.

В ходе обороны Кавказа, продолжавшейся с июля по декабрь 1942 г., советские войска сорвали вражеские планы по его захвату. Существенный вклад в оборону Кавказа внесли и чекисты всего Северо-Кавказского региона. Важно было пресечь попытки немецких войск перейти через Главный Кавказский хребет. Созданные специально для этих целей 24 оперативно-чекистские группы общей численностью 464 человека и штаб по руководству ими вели разведывательную и контрразведывательную работу на основных перевалах Главного Кавказского хребта. Одновременно военная контрразведка в тесном взаимодействии с территориальными органами госбезопасности участвовала в активном поиске и поимке вражеской агентуры[525].

Только на протяжении августа — сентября 1942 г. чекистские органы, выполняя поставленные перед ними задачи, обезвредили свыше 50 заброшенных германской разведкой диверсантов[526]. С начала войны по август 1942 г. органами НКВД СССР было арестовано 11 765 агентов противника, в том числе за семь месяцев 1942 г. — 7755 человек. В результате активных оперативных мероприятий в годы войны на транспорте было

задержано 256 агентов-парашютистов и ликвидировано 226 шпионских диверсионных резидентур противника. Всего в тылу страны было задержано 1854 агента-парашютиста[527]. Эти задачи решались при огромной помощи местного населения[528]. Только в сентябре и октябре 1942 г. было задержано 169 вражеских агентов, заброшенных германской военной разведкой в Грузию, Азербайджан, Дагестан и Чечено-Ингушетию. У них изъято 30 радиостанций[529].

В 1943 г. органы госбезопасности ликвидировали несколько диверсионных групп разведоргана «Цеппелин», заброшенных на Северный Кавказ. Планы по организации в советском тылу крупных диверсионно-террористических и разложенческих операций провалились. В то же время особые расчеты фашистские спецслужбы строили на использование в своих целях религиозных убеждений лиц, исповедующих ислам. В Северо-Кавказский регион в массовом порядке забрасывались листовки — обращения к мусульманам с призывами антисоветского содержания. Например, в «воззваниях» фашистов к гражданскому населению Кавказа декларировалось, что они «несут право на собственность, уничтожение колхозного строя, свободу труда, свободное развитие национальной культуры и свободу вероисповедания»[530].

Анализ многих трофейных документов, признания бывших германских генералов и руководителей спецслужб, сделанные после войны, свидетельствуют о том, что гитлеровские спецслужбы на Северном Кавказе делали все для того, чтобы одурманить сознание советских людей фашистской идеологией, вызвать антисоветские настроения, разжечь национальную рознь[531]. Несмотря на отчаянные усилия, немецкая разведка не смогла выполнить поставленные перед ней задачи. В этом огромная заслуга советских органов госбезопасности.

Успехи борьбы советских органов госбезопасности с разведывательно-подрывной деятельностью немецко-фашистской разведки в годы Великой Отечественной войны были бы невозможны без широкой поддержки и активной помощи всего советского народа. Сотни жителей Северного Кавказа, истинные патриоты в составе истребительных батальонов, различных групп, отрядов и в индивидуальном порядке выполняли трудные и опасные поручения чекистских органов, оказывали им всяческую помощь.

В длительной, самой тяжелой из войн в истории нашей Родины сотрудники органов государственной безопасности успешно справились с возложенной на них задачей и внесли весомый вклад в победу над фашистской Германией.

С.Б. Вязьменский
г. Санкт-Петербург

Интернациональный партизанский отряд имени Ворошилова под командованием Франциско Гульона в фокусе внимания органов НКВД

В докладе впервые вводятся в научный оборот документы из фондов Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб), касающиеся деятельности Ленинградского штаба партизанского движения (ЛШПД) и контрразведывательного отдела Управления НКВД по Ленинградской области по проверке на преданность бойцов интернационального партизанского отряда особого назначения им. К.Е. Ворошилова под командованием испанца Ф. Гульона (отряд был создан на базе Высшей оперативной школы особого назначения (ВОШОН) Центрального штаба партизанского движения в августе — сентябре 1942 г., заброшен в тыл противника на территорию временно оккупированной территории Ленинградской области, действовал с сентября 1942 г. по март 1943 г., из 136 членов отряда 32 бойца были испанцами. — *Авт.*)

Эти документы были рассекречены в мае 2018 г. и обнаружены автором доклада в фондах ЦГАИПД СПб уже после того, как вышла в свет его книга[532].

Первый документ — это письмо от 16 февраля 1943 г. на имя начальника оперативного отдела ЛШПД М. Алексеева за подписью начальника контрразведывательного отдела УНКВД по Ленинградской области капитана государственной безопасности Якушева и начальника 5-го отделения контрразведывательного отдела УНКВД по Ленинградской области лейтенанта государственной безопасности Сереброва. В письме говорится: «На Ваш телефонный запрос сообщаем, что по имеющимся у нас точным данным, выброшенные 6.I.-43 г. в тыл противника два парашютиста и продовольствие захвачены немцами и подвергнуты допросу».

Второй документ — еще одно письмо от 6 апреля 1943 г. на имя М. Алексеева за подписью Якушева: «16 февраля 1943 г. номером 603619 мы сообщали Вам, что выброшенные 6.I.-43 г. в

тыл противника два парашютиста, были захвачены немцами и подвергнуты допросу.

Есть основание полагать, что провал этих парашютистов связан с предательством кого-либо из ранее выброшенных в немецкий тыл людей, вероятнее всего радистов, при помощи которых противник, дезинформируя наши органы, добился выброски на свою территорию вышеуказанных лиц, так как противник точно знал время и место их выброски.

В связи с тем, что Вами 6.I.-43 г. была произведена выброска в тыл противника двух человек, просим сообщить нам, для расследования данного факта, выявления и привлечения к ответственности предателей, виновных в провале вышеуказанных парашютистов следующее:

1. Установочные данные на двух парашютистов, выброшенных Вами 6.I.-43 г. и район, куда они были выброшены.

2. Для какого отряда были выброшены эти лица и в связи с чем (поступил ли запрос из этого отряда, или другие обстоятельства).

3. Кто является радистом в отряде, для которого выбрасывались эти парашютисты, и с какого времени он работает там.

4. Что Вам известно в настоящее время об отряде и парашютистах, выброшенных 6.I.-43 г.».

На этом же письме, поверх напечатанного на машинке текста, дана рукописная справка за подписью М. Алексеева, датированная 15 апреля 1943 г.: «Работнику УНКВД Львовичу сообщено: выброшенные 6.I.-43 г. два партизана — радист Свердличенко и разведчик Сухушин — соединились с отрядом Гульона и к немцам не попадали. Один из них — Сухушин — вышел в наш тыл с Гульоном»[533].

Действительно, приказом № 01/у по 4-му отделу ЛШПД младший лейтенант Свердличенко и старший сержант Сухушин 6 января 1943 г. были сброшены в тыл противника со спецзаданием[534]. При этом суть этого спецзадания — скрытно следить за отрядом Ф. Гульона — на момент выброски Свердличенко и Сухушин не знали. Об этом можно судить по радиограмме, которую начальник ЛШПД М. Никитин отправил Свердличенко 11 января 1943 г., через пять дней после десантирования: «Задача установить судьбу отряда Гульона. Какие и как обнаружили его следы. Следуйте указанный квадрат, соблюдая осторожность. Никитин».

С этого момента и по 1 февраля 1943 г. Свердличенко и Сухушин следили за отрядом Ф. Гульона. Ситуация усложнялась тем, что по ошибке летчиков разведчика и радиста сбросили в

15 км (по другим данным — в 30 км) от заданного места, запас продовольствия у них закончился уже 18 января, а на следующий день Сухушин, уйдя в разведку, наткнулся на полицейскую засаду, был ранен в ногу. Тем не менее, от преследования радисту и разведчику уйти удалось. При этом ЛШПД с момента выброски Свердличенко и Сухушина поставил об этом в известность отряд Ф. Гульона. Из штаба в отряд регулярно приходили радиограммы с указанием координат, в которых гульоновцы должны были искать Свердличенко и Сухушина. Партизаны искали, но не могли найти (возможно, в этом и состоял план ЛШПД: давать ложные координаты для поиска, чтобы заставить отряд двигаться и тем самым облегчить наблюдение за ним. — *Авт.*). До тех пор, пока 2 февраля разведчик и радист сами не пришли в отряд и не рассказали командиру о своем спецзадании.

Что же послужило причиной проверки отряда Ф. Гульона на преданность?

По мнению радиста отряда Н. Обухова, причиной могло стать неудачное десантирование в тыл противника одной из групп отряда во главе с Ф. Гульоном. Самолет сбился с курса и выбросил 16 человек во главе с командиром почти в 80 км от заданного района и прямо на головы фашистам. По первым же радиограммам, полученным из ЛШПД, радисту стало ясно: в штабе не верят, что группе Гульона удалось спастись. Там знали, что десант был выброшен на немцев. Естественно было предположить, что рацию захватили враги и пытаются вести свою игру.

Но было и еще одно обстоятельство, которое бросало тень на доброе имя отряда: ушла на выполнение задания и не вернулась группа под командованием комиссара отряда Н. Пилипко, в которую входили младший лейтенант Гриценко, бойцы Мартин, Викторов, Фрейксас, Измайлов, Сан-Висенте. Гульон радировал в ЛШПД: «Группа направилась 11.XI в кв. 22–48, чтобы забрать там продукты и принести их в лагерь отряда (северо-западная окраина болота Басач). Группа не выполнила задания и не вернулась в лагерь. Наша разведка позже установила, что к этим числам в деревне Леды карателями была уничтожена группа партизан из 8 человек. Вероятно, это группа Пилипко».

Гульон ошибался. Группа подверглась нападению карателей. Но в другом месте — почти в 60 км к юго-востоку от Лед — в деревне Кашино Уторгошского района. Из семи человек в живых остались только Н. Пилипко и П. Гриценко. И тут возникает вопрос: как группа, в которую входили опытные партизаны-диверсанты, умудрилась так сильно сбиться с курса, что потеряла собственный отряд? Комиссар отряда позже объяснял причину

просто: плохо сориентировались на местности и заблудились.

Но, возможно, что это было сделано умышленно, и причиной невозвращения в лагерь стали разногласия между Ф. Гульоном и Н. Пилипко по вопросам руководства отрядом.

Появившись в отряде 2 февраля 1943 г., А. Свердличенко посылает в ЛШПД радиограмму: «2.II. прибыли в отряд Ф. Гульона. Настроение отряда хорошее, все в порядке»[535].

Ф. Гульон был возмущен проверкой, которую устроили его бойцам в ЛШПД. 9 февраля он посылает радиограмму на имя начальника штаба М. Никитина: «Не сомневайтесь в нас, это возмущает и мешает делу. Посеявшие эти сомнения, надеемся, ответят. Пока течет кровь в наших жилах, Родина измены в нас не увидит. Это доказано, и еще докажем»[536].

В самом отряде командир жестко поддерживал дисциплину. Так, 3 декабря 1942 г. за воровство был расстрелян А.Э. Хименес[537]. Выявили в отряде и предателя. Им оказался фронтовик-орденоносец И. Харитонов, награжденный в феврале 1942 г. орденом Красного Знамени. Об этом вспоминает П. Гриценко, но он не говорит о том, какая участь постигла предателя[538].

Остаются открытыми вопросы: почему в КРО УНКВД по Ленинградской области в течение почти двух месяцев не могли установить личности двух партизан, попавших в немецкий плен, о которых идет речь в переписке с М. Алексеевым; почему запрос в ЛШПД с просьбой предоставить на них установочные данные был отправлен тогда, когда отряд Ф. Гульона уже прекратил свое существование?

Судьбы А. Свердличенко и А. Сухушина сложились по-разному. После того, как 24 февраля 1943 г. отряд Ф. Гульона влился в состав 1-й особой партизанской бригады под командованием А. Кириллова, А. Свердличенко остался в этой бригаде радистом. Он пропал без вести 16 апреля того же года[539].

6 марта 1943 г. у озера Лоша на лагерь 1-й особой партизанской бригады напали каратели. Завязался бой. Ф. Гульон с группой бойцов остался прикрывать отход бригады. Группа заставила карателей отступить, но оказалась отрезанной от бригады. Все попытки соединиться с ней оказались безуспешными. 10 марта Ф. Гульон собирает оставшихся в живых партизан — Е. Павассара, А. Альберку, Х. Гомеса, Е. Семенова, А. Сухушина — и принимает решение выходить в советский тыл. В ночь с 19 на 20 марта при переходе линии фронта у населенного пункта Теремец-Курляндский (в районе Мясного Бора. — *Авт.*) группа попадает под перекрестный огонь немецких и советских

подразделений. В результате Е. Павассар и А. Альберка были убиты, остальные вышли к своим. А. Сухушин попал в госпиталь с ранениями обеих ног[540]. Вылечился и опять ушел на фронт. Его боевой путь прервало очередное ранение, полученное под Ропшей в январе 1944 г. После войны работал рыбаком в колхозе «Красная звезда» в поселке Старо-Волжский Икрянинского района Астраханской области. Пользовался уважением односельчан за открытость, готовность прийти на помощь в трудную минуту. Вел большую общественную работу. Проводил уроки мужества для учеников местной школы.

Умер А. Сухушин 20 октября 1986 г. на 70-м году жизни. Похоронен в городе Волжский Волгоградской области.

Награжден медалями «За отвагу», «Партизану Отечественной войны I степени», «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945»[541].

Между тем, у наркома государственной безопасности СССР В. Меркулова существовали планы, связанные с работой Ф. Гульона уже после его возвращения в советский тыл и излечения в госпитале. 27 августа 1943 г. В. Меркулов обратился с докладной запиской в Государственный Комитет Обороны СССР с предложением о ликвидации изменника Родины генерала А. Власова. В ней говорилось о том, что созданный немцами «Русский комитет» возглавляется изменником Родины, бывшим генерал-лейтенантом Красной армии А. Власовым (впредь именуемым «Ворон»). «Ворон», проживая постоянно в районе Берлина, периодически посещает города Псков, Смоленск, Минск, Борисов, Витебск, Житомир и другие, где немцами организованы отделения «Русского комитета» и части Русской освободительной армии. Для ликвидации А. Власова НКГБ СССР разработал несколько вариантов спецопераций. Один из них заключался в привлечении испанцев-антифашистов в составе группы из пяти человек, возглавляемой Ф. Гульоном. Испанцы-антифашисты должны были действовать под видом офицеров «Голубой дивизии», дислоцированной на одном из участков Ленинградского фронта. Подразделения этой дивизии часто выходили в район Пскова. И в случае прибытия туда «Ворона», появление оперативной группы испанцев, одетых в форму «Голубой дивизии», знающих испанский язык и снабженных соответствующими документами, не должно было привлечь никакого особого внимания со стороны местной администрации. Перед испанцами была поставлена следующая задача: проникнуть под благовидным предлогом к «Ворону» и ликвидировать его[542]. Но, судя по всему, тут сыграло свою роль принятое к тому времени решение ЦК Коммунистической партии Испании об

отзыве всех соотечественников с активной диверсионной работы на оккупированной территории в связи с большими потерями испанцев на Северном Кавказе, в Крыму и под Ленинградом[543]. Группу испанцев на ликвидацию генерала А. Власова так и не отправили.

С.В. Тужилин
г. Москва

Подвиг пограничника Овчинникова

Сохранение отечественной истории и борьба с ее фальсификацией сегодня происходит не только на правительственном уровне. Активное участие в процессе установления исторической достоверности принимают общественные организации. На очередном заседании Общественного совета при ФСБ России, состоявшемся 26 декабря 2019 г., внимание участников было акцентировано на необходимости продолжения работы по противодействию попыткам искажения событий из истории Отечества и органов безопасности. Еще ранее, 18 мая 2016 г., принято важное решение совместно с ФСБ России рассмотреть возможность публикации в средствах массовой информации материалов о деятельности органов безопасности в период Великой Отечественной войны и их вкладе в борьбу с фашизмом[544].

Эффективность патриотического воспитания граждан на примерах истории и в нравственном, и в профессиональном отношении трудно переоценить. Крупнейший военный теоретик Российской империи генерал от инфантерии М.И. Драгомиров прозорливо отмечал: «Рецептов на то как созидать Аустерлицы, Фридланды, Ваграмы, швейцарские походы 99 года, Кёниггрецы, теория военного дела не дает; но она представляет эти великие образцы военного творчества для изучения военному начальнику, подобно тому, как живописец, музыкант, поэт изучает великие образцы, каждый в своей специальности: не для того, чтобы им буквально подражать, но для того, чтобы проникаться их духом»[545].

Деятельность по информационной обработке населения (т. н. «промывание мозгов»), в первую очередь, молодых граждан нашей страны, способствующая подрыву исторических, духовных ценностей в области защиты Отечества, следует сегодня отнести к основным угрозам национальной безопасности государства. Проникая в учебники и «солидные» СМИ, фальсификация истории Великой Отечественной войны наносит непоправимый вред подрастающему поколению, создает серьезную опасность для будущего нашей страны. Подобные акции нацелены в очередной раз попытаться переформатировать сознание российской молодежи, добиться того, чтобы Россию нынешнюю некому было

защищать.

Особую актуальность накануне празднования 75-й годовщины Великой Победы приобрела проблема противодействия попыткам фальсификации истории органов и войск НКВД — НКГБ СССР в годы Второй мировой войны. Изучение архивных документов, опубликованных источников, в частности, свидетельствует об активном участии советских пограничных войск в войне с гитлеровской Германией и императорской Японией. С началом Великой Отечественной войны пограничникам пришлось вести боевые действия с разведывательными подразделениями и передовыми частями вермахта непосредственно на линии Государственной границы, выполнять задачи охраны тыла РККА, осуществлять разведывательно-диверсионную деятельность в тылу немецко-фашистских войск и на маршрутах их движения, выявлять и уничтожать диверсионно-разведывательные группы противника…

С честью выполнили возложенные задачи пограничные войска Забайкальского, Хабаровского и Приморского округов и на завершающем этапе мировой войны, в августе 1945 г., приблизив успех Дальневосточной кампании Вооружённых сил СССР. По приказу командования они первыми атаковали противника, в короткий срок ликвидировали пограничные полицейские кордоны и мелкие гарнизоны японских императорских войск. В первые дни Советско-японской войны в пограничной полосе Маньчжурии они разгромили 241 пограничный полицейский кордон, 31 мелкий гарнизон, 11 узлов сопротивления и опорных пунктов; заняли 194 населенных пункта, в т. ч. города Сахалян, Айгунь, Уюнь, Шивей, Джурганхэ, Мохэ и Оупу. Пограничные войска трех округов успешно решили задачу по охране тыла действующей армии. На территории Маньчжурии ими ликвидировано 42 бандитско-диверсионные и 33 японские оторвавшиеся от своих частей войсковые группы (численностью от 10 до 150 чел.)[546]. Обеспечивая порядок в тылу фронтов, надёжно охраняя государственную границу, они способствовали успеху наступательных действий РККА и ВМФ СССР.

Массовый, доходивший до самопожертвования, героизм пограничников в абсолютном большинстве случаев был глубоко осознанным. Вот почему в наше время так важно объективно, на основе документальных материалов, освещать их деятельность, передавать нашим детям и внукам правду о войне. К сожалению, в современных условиях неодинаковая оценка одних и тех же исторических событий принимает форму информационного противоборства. Причем, не только на международном, государственном, но и на внутриведомственном уровнях. В

2016 г. ограниченным тиражом увидела свет книга кандидата философских наук генерал-майора в отставке В.И. Городинского «Правда истории или мифология? Малоизвестные страницы служебно-боевой деятельности Пограничных войск НКВД СССР в начальный период Великой Отечественной войны»[547]. Издание явило собой развернутую версию переходящих из номера в номер статей, опубликованных на страницах печатных СМИ раньше[548]. И статья, и книга вызвали критику со стороны ветеранов органов и войск безопасности, руководства Пограничной службы ФСБ России, патриотически настроенной части российской общественности. Неоднозначно оценила новинку книжной индустрии и научное сообщество[549].

Наряду с этим, в нынешний век цифровизации заполонили информационное пространство материалы западных «историков-очернителей» с извращенной трактовкой фактов и бессовестным вымыслом. В ряде стран продолжают издаваться многотомные исследования о Второй мировой войне, замалчивающие фашистские зверства, истинные потери Советского Союза, принижающие его роль в победе над нацизмом. Не прекращаются попытки переписать историю через систему образования. В отличие от советской поры, память о войне и её освещение в учебниках истории постсоветских государств (Молдове, Румынии и пр.) претерпело изменения. Не все так просто и в самой России: историческими подделками завалены книжные полки многих магазинов, а труды серьёзных авторов выходят крошечными тиражами…

Вот почему, на наш взгляд, представляется важным и своевременным предать гласности выявленный архивный документ, характеризующий первый день Советско-японской войны (1945 г.) глазами ее участников. Документ является подлинником, исполнен на печатной машинке, датирован февралем 1946 г., подготовлен и подписан начальником политотдела 59-го Хасанского Краснознаменного ордена Кутузова 2-й степени пограничного отряда войск НКВД майором Кислициным: «Описание боевого подвига младшего сержанта Овчинникова Петра Ивановича[550]

Младший сержант Овчинников Петр Иванович, с заставы Сопочная 1-й комендатуры 59 Хасанского Краснознаменного пограничного отряда НКВД, член ВКП(б), — перед началом военных действий был включен в “Отряд нападения” на японский погранполицейский пост “Концуренко”.

За время службы в отряде (с 1938 года) тов. Овчинников проявил себя дисциплинированным, стойким, преданным Родине, бойцом, неутомимо работающим над повышением политических

и служебных знаний. Был активен в партийной и общественной работе. Как отличник и мастер пограничной службы, с 1942 года являлся старшим пограничного наряда. Свои обязанности выполнял точно, аккуратно, к составу наряда относился требовательно и заботливо. За срок службы имеет 11[551] благодарностей.

Узнав о зачислении его в “Отряд нападения”, тов. Овчинников на митинге перед выступлением произнес взволнованную речь. Он сказал: “К японским агрессорам у нашего народа большой счет. Я, как и все пограничники, горжусь тем, что нам советское правительство доверило первыми вступить на территорию врага. Я горжусь и радуюсь за то, что меня зачислили в отряд по уничтожению погранполицейского поста. Обещаю тебе, моя Родина, что я не пощажу и своей крови, а если надо будет — и жизнью выполню свой долг. Я буду действовать так, чтобы умножить славу хасановцев”.

В партбилет он перед боем положил адреса своих родных и знакомых, из чего можно сделать вывод, что он решил пойти на большой, ратный подвиг. Во время движения к месту боя он был, по воспоминания товарищей, в радостно возбужденном состоянии и нетерпеливо ожидал боя.

“Отряд нападения” под командой старшего лейтенанта Андросова, начальника штаба *н-кой* комендатуры, *по приказу командования в ночь на 9.8.45 г.* незаметно подошел к погранполицейскому посту. Часовые были сняты без выстрела, и пограничники начали штурм поста. Пост прикрывался двумя дотами.

Младший сержант Овчинников первым стремительно, под огнем японцев, прорвался во двор поста и бросил в окно противотанковую гранату. На помощь ему подоспели другие бойцы. Из загоревшегося дома стали выбегать и отстреливаться японцы. Пограничники уничтожили их штыками.

Младший сержант Овчинников в разгаре боя заметил, что с тыльной амбразуры левого дота по бойцам, штурмующим погранпост, стал вести огонь станковый пулемет. Это грозило уничтожением наших бойцов и срывом всей боевой задачи. Не колеблясь ни минуты, бесстрашный младший сержант с противотанковой гранатой в руке бросился на пулемет. Он горел желанием уничтожить ненавистного врага, хотя бы для этого пришлось отдать свою жизнь.

Пулеметная очередь полоснула его по груди, но у героя хватило силы бросить гранату. Пулемет замолчал, враг был уничтожен. Горячая кровь текла из глубоких ран на груди младшего сержанта Овчинникова. Последним усилием воли он

приподнялся от земли, обвел глазами товарищей, разрушенный дот врага и сказал:

“Отомстите за мою смерть! Вперед, товарищи, бейте японцев!”

На руках у подхвативших его бойцов, боевых друзей по заставе, умер герой-пограничник, Петр Иванович Овчинников, своим подвигом положивший славу орденоносного Хасанского пограничного отряда»[552].

Приведенный архивный документ существенно, т. к. содержит наиболее характерные примеры боевых действий пограничных подразделений, и органично дополняется выявленным солидным (на 96 л.) отчетом, подготовленным начальником пограничных войск НКВД СССР на Тихом океане генерал-майором П.И. Зыряновым и его начальником штаба полковником Арефьевым. Он подготовлен во Владивостоке, исполнен на печатной машинке и озаглавлен «Описание боевых действий войск НКВД Приморского округа в войне против японских войск на Дальнем Востоке (9 августа — 3 сентября 1945 г.)». Согласно предпоследней текстовой странице документ подписан не позднее 10 декабря 1945 г. В виду информативности и лаконичности содержания приведем его полностью:

«Боевые действия подразделений 59 Хасанского Пограничного Краснознаменного ордена Кутузова 2 степени отряда войск НКВД ‹…› по уничтожению передовых гарнизонов противника происходили в условиях горно-таежной местности, против правого фланга участка и в условиях необходимости форсирования водной преграды р. Тюмень-Ула на левом фланге участка отряда.

Перед отрядом была поставлена задача в ночь на 9.8.45 г. уничтожить передовые гарнизоны противника, произвести разведку отдельных направлений для движения передовых частей Красной армии и захватить пленных.

Ряд намеченных к уничтожению объектов входили в общую систему У[крепленных]Р[ай]’о[но]в и прикрывался огневыми средствами последних. Подготовка к проведению операции по уничтожению передовых гарнизонов проводилась по заранее разработанному плану командованием войск округа и проходила под непосредственным руководством начальника Политотдела войск полковника тов. Тиканова.

Наиболее характерные примеры боевых действий подразделения отряда приводятся ниже.

Описание № 1

Боевых действий отряда нападения по уничтожению японского пикета “Концуренко”

Характеристика объекта

Японский пикет «Концуренко» по системе оборонительных сооружений представлял из себя небольшой опорный пункт, прикрывавшийся огневыми средствами узлов сопротивления с выс[оты] “Курган” и выс[оты] “Верблюжья” Дунсинчженьского У[крепленного]Р[айон]а. Пикет “Концуренко” находился против участка заставы “Погран-Петровка” в 1,5 километрах от линии государственной границы. Он имел телефонную связь с узлом сопротивления на выс[оте] “Курган”, находящейся в 1 километре севернее пикета и г. Дунсинчжень, находящийся западнее пикета в 7 километрах, откуда имел возможность получить поддержку в живой силе.

Оборонительные сооружения пикета состояли из 2-х ДЗОТов и стрелковых окопов, соединенных ходами сообщения. С внешней стороны гарнизон был обнесен проволочным заграждением в 3 кола.

Численность гарнизона достигала до 20 яп[онских] солдат под командой офицера, на вооружении имелись 2 легких пулемета, винтовки, карабины и гранаты.

Пикет располагался в пади Хунчунхэ и был укрыт от наблюдения с нашей стороны складками местности и лесным массивом.

Подготовка операции

Отряд наблюдения состоял из числа личного состава застав “Погран-Петровка” и “Сопочная”, хорошо подготовленных и показавших себя с положительной стороны в процессе всей службы на границе и хорошо знающих местность непосредственно у границы.

Командиром отряда нападения был назначен начальник штаба 1 комендатуры ст[арший] лейтенант Андросов, который в течение пяти дней под руководством начальника штаба 59 пограничного отряда майора Калякина готовил отряд нападения для выполнения задачи по уничтожению японского пикета.

Основное внимание в процессе подготовки уделялось отработке следующих вопросов:

– ориентирование на местности в условиях ночи;

– правила блокировки и атаки ДЗОТ, ДОТ, отдельного строения и группы зданий в условиях ночи;

– приемы захвата пленных и бесшумное снятие часовых.

Отряд имел на вооружении 2 руч[ных] пулемета, 23 автомата, 8 винтовок, 115 гранат, в том числе 17 противотанковых, ножницы для резки проволоки, ножи по числу личного состава, В[зрывчатое]В[ещество] и рацию “РБ”.

Решение

Начальнику отряда нападения по уничтожению пикета “Концуренко” ст[аршему] лейтенанту Андросову нач[альником] 59 П[ограничного]О[тряда] полковником [А.М.] РАБИНОВИЧ была поставлена задача: уничтожить гарнизон противника и захватить пленных.

Учитывая возможность оказания поддержки со стороны японских У[крепленных]Р[айон]ов пикету “Концуренко” по договоренности с комендантом 107 У[крепленного]Р[айона] была выделена огневая группа для поддержки отряда нападения, которая состояла из 2-х минометных батарей (82–107 м/м) и станкопулеметной роты.

Ст[арший] лейтенант Андросов, уяснив полученную задачу, произведя тщательную рекогносцировку, оценил обстановку и принял следующее решение: в ночь на 9.8.45 г. скрытно подойти к пикету, для чего выслать группу обеспечения на дорогу, ведущую в г. Дунсинчжень, подрывом телефонного столба оборвать связь, что послужит сигналом атаки пикета для отряда, оседлать дорогу и не допустить подхода резерва со стороны Дунсинчжень, а частью сил совместно со штурмовыми группами атаковать пикет.

Штурмовым группам атаковать казарму с северо-востока и северо-запада, уничтожить противника в помещении казармы, не дав ему возможность занять оборонные сооружения. Для успешного проведения операции из состава отряда создать группу обеспечения, 2 штурмовых группы, из которых выделить разведку и группу захвата.

В 1.00 9.8.45 г. выслав разведку, отряд нападения перешел границу и в 3.40 вышел в исходное положение для атаки. Группа обеспечения к этому времени вышла на дорогу, идущую в Дунсинчжень и подготовила взрыв телефонного столба.

В 3.50 разведка доложила о том, что находящийся во дворе гарнизона, ДЗОТ занят противником. Ст[арший] лейтенант Андросов выделил из состава штурмовой группы пограничников,

которым приказал подойти к ДЗОТ и по сигналу атаки забросать его гранатами.

В 4.05 группа обеспечения взорвала телефонный столб, штурмовые группы перешли в атаку. В это время из ДЗОТ открыл огонь руч[ной] пулемет и своим огнем прижал к земле штурмовые группы.

Младший сержант Овчинников, видя критическое положение отряда нападения, подполз к ДЗОТ и взорвал его противотанковой гранатой, при этом очередью из пулемета младший сержант Овчинников был смертельно ранен. Прекратившийся огонь из ДЗОТ дал возможность продолжать атаку гарнизона, штурмовые группы забрасывали помещение пикета гранатами и огнем уничтожали выбегавших из помещения солдат. От взрывов противотанковых гранат помещение пикета обрушилось и загорелось, выскочивший из помещения солдат был взят в плен.

В 6.00, выполнив задачу, отряд нападения возвратился на территорию СССР.

Результат боя

Противник потерял убитыми 33 человека, захвачен в плен 1 человек. Из состава отряда нападения убит младший сержант Овчинников.

Вооружение и постройки пикета уничтожены во время пожара.

Выводы

1. Правильная подготовка отряда нападения обеспечила успешное проведение операции. Личный состав действовал умело, инициативно и решительно.

2. Подход к гарнизону по реке Хунчунхе начальником отряда был избран правильно, шум течения реки поглощал шум и треск, создаваемый отрядом при подходе к объекту.

3. Исходное положение для атаки — овраг был избран правильно, т. к. это направление в системе обороны пикета было укреплено слабо.

4. Инициативные действия мл[адшего] сержанта Овчинникова с риском для жизни обеспечили успешную ликвидацию пикета.

5. К недочетам необходимо отнести установленный сигнал

атаки — взрыв телефонного столба. Необходимо было установить скрытый сигнал для начала атаки, а для порыва телефонной связи использовать другие средства»[553].

В заключение подчеркнем, что сегодня историческая память, Великая Отечественная и Советско-японская, как составные части Второй мировой войны, единая для всего советского народа Великая Победа превратились в поле политико-идеологической борьбы. И это противоречиво воздействовало и до сих пор оказывает влияние на формирование образа Победы в массовом сознании граждан. Поскольку попытки оболгать Великую Отечественную войну и ее итоги не прекращаются, а в жизнь вступают всё новые поколения, еще не знающие историю, необходимы дальнейшие сознательные и целенаправленные усилия власти, общества и каждого из нас, служащие ориентиром формирования достойного и уважительного отношения к Победе, сохранению благодарной памяти о мужестве и самопожертвовании каждого не вернувшегося с поле боя Солдата…

Позволим процитировать слова Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами Российской Федерации В.В. Путина, сказанные 12 июля 2013 г. на выездном заседании Российского организационного комитета «Победа» в знаменитом на весь мир пгт. Прохоровка Белгородской области: «…предлагаю обратиться к поиску ещё неизвестных широкой публике героев Великой Отечественной войны. В военных архивах — тысячи документов, уникальных фактов об их подвигах. И мы должны постепенно год за годом извлекать из небытия эти факты, рассказывать о них, снимать фильмы, организовывать яркие акции. Я очень рассчитывают на помощь средств массовой информации, киноиндустрии, историков, краеведов, хранителей музеев, архивов и библиотек»[554].

Как представляется, историки доверие Президента страны в этом отношении стараются оправдывать из года в год.

А.Б. Кононов
г. Москва

Розыск авторов анонимных сообщений антисоветского характера в годы Великой Отечественной войны (на примере УНКВД-УНКГБ по Архангельской области)

Деятельность по розыску авторов письменных антисоветских анонимных материалов в годы Великой Отечественной войны являлась одной из составляющей работы органов госбезопасности по борьбе с распространением антисоветской агитации и пропаганды.

Согласно терминологии военного времени, все направления работы органов государственной безопасности были подчинены борьбе с «антисоветской деятельностью». По заключению О.Б. Мозохина, «в военные и послевоенные годы количество осужденных (по материалам органов госбезопасности — *А.К.*) за контрреволюционные преступления держится приблизительно на отметке 80 %». При этом, исходя из приведенных им статистических данных, за период с июля 1941 по 1945 гг. доля лиц, осужденных за антисоветскую агитацию и пропаганду, составляет 23,16 %[555]. В Архангельской области без малого две трети арестов, проведенных Управлением НКВД-НКГБ за военный период, были связаны с антисоветской агитацией. Столь разительное отличие в статистических данных всего ведомства и его территориального органа, главным образом, объясняется тем, что значительная часть привлеченных органами госбезопасности к уголовной ответственности лиц обвинялась в измене Родине, выражавшейся в предательстве и пособничестве немецким оккупантам, переходе на сторону врага и пр. Для находившейся в недалеком тылу Архангельской области, как и для прочих тыловых регионов, указанные составы преступлений были не столь актуальны.

Наряду со сказанным, существенное превалирование числа осужденных по материалам территориального органа госбезопасности по Архангельской области за ведение

антисоветской агитации и пропаганды объясняется особенностями складывавшейся в регионе оперативной обстановки. К числу основных характеризующих ее факторов относятся:

— традиционное использование региона в качестве места политической ссылки, наличие широкой сети дислоцированных на его территории исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ) и спецпоселений;

— чрезвычайно бедственное, даже в сравнении с другими тыловыми областями СССР, материально-бытовое положение населения. Архангельск в годы войны стал вторым после Ленинграда городом по числу голодных смертей;

— связанная с реализацией поставок ленд-лиза деятельность в Архангельске на протяжении всего военного периода английской и американской военных миссий. При этом, с учетом постоянной смены личного состава, общее число прошедших через английскую миссию сотрудников к октябрю 1944 г. достигло 509 офицеров и рядовых. Численность прошедших через Архангельск иностранных моряков с транспортных судов и боевых кораблей, задерживавшихся в порту от полутора недель до нескольких месяцев, оценивается примерно в 20 тыс. человек.

Останавливаясь на региональных особенностях оперативной обстановки по направлению борьбы с распространением антисоветской агитации и пропаганды, нельзя не отметить значение общего подхода к информированию населения о состоянии военно-политической ситуации в стране в указанный период. Советская официальная пропаганда взяла на вооружение метод умолчания и значительного искажения информации о реальной обстановке на фронте. В первом же выступлении по радио 3 июля 1941 г. И.В. Сталин дважды в категоричной форме заявил, что лучшие дивизии врага уже разбиты и нашли себе могилу на полях сражений и та же участь, якобы, постигла отборные части авиации противника[556]. Без объективной информации о жизненно важных для населения событиях идеологическая работа партийных органов не могла быть эффективной и в этих условиях стало неизбежным появление различного рода слухов, имевших повышенную социальную опасность. Перед органами госбезопасности была поставлена задача, прозвучавшая в упомянутом выступлении главы государства: «Мы должны организовать беспощадную борьбу со всякими дезорганизаторами тыла, дезертирами, паникерами, распространителями слухов. Нужно учитывать все это и не поддаваться на провокации. Нужно немедленно предавать суду военного трибунала всех тех, кто своим паникерством и

трусостью мешает делу обороны, невзирая на лица»[557].

Всего за годы войны на территории СССР было зарегистрировано около 2,5 тыс. случаев распространения 27,5 тыс. экземпляров листовок и анонимных писем (без учета фашистских и оуновских листовок). В Архангельской области за весь период Великой Отечественной войны за распространение антисоветских листовок и анонимных писем было привлечено к ответственности 5 человек (один в 1941 г. и по два человека в 1942 и в 1943 гг.). При этом имели место факты их массового распространения. Из чего следуют два возможных вывода: либо причастные лица репрессировались по обвинению в иных более тяжких преступлениях, либо авторы анонимок так и не были установлены. Оба допущения справедливы и дополняют друг друга. Первое связано со стремлением избежать двойной отчетности по одним и тем же арестам, второе подтверждается заключением А.И.Вольхина, указывающего, что в целом «результативность розыска авторов оставалась на низком уровне»[558].

При этом общее число анонимных проявлений антисоветского характера, привлекших внимание и требующих розыска их авторов со стороны УНКВД-УНКГБ по Архангельской области, было более значительным. Характер анонимных документов определялся следующим образом: 1) террористического характера — 1; 2) профашистского характера — 5; 3) повстанческого — 7; 4) антисоветская клевета — 47; 5) о продовольственных затруднениях — 30, 6) «бредовых» — 2. Большинство авторов написали по одному анонимному документу и больше себя не проявляли. Отсутствие своевременного информирования по фактам распространения листовок вызывало острую критику со стороны Центра, расценивавшего появление листовок как чрезвычайное происшествие, требующее немедленного информирования с последующей высылкой подробного сообщения, а также подлинника или фотокопии листовки.

Приведем отдельные примеры распространения и розыска анонимных антисоветских документов из практики работы архангельских чекистов.

В ночь на 1 июля 1941 г. на стене канифольного завода в Плесецком районе обнаружена надпись: «Долой сталинскую политику. Привет Гитлеру». Всего с начала войны до 18 августа 1941 г. было обнаружено и изъято 7 контрреволюционных рукописных листовок. 12 сентября в редакцию газеты «Правда Севера» позвонил неизвестный с требованием опубликовать информацию о появлении на улицах Архангельска немецких

танков. В ноябре 1941 г. арестовано два автора двадцати анонимных писем, содержащих призыв не оказывать сопротивления немецким войскам и устраивать расправы над коммунистами, направленных в адрес областных и центральных партийных и советских организаций.

В октябре 1941 г. в адрес редакции газеты «Правда Севера» и горкома ВКП(б) поступили анонимные письма, содержащие в грубой форме требование немедленного возвращения с оборонных работ женщин, не возвращавшихся в течение 2 месяцев, вместо обещанных двух недель, под угрозой взрывов лесозаводов, а также оскорбления в адрес руководителей партии и правительства, дополненные изображением свастики (объясняемое автором как зашифрованное изображение букв «У» и «Б», что значило «убей большевика») и пушки. 11 ноября 1941 г. по указанному делу был арестован 44-летний капитан буксирного парохода «Севлес» С.К. Соснин. При первом допросе он признался в авторстве обоих писем. Его вину подтвердили результаты проведенного исследования, установившего соответствие почерков автора анонимных документов с почерком Соснина. 2 декабря 1941 г. Военный трибунал Северного бассейна признал его виновным в совершении преступлений, предусмотренных статьями 58–10, ч.2., 17, 58-8 и 19, 58-9 УК РСФСР и приговорил к высшей мере наказания. Приговор утвержден Военной коллегией Верховного Суда СССР 14 декабря и 17 декабря приведен в исполнение. В апреле 1992 г. Соснин был реабилитирован в связи с отсутствием в его действиях состава преступления, предусмотренного ст. 58-8 УК РСФСР[559].

В январе 1942 г. в адрес архангельского обкома ВКП(б) поступил анонимный документ, в котором автор «подвергал антисоветской критике» доклад секретаря обкома Огородникова, сделанный на пленуме обкома. В мае 1942 г. автор вновь написал под копирку анонимные документы в адрес «заведующего внуторгом» и начальника УНКВД, в котором требовал прибавки нормы хлеба, улучшения питания и передачи Архангельской области в аренду англичанам. В июле 1942 г. тот же автор направил анонимный документ в адрес радиокомитета, в котором предлагал: «не чинить препятствий женщинам, имеющим связи с иностранцами, отдать в аренду г. Архангельск англичанам, ликвидировать систему МПВО в городах и колхозную систему на селе».

Мероприятия по розыску, прежде всего заключавшиеся в выделении круга подозреваемых и сверке имевшихся образцов их почерков, продолжались более трех лет. Подспорьем в розыске служило соображение о том, что критика прозвучавшего

выступления секретаря обкома на пленуме, могла быть высказана кем-то из присутствовавших на нем или их связей. Расширение круга поиска позволило в июне 1945 г. при просмотре заявлений в общем отделе Октябрьского райисполкома г. Архангельска обнаружить документ за подписью кладовщика порта воднотранспортной экспедиционной конторы Х. Косвенным подтверждением послужили материалы имевшегося в его отношении архивного уголовного дела — антисоветские высказывания были аналогичны изложенным в одном из анонимных документов. Главным и прямым доказательством стало экспертное заключение НКГБ СССР, подтвердившее идентичность его почерка с почерком автора анонимных документов. Решением Военного трибунала Северного бассейна от 10 июля 1945 г. Х. был осужден по статье 58–10 ч.2. УК РСФСР к 10 годам ИТЛ и 5 лет поражения в правах.

В марте 1942 г. в Архангельский обком ВКП(б) поступили два, а в Военный совет Архангельского военного округа три анонимных письма, исполненные рукописно одним почерком. Письма содержали указание на нестерпимый голод: «Товарищи обкомовцы, долго ли еще будете морить рабочий класс гор. Архангельска. До чего … Вы довоевали, что не можете снабдить нас черным хлебом, не говоря уже о рыбе, мясе, масле и др. продуктах. Ведь люди сдыхают с голода… А как же переносить голодовку детям. Горе-руководители, гнать вас надо из кабинетов грязной метлой… Долго ли еще будете морить нас. С такой работой наверняка попадете Гитлеру в лапы, он Вас научит как надо работать и как руководить…, если долго еще будет продолжаться такое голодное существование, то Гитлера нам не победить. Мы рабочие сдыхаем с голоду, с мизерной нормы хлеба… Вам, товарищи Военный совет, неверное живется не хуже, чем кому-либо… Стыд и позор нашим руководителям… С такими работниками нам придется живьем идти к Гитлеру в рабы (в лапы)», «… Нас рабочих и служащих интересует такой вопрос, долго ли еще будете морить рабочий класс на 400 и 300 граммах, ведь у нас глаза не глядят и ноги не носят… Мы будем должны что то делать или умирать с голоду, или идти грабить, ломать, воровать и убивать людей из-за несчастного куска черного хлеба. Нет такого голода, наверное, даже у Гитлера, где же наши хлебные запасы… мы воюем с Гитлером еще несколько месяцев, а что будет если провоюем два-три года???… Ждем хлеба до полной нормы, а также и остальных продуктов». 9 мая 1942 г. был арестован подозреваемый в изготовлении и распространении указанных писем рабочий эксплуатационной части КЭЧ Архангельского военного округа Г.Ф. Фофанов. В ходе следствия

было установлено, что схожие по тексту письма с требованием улучшения продовольственного снабжения и призывами организации митингов с лозунгом «Долой голодную жизнь!» он направлял в заводские комитеты лесозаводов Архангельска и в обком ВКП(б) еще в сентябре 1940 г., работая в тот период времени бухгалтером в отделе исправительно-трудовых колоний УНКВД. В результате проведенного специалистами оперативного отдела Управления милиции исследования была установлено, что все одиннадцать писем контрреволюционного содержания выполнены одним лицом, почерк которого совпадает с образцом почерка подозреваемого Фофанова. 25 июня 1942 г. Военный трибунал войск НКВД СССР Архангельской области приговорил Г.Ф. Фофанова на основании ст. 58–10 ч. 2 УК РСФСР к 10 годам ИТЛ с последующим поражением в правах на 5 лет. Прокуратурой Архангельской области в сентябре 1962 г. ему было отказано в пересмотре дела и только в апреле 1992 г. он был реабилитирован[560].

Голодное, на грани полного истощения, существование абсолютного большинства северян служило одной из основных тем анонимных сообщений. Прорывавшийся крик отчаяния не могла остановить опасность жестких репрессивных мер. В 1942 г. были выявлены три анонимных письма с требованием улучшить питание рабочих и служащих. Установлено, что тот же автор в марте 1941 г. направлял письмо в ЦК ВКП(б) с критикой порядка присуждения сталинских премий в области науки и техники. В одном из писем 1942 г. автор указал на ведущего несоответствующий общему уровню стиль жизни архангелогородца Д. В результате просмотра «около тысячи документов, исполненных лицами из окружения Д., в первую очередь его возможных недоброжелателей, был выявлен ряд подозреваемых. Результат экспертизы почерка некоей Даниловой, «по внешним признакам, имеющий абсолютное сходство», дал отрицательный результат. Только в марте 1945 г. была установлена мастер витаминного цеха артели инвалидов М., чей почерк, по заключению экспертов отдела «В» Управления НКГБ г. Ленинграда, был признан идентичным почерку автора анонимных документов. При этом, с учетом того, что сын подозреваемой находился в действующей Красной армии (возможно, также с учетом состояния ее здоровья и незначительной остротой антисоветских высказываний — *А.К.*), УНКГБ воздержалось от ареста. Менее чем через год М. умерла.

Также спустя три года, в октябре 1945 г., был установлен автор анонимного документа, направленного в адрес секретаря обкома ВКП(б) в октябре 1942 г., содержащего «клеветнические

выпады против вождя партии и советского государства». Тождественность почерка подозреваемой К., преподавателя средней школы Плесецкого района, с почерком анонима была подтверждена экспертизой отдела «В» УНКГБ по Ленинградской области. 30 октября 1945 г. К. была арестована.

После реформирования органов госбезопасности в апреле 1943 г., в распоряжении УНКГБ по Архангельской области не стало собственного криминологического подразделения, что, в определенной степени, повышало степень объективности используемых экспертных заключений. Впрочем, и ранее экспертизу проводил относительно самостоятельный оперативный отдел Управления милиции УНКВД Архангельской области[561]. Кроме того, проведение экспертизы проводилось криминалистами центрального аппарата НКГБ СССР и УНКГБ по Ленинградской области. При этом, зачастую по направленным на исследование материалам экспертиза давала отрицательные заключения.

Подобный результат не означал однозначного прекращения разработки подозреваемого. Например, по результатам розыска автора письма, направленного в адрес И.В. Сталина в декабре 1943 г. и содержащего антисоветские вульгарные частушки, был установлен бывший кулак и белогвардеец К., допускавший их устное распространение в узком кругу. Экспертиза не подтвердила сходство его почерка с почерком анонима. При этом устное распространение частушек явилось достаточным основанием для его ареста.

Исследованные архивные уголовные дела и отчетные материалы, в т. ч. материалы статистики, свидетельствуют, что преобладающая часть анонимных документов, во-первых, не была направлена на широкое распространение, а носила адресный характер, как правило, к представителям областной и центральной власти, во-вторых, ведущим мотивом было стремление донести до властей крайне бедственное положение народа. Так, из общего числа 105 анонимных документов 1934–1945 гг. 78 содержали «антисоветскую клевету» и сведения о «продовольственных затруднениях», 10 были охарактеризованы как «повстанческие». Антисоветская клевета, как правило, заключалась в описании крайне сложных материальных условий и мало отличалась от указаний на «продовольственные затруднения». Более острый характер могли носить документы террористического (2), профашистского (5) и повстанческого (10) характера, требовавшие проверки с целью предупреждения возможных тяжких последствий с нанесением реального ущерба государственной безопасности. При этом действий, направленных

на реализацию провозглашенных намерений, органами госбезопасности выявлено не было.

Работа по делам розыска авторов анонимных антисоветских материалов в годы Великой Отечественной войны являлась составной частью одного из приоритетных направлений деятельности органов госбезопасности военного периода — борьбы с проведением антисоветской агитации и пропаганды, сыгравшей свою позитивную роль в противодействии распространению среди населения панических и пораженческих настроений, способствовавшей мобилизации духовных и физических сил советских граждан. Вместе с тем, выборочное изучение значительного числа архивных уголовных дел, возбужденных по обвинению в проведении антисоветской агитации и пропаганды, свидетельствует о надуманности, а порой и фальсификации предъявленных обвинений. В этой связи заметно выделяются из общего массива розыскные дела, заведенные по факту распространения анонимных антисоветских материалов. Для них характерно выделение и разработка версий, ведение целенаправленного планомерного розыска, обязательное криминологическое подтверждение выдвинутых подозрений. В подтверждение сказанному отметим многочисленные примеры отрицательных результатов проведенных экспертиз, а также длительный, порою два-три года, период розыска. Отмеченные особенности свидетельствуют об особой серьезности придаваемой органами госбезопасности проявлениям антисоветской агитации и пропаганды, выраженным в письменной форме анонимными авторами из числа советских граждан.

Анализ изученных материалов позволяет предположить, что поставленная отдельными авторами анонимных сообщений цель — доведение до руководства сведений о крайне бедственном материальном положении населения — была отчасти реализована. По существу, органы госбезопасности военного периода, помимо решения своих основных задач, выполняли функцию современной социологической службы. При этом, фактам появления письменных антисоветских материалов придавалось особое значение. Направляемые в центральный аппарат срочные донесения с приложением копий или оригиналов анонимных документов, аналитические материалы использовались при подготовке сводок для первых руководителей государства. Основным потребителем информации на региональном уровне являлся областной комитет ВКП(б). Спецсообщениям УНКВД-УНКГБ, предназначенным узкому кругу партийных и советских деятелей, свойственны объективность, отражение реального положения дел в самых разных сферах

общественно-политической и экономической жизни региона. Они служили основой для разработки важнейших решений центральных и региональных органов власти, направленных на укрепление обороноспособности страны, принятие мер по локализации наиболее острых угроз безопасности.

Скрупулезность в розыскной работе и содействие идейной монолитности советского общества в чрезвычайных условиях военного времени не отменяет общего, характерного для правоприменительной практики военного периода, репрессивного подхода, выражавшегося в криминализации не несущих серьезной общественной опасности деяний, использовании уголовного преследования широкого круга граждан в целях ужесточения контрразведывательного режима, укрепления трудовой дисциплины на предприятиях народного хозяйства, решения иных задач, не связанных с действиями конкретного привлекаемого к уголовной ответственности лица.

Главным уроком исследованного исторического опыта должна стать необходимость соизмерения реальной общественной опасности совершенного деяния мере наказания. При этом нельзя не отметить два важных обстоятельства. Во-первых, то, что определение преступного характера деяния находится в компетенции законодателя, а не органов безопасности. Во-вторых, не допустимо оценивать действия тех или иных лиц и органов власти без учета конкретной исторической обстановки, заключавшейся в чрезвычайных условиях военного времени, и в двойственном положении органов госбезопасности, выполнявших, наряду с решением задач по защите и укреплению государственной безопасности, функции по сохранению правящего политического режима, в интересах высшей партийной власти[562].

А. А. Фомин
г. Екатеринбург

Полномочия Особого совещания при НКВД СССР по привлечению к ответственности коллаборационистов в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период

Деятельность Особого совещания при НКВД СССР по привлечению коллаборационистов к ответственности являлась основным внесудебным механизмом преследования коллаборационистов. Она носила институциональный характер, т. е. реализовывалась на постоянной основе и была обличена в соответствующие, предусмотренные обычным и чрезвычайным законодательством процессуальные формы.

Первоначально этот внесудебный орган, созданный 5 ноября 1934 г., был наделен правом «применять к лицам, признаваемым общественно опасными», ссылку и высылку под гласный надзор на срок до пяти лет, заключение в исправительно-трудовой лагерь на тот же срок и высылку за пределы СССР иностранных граждан. В состав Особого совещания под председательством наркома внутренних дел СССР входили его заместители и его уполномоченный по РСФСР, начальник Главного управления Рабоче-крестьянской милиции, а также нарком внутренних дел союзной республики, на территории которой возникло дело. В заседаниях Особого совещания было обязательно участие Прокурора СССР либо его заместителя, которые, в случае несогласия как с его решением, так и направлением дела на рассмотрение Особого совещания, наделялись правом обращения с протестом в Президиум ЦИК СССР. В зависимости от поведения сосланных или заключенных в исправительно-трудовые лагеря (ИТЛ), на основании отзывов соответствующих органов НКВД, Особое совещание было вправе сокращать срок ссылки либо заключения, а также освобождать от дальнейшего пребывания в специальных трудовых поселениях[563].

Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 8 апреля 1937 г. Особое совещание наделялось правом заключать в тюрьму на

срок от 5 до 8 лет лиц, подозреваемых в шпионаже, вредительстве, диверсиях и террористической деятельности[564]. В декабре 1940 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР, проект которого был разработан НКВД и утвержден Политбюро ЦК ВКП(б), Особому совещанию было предоставлено право по делам о контрреволюционных и ряду других преступлений применять конфискацию имущества[565]. Компетенция Особого совещания была также расширена за счет делегирования ему полномочий по применению репрессий в отношении членов семей изменников Родине.

15 ноября 1941 г. Л.П. Берия внес И.В. Сталину предложение «предоставить Особому совещанию при НКВД СССР право с участием прокурора СССР по возникающим в органах НКВД делам о контрреволюционных преступлениях и особо опасных преступлениях, против порядка управления… выносить соответствующие меры наказания вплоть до расстрела. Решение Особого совещания считать окончательным». И.В. Сталин согласился с этим предложением[566]. 17 ноября 1941 г. Государственный Комитет Обороны (ГКО) принял постановление № ГКО–903сс (далее — постановление № ГКО–903сс), предоставляющее право Особому совещанию при НКВД СССР с участием Прокурора Союза ССР по возникающим в органах НКВД делам о контрреволюционных и особо опасных преступлениях против порядка управления СССР выносить соответствующие меры наказания вплоть до расстрела[567]. Решение Особого совещания являлось окончательным. Кроме этого ГКО разрешил НКВД СССР привести в исполнение приговоры военных трибуналов округов и республиканских, краевых, областных судебных органов в отношении всех заключенных, приговоренных к высшей мере наказания, содержащихся в тюрьмах в ожидании утверждения приговоров высшими судебными инстанциями.

Постановление ГКО было объявлено приказом НКВД СССР от 21 ноября 1941 года № 001613 (далее — приказ № 001613)[568]. Согласно приказу, всем наркомам внутренних дел союзных и автономных республик, начальникам УНКВД краев и областей, транспортных отделов НКВД и особых отделов округов «впредь без всякого исключения» следственные дела о контрреволюционных и особо опасных преступлениях против порядка управления СССР, предусмотренных статьями 58–1 «а», 58–1 «б», 58–1 «В», 58–1 «г», 58–2, 58–3, 58–4, 58–5, 58–6, 58–7, 58–8, 58–9, 58–10, 58–11, 58–12, 58–13, 58–14, 59–2, 59–3, 59–3 «а», 59–3 «б», 59–4, 59–7, 59–8, 59–9, 59–10, 59–12, 59–13 Уголовного кодекса РСФСР и соответствующими статьями Уголовных кодексов союзных республик, надлежало направлять

на рассмотрение Особого совещания при НКВД СССР.

Приказ требовал оформлять все предоставляемые дела в строгом соответствии с требованиями Уголовно-процессуального кодекса. Обвинительные заключения по делам, представляемым на рассмотрение Особого Совещания, подлежали утверждению наркомами внутренних дел республик, начальниками УНКВД краев, областей, начальниками транспортных отделов, особых отделов (или их заместителями) — по принадлежности и прокурорами республик, краев, областей, округов (или их заместителями) — соответственно. Следственные дела Особому совещанию могли докладывать лично руководители или соответствующие представители органов НКВД. В заключительной части обвинительного заключения следовало указывать предполагаемую меру наказания, которая, по оценке органов НКВД и соответствующих прокуроров, являлась целесообразной к применению в отношении каждого из обвиняемых. Решение Особого совещания считалось окончательным и не подлежало обжалованию.

Вместе с тем, Л.П. Берия подчеркнул в приказе, что в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий, где Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 27 июня 1941 г. Военным Советам фронтов в особо исключительных случаях, вызываемых развертыванием военных действий, предоставлено право утверждения приговоров военных трибуналов с высшей мерой наказания, с немедленным приведением приговоров в исполнение, органы НКВД могли передавать дела на рассмотрение военных трибуналов.

В мае 1943 г. в связи с состоявшейся реорганизацией органов внутренних дел, госбезопасности и военной контрразведки руководителями НКВД и НКГБ СССР — Л.П. Берия и В.Н. Меркуловым — было инициировано включение в состав Особого совещания народного комиссара госбезопасности СССР и начальника ГУКР «Смерш» НКО СССР с возможностью замены их первыми заместителями[569].

Открытые в настоящее время архивные источники и историография не позволяют в полном объеме прояснить нормативное закрепление критериев разграничения компетенции между военными трибуналами и рассматриваемым органом внесудебной репрессии. Вместе с тем, имеющиеся данные свидетельствуют о преимущественно ведомственном характере регламентации подобного разграничения. Базовым документом в этом вопросе являлся приказ № 001613. Кроме этого, вопросы исключительного делегирования Особому совещанию полномочий по рассмотрению дел в отношении отдельных

категорий коллаборационистов находили отражение в иных ранее рассмотренных ведомственных актах. Так, в частности, согласно приказу НКВД СССР от 28 декабря 1941 года № 001735, дела в отношении изменников Родине и шпионов, выявленных в ходе фильтрации в специальных лагерях среди бывших военнослужащих Красной армии, находившихся в плену и в окружении противника, подлежали передаче на рассмотрение Особого совещания при НКВД СССР[570]. Приказ Прокурора СССР от 15 мая 1942 г. № 46сс предписывал дела об изменниках Родине из числа пособников врага направлять на рассмотрение военных трибуналов или Особого совещания при НКВД СССР[571].

Ясность в порядок разграничения подсудности военных трибуналов и компетенции Особого совещания должен был внести приказ, изданный в апреле 1943 г. НКВД СССР, НКЮ СССР и Прокурором СССР, «О недочетах в работе следственных органов, судов и прокурорского надзора по делам о пособниках немецко-фашистских оккупантов», п. 2 которого предписывал «советских граждан, не состоявших на службе у немцев, но уличенных в добровольных интимных или близких бытовых отношениях с личным составом оккупационных войск или чиновниками фашистских карательных и административных органов, в тех случаях, если имеются данные, что по своим связям они могут быть использованы для оказания помощи врагу — арестовывать как социально-опасный элемент (СОЭ) по ст. 35 УК РСФСР (ссылка и высылка) и дела о них направлять на рассмотрение Особого совещания при НКВД СССР». При этом дела об изменниках Родине, пособников немецко-фашистских оккупантов, кроме случаев, предусмотренных п. 2 приказа, следовало передавать на рассмотрение военных трибуналов войск НКВД округов, областей[572]. Однако, несмотря на принятие данной директивы, Особое совещание продолжило практику привлечения к ответственности коллаборационистов.

Совместным приказом НКВД и НКГБ СССР от 1 октября 1943 г., предписывалась передача в Особое совещание законченных производством дел в отношении полицейских; приказом НКВД СССР от 28 февраля 1944 г., дела участников созданных немцами антисоветских формирований из числа репрессированных народностей Северного Кавказа; совместной директивой НКВД и НКГБ СССР от 15 марта 1945 г. — законченные следствием дела на арестованных гитлеровских пособников, эвакуированных в отдаленные лагеря из западных окраин СССР[573].

Согласно Инструкции о порядке содержания осужденных к каторжным работам в лагерях НКВД, утвержденной приказом

НКВД СССР от 11 июня 1943 г. № 00968, за нарушения режима содержания указанные лица могли быть арестованы и привлечены к уголовной ответственности с рассмотрением дел на Особом совещании при НКВД СССР[574].

В соответствии с Положением о спецкомендатурах НКВД, утвержденного постановлением СНК СССР от 8 января 1945 г., дела о побегах, бандитизме и контрреволюционных преступлениях, совершенных лицами, находящимися на спецпоселении, в том числе коллаборационистами, направленными в ссылку в соответствии с постановлением ГКО № № 9871с, подлежали рассмотрению Особым совещанием при НКВД СССР[575].

Еще в ноябре 1938 г. приказом НКВД СССР от 26 ноября 1938 г. № 00762, изданным во исполнение постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г. «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия», предписывалось на рассмотрение Особого совещания при НКВД СССР направлять дела с заключением прокурора в случаях, когда имеются в деле обстоятельства, препятствующие передаче дела в суд (опасность расшифровки ценного агента, невозможность в судебном порядке использовать доказательства, изобличающие виновность арестованного, в то время, как виновность арестованного несомненна)[576].

Однако, как отмечают исследователи, на практике направлению в Особое совещание подлежали дела, которые, исходя из оперативной либо политической целесообразности, не могли быть рассмотрены в судебных органах, т. е. фактически данный орган внесудебной репрессии никакими нормативными рамками стеснен не был и мог принять к своему производству практически любое дело[577]. Как правило, подведомственность дел Особому совещанию предрешалась заранее, с момента ареста, а иногда даже раньше, чем производился сам арест. Нередки были случаи, когда за отсутствием убедительных доказательств следствие опиралось на искусственно создаваемые так называемые оперативные соображения и нежелание подвергать расшифровке в суде методов оперативной работы, которыми и мотивировалось направление дел в Особое совещание. Это приводило упрощенчеству в сборе доказательств вины арестованных и укоренению порочных методов в следственной работе[578]. В ряде случаев дела основывались только лишь на агентурных данных либо на показаниях одного свидетеля, зачастую противоречащих позиции обвиняемых, категорически отрицавших свою вину[579].

Согласно справке, подготовленной 1-м Спецотделом МВД

СССР в декабре 1953 г., Особым совещанием в 1941 г. за контрреволюционные преступления было привлечено к ответственности 26 534 человек, в 1942 г. — 77 548, в 1943 г. — 25 134, в 1944 г. — 10 611, в 1945 г. — 26 581[580]. Таким образом, пик репрессий в военные годы пришелся на 1942 г. Представляется, что в первую очередь это было обусловлено тем, что в конце 1941 г. существенно были расширены полномочия данного внесудебного органа постановлением № ГКО–903сс и приказом № 001613. Кроме этого, именно в 1942 г. наиболее активно развивался и реализовывался институт репрессий в отношении родственников коллаборационистов. Вместе с тем, 1942 г. также характеризовался значительным усилением общего репрессивного подхода советского государства в отношении изменнической и иной контрреволюционной деятельности, обусловленным критическими условиями военной обстановки в тот период. Как указывалось в документе, количество лиц, как осужденных, так и привлеченных к ответственности во внесудебном порядке за совершение контрреволюционных преступлений, в 1942 г. составило 124 406 человек[581]. Вместе с тем, оценивать полноту и объективность приведенных в справке данных, затруднительно, поскольку отдельные статистические сведения, отраженные в ней, касающиеся результатов деятельности не только Особого совещания, но и военных трибуналов, имеют некоторые расхождения с другими источниками[582]. В связи с этим отметим также, что исследователями критически оценивается имеющиеся сведения о результатах работы Особого совещания. Обобщение и сравнение разных источников не позволяет однозначно судить о масштабе его репрессивной практики, поскольку содержащиеся в них данные зачастую носят несогласованный и противоречивый характер[583].

Великая Отечественная война закончилась, но после ее окончания права Особого совещания оставались такими же, как и в военной обстановке. Предоставление Особому совещанию широких прав внесудебного рассмотрения дел и применения любых мер наказания в условиях войны не вызывалось необходимостью в мирное время, и тем не менее такие права за ним сохранялись (постановление № ГКО–903сс не было отменено вплоть до упразднения данного внесудебного органа). 18 сентября 1945 г. в совместной директиве НКВД СССР и НКГБ СССР № 162/101 предписывалось тщательно просмотреть все законченные следственные дела, те из них, которые могли рассматриваться в судебном порядке, подлежали направлению в соответствующие суды. До особого указания на рассмотрение

Особого совещания при НКВД СССР разрешалось направлять только те следственные дела, которые нельзя было по оперативным или иным причинам передать в суд[584].

Несмотря на то, что директива нацеливала следствие на более избирательный подход при выборе субъекта рассмотрения дела, она допускала широкие возможности личного усмотрения и следования соображениям целесообразности. Это также способствовало тому, что в послевоенные годы значительная часть дел, расследуемых органами госбезопасности, в нарушение основного законодательства о подсудности направлялась не в судебные органы, а в Особое совещание, где, конечно, значительно проще было добиться обвинительного приговора, нежели в суде[585].

Реорганизация органов внутренних дел и госбезопасности в первые послевоенные годы организационно затронула и Особое совещание. В марте 1946 года НКВД и НКГБ по инициативе И.В. Сталина были преобразованы в министерства. МВД СССР и МГБ СССР существовали раздельно до 5 марта 1953 г., когда МГБ вошло в состав МВД СССР. В течение примерно четырех лет внесудебные репрессии в СССР осуществляли одновременно два Особых совещания — одно при МВД СССР, другое — при МГБ СССР. 2 ноября 1946 г. при МГБ СССР ведомственным приказом № 00496 было образовано собственное Особое совещание для вынесения внесудебных решений по следственным делам, ведущимся в МГБ. В этот же период продолжалась и внесудебная деятельность Особого совещания при МВД СССР, которое было упразднено только 21 июля 1950 г., а его секретариат был передан в МГБ. После объединения министерств новое Особое совещание при Министре внутренних дел СССР образовалось 14 марта 1953 г. и просуществовало до 1 сентября 1953 г.[586]

24 июня 1946 г. приказом МВД СССР, МГБ СССР и Генерального прокурора СССР № 00585/00251/107сс были отменены директивы, ограничивавшие освобождение в период войны изменников Родине, отбывших наказание, репрессивная функция которых была направлена, в том числе, и на усиление превентивных мер в отношении возможной коллаборации указанных лиц. Вместе с тем, приказ допускал исключение — «лица, хотя и подлежащие освобождению, но являвшиеся социально-опасными по своей прошлой антисоветской деятельности и по тяжести совершенных ими преступлений» по решению Особого совещания, вынесенного по результатам рассмотрения заключения комиссии и материалов заведенного учетного дела, подлежали направлению в ссылку[587].

Репрессивная практика Особого совещания вновь заметно

усилилась в 1948 г. Так, во исполнение Указа Президиума Верховного Совета СССР от 21 февраля 1948 г. «О направлении особо опасных государственных преступников по отбытии наказания в ссылку на поселение в отдаленные местности СССР»[588], а также постановления Совета Министров СССР от 21 февраля 1948 г. № 416-159сс[589], МВД СССР, МГБ СССР и Генеральным прокурором СССР 16 марта 1948 г. был издан совместный приказ № 00279/00108/72сс, который предусматривал создание особых лагерей и тюрем для содержания осужденных указанных категорий, а также конкретизировал порядок направления в ссылку отбывших срок наказания за совершение указанной противоправной деятельности[590]. Лица, подлежащие репрессированию и не отбывшие наказание, были помещены в организованные особые тюрьмы и лагери, откуда после его отбытия их следовало направлять в ссылку на основании нарядов, запрашиваемых в отделе «А» МГБ СССР.

Порядок репрессирования лиц, ранее отбывших наказание и уже освобожденных из мест лишения свободы после окончания войны, был регламентирован совместной директивой МГБ СССР и Прокуратуры СССР от 26 октября 1948 г. № 66/241сс[591], которая положила начало повторным арестам особо опасных государственных преступников (троцкистов, диверсантов, террористов, шпионов, националистов и др.), успевшим выйти на волю. Всем «повторникам» обвинение предъявлялось по тем же статьям УК, по которым они уже отбыли наказание. Следствие по этим делам проводилось упрощенно, без проверки прежних доказательств. Основным документом, на основании которого Особое совещание при МГБ выносило решение о направлении бывших заключенных в бессрочную ссылку, служили справки по архивно-следственным делам о прошлой антисоветской деятельности этих лиц. Направление в ссылку на поселение производилось по мере их выявления, по получении решений Особого совещания при МГБ СССР. Во исполнение директивы № 66/241сс органами госбезопасности на местах была начата активная оперативная работа по розыску указанных лиц, не вернувшихся к прежним местам жительства после освобождения. Так, только Управлением МГБ СССР по Свердловской области наряду с выявлением лиц, подлежащих репрессированию, отбывавших наказание в регионе, в период с 1 ноября 1948 г. по 15 октября 1949 г. также были установлены 1 194 лица из числа 2 132 разыскиваемых по ориентировкам из отдела «А» МГБ СССР[592]. По имеющимся данным, всего в течение 1948–1953 гг. на основании нарядов МГБ СССР и решений Особого совещания

при МГБ СССР на бессрочное поселение было сослано 58 218 лиц указанной категории[593].

Директива МГБ СССР и Прокуратуры СССР № 66/241сс была отменена 16 июля 1954 г. совместным приказом Генерального прокурора СССР, МВД СССР и КГБ при Совете министров СССР № 127с/0391/078. Указ от 21 февраля 1948 г. был отменен лишь 10 марта 1956 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР № 134/27[594], порядок реализации которого был конкретизирован совместным приказом Генерального прокурора СССР, МВД СССР и КГБ при Совете министров СССР от 19 марта 1956 г. № 35сс/0066/00124[595].

Особое совещание прекратило свое существование 1 сентября 1953 г. в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР «Об упразднении Особого совещания при Министре внутренних дел СССР»[596].

Согласно официальным данным МВД СССР, обобщенным в 1954 году в связи с пересмотром дел в отношении контрреволюционных преступлений, за весь период деятельности Особым совещанием было привлечено к ответственности 442 531 человек, из них подавляющее большинство — за указанные преступления. Вынесению по ним необоснованных решений способствовало отсутствие обвиняемых и свидетелей при рассмотрении дел, что создавало широкие возможности «покрывать недостатки предварительного следствия, а иногда грубейшие извращения советских законов»[597].

Вместе с тем, нельзя отрицать и то, что, несмотря на указанные обстоятельства и репрессивный характер деятельности Особого совещания, данный орган внес свой вклад в преследование действительных предателей, оказывавших преступное содействие немецко-фашистским захватчикам, о чем, в том числе, свидетельствуют результаты реабилитационной практики[598].

Таким образом, внесудебные полномочия Особого совещания по привлечению к ответственности за совершение коллаборационистских и иных контрреволюционных преступлений в начальный военный период были значительно расширены с закреплением приоритета рассмотрения дел указанной категории за данным органом. Впоследствии разграничение компетенции между Особым совещанием и военными трибуналами, преимущественно регламентированное на уровне ведомственных актов, было конкретизировано. Однако оно имело несистемный, непоследовательный, а в некоторых случаях и коллизионный характер. Такой подход, в условиях допущения в практике возможности выбора следственным

органом субъекта рассмотрения дел с учетом соображений оперативной либо политической целесообразности, значительно увеличивал объем участия внесудебного органа в реализации мер ответственности коллаборационистов, что, как следствие, лишало обвиняемых судебно-процессуальных гарантий и способствовало нарушениям законности и применению необоснованных репрессий.

В.И. Попов
г. Москва

Освещение результатов деятельности следственного отдела УКГБ СССР по Москве и Московской области советскими средствами массовой информации (1960-1980-е гг.)

Вопреки получившему распространение тезису об излишней закрытости деятельности органов государственной безопасности в 1960–1980-е гг., существует значительное количество публикаций по расследованным следователями УКГБ СССР по г. Москве и Московской области[599] уголовным делам. Обилие материала не позволяет рассмотреть все публикации в рамках одной статьи. Особенностью большинства публикаций является отсутствие в них указания на расследование дел следователями УКГБ СССР по г. Москве и Московской области (далее — столичное УКГБ).

По данным столичного УКГБ, только за 1983–1984 гг. по инициативе управления и при его содействии в средствах массовой информации (СМИ) размещены 19 публикаций, в издательстве «Московский рабочий» вышел сборник «С чужого голоса», содержащий, помимо прочего, статьи по материалам расследованных уголовных дел — от антисоветской агитации и пропаганды до незаконного пересечения границы, контрабанды и спекуляции, подготовлен к печати сборник «Когда исчезают миражи. Сионизм: практика темных дел».

Период 1960-1980-х гг. характеризуется относительной стабильностью в деятельности органов государственной безопасности. К 1961 г. в целом завершилось становление органов государственной безопасности нового образца после создания в марте 1954 г. КГБ при Совете Министров (СМ) СССР. Претерпела кардинальные изменения и следственная работа, на что обратил внимание Председатель КГБ СССР А.Н. Шелепин в докладе на XXII съезде КПСС в октябре 1961 г.[600] С этого года и на протяжении последующих 30 лет без существенных изменений действовали Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы

РСФСР, непосредственно определявшие следственную работу. Признается ошибочным и принятое в конце 1950-х гг. решение о разделении столичного УКГБ на два управления — по городу и по области, в связи с чем в 1962 г. они объединяются в единый орган.

При подготовке данной статьи использовались документы столичного УКГБ — годовые отчеты и переписка с КГБ СССР, городским и областным комитетами КПСС, хранящиеся в архиве УФСБ России по г. Москве и Московской области, которые позволили изучить хранящиеся в Российской государственной библиотеке периодические издания. В свою очередь, тексты публикаций соотнесены с материалами хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации и архиве УФСБ России по г. Москве и Московской области уголовных дел. При возможности публикации соотнесены с мемуарами непосредственных участников событий. Большинство материалов пока недоступно широкому кругу исследователей.

Результаты работы столичного УКГБ, в силу его особого положения и наличия в производстве резонансных дел, освещались не только в московских газетах («Вечерняя Москва» и «Московская правда»), но и в газетах союзного значения («Правда», «Известия», «Труд» и т. д.).

В рассматриваемый период публикации осуществлялись исключительно по инициативе и с согласия органов государственной безопасности или партийных органов. Публикации можно условно разделить на информационные сообщения и пропагандистские статьи, преследующие цель не только доведения до сведения общественности результатов расследования уголовных дел, но и оказания управляющего воздействия на аудиторию. В этих же целях публиковались открытые письма обвиняемых, отказавшихся от продолжения преступной деятельности. По видам преступлений их можно разделить на публикации по делам об измене Родине, делам об антисоветской агитации и пропаганде, а также делам о контрабанде и связанных с ней преступлениях, таких как незаконные валютные операции, взяточничество, хищения, спекуляция и т. д.

Среди публикаций по делам об измене Родине в форме шпионажа выделяются уголовные дела Ф.Д. Завиркина и А.А. Тарасова (1960-е гг.), А.Б. Щаранского (1970-е гг.) и Е.А. Капустина (1980-е гг.). Так, в 1964 г. газета «Известия» сообщала об измене Родине в форме шпионажа и незаконных валютных операциях, совершенных рабочим А.А. Тарасовым и инженером Ф.Д. Завиркиным[601]. Особое внимание уделено их моральному

облику и действиям иностранцев, использовавших тягу обвиняемых к стяжательству и преклонение перед западным образом жизни. Органы государственной безопасности в статье не упоминались. Вместе с тем, данное дело является единственным в практике столичного УКГБ, которое Верховный Суд СССР по жалобе адвоката вернул для дополнительного расследования, отменив приговор военного трибунала об измене Родине. В результате они были осуждены только за хранение антисоветской литературы и незаконные валютные операции. Как пример слабой работы следователей столичного УКГБ, дело упоминается в мемуарах адвоката, сумевшего добиться беспрецедентного для того времени решения суда[602].

Как отмечалось, публикации не носили случайный характер. Однако публикация в газете «Известия» открытого письма доктора С.Л. Липавского,[603] указавшего на причастность А.Б. Щаранского к передаче в посольство США составляющих государственную тайну сведений и проведении им иной враждебной по отношению к СССР деятельности, а также редакционной статьи, раскрывающей деятельность сотрудников ЦРУ, работавших в Москве под видом дипломатов и корреспондентов[604], состоялись до возбуждения соответствующего уголовного дела. Только спустя несколько дней после публикации А.Б. Щаранский, хорошо известный иностранным дипломатам и журналистам, был арестован следственным отделом столичного УКГБ по подозрению в измене Родине. Уголовное дело приобрело международный резонанс и было передано в следственный отдел КГБ СССР. В книге своих воспоминаний, о характере данных публикаций, изложил сам Щаранский[605].

В 1983 г. газета «Известия» сообщала о пресечении советской контрразведкой сотрудничества рабочего Е.А. Капустина с московской резидентурой ЦРУ[606]. В статье, основанной на материалах уголовного дела, отмечалось, что американская сторона вступила в контакт с ранее судимым и не имевшим разведывательных возможностей Е.А. Капустиным, снабдив его инструкциями и экипировкой для тайниковой связи. Также сообщалось об аресте преступника при проведении тайниковой операции и заявленном по дипломатическим каналам протесте американской стороне. Приводились подробные сведения о личности обвиняемого и обстоятельствах его сотрудничества с ЦРУ. В действительности, двумя годами ранее, в ходе следствия Е.А. Капустин совершил самоубийство, что не помешало проведению успешной контрразведывательной операции, завершением которой можно считать опубликованные материалы.

Упоминание о данном деле, по-прежнему хранящемся под грифом «секретно», можно обнаружить в мемуарах сотрудника контрразведки КГБ-ФСБ генерала В.Г. Клименко[607].

Следователи столичного УКГБ расследовали также дела об измене Родине, возбужденные в связи с отказом выехавших за рубеж советских граждан от возвращения в СССР. Случаи их последующего возвращения в страну носили единичный характер, однако широко освещались в печати. Так, в 1970 г. возвращается оставшийся в Англии по окончании туристической поездки кинооператор И.Д. Михеев, опубликовавший затем на страницах эмигрантской газеты «Русская мысль» ряд антисоветских статей. Разочаровавшийся в жизни на Западе, он дал следователям столичного УКГБ подробные показания о попытках его вербовки английскими специальными службами и о положении русских эмигрантов в Англии. Указом Президиума Верховного Совета СССР он был помилован и восстановлен во всех правах, о чем сообщала советская пресса. Так, газета «Известия» писала о трудностях, с которыми он столкнулся за рубежом[608], газета «Труд» опубликовала его открытое письмо[609], а газета «Комсомольская правда» — сообщение о его выступлении перед журналистами[610].

В связи с освобождением от уголовной ответственности возвратившегося в 1973 г. из Австрии художника П.С. Шлыкова, в ориентированной на творческую интеллигенцию «Литературной газете» публикуется развернутая статья[611]. Основное внимание в ней уделено эмигрантской организации «Толстовский фонд», предлагавшей ему переезд в США, связям данной организации с зарубежными специальными службами и бедственному положению оставшихся за рубежом советских граждан. Очевидно, что при подготовке статьи использовались материалы следствия. Однако публикации в отношении И.Д. Михеева и П.С. Шлыкова не содержали ссылок на органы государственной безопасности.

Важным направлением в деятельности органов государственной безопасности, которому посвящена большая часть публикаций, являлось противодействие т. н. «идеологической диверсии». Следователями столичного УКГБ расследовались уголовные дела об антисоветской агитации и пропаганде (ст. 70 УК РСФСР) и распространении заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй (ст. 190.1 УК РСФСР). Освещение в прессе результатов расследования таких дел имело место на протяжении всего рассматриваемого периода. В 1968 г. газета «Известия» сообщила об аресте органами государственной безопасности прибывшего в СССР в качестве туриста гражданина Венесуэлы с

русскими корнями Б. Н. Соколова, имевшего при себе средства тайнописи и копирования, крупные денежные средства и антисоветские материалы[612]. Далее там же публикуется ряд материалов по этой теме. Сообщалось, что он прибыл в СССР по заданию Народного трудового союза (НТС), действующей в Европе эмигрантской антисоветской организации[613]. Также сообщалось, что венесуэльские газеты пишут об аресте в СССР за шпионаж венесуэльского гражданина Б. Соколова[614]. Апофеозом кампании становится опубликованная в «Известиях» статья о рассмотрении судом расследованного следователями столичного УКГБ уголовного дела по обвинению А.И. Гинзбурга, А.А. Добровольского, Ю.Т. Галанского и В.И. Лашковой в антисоветской агитации и пропаганде[615]. На суде Б. Соколов выступил свидетелем обвинения, изобличив антисоветский характер действий подсудимых, которых эмиссары НТС преподносили ему как молодых писателей, подвергающихся в СССР гонениям за свое творчество. О роли следователей столичного УКГБ в расследовании дела не говорится. Наконец, на страницах «Известий» публикуется открытое письмо Б.Н. Соколова[616]. Приведенный перечень публикаций не является исчерпывающим.

По мере приближения даты открытия Олимпиады-80 в Москве обострялась борьба на идеологическом фронте. Влиятельные силы за рубежом берут курс на бойкот московской олимпиады. В свою очередь, диссидентами активно обсуждаются акции, планируемые к осуществлению в период ее проведения. На этом фоне столичным УКГБ привлекаются к ответственности наиболее видные диссиденты.

Следующим громким делом об антисоветской агитации и пропаганде после ареста в 1977 г. за измену Родине А.Б. Щаранского, стало возбужденное в 1978 г. уголовное дело профессора Ю.Ф. Орлова, расследование которого контролировалось руководством КГБ СССР. Одной из причин повышенного внимания к делу являлись вскрывшиеся в ходе расследования факты передачи диссидентскому сообществу служебной информации оперативным сотрудником столичного УКГБ капитаном В.А. Ореховым, задействованным в проведении мероприятий по «пятой» линии. Об осуждении Ю.Ф. Орлова сообщала ведущая партийная газета «Правда»[617], газеты «Московская правда»[618] и «Вечерняя Москва»[619], которые информировали читателей о подробностях судебного процесса, собранных следствием доказательствах, не раскрывая роль органов государственной безопасности в расследовании.

Дальнейшая борьба с диссидентами характеризовалась,

помимо возбуждения уголовных дел, проведением т. н. «контрпропагандистских» мероприятий с привлечением СМИ. Приоритетом становится не только последующее осуждение обвиняемых, сколько их склонение к отказу от продолжения антисоветской деятельности, дискредитация в глазах Запада и единомышленников. Так, об отказе священника Д.С. Дудко от продолжения антисоветской деятельности перед началом Олимпийских игр в Москве в 1980 г. сообщалось не только в печати, но и на телевидении. Статья в «Известиях» содержала снабженное редакционной аннотацией открытое письмо Д.С. Дудко с признанием вины, отказом от дальнейшей антисоветской деятельности и указанием на заинтересованность в ней определенных сил на Западе[620]. В материале упоминались органы государственной безопасности, которые пресекли его противоправную деятельность. В дальнейшем Д.С. Дудко был освобожден от уголовной ответственности.

Позднее газета «Труд» сообщила об осуждении за антисоветскую агитацию и пропаганду священника Г.П. Якунина[621] Основное внимание уделено его моральному облику, установленным в ходе следствия фактам его участия в спекулятивных сделках. Органы государственной безопасности в статье также не упоминались.

В 1979–1980 гг. в различных изданиях публикуются статьи о расследовании уголовных дел в отношении таких диссидентов как В.А. Капитанчук, Л.Л. Регельсон, Т.М. Великанова и др. При этом В.А. Капитанчук и Л.Л. Регельсон в ходе следствия и суда осудили свою антисоветскую деятельность, отказавшись от ее продолжения. Представляется, что выбор изданий для публикаций по делам (от журналов «Огонек» и «Вестник московской патриархии» до газеты «Социалистическая индустрия») был направлен на максимальный охват аудитории.

В 1982 г. газета «Московская правда» опубликовала открытое письмо режиссера Е.А. Козловского об отказе от продолжения антисоветской деятельности, сопровождавшееся аннотацией о прекращении органами государственной безопасности соответствующего уголовного дела[622].

Рассматривая вопрос расследования органами государственной безопасности уголовных дел об антисоветской агитации и пропаганде, важно помнить, что согласно Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 г. лица, осужденные за совершение таких преступлений, подлежали реабилитации.

Кроме того, следователи органов государственной безопасности расследовали дела о контрабанде, незаконных

валютных операциях, хищениях, взяточничестве, спекуляции и других преступлениях.

Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. относил контрабанду (ст. 78) и нарушение правил о валютных операциях (ст. 88) к иным государственным преступлениям, предусматривая за совершение последнего наказание вплоть до смертной казни. В практике следственного отдела столичного УКГБ такие дела являлись наиболее массовыми, оставаясь практически единственной категорией дел, по которым к уголовной ответственности зачастую привлекались иностранцы.

В 1961 г. газета «Известия» сообщала о расследовании дела о незаконных валютных операциях и подпольном производстве женской губной помады, организованном с использованием сырья и материалов, похищаемых на рижской парфюмерной фабрике[623]. Завершение расследования дела пришлось на период объединения столичного и областных управлений. В статье сообщалось, что расследованием занимаются органы государственной безопасности. Данное дело входит в число дел о незаконных валютных операциях начала 1960-х гг., по которым на высшем политическом уровне инициировалось применение в отношении обвиняемых нормы об обратной силе закона. Так, упомянутые в статье Е.Н. Котляр и Д.С. Бейгельман на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении уголовной ответственности за нарушение правил о валютных операциях» 1961 г. были подвергнуты смертной казни.

В конце 1970-х — начале 1980-х гг. органы государственной безопасности участвовали в борьбе с захлестнувшими поздний СССР коррупционными преступлениями, тесно связанными с контрабандой, спекуляцией, хищениями и другими преступлениями. В 1981 г. на протяжении ряда выпусков газета «Московская правда» публикует очерк, подготовленный по материалам уголовного дела о контрабанде из СССР в Австрию ювелирных изделий, организованной бывшей советской гражданкой Н.И. Бланк[624]. В статье особо отмечена роль следственного отдела столичного УКГБ в расследовании, в ходе которого вскрылась не только контрабандная деятельность супругов Бланк при пособничестве инспектора Шереметьевской таможни, но и противоправная деятельность директора московского ювелирного магазина «Самоцветы» В.Н. Приходько и его подчиненных, искусственно создававших дефицит на ювелирные изделия и реализовывавших их за взятки.

Следует упомянуть и одно из резонансных дел того времени — дело директора гастронома № 1 (т. н. «Елисеевского» гастронома) Ю.К. Соколова и его подчиненных, расследование

которого повлекло возбуждение десятков уголовных дел в отношении руководящих работников системы торговли и снабжения Москвы, отставку прокурора Москвы, руководителей отдела по борьбе с хищениями социалистической собственности, других должностных лиц. Газета «Известия» сообщала об осуждении группы лиц, занимавшихся взяточничеством и хищением государственного имущества в особо крупных размерах[625], а после приведения в исполнение приговора о применении к Ю.К. Соколову высшей меры наказания разместила подробную статью[626]. О расследовании дела органами государственной безопасности не сообщалось.

В 1986 г. газеты «Советская Россия»[627] и «Советская культура»[628] сообщили об осуждении за контрабанду из СССР за рубеж старинных скрипок работы итальянских мастеров, спекуляцию и незаконные валютные операции преподавателя Московской консерватории С.Г. Дьяченко и работавшего в Москве переводчика издательства «Прогресс» американского гражданина П. Д'Ория. Публикации раскрывали контрабандную схему, основанную на вывозе из СССР подлинных старинных музыкальных инструментов под видом ранее временно ввезенных в страну новоделов. Большое внимание уделялось личности преступников, их спекулятивной и незаконной валютной деятельности. Содержалась критика существующей системы охраны культурных ценностей, указывалось на несвоевременность мер реагирования на их вывоз за рубеж. Органы государственной безопасности в публикациях также не упоминались.

Хотя расследование бандитизма и грабежей не входило в компетенцию следователей органов государственной безопасности, следователями столичного УКГБ перед началом Олимпиады-80 расследован ряд таких дел. К ним относится расследованное в 1979 г. дело преступной группы под руководством В.Я. Виноградова, известной как «банда таксистов», специализировавшейся на ограблениях иностранцев под видом сотрудников органов КГБ и МВД. В преступную группу, помимо водителей такси, использовавших служебные машины, входили девушки «легкого поведения» и действующий сотрудник милиции. По делу дважды публиковались информационные сообщения. Так, газеты «Вечерняя Москва»[629] и «Московская правда»[630] со ссылкой на столичное УКГБ и прокуратуру сообщили о завершении расследования дела о грабежах. Через несколько месяцев в этих газетах разместили сообщения об осуждении преступников[631]. Следует отметить предельно лаконичный текст публикаций. В отчете о работе столичного УКГБ за 1991 г. сообщалось об оказании помощи писателю —

криминалисту Г.Г. Долгову в работе над книгой «Корсары черного пикапа», в основу сюжета которой положено данное дело.

Таким образом, результаты работы УКГБ СССР по г. Москве и Московской области регулярно доводились до сведения общественности. Однако особенностью значительного числа публикаций являлось отсутствие в них указания на участие в расследовании тех или иных преступлений органов государственной безопасности, в частности, следователей столичного УКГБ. Представляется, что данное обстоятельство отчасти способствовало формированию в обществе к 1991 г. негативного восприятия деятельности советских органов государственной безопасности.

В.Е. Морихин
г. Москва

Исторический опыт подготовка командных кадров в Московском пограничном институте ФСБ России

4 февраля 2022 г. исполняется 90 лет со дня создания Московского пограничного института ФСБ России, который берет свое начало от 3-й школы пограничной охраны и войск ОГПУ СССР. За 9 десятилетий в стенах этого прославленного военного учебного заведения были подготовлены десятки тысяч командиров для пограничной охраны, войск и пограничной службы РСФСР, СССР и России, среди которых более 150 высших офицеров, 22 Героя Советского Союза и 11 Героев Российской Федерации, тысячи кавалеров государственных и боевых наград.

История института начинается 4 февраля 1932 г., когда приказом ОГПУ СССР была сформирована 3-я школа пограничной охраны и войск ОГПУ в Москве. Ее первым начальником был назначен бывший начальник пограничного отряда Я. Я. Бушман.

К середине мая 1932 г. в школу было принято 1200 курсантов, в основном красноармейцев и младших командиров срочной и сверхсрочной службы. Организуется обучение по трем профилям: пехотному (готовились командиры взводов, начальники и помощники начальников застав), политическому (готовившему политработников подразделений) и связи. Все курсанты были объединены в семь дивизионов, состоявших из нескольких курсантских взводов, каждый из которых, в свою очередь, делился на две учебные группы. Одновременно формировались подразделения обеспечения. Зимой 1932–1933 гг. при школе начали функционировать курсы переподготовки командного состава. Срок обучения первого набора курсантов был разный — от 6 месяцев (пехотный профиль) до одного года (профиль связи).

В конце 1932 г. состоялся первый выпуск — 1200 командиров пехотного профиля[632]. Уже в 1933 г. обучение курсантов и слушателей осуществляли 144 преподавателя, объединенных в несколько циклов. Срок обучения для всех принимаемых в школу установили единый — 2 года.

Центром учебно-воспитательной работы в школе стали курсантские дивизионы с небольшим постоянным составом:

командиром дивизиона, помощником командира дивизиона по политической части, освобожденным секретарем партбюро первичной партийной ячейки, 4 курсовых офицеров (командиров взводов).

В соответствии с постановлениями ЦИК СССР и приказом ОГПУ в 1933 г. школе было вручено Боевое Красное Знамя — символ воинской чести, доблести и славы. Это явилось одновременно и признанием больших заслуг учебного заведения в подготовке командных кадров.

В июле 1934 г. приказом НКВД школа стала называться 3-й пограничной школой пограничной охраны и войск НКВД СССР, а 17 августа этого года ей было присвоено имя В. Р. Менжинского[633].

Быстрое оснащение пограничных войск новой техникой выдвинуло задачу дальнейшей специализации школы по подготовке командно-технических кадров. В мае 1935 г. она была расформирована. Личный состав передан по спискам в Высшую пограничную школу пограничной охраны НКВД и вновь сформированную 3-ю пограничную школу связи пограничной охраны НКВД им. В. Р. Менжинского. На школу возлагалась задача подготовки командных кадров связистов для пограничной охраны страны. Начальником школы на этом этапе ее развития назначен полковник Г. А. Степанов.

Первоначально переменный состав состоял из 250 курсантов и 120 слушателей курсов усовершенствования командного состава (КУКС) связи и административно-хозяйственной службы. Срок обучения для курсантов составлял два года, для слушателей — полгода.

Вновь сформированной 3-й школе предоставили здания ВПШ в Москве в Безбожном переулке, д. 9. Однако это не удовлетворяло потребности учебного заведения, поэтому в мае 1935 г. ему были выделены территория и постройки железнодорожной школы РККА в г. Лосиноостровске Московской области (с 1939 г. — г. Бабушкин, с 1960 г. — в черте Москвы). Учебный корпус находился в стадии завершения строительства, общежития курсантов и слушателей не были оборудованы.

В октябре 1935 г. состоялся первый выпуск курсантов после реорганизации школы и переезда ее на новое место дислокации — 70 человек. В ноябре 1935 г. состоялся первый выпуск КУКС связи — 27 слушателей. К концу года завершилось строительство учебного корпуса, закончилось оборудование классов радиотехники, электротехники, вошли в строй лекционный зал и радиомастерская, другие помещения.

20 апреля 1937 г. 3-ю пограничную школу связи

преобразовали в Московское военное училище пограничной и внутренней охраны НКВД СССР им. В. Р. Менжинского. Срок обучения курсантов был увеличен с двух до трех лет. По причине увеличения продолжительности обучения и усложнения учебного процесса в училище были сформированы политотдел и учебный отдел, а в штат учебных дивизионов ввели должности помощников командиров дивизионов по политической части.

В феврале 1938 г. начальником училища назначен полковник А. И. Самохвалов. В апреле 1938 г. на училище была возложена важная интернациональная задача по подготовке командно-технических кадров для пограничных и внутренних войск Монгольской Народной Республики.

26 марта 1939 г. Московское военное училище было преобразовано в Московское военно-техническое училище (МВТУ) НКВД СССР им. В. Р. Менжинского с включением в его состав расформированного Московского военно-хозяйственного училища. В новом учебном заведении готовились и проходили переподготовку офицеры-связисты, оружейные техники, офицеры административно-хозяйственной службы. Возглавил училище комбриг Д. П. Жебровский.

В рамках реорганизации и в соответствии с новыми требованиями к подготовке профессиональных кадров войск НКВД в училище были сформированы два отделения: связи и оружейно-техническое, а также КУКС связи и начальников боепитания, в декабре 1939 г. — КУКС административно-хозяйственной службы войск НКВД. Срок обучения курсантов составлял, как и прежде, три года. Подготовка слушателей КУКС осуществлялась в течение шести месяцев.

16 декабря 1939 г. училище получило приказ откомандировать группу курсантов, слушателей и офицеров в распоряжение командиров оперативных полков НКВД СССР, действовавших против финнов. Из большого числа добровольцев был отобран 271 человек. Всех их направили на Ребольское направление и Карельский перешеек. За героизм и мужество, проявленные в боях на финском фронте, указами Президиума Верховного Совета СССР от 11 апреля и 26 апреля 1940 г. старшему лейтенанту М. С. Шамраю, лейтенантам И. М. Кобзуну, А. Г. Лужецкому, красноармейцу В. А. Самсонову было присвоено звание Героя Советского Союза. Сорок два представителя училища были представлены к государственным наградам.

Накануне Великой Отечественной войны в училище продолжалась работа по оптимизации организационно-штатной структуры. Курсантские дивизионы были реорганизованы в роты и объединены в батальоны. Учебный процесс осуществлялся на

трех отделениях: связи, оружейно-техническом и административно-хозяйственной службы.

Начавшаяся в июне 1941 г. Великая Отечественная война поставила перед МВТУ НКВД СССР им. В. Р. Менжинского новые ответственные задачи. В первые же дни войны училище выпустило досрочно 837 слушателей курсов усовершенствования командного состава и курсантов старшего курса. Большинство выпускников-офицеров направлялись на фронт. Одновременно управление военно-учебными заведениями войск НКВД приняло меры к расширению подготовки командиров-специалистов (связистов, оружейных техников и др.). При училище организуются краткосрочные курсы связистов. Сразу после выпуска в училище было принято 1005 человек.

С июля 1941 г. училище перешло на ускоренную подготовку командиров-специалистов. Сроки обучения курсантов отделения связи и административно-хозяйственного сократили с трех лет до шести месяцев, на оружейно-техническом отделении — до девяти месяцев, срок обучения слушателей на курсах усовершенствования командного состава связи и административно-хозяйственной службы — два месяца, оружейно-технической службы — четыре месяца.

Но действовать приходилось не только в учебной обстановке. Ставка Верховного Главнокомандования с июня 1941 г. принимала энергичные меры по организации обороны Москвы и в первую очередь ее противовоздушной обороны. Определенное место в осуществлении этой задачи отводилось и МВТУ.

Приказом командования от 22 июня 1941 г. в училище устанавливалось круглосуточное дежурство главного поста воздушного наблюдения, оповещения и связи № 2000 и организовывалась система огня по воздушным целям[634]. Личный состав в короткий срок был обучен приемам борьбы с зажигательными бомбами. В соответствии с инструкцией по борьбе с авиадесантами и отрядами противника, вся территория Московского военного округа в радиусе 150 км делилась на два боевых участка — Западный и Восточный[635]. Начальником Восточного боевого участка был назначен начальник МВТУ комбриг Д. П. Жебровский.

Для борьбы с авиадесантами и разведывательно-десантными группами в секторе дорог Москва — Ярославль, Москва — Дмитров и в районе Калининград — Мытищи — Бабушкин от училища выставлены две усиленные оперативные группы на машинах численностью до 40 человек каждая[636]. Кроме того, часть курсантов и командиров училища привлекалась к несению службы по охране линий засекреченных линий связи.

МВТУ активизировало боевую учебу личного состава. Проводились тактические занятия и учения по борьбе с авиадесантными группами противника, все курсанты были обучены практическим действиям по борьбе с танками с помощью бутылок с зажигательной смесью[637]. Приказом по училищу от 11 августа 1941 г. из числа курсантов и преподавательского состава были организованы внештатная батарея в составе трех орудий, а также зенитно-пулеметная рота[638].

Учитывая горячее стремление москвичей отстоять столицу, в училище из штатного вольнонаемного состава организовали стрелковую роту в составе трех стрелковых, одного пулеметного и одного санитарного взводов[639].

В сентябре 1941 г., с приближением немецко-фашистских захватчиков к Москве, училище было переформировано в полк усиленного состава[640]. Личный состав напряженно готовился к боям, обучался практическим действиям в различных видах боя. Особое внимание обращалось на действия в обороне и наступлении в условиях населенных пунктов[641].

В соответствии с приказом НКВД училище вместе с другими частями и подразделениями внутренних войск с 13 октября 1941 г. выполняло боевые задачи в Калининском секторе Московской зоны обороны[642]. 20 октября его вывели из боевого расчета и командование получило приказ на передислокацию личного состава и учебной материально-технической базы в Новосибирск для подготовки командных кадров, в том числе для организации и ведения разведывательных и диверсионных действий на территориях, оккупированных немецкими войсками.

В период нахождения училища в Новосибирске шла интенсивная подготовка офицеров. В 1942 г. было произведено три очередных выпуска курсантов отделений связи, интендантского и оружейно-технического, один досрочный и три выпуска КУКС. Все выпускники были направлены на фронт или в войска НКВД. В 1943 г. произведено четыре выпуска курсантов и подготовлено 658 офицеров. Кроме того, 748 офицеров было подготовлено и переподготовлено на КУКС.

В начале 1944 г. начальником училища был назначен генерал-майор М. Ф. Горяинов.

Положение на фронте к весне 1944 г. в корне изменилось. Народный комиссариат внутренних дел СССР принял решение о возвращении МВТУ в Москву. В июне училище тремя эшелонами прибыло на место своей постоянной дислокации, и уже 3 июля начались занятия.

В 1944 г. состоялось четыре выпуска курсантов и слушателей курсов усовершенствования офицерского состава. Всего 729

человек. Это были последние выпуски курсантов, обучавшихся по сокращенной программе военного времени.

11 ноября 123 курсанта 7-й роты интендантского отделения МВТУ были направлены в отдельный полк НКВД для выполнения специального задания по обеспечению безопасности Ялтинской конференции глав правительств союзных держав[643]. Одна из задач, стоящих перед полком, заключалась в охране маршрута следования автомашин участников конференции. Посты, охранявшие трассу, в состав которых входили курсанты МВТУ, неоднократно задерживали неизвестных и подозрительных лиц, находившихся в районе маршрута.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 февраля 1945 г. за успешное выполнение специального задания правительства награждены медалями «За боевые заслуги» сержант Г. Н. Ашлапов, младший сержант И. З. Стребков и курсант И. З. Елисеев, старшина В. Г. Евтушенко, сержанты И. С. Ивантеев, В. Ф. Мартынов и П. А. Яненко отмечены в приказе НКВД, 28 курсантов получили поощрения от командира полка[644].

Выпускники училища вписали славную страницу в героическую летопись Великой Отечественной войны. За доблесть и мужество в боях тысячи из них были награждены орденами и медалями, а выпускники и сотрудники училища генерал-майоры Е. Г. Коберидзе и Н. М. Михайлов, подполковник Н. П. Титов, майоры П. Е. Брайко и Ф. С. Сабельников, капитаны Н. А. Беляков, И. П. Гоманков и Ф. Е. Хребтов, старшие лейтенанты В. Е. Исаев и А. В. Шигаев, лейтенант А. В. Рыжиков, младший лейтенант Н. А. Подорожный, красноармеец В. И. Трусов были удостоены высокого звания Героя Советского Союза.

24 июня 1945 г. на Красной площади состоялся Парад Победы. Вместе с фронтовиками в парадном строю торжественно прошли курсанты училища.

После войны вопросы подготовки и переподготовки офицерских кадров продолжали оставаться в центре внимания руководства НКВД. Перед училищем была поставлена новая задача — готовить курсантов по программе полного среднего военного образования. 30 июня 1945 г. Московское военно-техническое училище НКВД им. В. Р. Менжинского переформировывается и получает новое наименование — Московское военное училище войск НКВД СССР. Его интендантское и оружейно-техническое отделения были переданы в состав Харьковского военного училища. В училище продолжается подготовка курсантов в составе трех учебных отделений, переведенных на дивизионную структуру: пехотного,

связи и радиоспецсвязи.

В 1946 г. училище стало называться Московским военным училищем войск МВД СССР и перешло на новый учебный план. Была произведена и некоторая организационная перестройка. Вместо трех отделений осталось два — пехотное и связи.

17 октября 1949 г. училище стало называться Московским военным училищем войск МГБ СССР и было передано в непосредственное ведение Главного управление пограничных войск МГБ. 24 ноября 1951 г. переименовано в Московское пограничное военное училище МГБ СССР. В нем продолжалась подготовка офицеров-связистов для всех войск госбезопасности.

В 1953 г. в связи с изменением в структуре политической власти страны произошли изменения, и учебное заведение стало называться Московским пограничным военным училищем (МПВУ) МВД СССР[645].

Его новая штатная структура включала три курсантских дивизиона связи, один дивизион слушателей курсов усовершенствования офицерского состава связи, два дивизиона слушателей курсов усовершенствования командно-оперативного состава.

3 апреля 1957 г. Московское пограничное военное училище переведено из системы МВД СССР в состав КГБ при Совете министров СССР.

По новому штату в училище обучается четыре курсантских дивизиона (три — профиля связи и один — общевойскового профиля) и два дивизиона КУКС (с февраля 1957 г. — дивизион усовершенствования офицерского состава). В училище организуется подготовка офицеров для оперативных подразделений и подразделений пограничного контроля с трехгодичным сроком обучения.

В 1959 г. начальником МПВУ был назначен генерал-лейтенант И.И. Демшин. Первостепенное значение придавалось повышению качества преподавания, чему способствовал рост профессионального мастерства преподавательского состава. Так, если в 1946 г. 30,5 % преподавателей не имели даже общего среднего образования, то уже в 1959 г. более 61 % офицеров-преподавателей были с высшим военным или с высшим специальным образованием[646]. В 1961 г. 44 выпускника получили диплом с отличием, а в 1962 г. почти 30 % курсантов закончили училище с отличием[647].

В 1960-е гг. до 50 % выпускников училища направлялись в войска правительственной связи. Подготовка специалистов связи в таких объемах на новом этапе развития специальных служб была нецелесообразной. В то же время существовала острая

потребность в подготовке офицерских кадров для подразделений пограничных войск, непосредственно охраняющих государственную границу. В этой связи принимаются решения о формировании в г. Багратионовске Калининградской области Военно-технического училища КГБ при СМ СССР и преобразовании с 1 июня 1966 г. Московского пограничного военного училища в Московское высшее пограничное командное училище КГБ при Совете Министров СССР с четырехгодичным сроком обучения курсантов.

В период реорганизации училища в высшее военное учебное заведение в 1966 г. его начальником назначается генерал-майор Г. И. Алейников.

Преобразование училища в высшее учебное заведение потребовало разработки и утверждения качественно новых учебных и тематических планов. Вместо существовавших до этого предметных циклов были созданы кафедры. 1 сентября 1966 г. училище приступило к занятиям по новой программе.

Успехи училища не остались незамеченными. За заслуги в деле подготовки кадров для органов и войск КГБ Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 декабря 1967 г. училище было награждено орденом Красного Знамени и стало называться Московским высшим пограничным командным Краснознаменным училищем КГБ при СМ СССР. Высокая награда Родины ко многому обязывала. На государственных экзаменах в 1968 г. 96 % выпускников высшего профиля получили только хорошие и отличные оценки. 33 выпускникам были вручены дипломы с отличием, а четверо удостоены золотой медали.

Приобретя прочные знания, хорошие профессиональные навыки, выпускники успешно выполняли задачи по охране и защите рубежей Отечества. Стойкость и мужество проявили, пресекая вооруженные провокации в марте и августе 1969 г. в районе острова Даманский и озера Жаланашколь, офицеры И. Стрельников, В. Кныш, Н. Зарубин, Е. Ильяшенко, В. Новиков. Группе недавних выпускников училища были вручены высокие государственные награды, а старшему лейтенанту И. И. Стрельникову за героизм и отвагу при защите Государственной границы посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. В 1969 г. прошел курс обучения участник событий Герой Советского Союза сержант Ю. В. Бабанский.

7 июля 1977 г. за большие заслуги в подготовке офицеров для пограничных войск и активную военно-шефскую работу с населением столицы Московскому высшему пограничному командному Краснознаменному училищу КГБ при СМ СССР присвоено имя Моссовета. В том же году начальником училища

назначен генерал-майор В. П. Толкунов.

В 1979 г. руководством КГБ СССР и командованием Пограничных войск перед командованием училища поставлена важная задача — организовать подготовку научно-педагогических кадров высшей квалификации. 4 июня 1979 г. в училище сформирована адъюнктура, а в октябре того же года произведен первый набор адъюнктов.

На протяжении многих лет в училище проходили подготовку, получали профессию офицера-пограничника офицеры и курсанты из Монголии, Венгрии, Кубы, Чехословакии, Албании, Румынии, ГДР, Польши. В этой связи в 1982 г. руководством Главного управления Пограничных войск КГБ СССР было принято решение о формировании в училище специального факультета.

За заслуги в подготовке высококвалифицированных кадров Указом Президиума Верховного Совета СССР от 11 февраля 1982 г. Московское высшее пограничное командное Краснознаменное училище КГБ СССР им. Моссовета награждено орденом Октябрьской Революции.

Драматический след в жизни пограничников оставили боевые действия в Афганистане. Сотни выпускников училища прошли через горнило Афганской войны 1979–1989 гг. Среди 520 погибших воинов-пограничников 85 офицеров, из них восемь воспитанников института: Герой Советского Союза майор А. П. Богданов, капитан А. Г. Андрианов, подполковник В. Р. Выбрик, майор Г. К. Бушин, майор Р. Ш. Галимов, капитан А. И. Ставила, старший лейтенант И. Н. Карайман, лейтенант А. В. Савин[648]. За мужество и героизм, проявленные при выполнении специального задания командования в Республике Афганистан, майору И. П. Барсукову и капитану В. Ф. Карпухину присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

В 1987 г. училище возглавил генерал-лейтенант И. Г. Карпов. В этот период личный состав неоднократно привлекался к выполнению специальных заданий руководства страны и КГБ. Так, с 9 по 19 апреля 1989 г. 4-й учебный дивизион привлекался для обеспечения законности и правопорядка в Тбилиси. Со 2 января по 16 февраля 1990 г. группа офицеров и курсантов 1-го учебного дивизиона выполняла специальное задание в Закавказском пограничном округе по усилению охраны государственной границы на участке Мегринского пограничного отряда в Армении.

С 1991 г. в училище происходят кардинальные преобразования в организационно-штатной структуре и учебно-воспитательном процессе.

8 мая 1992 г. распоряжением Правительства Российской

Федерации Московское высшее пограничное командное училище имени Моссовета преобразовано в Высшее пограничное училище (г. Москва) и переведено на подготовку офицерских кадров по специальности «правоведение» с квалификацией «юрист», со сроком обучения 5 лет. Была установлена штатная численность переменного состава в 1250 человек, с ежегодным выпуском 250 офицеров.

25 мая 1992 г. вуз переименован в Высшее пограничное ордена Октябрьской Революции Краснознаменное училище (г. Москва).

В связи с политическими процессами, происходившими в странах социалистического лагеря, и прекращением направления на обучение в училище иностранных курсантов, в июне 1992 г. сокращен штат специального факультета.

Продолжая славные боевые и чекистские традиции, воспитанники учебного заведения успешно выполняли служебно-боевые задачи по охране и защите священных рубежей Отечества и общих границ СНГ. Суровым испытанием для выпускников стала служба в Группе Пограничных войск Российской Федерации в Республике Таджикистан и на участке Северо-Кавказского регионального управления Пограничной службы Российской Федерации, где в 1993–1994 гг. отличились выпускник 1992 г. лейтенант А. В. Мерзликин и будущий преподаватель учебного заведения старший лейтенант С. Ю. Медведев, которым было присвоено звание Героя Российской Федерации.

27 сентября 1993 г. училище преобразовано в Московский военный институт пограничных войск Российской Федерации, а в 1996 г. — в Московский военный институт Федеральной пограничной службы Российской Федерации.

Реформирование учебного заведения возглавил генерал-майор А. Д. Королев, назначенный начальником института в 1994 г.

В 1995 г. Московский военный институт полностью перешел на пятигодичный срок обучения курсантов. В соответствии с новыми требованиями была разработана концепция построения учебного процесса, в которой определялась основная цель — подготовка офицера с высшим юридическим образованием как профессионала-пограничника, способного занять вакантные должности тактического уровня в подразделениях пограничных войск (органов). С 1 сентября 1995 г. организована подготовка курсантов-девушек (квалификация «офицер службы пограничного контроля со знанием иностранного языка»).

В августе 1996 г. была создана факультетская система, предусматривавшая формирование четырех факультетов: 1-го —

командного, 2-го — пограничного контроля, 3-го — оперативной деятельности, 4-го — заочного обучения.

Выпускники института достойно проявляли себя при выполнении служебно-боевых и оперативных задач на различных участках своей профессиональной деятельности. В сентябре 1996 г. Указом Президента России за мужество и героизм, проявленные при выполнении специального задания в Чеченской Республике, присвоено звание Героя Российской Федерации С. В. Ромашину (посмертно) и С. И. Шаврину.

К этому времени институт накопил высокий научный потенциал педагогического состава. По состоянию на 31 декабря 1997 г. в учебном заведении работало 10 докторов, 36 кандидатов наук, 21 профессор, 42 доцента и два старших научных сотрудника.

Существенным подспорьем в финансовом и материальном обеспечении института явилось открытие в 1998 г. юридического факультета. На факультете осуществлялось обучение студентов по специальности «юриспруденция» на платной основе в очно-заочной и заочной формах.

В период с 27 сентября по 7 октября 1999 г. институт впервые прошел процедуру аттестования учебного заведения, которую проводила Государственная инспекция при Министерстве образования России. По отзывам экспертов аттестационной комиссии, качество знаний, умений и навыков, получаемых курсантами за период обучения в институте по общепрофессиональным дисциплинам, значительно превышал аналогичные показатели студентов гражданских вузов.

В октябре 2000 г. начальником Московского военного института ФПС России был назначен генерал-лейтенант В. П. Егоров. В этот период последовательно совершенствовались учебно-воспитательная и научная работа.

В 2001–2002 учебном году профессорско-преподавательский состав кафедр юридического блока и курсанты выпускного курса в рамках государственной аттестации получили первый опыт по разработке и защите выпускных квалификационных работ.

В 2003 г. институт возглавил генерал-лейтенант Г.С. Симухин.

В первом десятилетии XXI в. институт продолжает динамично развиваться. В связи с упразднением Федеральной пограничной службы и включением пограничных органов и вузов в систему Федеральной службы безопасности, 24 сентября 2003 г. Московский военный институт ФПС России переименован в Московский пограничный институт ФСБ России.

В 2006 г. на должность начальника Московского

пограничного института ФСБ России назначен генерал-майор Ю. И. Лашко. В это время институт сформировался как многопрофильная образовательная организация, осуществлявшая довузовскую, вузовскую и послевузовскую подготовку кадров для пограничных органов. В связи с острой потребностью комплектования пограничных органов прапорщиками руководством ФСБ институту была поставлена задача в кратчайшие сроки организовать подготовку специалистов со средним профессиональным образованием по специальности «правоохранительная деятельность». Для решения данной задачи в 2010 г. на базе учебного центра Пограничной службы ФСБ России в пгт Оболенск сформирован филиал института.

Наиболее ярко результаты учебно-воспитательного процесса в институте отражают достижения его выпускников, в первую очередь их героизм и самоотверженность, проявленные при выполнении воинского долга. За мужество и героизм, проявленные при выполнении специальных заданий, были удостоены звания Героя Российской Федерации шесть выпускников института: С.В. Дяченко, Р.А. Халиков, Д.А. Разумовский, В.Е. Дудкин, А.Н. Кумов, С.А. Ашихмин.

В мае 2012 г. на должность начальника института назначен генерал-майор В. Н. Козлов. Непосредственно в вузе осуществляется подготовка офицеров с высшим образованием (бакалавр и специалист), а также специалистов со средним профессиональным образованием для комплектования разведывательно-поисковых групп пограничных органов. При этом институту в системе образовательных организаций ФСБ пограничного профиля определена ведущая роль в подготовке оперативных сотрудников и сотрудников подразделений специального назначения (мобильных действий). Факультет очно-заочного дополнительного профессионального образования реализует многочисленные потоки переподготовки и повышения квалификации офицеров и прапорщиков.

За свою историю в институте сложилось немало славных традиций. Ему есть чем гордиться. Приятно осознавать, что и нынешнее поколение курсантов является достойными их продолжателями, о чем свидетельствуют многочисленные положительные отзывы о выпускниках учебного заведения, поступающие из пограничных органов, где проходят службу его воспитанники. Любовь к Отчизне, непоколебимая стойкость и постоянная боевая готовность, высокая бдительность, организованность и дисциплинированность, безупречная честность и правдивость, верность присяге и беззаветное служение долгу — эти унаследованные от старших поколений

качества ярко проявляются в ратных делах выпускников института.

С. Л. Медведко, Е. Р. Арруе
г. Москва

КГБ СССР в Афганистане (1978–1989 гг.)

Афганская проблематика уже долгие годы находится в фокусе внимания специалистов: дипломатов-международников, востоковедов, политологов, историков, журналистов. Однако в настоящий момент мы наблюдаем повышенный интерес к прошлому и настоящему этой многострадальной страны. Свидетельства тому — многочисленные дипломатические переговоры в Вашингтоне, Москве и Кабуле, совещания политических лидеров, заседания экспертных групп.

Сегодняшняя политическая риторика западных элит фактически не учитывает исторический контекст и наличие исторической памяти у народов, живущих вне Западной Европы и США. Например, в публичной политике Вашингтон четко отделяет американское военное вмешательство в Афганистан, начавшееся как справедливое возмездие в ответ на террористические атаки 9 сентября 2001 г., от событий конца 1970-х — начала 1980-х гг., когда в Афганистане находился Ограниченный воинский контингент советских войск, в том числе различные подразделений Комитета государственной безопасности СССР.

Деятельность КГБ СССР нельзя рассматривать через призму «правильности или неправильности» решения о вводе войск, так как данный подход обесценивает заслуги и самоотверженность советских сотрудников органов государственной безопасности.

Во время пребывания советского ограниченного контингента на территории Афганистана находились следующие подразделения КГБ СССР: Представительство КГБ СССР при органах безопасности Афганистана, Особый отдел КГБ СССР по 40-й общевойсковой армии и подчиненные ему особые отделы по соединениям и частям, подразделения специального назначения КГБ СССР «Каскад» и «Зенит», а также Пограничных войск КГБ СССР[649].

Стоит отметить, что Представительство КГБ СССР при органах безопасности Афганистана начало свою деятельность ещё до ввода советских войск в эту страну, а именно летом 1978 г., и покинуло Афганистан только в декабре 1991 г. Это было связано с неспособностью правительства Афганистана самостоятельно

обеспечить безопасность страны, острой нехваткой профессионалов в сфере безопасности[650].

В мае 1978 г. в Афганистан была направлена группа сотрудников КГБ СССР. Они провели серию переговоров с представителями правительства и наладили личные контакты с афганскими службами безопасности. Стороны достигли договоренности об оказании Демократической Республике Афганистан (ДРА) советнической, технической и материальной помощи. После этого в августе 1978 г. начальником советской внешней разведки В.А. Крючковым и начальником управления национальной безопасности ДРА А. Саравари в Кабуле было подписано соглашение о консультации органов безопасности по линии внешней контрразведки, а также о поставке различного рода оборудования на коммерческой и безвозмездной основе[651].

18 июля 1979 г. КГБ СССР своим приказом утвердил новый штат Представительства КГБ в Афганистане, предусматривавший создание в этой структуре 3-го отдела, занимавшегося военной контрразведкой. Начальником отдела был назначен А.А. Марейчев, участник Великой Отечественной войны, начальник Особого отдела КГБ СССР по общевойсковой армии Прикарпатского военного округа[652]. Деятельность Представительства взяли на особый контроль в Москве. Из столицы за его действиями следил сам В.А. Крючков. Это обосновано тем, что в столь непростой период для Афганистана нельзя было допустить неверных действий, ибо любая ошибка могла привести к дискредитации властей и ухудшению положения. Именно поэтому каждый шаг следовало выверять с особой точностью.

Важно отметить, что правительство Афганистана не пользовалось поддержкой ни общества, ни духовенства. Антиправительственные настроения усугублялись отсутствием политического опыта у глав правительства и внутрипартийной борьбой (между фракциями «Хальк» и «Парчам»). Данная нестабильность внутриполитических рядов вылилась в беспорядки в 1979 г. Эпицентром восстания стал город Герат. Для правительства Афганистана ситуация сложилась не лучшим образом, так как пехотные и артиллерийские полки перешли на сторону восставших, отряды оппозиции шли из Пакистана. Столь острая ситуация не могла остаться без внимания СССР, и 17 марта 1979 г. члены Политбюро ЦК КПСС вынесли решение: «Ни при каких обстоятельствах СССР не может потерять Афганистан»[653]. Нельзя было не помочь Афганистану в подавлении волнений, так как столь радикальное неприятие власти в обществе могло привести к ещё одному перевороту. Но

это ещё не служило поводом для ввода советских войск.

К концу 1979 г. боевые действия велись в 18 из 26 провинций Афганистана. Нужно было срочно действовать. Таким образом, Москва решила поддержать решение привести к власти Б. Кармаля. Оно основывалось на том факте, что Амин налаживал всё более тесные контакты с американцами, а Советский Союз был заинтересован в безопасности своих южных границ.

24 декабря 1979 г. на совещании руководящего состава Министерства обороны СССР Д.Ф. Устинов объявил о решении ввести советские войска в Афганистан. И уже на следующий день, 25 декабря 1979 г., советские части пересекли границу с Афганистаном. Группировка советских войск включала в себя управление 40-й армии, 3 мотострелковые и 1 воздушно-десантную дивизии, 9 отдельных бригад и 7 отдельных полков, 4 полка фронтовой и 2 полка армейской авиации, тыловые, медицинские, ремонтные, строительные и другие части и подразделения[654]. Также для обеспечения безопасности советских войск в Афганистан был направлен Особый отдел КГБ СССР по 40-й армии.

27 декабря 1979 г. подразделения специального назначения КГБ пошли на штурм дворца Тадж-Бек (дворца Амина). Операция по его захвату продолжалась всего 43 минуты. Её успешно выполнили бойцы группы специального назначения «Гром» и «Зенит». За выполнение данной операции звание Героя Советского Союза получили сотрудник КГБ СССР Г.И. Бояринов (посмертно), В.Ф. Карпухин и Э.Г. Козлов[655].

В списке стратегически важных объектов, помимо дворца Амина, были также: генеральный штаб афганской армии; тюрьма для политических заключенных в Пули-Чархи; служба разведки и контрразведки; министерство внутренних дел; министерство иностранных дел; радио- и телецентр; телефонная станция.

Одним из самых важных и сложных объектов для нейтрализации оказалось Управление национальной безопасности (УНБ) ДРА. На спецоперацию туда отправился заместитель руководителя Представительства КГБ В. А. Чучукин и группа «Каскад», которая шла впереди армейской колонны. Все ожидали, что брать УНБ придётся силой, с применением оружия. Но всё обошлось достаточно мирно, так как сотрудники КГБ сумели найти общий язык с руководителем УНБ.

Вскоре освобожденные из тюрьмы Пули-Чархи бывшие политзаключенные, находившиеся ранее в оппозиции к Амину, были назначены на государственные посты в новом правительстве Афганистана.

Для службы в Представительстве КГБ в Кабуле выбирались

самые лучшие руководящие работники разведки, которые также понимали специфику Ближнего Востока. Первым руководителем Представительства был Л. П. Богданов. Далее этот пост занимали В. Н. Спольников, Б. Н. Воскобойников, Н. Е. Калягин, В. П. Зайцев, В. А. Ревин[656].

Как уже было сказано, деятельность Представительства КГБ заключалась в оказании советнической помощи и создании безопасной обстановки для пребывания советского военного континента в Афганистане. Данная работа требовала отдачи и ежедневной готовности к рискам и непредвиденным ситуациям, так как напряженная обстановка внутри ДРА оставляла желать лучшего. Представители КГБ давали консультации руководству Службы государственной информации[657] (СГИ) ДРА, чтобы сделать власть нового правительства легитимной.

Однако вскоре стало ясно, что одной советнической деятельностью не обойтись, ввиду отсутствия поддержки власти со стороны общества. Поэтому было принято решение расширить род помощи от Представительства. С этой целью были созданы следующие подразделения: 6-й отдел — борьба с идеологической диверсией и работе в среде афганского мусульманского духовенства; 7-й отдел — расследование уголовных дел в отношении лиц, посягавших на безопасность ДРА.

Изначально планировались, что Представительство КГБ будет базироваться в Кабуле, открытия его штабов в других городах не планировалось. Но ситуация в провинциях не улучшалась. Довольно часто случались вооруженные выступления в различных регионах страны. Поэтому было принято решение расширить инфраструктуру Представительства, чтобы его оперативные группы базировались не только в Кабуле, но и в наиболее важных городах страны. С целью координации советнической деятельности сотрудников оперативных групп было решено создать 10-й отдел.

Как можно заметить, структура Представительства оказалась достаточно обширной. Существовали отделы, которые оказывали советническую деятельность по основным направлениям работы разведки и контрразведки, в тоже время другие подразделения обеспечивали деятельность самого Представительства (информационно-аналитическая группа, хозяйственный отдел и др.). Некоторые отделы выполняли обе функции, например, отдел кадров.

Однако стоит особо остановиться на 3-м отделе, основной функцией которого была советническая деятельность. Перед ним стоял обширный ряд важных задач. Так как контрразведка Афганистана находилась ещё на стадии становления и не имела в

своих рядах опытных офицеров, то 3-й отдел взял на себя помощь в обучении и проведении контрразведывательных операций. Примером просчета афганской контрразведки можно назвать мятеж в Герате 1979 г., когда некоторые части 17-й пехотной дивизии перешли на сторону оппозиции[658]. Чтобы не допустить повтора подобных событий, требовались активные действия по пресечению мятежей и организации поддержки правительству со стороны общества.

Помимо создания, можно сказать с нуля, эффективной контрразведки в Афганистане, сотрудникам 3-го отдела предстояло научить её вести эффективную борьбу с вооруженными отрядами оппозиции, располагавшимися зачастую рядом с воинскими частями. Однако в СССР, уже в период перестройки, деятельность советников стали подвергать критике за то, что афганцы, якобы, слепо перенимали опыт СССР[659]. Конечно, слепое копирование, особенно в военной сфере, не всегда является правильным шагом. Однако ситуация в Афганистане имела свои особенности. Во-первых, как уже было сказано, афганская контрразведка находилась на стадии зарождения, что не давало ей возможность критически относиться к передаваемому опыту и осознавать, что подходит конкретно Афганистану, а что нет. Во-вторых, ситуация в стране была настолько нестабильной, что требовались меры по немедленной нормализации обстановки.

К сожалению, нельзя не признать тот факт, что не только контрразведка Афганистана работала на низком уровне, но даже вся армия в целом. В её рядах то и дело фиксировались факты дезертирства и трусости. В такой ситуации 3-й отдел должен был действовать сдержанно и продуманно, чтобы не сеять хаос в рядах армии.

С целью успешного противодействия вылазкам оппозиции и скорейшего обучения служащих афганской армии 11 июля 1980 г. председатель КГБ подписал указ о направлении в Афганистан специально обученных сотрудников, которые являлись слушателями Курсов усовершенствования офицерского состава (КУОС). Первым, кто возглавил отряд «Каскад», был полковник, а впоследствии генерал-майор А.И. Лазаренко[660].

Задача отряда заключалась в оказании практической помощи военнослужащим армии ДРА в деле противодействия контрразведке противника. СССР сам был заинтересован в том, чтобы на его южных границах не возникали очаги конфликта. Сотрудников отряда звали «каскадерами» не только за созвучие с названием их отряда, но и за степень опасности, которая их сопровождала при выполнении операций. «Каскад» имел

достаточно широкий спектр задач. Например, в ведение отряда входило осуществление как крупных операций, так и рейдов по тылам противников, поиск сведений и отслеживание перемещений оппозиционных групп. Надлежало просчитать, каким путем будет провести операции по обезвреживанию банд, организовывавших массовые беспорядки и/или транспортировку оружия караванами. Всё это необходимо было учитывать и по возможности перерезать пути сообщения оппозиционеров и их «спонсоров». Отряд «Каскад» находился в Афганистане с 1980 г. по 1984 г.

Также в Афганистане базировался отряд «Омега», который собирал информацию о противнике, проводил операции по ликвидации вооруженных группировок, предоставлял координаты для нанесения авиаударов. Взаимодействие специальных отрядов было хорошо скоординировано и слажено, во многом сыграл роль тот фактор, что на службу выбирались исключительно профессионалы, хорошо подготовленные во всех отношениях.

Важную роль в обеспечении безопасности советских войск в Афганистане в 1979–1989 гг. играл Особый отдел КГБ СССР по 40-й армии. Деятельность контрразведчиков заключалась в оперативном реагировании на сложные обстоятельства, объективная оценка военно-политического положения и оперативной обстановки. Немаловажно было учитывать специфику страны и положения внутри неё, чтобы действовать как можно скорее самостоятельно и по обстановке. Первым начальником Особого отдела КГБ СССР по 40-й армии был назначен полковник С. И. Божков.

Проведение контрразведывательных операций усложнялось не только действиями со стороны афганской оппозиции, но и иностранных спецслужб. Так, за деятельностью советских контрразведчиков следили спецслужбы Пакистана, Ирана и даже США. Ситуация в стране развивалась очень быстро, события сменяли друг друга с огромной скоростью, часто прослеживалась связь подрывных операций афганской оппозиции и акций иностранных спецслужб. В таких сложных условиях советским контрразведчикам надлежало действовать почти с чистого листа, зачастую не имея возможности предугадать быстро меняющиеся события в напряженной обстановке.

Военными контрразведчиками уделялось внимание настроениям военнослужащих, состоянию дисциплины в войсках, так как различного рода негативные процессы могли отрицательно влиять на боеспособность и боеготовность частей и подразделений 40-й армии.

Эффективность совместных действий советских и афганских

контрразведчиков ярко продемонстрирована в следующих цифрах. Уже в 1982 г. благодаря совместной работе было выявлено 110 главарей и активных участников бандформирований, 38 террористов и 12 диверсантов, прошедших подготовку в Пакистане. На основе полученной от них информации было разгромлено 50 «исламских комитетов», получены важные документы, представлявшие оперативный интерес. Столь значительные успехи свидетельствуют о налаживании эффективной совместной работы и правильной тактике, разработанной советской контрразведкой.

Важное место в работе афганской и советской контрразведок занимало противодействие идеологической пропаганде противника. Как известно, находясь на чужой территории, в непривычной культурной среде и в напряженной военной обстановке, психологическое состояние бойцов может быть дестабилизировано. Чтобы не допустить перехода афганских военнослужащих на сторону вооруженной оппозиции, пресечь дезертирство, велось активное наблюдение за «настроениями» внутри армии. Переход даже малого количества людей на сторону противника мог иметь самые неблагоприятные последствия: передача оружия или раскрытие секретных операций противникам центральной власти.

Как известно, на территории Афганистана орудовали не только агенты оппозиционных группировок, но и иностранных спецслужб. Последние предоставляли особую угрозу, поэтому необходимо было пресекать их деятельность. Для этого 24 октября 1985 г. в Особом отделе КГБ СССР по 40-й армии была сформирована группа радиоконтрразведки в составе 16 человек. Она вела активную и успешную деятельность по поиску радиостанций противника. Благодаря службе радиоконтрразведки, в 1988 г. были выявлены и арестованы два агента ЦРУ США и Разведывательного управления Министерства обороны США.

В апреле 1988 года в Женеве были подписаны соглашения об урегулировании политических отношений между Пакистаном и Афганистаном, а также согласован график постепенного вывода советского военного контингента из Афганистана.

15 мая 1988 году начался первый этап вывода советских войск, одновременно с этим численность Представительства КГБ СССР тоже сокращалась. В связи изменениями в оперативной обстановке необходимо было менять тактику оказания помощи афганской контрразведке. Некогда широкая инфраструктура Представительства была существенно сокращена. В течение 1988 г. Афганистан покинуло 400 военнослужащих и около 20

человек гражданского персонала из состава Представительства КГБ СССР.

Безопасность вывода советских войск обеспечивал Особый отдел КГБ СССР по 40-й армии под руководством генерал-майора В. С. Черемикина[661]. С этой целью были специально созданы оперативные группы из числа сотрудников особых отделов.

Нельзя не упомянуть ту доблесть и героизм, которые были проявлены советскими офицерами на службе в Афганистане. Естественно, работа контрразведчика подразумевает под собой постоянный риск и готовность действовать в сложных и напряженных ситуациях. Многие сотрудники военной контрразведки проявляли героизм в период выполнения задач в Афганистане. Так, звание Героя Советского Союза присвоено сотруднику Особого отдела КГБ по 40-й армии капитану Б.И. Соколову. Осуществляя оперативное обслуживание разведывательного батальона 108-й мотострелковой дивизии, он принял участие в 47 боевых операциях, общей продолжительностью 269 суток[662]. Благодаря успешным действиям капитана Соколова, например, во время операции в провинции Кабула советские подразделения разгромили вооруженные отряды противника.

Умелые действия капитана Соколова — не единственный пример доблести и отваги советских офицеров. Так, 25 октября 1981 г. капитан С.В. Григорьев продолжал вести огонь по противнику, даже будучи уже смертельно раненым, а капитан А.Н. Крамаренко погиб в 1985 г., спасая раненого солдата[663].

Каждый сотрудник Особого отдела по 40-й армии выполнял свою работу с самоотдачей и профессионализмом. Об этом свидетельствуют успешные результаты многих контрразведывательных операций.

Подводя итог деятельности КГБ СССР в Афганистане, хочется подчеркнуть, что условия, в которых приходилось действовать, были очень тяжелыми. Сотрудники Представительства КГБ СССР, бойцы специальных отрядов и групп проявляли стойкость не только физическую, но и моральную. Для проведения успешной работы не просто в чужой стране, а на территории с совершенно другими традициями и культурой, нужно было обладать специальными знаниями не только в области разведки и контрразведки, но и понимать специфику региона, разбираться в тонкостях ислама, нравов, менталитета и обычаев афганского общества. Сложная и неспокойная обстановка также усугублялась присутствием иностранных агентов в Афганистане. Они проводили активную подрывную работу, противодействовать которой могли только профессионалы из спецслужб.

Одним из важнейших результатов работы структур КГБ СССР в Афганистане стала подготовка местных кадров для афганских спецслужб, которая проводилась не только в Кабуле, но и в ряде городов Советского Союза. Лишь только в 80-х гг. прошлого века такую подготовку прошли около 30 тысяч сотрудников и военнослужащих органов безопасности Афганистана.

Благодаря помощи советских коллег руководство Афганистана признавало, что национальные разведка и контрразведка были наиболее организованной и целеустремленной частью государственного аппарата республики, и стали надежным инструментом правительства в борьбе с вооруженными отрядами оппозиции.

Тысячи представителей советских спецслужб прошли в Афганистане хорошую, можно сказать, уникальную школу. За годы советского военного присутствия был наработан бесценный опыт, который, наверняка, так или иначе, мог использоваться советскими, а затем и российскими разведчиками в других концах земного шара.

Факт проявления героизма, отваги, профессионализма работников специального назначения — однозначно бесспорен, в отличие, возможно, от самого решения о необходимости введения советских войск в Афганистан. Однако, принимая такое решение, Москва, с одной стороны, преследовала свои геополитические и стратегические цели, защищая подход к южным рубежам СССР, а с другой — не могла не откликнуться на зов о помощи государства, которое являлось дружественным. Ведь не стоит забывать, что Афганистан стал первым среди всех государств, кто еще в начале 1919 г. признал на дипломатическом уровне Советский Союз. Этот факт тоже сыграл немаловажную роль в решении руководства СССР помочь афганскому руководству.

При всей сложности и противоречивости обстановки в стране Представительствам КГБ СССР в Афганистане удалось не только выполнить вою задачу, но и внести позитивный вклад в строительство новой афганской армии. Она получила ценные уроки по способу проведения операций, сбору секретной информации и противодействию вооруженным оппозиционным группировкам[664]. Такие результаты объяснялись тем, что в Специальные подразделения КГБ СССР принимались профессионалы, которые были хорошо обучены и, как следствие, смогли быстро адаптироваться к обстановке и наладить контакты с афганскими органами безопасности.

Деятельность КГБ СССР в Афганистане обеспечила успешное создание новых для Афганистана структур органов безопасности, тем самым сохранив многие человеческие жизни в этой стране.

Офицерам КГБ, благодаря профессиональным и мужественным действиям, удалось также снизить и потери среди военнослужащих советских войск. Возможно, что потери могли быть не столь большими, если бы присутствие советских войск в Афганистане длилось бы не столь долго. Но история не терпит сослагательного наклонения, поэтому единственное, чего не стоит делать — так это забывать опыт прошлого.

Е.А. Макаров, В.В. Попов
г. Москва

Применение подразделений специального назначения КГБ СССР «Каскад» в Афганистане (1980–1983 гг.)

Рассматривая деятельность подразделений специального назначения КГБ СССР на территории Афганистана в 1980–1983 гг., прежде всего, целесообразно отметить, что они являлись составной частью системы обеспечения государственной безопасности Советского государства и предназначались для решения специальных задач. На протяжении всего исследуемого периода пребывания советских войск на афганской территории видоизменялись вызовы и угрозы государственной безопасности СССР, наполнялись новым содержанием задачи, решаемые подразделениями спецназначения КГБ СССР, совершенствовалась их количественно-качественная характеристика, организационная структура, формы и способы действий.

События, предшествующие вводу частей Ограниченного контингента советских войск в Афганистан, произошли 27 декабря 1979 г. и ныне известны как специальные операции «Шторм-333» и «Байкал-79». В частности, штурм дворца Тадж-Бек, при поддержке спецназа ГРУ, был возложен на спецгруппы КГБ СССР «Гром» и «Зенит», сформированные для решения конкретных задач. Эти уникальные операции детально освещены в различных источниках, ход их действий поминутно разобран экспертами. Они давно вошли в историю отечественных и мировых спецслужб.

Вместе с тем, деятельность других подразделений специального назначения КГБ СССР, в частности отрядов «Каскад», в период выполнения задач на афганской земле до сих пор практически не изучена и малоизвестна не только широкому кругу, но зачастую и специалистам-исследователям. В первую очередь это связано со спецификой выполняемых ими задач за пределами Советского Союза. Однако отдельные участники, причастные к тем давним событиям, опубликовали свои воспоминания и делятся опытом на межведомственных конференциях и семинарах.

На сегодняшний день можно констатировать, что пришло время обобщения исторического опыта деятельности отрядов «Каскад», извлечения уроков из их богатой оперативно-боевой практики. С учетом закрытого характера таких сведений, полноценные научные исследования о применении подразделений специального назначения КГБ СССР на территории Афганистана еще ждут своего часа. Между тем, возможности для анализа и изучения отдельных аспектов деятельности подразделений специального назначения «Каскад», основываясь только на открытых источниках, имеются уже сейчас

Политическая и оперативная обстановка в мире в разные периоды требовала от руководства государства нетрадиционных путей решения сложнейших задач, которые, как правило, возлагались на подразделения специального назначения. В 1955 г. был создан Спецотдел Первого главного управления КГБ СССР. При этом отделе функционировала Отдельная бригада особого назначения (ОБОН), продолжившая традиции славного боевого спецназа НКВД времен Великой Отечественной войны — Отдельной мотострелковой бригады особого назначения (ОМСБОН), входившей в Четвертое (партизанское) управление НКВД СССР, руководил которым легендарный генерал П.А. Судоплатов.

Как отмечают историки и ветераны отечественных спецслужб, концепция деятельности ОБОН как подразделения специального назначения КГБ СССР вытекала из оценки внешней опасности для страны. Она имела полигоны на всех географических широтах Советского Союза, а также располагала своим центром подготовки — КУОС, которые были созданы решением руководства КГБ в 1969 г. КУОС входили в состав Высшей школы КГБ СССР, но находились в оперативном подчинении разведки. Основной задачей КУОС была подготовка оперативных сотрудников для действий в составе оперативно-боевых групп на территории противника в особый (угрожаемый) период или в его глубоком тылу с началом боевых действий. Отряды «Каскад» формировались из числа сотрудников специального резерва ОБОН.

В полном объеме проводилась горная, парашютно-десантная и специальная подготовки. На деле проверялись умения и навыки. Сколачивались группы. Для обучения привлекались самые квалифицированные кадры Комитета госбезопасности и Министерства обороны. Готовился к действиям спецназ КГБ, способный осуществлять оперативно-боевые операции в любой точке земного шара[665].

Такие операции могли носить комплексный, самый

разнообразный характер и предусматривать реализацию поставленных задач в различных условиях обстановки. В этом основное отличие отрядов «Каскад», как подразделений спецназа от других специальных подразделений, нацеленных на выполнение однородных задач, таких, например, как нейтрализация террористов на объектах, уничтожение отдельных лиц и т. д.

Совершенно очевидно, что вести борьбу с вооруженными оппозиционными формированиями противника, организованными в террористические и бандгруппы, а также представителями его спецслужб и диверсантами, обычными, общевойсковыми способами, силами регулярных частей и подразделений не только неэффективно, но и бессмысленно.

Для выполнения специальных задач в особый период, за пределами СССР, а именно на территории Афганистана, в соответствии с Постановлением ЦК КПСС и СМ СССР, летом 1980 г. был создан отряд особого назначения «Каскад». Отряду было предписано к 15 августа 1980 г. передислоцироваться из центра подготовки в Балашихе и начать действовать в Афганистане. Задачей «Каскада» было оказание практической помощи афганским друзьям в организации борьбы с бандформированиями и контрреволюционным подпольем[666].

Отряд имел двойственное подчинение — Центру и на месте — Представительству КГБ в Афганистане. В этом подразделении были собраны сотрудники территориальных органов безопасности с опытом агентурно-оперативной работы, прошедшие в большинстве своем обучение на КУОС. Действовали в мобильных, достаточно независимых от Центра группах, которые представляли серьезную силу со значительным оперативно-боевым эффектом. Сила отрядов «Каскад» заключалась, помимо всего прочего, и в том, что в организации боевых действий и тактике был аккумулирован мировой опыт ведения так называемых малых войн, в том числе партизанских и контрпартизанских.

Всего, с июля 1980 г. по апрель 1983 г. в Афганистане действовало четыре отряда «Каскад»: «Каскад-1» (6 месяцев), «Каскад-2» (6 месяцев), «Каскад-3» (9 месяцев), «Каскад-4» (1 год). В первый отряд «Каскад», который возглавил полковник, а впоследствии генерал-майор А.И.Лазаренко (командир отрядов «Каскад-1,2,3»), вошло около тысячи человек. «Каскад-4» возглавил полковник Е.А. Савинцев. В отдельные периоды до 70 % территорий, находившихся в зонах ответственности команд «Каскада» были под контролем бандформирований[667].

Структурно отряд состоял из управления, штаба и восьми

боевых спецгрупп, которые располагались в восьми крупнейших административно-территориальных центрах Афганистана — «Урал» (дислокация Кабул), «Кавказ» (дислокация Кандагар), «Карпаты» (дислокация Герат), «Карпаты-1» (дислокация Шинданд), «Тибет» (дислокация Джелалабад), «Север -1» (дислокация Мазари-Шариф), «Север-2» (дислокация Кундуз) и «Алтай» (дислокация Газни)[668].

Первые три «Каскада» помогли руководству Афганистана сформировать национальные органы безопасности (ХАД), главным образом одну из их структур — знаменитое 5-е управление, занимавшееся непосредственно антитеррористической деятельностью.

В 1981 г. формируется профессиональное кадровое оперативно-боевое подразделение Группа специального назначения «Вымпел», ядро которого составили сотрудники отрядов «Каскад». Уже в апреле 1982 г. «Вымпел» направил в Афганистан свое кадровое подразделение «Каскад-4» в составе 128 человек. Его командиром был назначен Е.А. Савинцев, заместитель начальника «Вымпела», один из тех, кто стоял у истоков его создания, потребовавшего огромной организационной работы. Он являлся участником борьбы с бандформированиями украинских националистов после окончания Великой Отечественной войны, служил под руководством знаменитого генерала П. А. Судоплатова, имел большой опыт разведки за рубежом.

Главной задачей «Каскада-4» было «оказание помощи руководству афганских партнеров и ХАД в выявлении и пресечении подрывной деятельности контрреволюционного подполья, бандформирований и террористических групп в становлении и укреплении национальных органов безопасности».

За спиной у «Каскадов» была деятельность созданных при их участии афганских подразделений в боевых операциях, спланированные с помощью советников локальные акции по бандгруппам, базам и складам душманов, подготовка и осуществление специальных мероприятий, кропотливая работа по склонению вооруженных формирований противника к прекращению борьбы. Особенно нельзя было обойтись без советников при организации работы на контролируемой противником территории при проведении оперативных мероприятий на коммуникациях по перекрытию путей доставки оружия, при планировании и осуществлении акций по проникновению в бандформирования и инспирированию боестолкновений между ними. Трудно переоценить оперативно-боевой кругозор и соответствующие знания, умения и навыки

людей, вырабатывавших эффективные формы и способы несения службы в условиях военной действительности.

Основными задачами «Каскада», которые поставил его командиру начальник внешней разведки КГБ В.А. Крючков, были:

— оказание помощи в создании органов безопасности на местах;

— организация агентурно-оперативной работы против бандформирований;

— организация и проведение специальных мероприятий против наиболее агрессивных противников афганского народного режима и СССР[669].

Деятельность оперативно-боевых групп «Каскада» носила ярко выраженный разведывательный характер с элементами боевого применения. Она не предполагала прямого участия в боевых действиях общевойсковыми способами и в первую очередь была нацелена на добывание оперативно значимой информации. Такая информация касалась, в первую очередь, сведений о противнике и его планах, угрожавших жизни и безопасности советских и афганских военнослужащих, гражданских специалистов. Ее реализация происходила по-разному: обычно силами частей и подразделений 40-й армии или во взаимодействии с отрядами спецназначения ГРУ Генштаба Вооруженных сил.

По свидетельству очевидцев, это было обычной рутинной работой. Но что это была за «рутина» — ночные засады, поездки за много километров в зоны, контролируемые мятежниками, для встреч с «ходоками-информаторами», беседы с бандитскими главарями, многие из которых готовы были учинить кровавую расправу с нежелательными гостями, а затем переходили «на сторону правительства»[670].

В такой обстановке, в числе прочих, «Каскаду» была дополнительно поставлена задача обеспечить советское командование точными сведениями о готовящихся диверсиях и терактах, вскрывать места расположения замаскированных баз и складов с оружием и взрывчатыми веществами. Примером может служить информация, полученная одним из сотрудников «Каскада» о крупном подпольном складе взрывчатки. Склад находился в одном из домов кишлака, контролируемого душманами. На основе полученных сведений военное командование приняло решение — уничтожить склад с воздуха и с непременным условием: чтобы не пострадал ни один соседний дом, где жили мирные крестьяне.

Обеспечить максимальную точность нанесения бомбового удара мог только разведчик, непосредственно отвечающий за

достоверность полученной информации, поэтому он без колебаний взялся вести звено вертолетов на объект. На предельно малой высоте, с повторной атаки, точечным ударом склад был уничтожен. В это время по ведущему вертолету, в котором находился сотрудник «Каскада», ударила очередь из ДШК. Были перебиты рулевые тяги, и лишившийся управления вертолет, беспорядочно вращаясь, стал падать. Может быть, пилоту и удалось бы посадить машину, но от попадания ракет сдетонировали тонны взрывчатки, которыми был набит атакованный склад. Огненный смерч охватил искалеченный вертолет, машина вспыхнула как факел и рухнула в пламя. Из экипажа не спасся никто. Они погибли вместе: два офицера-вертолетчика и чекист-разведчик[671].

В целом, сущность деятельности бандгрупп в Афганистане можно охарактеризовать как «тактику вооруженных формирований диверсионно-повстанческого типа», которая предполагает быстрые и маневренные действия вооруженными группами небольшой численности на известной им местности. Эти группы способные организовывать засады, налеты, устраивать диверсионно-террористические акции, зачастую прибегая к помощи или используя возможности местного населения. Что, в свою очередь создает определенные трудности для нейтрализации банд и требует особого подхода для борьбы с формированиями подобного рода.

Прежде всего, для реализации информации ее необходимо было получать. По воспоминаниям участников операций, командир «Каскада» А.И. Лазаренко сам стремился и других «школил» в том плане, чтобы не выдавать в свет где-то подхваченные или кем-то услышанные сведения, которые требовал до тех пор считать слухами, пока они не подтвердятся из двух или трех источников. Когда поступали сведения о точной дислокации бандформирований и их можно было выносить на реализацию через авиа- или артудар, Лазаренко все же не спешил. Его штабисты срочно связывались с ВВС 40-й армии и просили сделать аэрофотосъемку интересующего участка местности. Александр Иванович скрупулезно изучал результаты аэрофотосъемки, сравнивал их с имеющимися сведениями, анализировал оперативные сводки афганских партнеров — и все это для того, чтобы на координационном совете доложить «правду», к которой вскоре направятся «сушки» или «вертушки». От 0 до 482 источников информации — таков путь оперативников «Каскада»[672].

1. Ветеран спецподразделения «Каскад» С. Смирнов вспоминал: «Каскад» был уникален тем, что как боевое

подразделение больше всего соответствовал условиям ведения боев в Афганистане — моджахеды практиковали тактику диверсионных вылазок, и советский оперативно-разведывательный боевой отряд был подготовлен для действий именно в таких предлагаемых обстоятельствах. Сотрудники отряда быстро осваивались на новом месте и в короткие сроки могли, сообразуясь с обстановкой, информировать не только о прошедших событиях, но и дать уверенные прогнозы о развитии оперативной ситуации.

2. В «Каскаде» особое внимание уделяли агентурной работе, и каждый офицер мог добыть, обработать и передать полученную информацию — спецназовцы были универсалами. У сотрудников «Каскада» имелось еще одно отличие от других подразделений, которое впоследствии переняли остальные спецназовцы, — они внешне старались не выделяться по статусу — называли друг друга по именам, на форме не существовало знаков различия и ничего блестящего — чтобы не привлекать внимание снайперов противника.

3. Первой серьезной операцией с использованием агентов, внедрявшихся в среду моджахедов, для «Каскада» стала акция, поводом для которой послужила преступная халатность часового при охране авиабазы Кандагар. Военнослужащий срочной службы тогда по ошибке открыл неприцельный огонь по мнимому нарушителю, и автоматная очередь угодила в авиабомбу, подвешенную к штурмовику. От взрыва пострадало до десятка единиц советской и афганской боевой техники.

4. Сотрудники «Каскада» решили использовать это чрезвычайное происшествие в своих целях — через соответствующие возможности были запущены слухи об уничтожении вертолетов и самолетов душманами. Моджахеды поверили и начали поиски тех, кто это сделал. Спецназовцы с помощью своих агентов устанавливали явки душманов, получали важную информацию об их планах. Таким образом «Каскаду» удалось выяснить, что моджахеды намереваются устроить теракт — взорвать бомбу в консульстве Индии, когда туда должен был приехать генеральный секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев. Кроме того, были выявлены пособники душманов, проникших в охрану Б. Кармаля с целью его устранения (экстремистов уничтожили).

5. Спецназовцами эффективно велась психологическая война, в результате которой удавалось ликвидировать не только лидеров бандформирований, но и сами отряды моджахедов. Таким образом был уничтожен один из самых жестоких полевых командиров М. Рахим и его отряд.

6. Это сделали сами же душманы, которых агенты «Каскада»

снабдили нужной информацией. Было распущено три вида слухов разного толка: Рахим — бездарный главарь, воюет не во имя Аллаха; он старается, но пока не слишком получается — теряет в боях с шурави слишком много бойцов; его уважают как истового мусульманина, несмотря на то, что недавно большую часть отряда Рахима шурави уничтожили. В итоге отряд М. Рахима перебили группы других моджахедов, а самого главаря убили родные тех, кто погиб, воюя под его началом.

Вместе с тем необходимо отметить, что сотрудникам «Каскада» приходилось играть ключевую роль и в боевых действиях. Так, 7 июня 1982 г. большое бандформирование душманов предприняло попытку взятия крупного административного центра — Кандагара. Советские и афганские войсковые подразделения были в это время далеко от города, и ближайшей к месту событий боевой единицей оказалась команда «Каскада-4».

Как потом отмечало афганское руководство в своем рапорте с просьбой наградить участников боя — «был предотвращен захват административных зданий, ликвидация партактива и органов народной власти». Сотрудники «Каскада» заслонили собой своих афганских товарищей по оружию. Результаты боя: потери противника — 45 убитых и 26 раненых; потери с советской стороны — 1 убит и 12 ранено[673].

Успешно справившись с заданием, «Каскад-4» в апреле 1983 г. возвратился на Родину, а эстафету у него принял отряд «Омега». При подготовке ее бойцов был учтен положительный и отрицательный опыт оперативно-боевых действий в Афганистане. Команды «Омеги» возглавили опытные офицеры, уже побывавшие ранее в «Зените» или «Каскаде». В отличие от предыдущих отрядов, «Омеге» предписывалось сделать акцент на советническо — инструкторскую деятельность в подразделениях ХАД, ведущих борьбу с банддвижением.

Таким образом, необходимо отметить следующие ключевые моменты в период выполнения задач подразделениями специального назначения «Каскад» в Афганистане:

во-первых, анализ опыта деятельности отрядов «Каскад» продемонстрировал эффективность подхода их оперативно-боевого применения на территории иностранного государства, охваченного гражданской войной;

во-вторых, указанный опыт являлся продолжением развития теоретических и практических взглядов борьбы с диверсионно-террористическими формированиями в 1940–1950-х гг., что свидетельствует о преемственности и развитии традиций оперативно-боевого применения подразделений специального

назначения в органах безопасности;

в-третьих, в специфических условиях отряды «Каскад» успешно выполнили свою главную задачу — регулярное обеспечение руководства разведывательной и оперативной информацией о противнике. Комплексные действия по реализации мероприятий, направленных на нейтрализацию деятельности формирований вооруженной оппозиции, способствовали достижению целей, поставленных военным и политическим руководством СССР, внесли значимый вклад в обеспечение государственной безопасности.

В завершение необходимо отметить, что в целом, в настоящее время остро стоит проблема недостаточной изученности отдельных вопросов деятельности подразделений специального назначения органов государственной безопасности, в том числе и при выполнении задач на территории Афганистана. С учетом закрытого характера сведений о формах, способах, методах их применения для обобщения исторического опыта и извлечения уроков, полноценные научные исследования еще ждут своего часа.

О.М. Хлобустов
г. Москва

От КУОС КГБ СССР до управления «В» Центра специального назначения ФСБ России

19 марта 1969 г. совершенно секретным решением Совета министров СССР при Высшей Краснознаменной школе им. Ф.Э. Дзержинского были образованы Курсы усовершенствования офицерского состава, ставшие первым спецподразделением КГБ СССР.

Инициатором создания этих курсов, а также их непосредственным куратором, отвечавшим как за подбор слушателей, так и за организацию обучения, первоначально являлся отдел «В» Первого главного управления (ПГУ) КГБ, а после его реорганизации в сентябре 1970 г. — 8-й отдел управления «С» (нелегальная разведка) ПГУ. Целью деятельности КУОС являлась подготовка спецрезерва «разведчиков особого назначения», то есть, командиров разведывательно-диверсионных групп для действий на территории противника в угрожаемый период и во время войны.

В порядке эксперимента, для решения этой задачи в 1966–1968 гг. в районе подмосковного поселка Голицыно были организованы пятимесячные курсы при факультете № 1 ВКШ КГБ (всего было осуществлено четыре выпуска слушателей этого спецкурса). Первым и единственным начальником этого спецкурса был назначен полковник Х. И. Болотов.

Разработкой квалификационных характеристик выпускников курсов и чтением лекций по агентурной работе в военное время в 1966–1970 гг. занимался полковник, впоследствии генерал-майор В. М. Владимиров, затем (в 1971–1976 гг.) полковник Н. П. Гусев[674].

Местом дислокации КУОС в 1969 г. был определен учебный объект ВКШ в Балашихе: ранее, с 1938 г. здесь размещалась Школа особого назначения (ШОН) НКВД, предшественница Краснознаменного института КГБ. Начальником КУОСа был назначен участник Великой Отечественной войны доцент кафедры ОТП ВКШ полковник Г. И. Бояринов.

Организация учебного процесса на КУОС занялись сотрудники кафедры оперативно-тактической подготовки (ОТП)

ВКШ И.И. Москвичев, Х.И. Болотов, А.И. Цветков, Л.И. Корольков, С.С. Конокотов, В.П. Майский, В.П. Рябов, А.А. Говоров, а также сотрудники ПГУ В.М. Владимиров, А.Н. Ботян.

В учебном процессе закономерно было решено опираться как на отечественный, так и на зарубежный опыт подготовки и тактики деятельности специальных подразделений. В этой связи для преподавания на курсах был приглашен полковник в отставке И. Г. Старинов[675]. Для консультаций по содержанию и организации обучения негласно привлекался бывший начальник 4-го управления НКВД генерал-лейтенант П.А. Судоплатов.

Всего обучение на курсах обеспечивали 36 преподавателей и 17 инструкторов. Причем, сами преподаватели делали все, чему учили своих слушателей: основатели КУОС с самого начала рассматривали курсы не только как учебный центр, но и как подразделение специального назначения. Недаром некоторые остряки расшифровывали название КУОС как «команда универсального офицерского спецназа».

Программа обучения была рассчитана на семь месяцев и включала комплекс дисциплин, нацеленных на подготовку командира разведывательно-диверсионной группы. Первоначально занятия со слушателями вели преподаватели разных кафедр Высшей школы, а позже, с учетом специфики преподавания на курсах, была образована специальная кафедра № 20 ВКШ КГБ.

Как вспоминал выпускник КУОС 1975 г. В.И. Суродин, «Уникальность КУОС заключалась в том, что это не был очередной учебный центр по подготовке боевиков спецназа, умеющих стрелять, взрывать, бегать и прыгать, но это была кафедра специальных дисциплин, где обучали не инструкторы, а профессорско-преподавательский состав, имеющий ученые степени и звания. Преподаватели (и это слушатели ощущали на себе) постоянно работали над повышением качества своего учебного предмета и того же требовали от своих слушателей. Наряду с обучением на Курсах велась серьезная научно-исследовательская работа. Был подготовлен ряд научных работ по исторической тематике и в области специальных знаний. Каждый слушатель выполнял курсовую работу, в том числе и экспериментального характера. Делались переводы иностранных пособий, мемуаров силами самих слушателей»[676].

Ежегодно подготовку на курсах проходили около 60 офицеров. На учебу отбирались только положительно зарекомендовавшие себя на оперативной работе сотрудники территориальных органов КГБ со знанием иностранных языков и хорошей физической подготовкой, назначенные в специальный

резерв на особый период. После прохождения курса обучения, слушатели возвращались к прежним местам службы с зачислением в спецрезерв ПГУ[677].

С 1970 г. представителем управления «С» на курсах стал капитан 2 ранга Э.Г. Козлов[678]. Данное назначение стало поворотным пунктом в его судьбе: за годы работы на КУОСе он глубоко изучил как организацию обучения на курсах, методику подготовки спецназовцев, так и тактику действий спецподразделений иностранных государств.

В июне 1979 г. руководством КГБ принимается решение о формировании из очередного набора курсантов и сотрудников КУОС внеструктурного подразделения — спецотряда «Зенит», и уже 5 июля группа из 40 выпускников и сотрудников КУОС отбыла в Кабул (большинство ее участников вернулось в Москву в сентябре).

В связи с принятием 12 декабря 1979 г. советским руководством решения о проведении упреждающей спецоперации, в Кабул вновь были отправлены около 100 выпускников и слушателей КУОС под руководством Г.И. Бояринова и Э.Г. Козлова.

Разработку плана и подготовку операции возглавил лично начальник управления «С» ПГУ Ю.И. Дроздов. Одна из групп «Зенита» в количестве 30 бойцов под командованием Я. Ф. Семенова должна была взять штурмом объект «Дуб» — резиденцию премьер-министра Афганистана Х. Амина дворец Тадж-Бек, имевший глубокоэшелонированную систему обороны. Для выполнения боевой задачи ей придавались группа «Гром» (22 бойца группы «А» КГБ во главе с майором М.М. Романовым).

Операция продолжалась 43 минуты. Из 52 пошедших на штурм бойцов «Зенита» и «Грома», на второй этаж смогли прорваться только шестеро, в том числе и Э.Г. Козлов. В бою погибли полковник Г.И. Бояринов и еще два бойца группы «А», почти все остальные участники операции получили ранения.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 апреля 1980 г. № 1977 «за успешное выполнение задания по оказанию интернациональной помощи ДРА и проявленные при этом мужество и героизм» звание Героя Советского Союза было присвоено капитану В.Ф. Карпухину, капитану 3 ранга Э.Г. Козлову и полковнику Г.И. Бояринову (посмертно).

В 1980 г., после излечения ранения, полученного в Кабуле, Э.Г. Козлов назначается начальником КУОС.

25 июля 1981 г. с учетом действий спецотрядов КГБ «Зенит» и «Гром» в Афганистане, по инициативе председателя КГБ СССР было принято секретное постановление ЦК КПСС и Совета

министров СССР о создании подразделения «специального назначения для проведения операций за пределами СССР». 19 августа 1981 г. Председатель КГБ СССР Ю.В. Андропов подписал приказ об образовании и Положение об Отдельном учебном центре (ОУЦ) КГБ СССР — так была зашифрована группа спецназначения ПГУ «Вымпел» в приказе о ее формировании. В тот же день начальником ОУЦ КГБ был назначен Э.Г. Козлов.

Инициатором и непосредственным куратором этого подразделения стал начальник управления «С» ПГУ КГБ СССР Ю.И. Дроздов, который готовил для руководящих инстанций все необходимые документы по его созданию. В этой связи в 1982 г. КУОС, ставший структурным элементом ОУЦ, был передан в подчинение Краснознаменному институту КГБ СССР. В 1981–1983 гг. КУОС возглавлял полковник П.Н. Нищев, а в 1983–1992 гг. — полковник С.А. Голов. Заместителем начальника ОУЦ — «Вымпел» был назначен Е. А. Савинцев[679], разведчик-нелегал, имевший опыт работы в ФРГ. Ему были поручены вопросы оборудования ученой базы, а также зачисления, размещения, экипировки новых сотрудников подразделения. Местом дислокации ОУЦ — группы «Вымпел» осталась база КУОС в Балашихе.

Оперативно-боевой отдел ОУЦ, костяк спецподразделения, состоял из 82 сотрудников, а всего общая численность подразделения планировалась в 1500 сотрудников, но она не была достигнута к 1991 г.[680]

Кандидаты на зачисление в группу «Вымпел» на основании специальных тестовых методик отбирались из числа выпускников КУОС, сотрудников «Альфы», военнослужащих пограничных войск и ВДВ, сотрудников территориальных органов КГБ. Основными критериями отбора в группу были профессионализм, патриотизм, надежность.

В процессе обучения зачисленных сотрудников особое внимание обращалось воспитанию работоспособного коллектива, уверенности в боевых товарищах, способных и готовых выполнить любые задачи, объединенных принципами чести, порядочности, преданности Родине.

Напряженная боевая подготовка началась сразу после комплектования подразделения. Ее задачей, как ее сформулировал Ю.И. Дроздов, являлась подготовка разведчика специального назначения. Подготовка сотрудников включала изучение иностранных языков и страноведения, специальных оперативных дисциплин, овладение всеми видами отечественного и зарубежного оружия, установку и преодоление минно-взрывных заграждений, специальную физическую, тактико-специальную,

горную и парашютную подготовку.

Непосредственно обучение в ОУЦ включало теоретические занятия и тренировки индивидуальные и в составе подразделения, не только на учебно-тренировочных базах, но и «на земле», в условиях максимально приближенных к боевым. Так, в 1984 г. были проведены первые комплексные учения «Неман» — в них «играли» как бойцы «Вымпела», так и региональные подразделения КГБ Белорусской ССР, в ходе которых был «условно выведен из строя» крупный железнодорожный узел, а также уничтожен нефтеперегонный комбинат, на его территории которого было условно «заложено более 20 мин». В ходе аналогичных учений годом позже сотрудниками «Вымпела» было «условно захвачено» руководство КГБ одной из союзных республик.

И хотя подготовка личного состава первого оперативно-боевого отдела завершилось к концу 1982 г., с учетом реальной оперативной обстановки, уже в апреле того же года Е.А. Савинцев был командирован в ДРА, где возглавил сводный спецотряд КГБ «Каскад–4», сформированный из выпускников КУОС и сотрудников ОУЦ — «Вымпел». Тогда же был сформирован специальный учебный центр по Афганистану («отряд «Омега»), который действовал в ДРА с марта 1983 г. по апрель 1984 г.

Всего же в 1984–1987 гг. 94 сотрудника «Вымпела» действовали в ДРА в качестве советников органов госбезопасности, а 61 боец проходил стажировку[681].

Помимо Афганистана, сотрудники группы «Вымпел» выполняли специальные задания советского правительства на Кубе, в Анголе, Мозамбике, Вьетнаме, Лаосе, Кампучии, Никарагуа и Сирии… В сентябре 1985 г. готовились принять участие в операции по освобождению советских дипломатов, захваченных в заложники в Бейруте[682].

Однако главное свое предназначение — проведение спецопераций за рубежом — сотрудникам группы выполнить так и не пришлось. Или, по крайней мере, они не стали достоянием гласности.

После возвращения Э.Г. Козлова в 1985 г. в ПГУ, ОУЦ — «Вымпел» возглавил контр-адмирал В. А. Хмелев. В январе 1991 г. его сменит полковник Б. П. Бесков.

В подготовленном в начале сентября «Заключении по материалам расследования роли и участия должностных лиц КГБ СССР в событиях 19–21 августа 1991 г.», в частности, отмечалось: «в период с 17 по 19 августа некоторые войска специального назначения КГБ СССР и спецподразделения ПГУ КГБ СССР были приведены в повышенную боевую готовность… 20 августа была

проведена подготовка непланируемого ранее захвата здания Верховного Совета РСФСР группами специального назначения КГБ с использованием в этой операции подразделений СА, МВД… Тогда же, из-за невозможности ее проведения без значительных человеческих жертв со стороны мирного населения, штурм был отменен».

О начальнике ОУЦ Б.П. Бескове в этом документе говорилось, что 20 августа он «поддержал мнение сотрудников Группы «А» о нецелесообразности «штурма» здания Верховного Совета РСФСР.

В заключении этого документа отмечалось: «Следует отметить принципиальность личного состава отдельных подразделений УКГБ СССР по Москве и МО, группы «А» 7-го Управления КГБ СССР, группы «Б» ПГУ КГБ СССР, войск спецназа, частей погранвойск и других, которые заняли твердую позицию отказа от участия в возможных акциях против народа и законно избранных им органов власти»[683].

Осенью 1991 г. группа «Вымпел» сначала была передана в подчинение из разведки в Межреспубликанскую службу безопасности, затем — в Агентство федеральной безопасности, а в феврале следующего года она на правах самостоятельного управления вошла в создаваемое Министерство безопасности. В этой связи закономерно изменился характер возлагавшихся на нее задач, содержание и характер тренировок. Основным предназначением группы стали борьба с диверсионной и террористической деятельностью. В 1993 г. группа была передана в Службу безопасности президента. 5 июня 1992 г. группу «Вымпел» возглавил генерал-майор Д.М. Герасимов.

3–4 октября 1993 г. сотрудники «Вымпела» и «Альфы» приняли участие в разрешении острейшего политического кризиса в Москве. Получив однозначный приказ президента Б.Н. Ельцина «взять штурмом Белый дом», командир «Альфы» генерал-майор Г.Н. Зайцев и командир «Вымпела» генерал-майор Д.М. Герасимов по собственной инициативе вступили в переговоры с руководителями Верховного Совета и оппозиции, которые увенчались успехом, обеспечили эвакуацию людей из горящего здания[684].

Указом президента РФ Б.Н. Ельцина 25 января 1994 г. группа «Вымпел» была выведена из Службы безопасности президента, передана в МВД и переименована в подразделение «Вега», вошедшее в Главное управление по борьбе с организованной преступностью (ГУОП) МВД. Однако из 700 сотрудников «Вымпела» только 47 офицеров согласились продолжить службу в МВД.

После октябрьских событий Курсы усовершенствования

офицерского состава также были расформированы.

Остается только добавить, что после Указа Президента Российской Федерации от 5 июля 1994 г. об образовании Управления специальных операций (УСО) Федеральной службы контрразведки, в его состав был передан из ГУОП МВД отряд «Вега», переименованный в «отдел «В» («Вымпел»). После образования в августе 1995 г. структуре Федеральной службы безопасности Антитеррористического центра (АТЦ), отдел был преобразован в управление «В» в его составе.

8 октября 1998 г. в соответствии с приказом директора ФСБ России управление «В» вошло в структуру Центра специального назначения (ЦСН) ФСБ России.

В заключение следует отметить, что решения о создании спецподразделений КГБ КУОС — «Вымпел» и «Альфа» — являлись обоснованными и своевременными.

Руководство КУОС — «Вымпел», а также преподаватели курсов, в том числе спецкафедр Высшей школы КГБ им. Ф.Э. Дзержинского, с честью решили задачу по созданию боеспособного оперативно-боевого подразделения, которое оказалось востребованным в условиях усложнявшейся в стране оперативной обстановки. За годы своего существования группа «Вымпел» провела более двух тысяч контртеррористических операций и специальных антитеррористических мероприятий.

Можно с полным основанием утверждать, что именно действия спецподразделений «Вымпел» и «Альфа» заложили тактические и правовые основы оперативно-боевой деятельности органов безопасности России.

А. В. Мерзанова
г. Москва

Воспоминания сотрудников и агентов советских органов государственной безопасности как исторический источник о деятельности по защите общественно-политического строя СССР в 1967-1991 гг

Воспоминания являются чрезвычайно ценными источниками по истории того или иного события и явления. При этом их использование требует от исследователя неотступного следования внутренней критике и учёта специфики данных исторических источников.

Значительный массив воспоминаний, затрагивающих деятельность по защите общественно-политического строя СССР в 1967-1991 гг., составляют мемуары сотрудников и агентов советских органов государственной безопасности.

В 1995 г. вышли в свет воспоминания бывшего сотрудника военной контрразведки, кандидата философских наук полковника запаса М. Ломова «Несанкционированные мысли военного контрразведчика». Автор критически охарактеризовал организацию вынесения органами КГБ официальных предостережений, отметив, что оно было введено Указом Президиума Верховного Совета СССР и не опубликовано в открытой печати, следовательно, не имело юридической силы. Кроме того, автор указал на возможность злоупотребления предостережениями в связи с размытостью основания для их вынесения («достаточные, убедительные данные»)[685].

Одновременно были опубликованы воспоминания предателя О.Д. Калугина «Прощай, Лубянка!»[686]. По мнению их автора, с «благословения» Л.И. Брежнева советские органы государственной безопасности «полностью отреставрировали механизм подавления, частично демонтированный Хрущёвым… набрали огромную силу и влияние, выходившие за рамки их официального статуса». Критически О.Д. Калугин оценил и Ю.В.

Андропова: «Андропов, несомненно, был мастером компромисса, лавировавшим между реальными потребностями общества и прихотями своих бесталанных руководителей. Он остро чувствовал конъюнктуру и попеременно выступал в роли то либерала, то консерватора. Очевидно, в этом был секрет его живучести. …Андропов, как правило, отвергал предложения о физическом уничтожении политических оппонентов, но он довёл до совершенства аппарат политического сыска, сделавшего нормой моральный террор. Именно на годы его председательства в КГБ приходится разгул судебного произвола в отношении инакомыслящих. На то же время приходится и массовый исход интеллигенции, и изгнание из страны — это милосердие тиранов, ударившее по цвету советской культуры, и невиданные по масштабам и беспардонности злоупотребления психиатрией, грязная война против «сионизма»». Автор охарактеризовал 5-е Управление КГБ СССР как «всесильное» и «ведавшее политическим сыском». Деятельность 4-го отдела 5-го Управления затронута О.Д. Калугиным наиболее подробно. Им сделан вывод, что управление стремилось «сохранить свою монополию над телами и душами священнослужителей», а «самой могучей фигурой в церкви был не патриарх всея Руси, а полковники КГБ Романов, а затем Тимашевский, возглавлявшие специальный отдел в 5-м управлении КГБ»[687].

В.В. Бакатин назвал свои мемуары «Дорога в прошедшем времени». Последний председатель КГБ СССР дал крайне критичную оценку деятельности советских органов государственной безопасности. Комитет государственно безопасности он оценил как «карающий меч партии», «ржавевший в ножнах», непримиримый к политике перемен, «одну из главных сил, стремившихся законсервировать устои старого, отжившего свой срок, общественного строя». Свою цель автор обозначил следующим образом: «сделать КГБ безопасным для общества», «ликвидировать КГБ как КГБ». Для реализации указанной цели В.В. Бакатин считал необходимым обеспечить переход от «шпиономании и борьбы с инакомыслием» к «реальным потребностям общества», отказаться от «образа врага». Крайне низко он оценил деятельность КГБ СССР в начале 1990-х гг., в особенности 1-го Главного управления (его сведения автор назвал как «информационным мусором») и секретариата КГБ СССР[688].

В 2000 г. были опубликованы воспоминания сотрудника 7-го отдела 2-го Главного управления КГБ И.К. Перетрухина[689]. Автор принимал непосредственное участие в контрразведывательной операции по разоблачению агента ЦРУ А.Д. Огородника (второго секретаря посольства СССР в Боготе, в

1974–1977 гг. — сотрудника Отдела Америки Управления по планированию внешнеполитических мероприятий МИД СССР) и сотрудницы ЦРУ М. Петерсон. Указанная операция широко известна благодаря многосерийному фильму «ТАСС уполномочен заявить» по роману советского писателя Ю.С. Семёнова. Помимо собственно описания контрразведывательной операции, значительный интерес представляют и оценки автором деятельности сотрудников подразделений КГБ (в особенности, высокого профессионализма сотрудников 7-го Управления[690]).

В 2010 г. своими воспоминаниями о службе поделился начальник районного отдела УКГБ при Совете Министров СССР по Ленинградской области полковник К.В. Голубков[691]. Автор отметил, что, несмотря на миф о том, что на борьбу против НТС в КГБ были брошены «огромные силы», в Ленинградском управлении КГБ этим направлением занимался всего один человек, сумевший разоблачить в 1968 г. агента НТС В. Шаффхаузера, являвшегося гражданином ФРГ и прибывшего в СССР под видом туриста для вербовки советских граждан (среди которых был и сын поэта С.А. Есенина математик А.С. Есенин-Вольпин), и двух вербовщиков (оказавшихся в прошлом изменниками Родины и активно сотрудничавших с фашистскими спецслужбами в годы Великой Отечественной войны)[692].

В 2012 г. опубликованы воспоминания соратников Ю.В. Андропова «Андропов. КГБ отвечает за всё»[693].

В частности, В.С. Широнин в главе «Бжезинский против Андропова» обратил внимание на документ под названием «План игры. Геостратегическая структура ведения борьбы между США и СССР», представленный З. Бжезинским Госдепартаменту США в начале 1980-х гг., в котором одной из задач провозглашалась усиление сепаратистских тенденций среди граждан СССР. Автором рассказано об участии в психологической войне США против СССР «Радио «Свобода», «Радио «Свободная Европа», Народно-трудового союза, отмечено разжигание эмигрантских настроений среди еврейского населения СССР в рамках операции «Кей Кей маунтин». В.С. Широнин рассмотрел «Проект «М», направленный на увеличение в Советском Союзе численности приверженцев ислама в его экстремистских формах, а также «Проект в защиту свободы» по участию экспертов США в разработке нового российского законодательства в области контроля деятельности отечественной разведки и контрразведки. Автор критически оценил ликвидацию 5-го управления КГБ, отметив, что страна, по сути, осталась без спецподразделения, ответственного за обеспечение внутренней безопасности, и отметил роль председателя КГБ В.В. Бакатина в развале

ведомства. Отдельно отмечен вклад сотрудников 5-го Управления в противодействие терроризму, в частности, в предотвращение теракта на Курском вокзале и разработку дополнительной системы обеспечения безопасности в метро[694].

Ф.Д. Бобков в своих воспоминаниях, опубликованных в 2014 г., описал процесс создания 5-го управления КГБ при Совете Министров СССР и раскрыл роль, которую в нём играл Ю.В. Андропов. Интерес представляют комментарии автора по поводу основных шаблонов и «мифов», распространённых о деятельности КГБ в рассматриваемый период. Ф.Д. Бобков подчеркнул, что осуществлялась борьба не с «инакомыслящими» (диссидентами), а с «инакодействующими», т. е. людьми, не словом, а делом выступавшими против советского конституционного строя. Он также указал на отсутствие в СССР практики «массового прослушивания», заведения уголовных дел за анекдоты о власти, «карательной психиатрии»[695].

В 2017 г. были переизданы мемуары агента КГБ О. А. Туманова, бежавшего в 1965 г. в период срочной военной службы на эсминце «Справедливый» на Запад, с 1966 по 1986 гг. являвшегося сотрудником «Радио Свобода» (от корреспондента до исполняющего обязанности главного редактора). В соответствии с версией автора, его побег был частью задания КГБ с целью использования его в качестве агента для установления связи эмигрантов из СССР и спецслужб противника[696]. Тогда же были опубликованы воспоминания его жены Светланы, которая считала данную версию противоречащей правде, не давая более подробной аргументации[697].

Таким образом, изучение воспоминаний сотрудников и агентов советских органов государственной безопасности позволяет значительно расширить представленную в иных исторических источниках информацию о деятельности по защите общественно-политического строя СССР в 1967-1991 гг.

А.И. Пожаров
г. Москва

Некоторые аспекты истории возникновения и развития разведки

Глубокие и всесторонние исследования по истории органов безопасности дают возможность осмыслить алгоритм принятия стратегических, судьбоносных для страны решений, выявить положительные и отрицательные моменты работы отечественных спецслужб в прошлом, обобщить позитивный опыт и оценить вероятность его использования в будущем.

Совершенно очевидно, что сущностной характеристикой теоретических знаний указанного предмета является тайная борьба во всех её направлениях: политической, экономической, научно-технической и т. д., а главная отличительная черта — объективные закономерности конспиративной деятельности.

Единый по своей гносеологической природе механизм тайной борьбы — это сложное, противоречивое, многофакторное и в тоже время целостное общественное явление, имеющее разнообразные связи и отношения с другими процессами окружающей действительности. Суть этого феномена — политическое противоборство на конспиративной основе во всём его многообразии. Поэтому познание деятельности в сфере обеспечения государственной безопасности находится в области различных научных знаний. Ученые-историки, изучающие организацию и деятельность органов безопасности с точки зрения истории, как раз и фокусируют свое внимание на таком важном явлении общественной жизни, как тайная деятельность, в плоскости которой осуществляют свою работу специальные службы.

Из этого следует, что в основу изучения истории отечественных органов безопасности должен быть положен комплексный, междисциплинарный подход с использованием достижений в различных отраслях современного гуманитарного знания (философии, социологии, политологии), то есть тех наук, которые изучают закономерности развития общества в контексте тайного противоборства, с использованием тайных (специальных) сил и средств.

Теоретико-методологический дефицит в исторической науке влечёт за собой определенные сложности в разработке научных подходов к рассмотрению однопорядковых явлений в истории

органов безопасности, вынуждая исследователей тщательно проводить анализ работ по теории и методологии в этой сфере знаний, в том числе знаний о разведывательной службе.

Разведка, как и любой институт государства, имеет свои причины возникновения, проходит последовательные этапы развития, в процессе которых раскрываются ее технологические стороны, уточняются ее роль и место в системе обеспечения государственной безопасности. Крайне важно проследить исторические пути развития разведки в целях лучшего понимания ее значения в государственном механизме, важности и необходимости в реализации политических целей и решения социально-экономических задач государства. По замечанию К. Маркса, «понимание состоит … в том, чтобы постигать специфическую логику специфического предмета… Такая логика есть прежде всего логика сущности данного предмета, объективные законы его развития, обусловленные конкретной формой и спецификой функционирования в практической деятельности»[698]. В связи с этим возникает вопрос о сущностных сторонах этого явления, познание которых без изучения исторических предпосылок, причинах и этапах его развития невозможно.

История разведки показывает, что она далеко не сразу заняла то положение, которое имеет в настоящее время. «Будучи явлением историческим, шпионаж, так же, как и войны, в разные времена принимают различные формы, типы и характер шпионов и разведчиков меняются в зависимости от общественного и государственного строя, которому они служат, с течением времени видоизменяется также и само понятие секретной службы, а вместе с тем и понятие военной и государственной тайны. Меняется также отношение общества к тем, кто носит секретную службу», — считет автор предисловия к книге Р. Роуана «Очерки секретной службы. Из истории разведки»[699].

Сложность заключается в том, что в отличие от понятия «шпионаж», который имеет в российском законодательстве уголовно-правовую характеристику (ст. 276 УК РФ)[700], понятие «разведка» в науке определенным образом «размыто» и не имеет четко очерченных признаков и границ. И, тем не менее, с позиции имеющихся теоретических разработок мы можем констатировать, что понятие «разведка», рассматривается в двойном формате:

— как организация или система специальных органов;

— как процесс или деятельность.

История возникновения и развития разведки в ведомственной науке рассматривается с этапа возникновения государства, хотя непосредственный процесс разведки появился задолго до этого.

Представляется, что разведка имеет непреходящее значение в реализации функций государства и, одновременно, как институт в его механизме. Появляясь в недрах государственных институтов, она эволюционирует вместе с ними.

В истории государства можно выделить ряд промежуточных этапов поступательного развития разведки, которые имеют свою характеристику. Изучение развития разведки и в целом специальных служб важно и интересно не только с познавательной, но и сугубо практической точки зрения. Практическая сторона заключается в том, что в процессе противодействия деятельности одного государства против другого важно знать, на каком этапе развития находится та или иная разведка и каким потенциалом она обладает. Закономерность такова: чем на более высокой ступени развития находится разведка, тем труднее противодействовать ей органам безопасности другого государства.

Причины возникновения разведки, как неотъемлемого элемента системы обеспечения государственной безопасности кроются в возникновении противоречий между государствами, которые на раннем этапе их развития разрешались, в основном, военным путем. Поэтому разведка является ровесницей войны. Существенной стороной первоначального (раннего) этапа в истории разведки являлось, по мнению М.Ю. Дундукова, то, что «будучи важным и весьма востребованным инструментом в реализации государственной политики разведка очень долгое время оставалась лишь разновидностью военной деятельности, не являясь одним из видов деятельности государства»[701].

В общем и целом, становление и развитие разведки диктовалось логикой исторического процесса, его закономерностями, выражающимися в том, что государство всегда испытывало потребность в том или ином виде деятельности по обеспечению своей безопасности, а также решению социально-экономических и политических задач. Для этого на определенном этапе и формировался соответствующий механизм, без которого крайне затруднительно, либо вообще было невозможно достичь тех или иных целей, поставленных властными структурами.

Ранний этап истории разведки характеризовался следующими чертами:

— существованием разведки лишь как части военной деятельности;

— использованием разведки лишь в предвоенный и военный периоды, а не в мирное время.

Этими обстоятельствами объяснялось и то, что, во-первых, не

существовало постоянно действующих органов разведки и, соответственно, во-вторых, профессиональных разведчиков, а также сформированных других сил и средств разведывательной деятельности.

Постепенно с ростом народонаселения, развитием торгово-экономических связей и транспортных коммуникаций, ускорением социального и политического ритма в цивилизованном мировом пространстве, с неизбежно возникающими противоречиями между государствами потребность в разведывательной информации о планах и намерениях друг друга привела к тому, что разведывательная деятельность стала осуществляться не только в предвоенное и военное время, но и в мирное.

Следует отметить следующую закономерность. Разведывательная деятельность возникла и развивалась раньше в тех государствах, которые находились в тесном окружении других государств с неизбежным наличием различного рода противоречий, требующих всестороннего знания о возможностях противника.

Еще 2,5 тыс. лет до новой эры выдающийся китайский стратег и полководец Сунь-Цзы в своем трактате «О военном искусстве»[702] выдвинул следующий тезис: «Защищаются друг от друга несколько лет, а победу решают в один день. И в этих условиях жалеть титулы, награды, деньги и не знать положения противника — это верх негуманности. Тот, кто это жалеет, не полководец для людей, не помощник своему государю, не хозяин победы»[703]. Опираясь на это положение, Сунь-Цзы в гл. XIII трактата очень кратко, но емко раскрыл суть агентурной разведки как главного инструмента разведывательной деятельности. Следует отметить, что, по всей вероятности, ведение агентурной разведки предусматривалось им не только в предвоенные и военные периоды, но и в мирное время, хотя и с военными целями. Об этом можно судить, исходя из функций рассматриваемых Сунь-Цзы категорий агентов.

Значение трактата заключается в том, что он был первым из известных нам законченным теоретическим документом о разведывательной деятельности. Это не означает, однако, что и до него в других государствах не велась эта деятельность. Отдельные письменные документы более ранних эпох свидетельствуют об этом (Древний Египет, Вавилон, Финикия, Ассирия и др.).

Вместе с тем, разведывательная деятельность одного государства в отношении другого представляет для последнего внешнюю угрозу, отражение которой обусловило возникновение

функции по нейтрализации этой угрозы, контрразведывательной функции. В трактате Сунь-Цзы об этом также идет речь[704].

Но помимо внешних угроз в любом государстве были и внутренние противники существующей власти, стремящиеся к ее захвату. В связи с этим у правящей элиты появилась необходимость в защите своей власти от субъектов внутренних угроз, что привело к появлению политического розыска. При всей непривлекательности этого термина он достаточно точно отражает природу этого явления, поскольку борьба за власть составляет сущность самой политики. В настоящее время эта деятельность определяется как защита конституционного строя. Имеющиеся древние письменные источники также свидетельствуют об этом.

Таким образом, внешние и внутренние потребности государства и угрозы заставили формировать три основные функции по обеспечению безопасности государства и решению его внешних и внутренних задач: разведывательную, контрразведывательную и политический розыск.

В дальнейшем развитие всех трех видов этой специфической деятельности шло по следующим направлениям: превращение ее в постоянно действующую в качестве особого вида государственной деятельности; создание соответствующих организационных структур с профессиональными сотрудниками; формирование в рамках каждого вида деятельности его разновидностей (политическая, военная, экономическая, пограничная разведки; территориальная, военная, пограничная, внешняя контрразведка и т. д.); постепенная централизация под единым руководством всех организационных структур; использование достижений научно-технического прогресса для повышения уровня технической вооруженности этих структур; формирование разведывательных структур в иных государственных органах. В последние десятилетия характерно создание частных разведывательных организаций.

В обобщенном виде можно выделить следующие этапы в возникновении и развитии разведки.

1. На первом этапе разведывательная деятельность осуществлялась лишь эпизодически и была связана с решением военных задач и поэтому осуществлялась в предвоенное время и непосредственно в период военных действий, не затрагивая мирного времени.

2. С развитием межгосударственных отношений разведдеятельность стала осуществляться и в мирное время, постепенно становясь постоянно действующей.

3. Потребность государств в отражении внешних и

внутренних угроз вызвала необходимость в формировании трех основных видов деятельности — разведывательной, контрразведывательной и политического розыска.

4. Необходимость в постоянном ведении этой деятельности привело к формированию соответствующих организационных структур, требующих для выполнения возложенных на них задач профессиональных кадров, хотя до этого эти функции выполнялись представителями других видов деятельности (дипломаты, торговцы, путешественники, чиновники и другие категории).

5. Указанные обстоятельства детерминировали превращение разведывательной деятельности в один из видов государственной деятельности.

6. Постепенно внутри разведывательной деятельности, поднявшейся на более высокий иерархический уровень государственного механизма, стали формироваться её относительно самостоятельные разновидности: политическая, экономическая, военная, пограничная разведки; территориальная, военная, пограничная, внешняя контрразведки и т. д.

7. Осознание важности разведывательной деятельности для внешней и внутренней политики государства, с одной стороны, и с учетом разобщенности различных организационных структур, — с другой, вызвало необходимость централизации этой деятельности, целью которой было подчинение всех структур единому руководству. В американской терминологии такая организационная структура стала именоваться «разведывательный истеблишмент».

Более того, в США в настоящее время эта тенденция получила дальнейшее развитие. Анализируя работы американских теоретиков спецслужб ветераны российской разведки подчёркивают: «В эпоху глобализации принцип интеграции усилий становится фундаментальным принципом организации разведывательной деятельности. На нем основаны программы стратегической трансформации разведывательного сообщества и вооруженных сил США, итогом которых должно стать появление Объединенной разведки и разработка новой структуры вооруженных сил и концепции их боевого применения — *объединенных операций.*

Объединенная разведка и объединенные операции предполагают высочайшую степень интеграции усилий во всей вертикали системы обеспечения национальной безопасности»[705].

Таким образом, существовавшая концентрация американского разведывательного сообщества в начале XXI в. уже не устраивала руководство страны, и поэтому последние два

десятилетия оно стремилось к более плотной интеграции в деятельности спецслужб и вооруженных сил США. Одновременно аналогичные интеграционные процессы наблюдались и в России (объединение погранслужбы и спецсвязи с контрразведывательными структурами). Закономерный алгоритм интеграции прослеживается и в том, что практически в одно и тоже время, разведывательные подразделения были созданы в «чисто» контрразведывательных службах, как в США (ФБР), так и в России (ФСБ)[706].

Из этого вытекает и другой принцип, а именно: разведывательная деятельность не отделима от контрразведки и должна строиться на принципах военного искусства.

Пожалуй, последний этап содержит в себе процесс включения в разведывательную деятельность, помимо специально предназначенных для этого органов, другие государственные структуры, в которых создаются собственные разведывательные подразделения, а в последнее время создаются и специализированные частные разведывательные организации. В своей совокупности они являются серьезным дополнением к разведывательным возможностям государства.

Приведенные выше этапы развития разведки является обобщением, далеко не всегда относящимся к конкретным государствам. Дело в том, что в одних государствах все три основных вида формируются практически одновременно, а в других — по мере необходимости, то есть в связи с возникновением соответствующих потребностей и угроз.

Тем не менее, как считает М.Ю. Дундуков, «оформление разведки в самостоятельный вид деятельности государства с неизбежной закономерностью происходило во всех государствах, достигших определенной ступени развития. Это позволяет с известной степенью определенности судить о том, что разведывательная деятельность (равно как и контрразведывательная деятельность и политический розыск. — *Авт.*) столь же свойственны любому государству, как, например, такие виды деятельности, как деятельность государства по защите своих границ, правоохранительная деятельность, деятельность по сбору налогов или природоохранительная деятельность.

Столь же объективен по своей природе и процесс появления специализированных разведывательных органов. По сути, возникновение и развитие постоянно действующих разведывательных и контрразведывательных служб есть лишь следствие того, что потребность государства в разведывательной деятельности как самостоятельном виде государственной

деятельности растет по мере развития самого государства, так и по мере усложнения тех процессов, которые с незапамятных времен вынуждали мировые державы соперничать и враждовать друг с другом, доказывая в непримиримой борьбе свое право на существование и процветание»[707].

В данном случае речь фактически идет об общих закономерностях возникновения и развития разведки. В этом убеждает и то обстоятельство, что развитие государств происходило в относительно замкнутых анклавах без практического взаимодействия между ними в связи с разобщенностью исторического пространства. Страны Европы (включая Россию), Китай, Япония, Индия и др. были изолированы друг от друга и существовали самостоятельно. Однако факт остается фактом: разведывательная деятельность в своей основе принимала в этих государствах практически одинаковые формы, что позволяет делать обобщенные выводы, отражающие единую природу разведки как военного, социально-экономического и политического инструмента.

Единая природа разведки выражается, на наш взгляд, в следующем:

— разведка как элемент системы обеспечения государственной безопасности функционирует в концептуальном и идеологическом контексте страны, защищая и лоббируя её национальные интересы на международной арене;

— разведка носит тайный характер. Но в отличие от, например, дипломатии, которая также отчасти носит негласные черты, разведывательная деятельность связана с тайным проникновением в структуры того государства, в отношении которого она ведется;

— в разведывательной деятельности используются специальные силы и средства (агенты, доверенные лица, технические средства), являющиеся абсолютно необходимым атрибутом разведки;

— для достижения поставленных целей в интересах своего государства разведка осуществляет не только добывание разведывательной информации, но и оказание разведывательного воздействия на противника.

Следует указать и на одно важное обстоятельство, а, именно на абсолютное сходство природных характеристик внешней разведки, контрразведки и политического сыска с обозначенных позиций. Различие заключается только в объектах их деятельности. Для внешней разведки — это государственная и общественная среда другого государства, то есть в основном враждебная; для контрразведки — силы и средства разведки

противника, действующие на территории государства, которое осуществляет контрразведку; для органов политического розыска — те категории граждан или отдельные граждане собственного государства, противодействующие существующей власти, то есть также враждебная среда.

Однако с точки зрения общей цели — обеспечение безопасности собственного государства и достижения для него благоприятных условий эволюции, а также с точки зрения чисто технологической, различий между ними нет.

Данное соображение имеет не только чисто теоретическое, но и практическое значение, поскольку единая природа этих трех видов деятельности и их общие цели с неизбежностью заставляют организовывать тесное взаимодействие между ними. В противном случае эффективность их деятельности значительно снижается.

Эффективность разведки (напомним, что имеется в виду единство всех трех ее видов) напрямую зависит от ее потенциала. «В качестве одного из факторов, определяющих место государства в мировой политической иерархии, отражающих политическую силу государства, можно рассматривать и такой фактор, как уровень развития и потенциал его разведывательной системы, что должно выражаться в эффективности разведывательной деятельности государства как одного из видов государственной деятельности, — пишет М.Ю. Дундуков. Однако роль разведывательной деятельности, с точки зрения реализации внешних (а часто и внутренних функций) государства, несколько шире, поскольку применительно к значительной части задач, решаемых государством, разведка выступает еще и в качестве эффективного инструмента, позволяющего при помощи специфических приемов и методов, свойственных разведывательной деятельности, достигать значительно больших результатов, чем те, которые могут быть достигнутыми иными, так называемыми «традиционными» средствами»[708].

Возникает естественный вопрос: что составляет потенциал разведки?

Во-первых, он носит интегративный характер, а во-вторых, имеет иерархическую структуру. По нашему мнению, к нему можно отнести следующие элементы и характеристики:

— зависимость потенциала разведки и, соответственно, эффективности ее деятельности от признания руководством государства ее роли в осуществлении внешней и внутренней политики государства. Это положение иллюстрируется многими историческими фактами и свидетельствами;

— развитость разведывательной системы;

— профессиональная подготовка сотрудников;

— наличие и уровень возможностей технических средств;

— развитость аналитических служб, заключающаяся не только в создании их организационных структур, но и во владении их сотрудниками различными аналитическими методами, позволяющими создавать качественный разведывательный продукт;

— уровень развития научных представлений о разведке и ее деятельности. Взаимосвязь этих представлений с другими гуманитарными и естественными научными дисциплинами.

Данный перечень не является исчерпывающим, однако он позволяет в целом ориентироваться в оценке потенциала разведки конкретной страны.

К сказанному следует добавить и то, что уровень всех перечисленных составляющих потенциал разведки определяется тем, на каком этапе своего развития она находится в данный период времени.

Выше акцент был сделан на выявлении общих закономерностей развития разведки. Однако разведка конкретной страны, развиваясь во времени, приобретает свой специфический вид. Дело в том, что на возникновение особенностей той или иной разведки влияет целый комплекс факторов и условий. Среди них наиболее важное значение имеет исторический опыт государства в целом и разведки в частности, культура народов страны в целом и их взаимоотношений с народами других стран, традиции, масштабность проживания представителей того или иного этноса на территории других государств. В результате влияния этих и иных факторов постепенно формируется почерк разведки, ее стиль, и, обобщенно говоря, тип разведки, имеющий устойчивый характер. Вместе с тем, ряд наиболее важных факторов присущ не только какой-нибудь одной разведке, но и ряду других в силу чего их можно отнести к одному из типов.

Советская внешняя разведка, как институт государства сформировалась в ходе строительства большевиками нового общества сразу же после революции 1917 г. председатель ВЧК при СНК Ф.Э. Дзержинский подписал секретный приказ за № 169 «Об Иностранном отделе ВЧК» 20 декабря 1920 г. Данный приказ являлся нормативным правовым актом административного характера, который легитимизировал создание в ведомстве государственной безопасности Советской России — в ВЧК при СНК РСФСР — самостоятельного подразделения внешней политической разведки государства — Иностранного отдела.

Иностранный отдел стал первым в многовековой истории России самостоятельным подразделением, осуществляющим внешнюю, прежде всего, политическую разведку не в интересах

какого-либо отдельного министерства, комиссариата или ведомства, а в интересах всего государства. Подписанный Ф.Э. Дзержинским документ нормативно оформил создание внутри ВЧК при СНК РСФСР общегосударственной советской внешней разведки, правопреемницей которой, как считается, является ныне действующая, самостоятельная Служба внешней разведки Российской Федерации.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что сказанное выше вовсе не означает истину в последней инстанции. Это лишь попытка сконцентрировать внимание аудитории на проблемных вопросах в порядке дискуссии, с надеждой на дальнейшее проведение всеобъемлющего анализа в свете изучения основ теории и методологии истории отечественных органов безопасности. Как представляется, что сегодняшний обмен мнениями участников конференции по данной проблематике будет иметь стимулирующий характер для других ученых к более углубленным исследованиям по такой важной и актуальной тематике, каковыми являются история обеспечения государственной безопасности и история специальных служб.

notes

Примечания

1

Морозов В.Б. Рабочее движение как необходимый фактор зарождения профсоюзов в России // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. 2009. № 108; *Старостин В.А.* Продолжительность рабочего времени несовершеннолетних лиц в России в XIX веке // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 2 (127); *Глазунов С.Р.* Наказание рабочих за участие в стачках в России в конце XIX — начале XX в.: юридическая и пенитенциарная практики // Экономическая история: ежегодник. М., 2010 и др.

2

Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Издание пятое. М., 1967. Т. 2. С. 23.

Морозов В.Б. Указ. соч. С. 25.

Суслов М.Г. Рабочее законодательство XIX века как фактор социальной стабильности общества // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2010. № 3(9). С. 27.

5

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1723. Оп. 2. Д. 13. Л. 26.

6

ГАРФ. Ф. 1723. Оп. 2. Д. 13. Л. 58.

Там же. Д. 26. Л. 146.

8

Там же. Д. 30. Л. 123.

9

Там же. Д. 27. Л. 6.

Там же. Л. 7.

Там же. Л. 38.

12

Богданович А.В. Дневник 1879–1912. М.: Захаров, 2018. С. 234.

13

ГАРФ. Ф. 102. Оп. 162. 6 д-во. Д. 7 лит. А. Л. 66.

Там же. Л. 78.

Овченко Ю.Ф. Охранка и зубатовщина. М.: Вече, 2017. С. 204–260.

16

ГАРФ. Ф. 1723. Оп. 2. Д. 72. Л. 157–159.

17

Там же. Ф. 102. Оп. 162. 6 д-во. Д. 7 лит. А. Л. 91–92.

Новицкий В.Д. Воспоминания тяжелых дней моей службы в корпусе жандармов. URL: https://www.litmir.me/br/?b=246012&p=50. (дата обращения: 02.11.2020).

19

ГАРФ. Ф. 1723. Оп. 2. Д. 1. Л. 14 б.

20

Там же. Ф. 102. Оп. 231. Д. 303. Л. 1.

21

Там же. Оп. 226. Д. 4 ч. 22. Л. 104.

22

Герасимов А.В. На лезвии с террористами // «Охранка». Воспоминания руководителей политического сыска. М.: Новое литературное обозрение, 2004. Т. 2. С. 161.

23

ГАРФ. Ф. 102. Оп. 231. Д. 175. Л. 1.

Овченко Ю.Ф. Указ. соч. С. 278–283.

Кризис самодержавия в России. 1895–1917. Л., 1984. URL: http://www.illuminats.ru/component/content/article/8840 (дата обращения: 02.11.2020).

26

Витте С.Ю. Воспоминания. Царствование Николая II. 2-е изд. Л., 1924. Т. 1. С. 179.

27

ГАРФ. Ф. 102. Оп. 161. Д. 38. Л. 1.

Новиков А.В. К вопросу о причинах активизации рабочего движения в России в начале XX века // Новый исторический вестник. 2005. № 2 (13). С. 29.

29

Карусева И.М. Собрание русских фабрично-заводских рабочих Санкт-Петербурга. К истории создания крупнейшей легальной рабочей организации под руководством Георгия Гапона // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. 2008. № 85. С. 64.

30

ГАРФ. Ф. 569. Оп. 1. Д. 58.

31

Там же. Л. 1.

32

Там же.

Там же. Л. 21 об.

Там же. Л. 22.

Там же. Л. 1 об.

Там же. Л. 20 об.

Там же. Л. 21.

Там же. Д. 59.

Там же. Л. 16.

Минкина О. Жандарм и цадики. Капитан Васильев в поисках российского Бар-Кохбы // Лехаим. 2008. № 5 (193).

Гордин Я.А. Дело о масонском заговоре, или мистики и охранители. М.: Вита Нова, 2015.

Державин Г.Р. Мнение о евреях // Сочинения. Т. VII. СПб., 1876. С. 254.

Хижая Т. Движение иудействующих в России во второй половине XIX в.: слагаемые успеха // Религиоведение. 2007. № 1. С. 49–59.

Мальшинский А.П. Обзор социально-революционного движения в России. СПб., 1880; *Татищев С.С.* История социально-революционного движения в России: 1861–1881. СПб., 1887; *Лопухин А.А.* Сионизм. Исторический очерк его развития: записка, составленная в Департамент полиции. СПб., 1903; *Климович Е.К.* Обзор революционного движения. СПб.: Особый отдел Департамента полиции; машинопис. текст, без тит. л. и обл., 1909; *Рожанов Ф.С.* Записки по истории революционного движения: для курсов при штабе Отдельного корпуса жандармов. 1912–1913 г. СПб., 1913.

45

ГАРФ. Ф. 1129. Оп. 1. Д. 687. Л. 8.

Там же. Ф. 102. Оп. 253. Д. 5. Л. 148.

47

Государственный архив Липецкой области (ГАЛО). Ф. 184. Оп. 1. Д. 65. Л. 92.

American Jewish Committee. Special Articles (1906–1907) // American Jewish Year Book (1906–1907). Jewish Publication Society. P. 47.

Войтоловский Л. Н. Всходил кровавый Марс: по следам войны. М.: Воениздат, 1998.

Костырченко Г. В. Выбор. О книге Олега Будницкого «Российские евреи между белыми и красными (1917–1920)». М.: РОССПЭН, 2005.

Klier J. Russians, Jews, and the Pogroms of 1881–1882. Cambridge University Press, 2011 p.xiv, 58.

Klier J. Why Were Russian Jews not Kaisertreu? // Ab Imperio. 2003. № 3. S. 561–562.

53

ГАЛО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 74. Л. 30 об.

Нечволодов А.Д. От разорения к достатку. СПб., 1906. А.Д Нечволодовым были изданы книги: Русские деньги. СПб., 1907; Сказания о Русской земле. Т. 1–4. СПб., 1913; Император Николай II и евреи. Очерк о русской революции и её связях со всемирной деятельностью современного иудаизма, Николай II и евреи. Париж: E. Chiron, 1924.

55

ГАЛО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 65. Л. 52–53об.

Там же. Д. 74. Л. 29.

Там же. Д. 65. Л. 72 об.

58

ГАРФ. Ф. 102. Оп. 71. Д. 58.

Война и евреи. СПб., 1912.

Там же. С. 282.

61

ГАЛО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 1. Л. 6, 12.

Логинов А.И. Военная разведка и контрразведка Российской империи в 1890-е — 1902 гг. // Тайная стража России. Очерки истории отечественных органов госбезопасности. М.: Алгоритм, 2018. Кн. 2. С. 49–68.

63

Логинов А.И. «Стокгольмская охота» на Николая II: социалисты-революционеры против империи // Тайная стража России. Очерки истории отечественных органов госбезопасности. М.: Родина, 2019. Кн. 3. С. 44–45.

64

ГАЛО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 65. Л. 37.

Там же. Л. 61, 71, 72об., 78.

Там же. Л. 78.

67

Записки о причинах происхождения подпольного революционного движения в России. С. 4–5.

Там же. С. 81.

69

ГАЛО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 65. Л. 86.

Там же.

Соколенко А.В. Российские жандармские пограничные пункты в Китае в начале XX в. // Дальневосточный форпост. 2018. № 39. С. 18–19, 21; *Качкин А.Н.* Формирование пеших жандармских команд на Дальнем Востоке России // Теория и практика общественного развития. 2012. № 8 // Официальный сайт журнала «Теория и практика общественного развития». URL: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2012/8/istoriya/kachkin.pdf (дата обращения: 04.11.2019).

Кондратов Е.Б. Реорганизация контрразведывательных органов на Дальнем Востоке в феврале-октябре 1917 г. структура и кадры // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 2 (52): в 2-х ч. Ч. II. С. 117–118.

Кондратов Е.Б., Ципкин Ю.Н. Русская контрразведка на Дальнем Востоке в конце XIX в. — 1917 г. Хабаровск: Хабаровский краевой музей им. Гродекова, 2017. С. 203.

Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. Р-525. Оп. 2. Д. 1. Л. 12.

Кондратов Е.Б., Ципкин Ю.Н. Указ. соч. С. 204.

РГИА ДВ. Ф. Р-525. Оп. 2. Д. 1. Л. 9; Д. 2. Л. 109–109 об.

77

Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 1987. С. 167.

Гантимуров И.П., Касаманов С.Н., Попенко А.В. Экономическая безопасность российского Дальнего Востока 1884–1934: монография. Хабаровск: ХПИ ФСБ России; Изд-во ДВГУПС, 2012. С. 60–64 и др.

Васильченко Э.А. Партийное руководство деятельностью чекистских органов по борьбе с контрреволюцией на Дальнем Востоке. 1920–1922 гг. Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 1984. С. 16–18; *Чумаков Н.С.* Становление органов государственной безопасности на российском Дальнем Востоке (1917–1923 гг.) // На защите Отечества. Из истории Управления ФСБ РФ. Хабаровск: Издательство «РИОТИП» краевой типографии, 2001. С. 13; *Его же.* Становление органов государственной безопасности на российском Дальнем Востоке (1917–1923) // Хабаровские чекисты. История в документах и судьбах. Хабаровск: «Частная коллекция», 2011. С. 11–12.

Хитин М.С. Пограничная охрана Дальневосточной Республики // Россия и АТР. 2006. № 4. С. 5–6.

Там же. С. 6.

Чугунов А.И. Борьба на границе 1917–1928 гг. (Из истории пограничных войск СССР). М.: Мысль, 1980. URL: http://militera.lib.ru/h/chugunov_ai1/03.html (дата обращения 25.10.2020).

83

Гладких А.А. Органы государственной политической охраны Дальневосточной Республики // Россия и АТР. 2008. № 1. С. 34; *Чепик М.В.* Деятельность государственной политической охраны по обеспечению безопасности Дальневосточной Республики (1920–1922 гг.). М.: Эдитус, 2017. С. 31.

Чумаков Н.С. Становление органов государственной безопасности на российском Дальнем Востоке (1917–1923) // Хабаровские чекисты… С. 13–14.

Хитин М.С. Указ. соч. С. 10.

Там же. С. 12.

Гладких А.А. Указ. соч. С. 37–38.

Хитин М.С. Указ. соч. С. 13–14.

Гладких А.А. Указ. соч. С. 39; *Петров И.И., Катунцев В.И.* На Тихоокеанских рубежах: крат. ист. очерк. Владивосток, 1990. С. 31; *Чепик М.В.* Указ. соч. С. 37–38.

Подробнее об этом см.: *Маковский А.В.* Советские органы пограничного и таможенного контроля на Дальнем Востоке (первая половина 20-х годов XX века) // Власть и управление на Востоке России. 2014. № 3. С. 159–164.

91

История государства и права России: учеб./ В.М. Клеандрова, Р.С. Мулукаев [и др.]. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2008. С. 264–265.

Чекисты Петрограда на страже революции / В.А. Кутузов [и др.]. Л.: Лениздат, 1989. Кн.1. С. 30–43.

93

История государства и права России… С. 268; *Ратьковский И.С.* Эволюция государственных представлений большевиков в послеоктябрьский период на примере ВЧК // Российское государство в историческом измерении. СПб., 2013. С. 177.

Леонов С.В. Роспуск Петроградского ВРК и создание ВЧК в 1917 г. // Вопросы истории. 2013. № 11. С. 38–52.

95

Постановление СНК от 7(20) декабря 1917 г. «О создании Всероссийской Чрезвычайной Комиссии (ВЧК)» // ГА РФ: [Электронный ресурс] URL: http: // www.rusarchives.ru (дата обращения: 3.01. 2017 г.).

Речь. 1917. 3 октября.

97

Об образовании Рабочего и Крестьянского правительства: Декрет Второго Всероссийского съезда Советов от 26 октября 1917 г.; О созыве Учредительного собрания в назначенный срок: Постановление Правительства от 27 октября 1917 г. // Декреты Советской власти. Т. I. (25 октября 1917 — 16 марта 1918 гг.). М., 1957. С. 7, 18, 20, 25–26.

Бунин О.А. 1917 г. в судьбе кредитной кооперации в российской деревне // 1917 год в судьбах российских граждан. Тезисы докладов Республиканской научно-практической конференции. Иваново, 1997 г. Иваново, 1997. С. 118–119.

99

От Всероссийской по выборам в Учредительное собрание комиссии от 11 ноября 1917 г. // Электоральный процесс 1917 г. в документах и материалах. С. 386 // Электронная библиотека Вологодской областной универсальной научной библиотеки. URL: http: //www. booksite.ru (дата обращения: 15.07. 2015 г.).

100

История отечественных органов внутренних дел. М.: NOTA BENE Медиа Трейд Компания, 2005. С. 136.

101

Об организации местного самоуправления: Обращение НКВД к Советам рабочих, солдатских, крестьянских и батрацких депутатов от 24 декабря 1917 г. (6 января 1918 г.); О правах и обязанностях Советов: Инструкция НКВД от 24 декабря 1917 г. (6 января 1918 г.) // История советской Конституции в документах. 1917–1956 гг. М., 1957. С. 93–97; О регулярных перевыборах Советов и созыве в установленные сроки съездов Советов: Циркулярное Постановление Президиума ВЦИК от 8 февраля 1921 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1921 г. М., 1944. С. 118–119.

102

Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1921 г. М., 1944. С.713–715; О порядке созыва съездов и всероссийских совещаний различных союзов и объединений и о регистрации этих организаций: Декрет ВЦИК РСФСР от 12 июня 1922 г.; Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1922 г. М., 1950. С. 914, 1100–1101.

103

См. об этом подробнее: *Архипов С.В.* Министерство юстиции России: Основные направления деятельности в межреволюционный период 1917 года: историко-правовое исследование: дис. … канд. юрид. наук. Коломна, 2001; *Олейник И.И.* Организационно-правовые основы становления и развития органов управления юстицией в РСФСР: 1917–1936 гг.: дис. … д-ра юрид. наук. Владимир, 2006.

Куприянов М.И. Деятельность Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства (март — октябрь 1917 г.): дис. … канд. ист. наук. М., 2006. С. 32–43.

105

Постановление Временного правительства от 4 марта 1917 г. «Об учреждении Чрезвычайной Следственной Комиссии для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и других высших должностных лиц» // Сборник Указов и Постановлений Временного правительства: Выпуск 1. 27 февраля — 5 мая 1917 г. Пг., 1917. С. 266.

106

Варфоломеев Ю.В. Чрезвычайная Следственная Комиссия Временного Правительства и общество (историко-правовой анализ взаимодействия и взаимовлияния) // Информационная безопасность регионов. 2012. № 1. С. 151.

107

Куприянов М.И. Деятельность Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства (март — октябрь 1917 г.): дис. … канд. ист. наук. М., 2006. С. 39–43.

108

ГАРФ. Ф. 1467. Оп.1. Д. 972.

109

Цит. по: *Лукоянов И.В.* Наказанные без вины: Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства и ее подследственные // Власть, общество и реформы в России в XIX — начале XX в.: исследования, историография, источники. СПб., 2009. С. 227.

Коренев С.А. Чрезвычайная комиссия по делам о бывших министрах // Архив русских революций. Т. VII. Берлин, 1922. С. 16.

Куприянов М.И. Указ. соч. С. 32.

Цит. по: *Лукоянов И.В.* Указ. соч. С. 227–228.

113

Первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Стенографический отчет. Т. 2. Заседания 12–24 июня 1917 г. М. — Л., 1931. С. 44–45.

Дело провокатора Малиновского: Материалы Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства. Сборник документов. М., 1992.

Зданович А.: «Создание ВЧК было импровизацией» // Комсомольская правда. 2017. 20 декабря.

116

Известия ВЦИК. 12 марта 1918.

117

Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 51. С. 48.

118

Ленин В.И. Биографическая хроника. М., 1976. Т. 7. С. 80.

119

Десятый съезд РКП(б). Март 1921 года. Стенографический отчёт. М., 1963. С. 618. *Кутузов В.А., Степанов О.Н.* Петроградские чекисты на страже революции. Л., 1987. С. 5.

Ирошников М.П. О партийном составе советского государственного аппарата в 1918 г. // Вопросы истории КПСС. 1974. № 9. С. 115.

Вопросы истории КПСС. 1988. № 12. С. 81.

122

Ленин В.И. и охрана государственной границы СССР. М., 1970. С. 327.

123

Лацис (Судрабс) М.Я. Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией. М., 1921. С. 10–11.

Капчинский О.И. Гвардейцы Ленина. Центральный аппарат ВЧК: структура и кадры. М., 2014. С. 145–146.

125

Там же. С. 168.

Правда. 29 мая 1918 г.

127

До апреля 1921 г. в партийных и советских официальных документах употреблялось понятие «Петербургский Комитет» РКП(б). Первое время партячейка роты ПК существовала отдельно от партячейки Петрочека, но её представитель приглашался на собрания последней.

Вопросы истории КПСС. 1988. № 12. С. 82.

129

Герои Октября. Биографии активных участников подготовки и проведения Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. Л., 1967. Т. 2. С. 439–440.

Спирин Л.М. Классы и партии в Гражданской войне в России (1917–1920). М., 1968. С. 129.

Вопросы истории КПСС. 1988. № 12. С. 83.

132

Петроградская правда. 1919. 31 января.

Вопросы истории КПСС. С. 84.

134

Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии 1917–1921 гг. Сборник документов. М., 1958. С. 349.

135

Вопросы истории КПСС. С. 85.

Очерки истории Ленинградской организации КПСС. М., 1980. Т. 2. С. 36, 484.

137

Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии. 1917–1921: Сборник документов. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1958. С. 50.

138

Там же. С. 134 – 137; Лубянка: Органы ВЧК – ОГПУ – НКВД – НКГБ – МГБ – МВД – КГБ. 1917–1991: справочник. М.: МФД, 2003. С. 307 – 310.

139

Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии… С. 117.

140

Губчека: Сб. документов и материалов из истории Саратовской губернской чрезвычайной комиссии, 1917–1921 гг. Саратов: Приволжское книжное издательство, 1980. С. 47 – 48.

141

Корпачев П.В. Правовой статус и роль ВЧК в борьбе с бандитизмом// Общество и право. 2013. № 3 (45). С. 54 – 56.

142

Губчека: Сборник документов и материалов из истории Саратовской губернской чрезвычайной комиссии… С. 73.

143

Архив ВЧК: Сборник документов. М.: Кучково поле, 2007. С. 164, 167.

Ф.Э. Дзержинский — председатель ВЧК — ОГПУ. 1917–1926. М.: МФД: Материк, 2007. С. 92 – 93.

145

Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 16011. Оп. 1. Д. 9. Л. 4 – 4об.

146

Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии… С. 225 – 226; Лубянка: Органы ВЧК – ОГПУ – НКВД – НКГБ – МГБ – МВД – КГБ. С. 307 – 310.

147

Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии… С. 233.

148

РГВА. Ф. 16011. Оп. 1. Д. 7. Л. 1 – 3.

149

РГВА. Ф. 16011. Оп. 1. Д. 9. Л. 6, 11.

150

В.И. Ленин и ВЧК: Сб. документов (1917–1922 гг.). 2-е изд., доп. М.: Политиздат, 1987. С. 116 – 118.

151

Руководящие начала по уголовному праву РСФСР // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917 – 1952. М., 1953. С. 59 – 60.

Губчека: Сб. документов и материалов из истории Саратовской губернской чрезвычайной комиссии… С. 98 – 99.

153

Отчет Центрального Управления Чрезвычайных Комиссий при Совнаркоме Украины за 1920 г. К 5-му Всеукраинскому съезду Советов. Харьков, 1921. С. 22 – 23.

154

Итоги и практика годичной деятельности Одесской Губчека. Одесса, 1921. С. 103 – 104.

155

В.И. Ленин и ВЧК. С. 372 – 373.

«Руководясь революционной совестью…». Барнаул: Управление архивного дела Алтайского края, 2006. С. 20.

157

Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. 1918–1921: Док. и материалы. М.: РОССПЭН, 2006. С. 483.

Там же. С. 530.

159

Там же. С. 342 – 343.

160

Отчет Центрального Управления Чрезвычайных Комиссий при Совнаркоме Украины за 1920 г. С. 21.

161

Ф.Э. Дзержинский — председатель ВЧК — ОГПУ… С. 215, 220.

162

Отчет Центрального Управления Чрезвычайных Комиссий при Совнаркоме Украины за 1920 г. С. 19 – 20.

163

Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг. («Антоновщина»): Документы и материалы. Тамбов, 1994. С. 60 – 61.

Там же. С. 152.

165

Там же. С. 119, 153 – 155.

Там же. С. 150 – 159.

167

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 76. Оп. 3. Д. 147. Л. 11 – 13.

Крестьянское восстание в Тамбовской губернии… С. 147.

169

Там же. С. 16, 178 – 179.

Там же. С. 218.

171

РГВА. Ф. 16011. Оп. 1. Д. 7. Л. 1 – 3.

172

Там же. Д. 9. Л. 36 – 37 об.

173

Там же. Д. 33. Л. 44–47.

Крестьянское движение в Поволжье. 1919–1922 гг.: Док. и материалы. М.: РОССПЭН, 2002. С. 468 – 473.

175

Нестор Махно… С. 580.

В.И. Ленин и ВЧК. С. 408.

177

РГВА. Ф. 39080. Оп. 1. Д. 14. Л. 179.

Там же. Д. 77. Л. 73об. – 74.

179

Там же. Д. 14. Л. 232 – 232 об.

180

Ф.Э. Дзержинский — председатель ВЧК — ОГПУ… С. 281 – 282.

181

Там же. С. 290 – 291.

182

Крестьянское восстание в Тамбовской губернии… С. 227, 259 – 260.

183

Там же. С. 762.

Губчека: Сб. документов и материалов из истории Саратовской губернской чрезвычайной комиссии… С. 166 – 173.

185

РГВА. Ф. 39080. Оп. 1. Д. 19. Л. 2–5.

«Руководясь революционной совестью…». С. 68.

187

Нестор Махно… С. 688 – 690.

Архив ВЧК… С. 123.

189

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 35. Д. 1294. Л. 17 об. 20.; Ф. 495. Оп. 2105. Д. 2612. Л. 8, 17.

190

ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 85. Д. 8543. Л. 1; Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 738. Оп. 2. Д. 1. Л. 2–4. Об Абае также: *Зданович А.А.* Польский крест советской контрразведки. Польская линия в работе ВЧК — НКВД. 1918–1938. М.: Крафт+, 2017. С. 440.

191

Архив ВЧК… С. 401

Ф.Э. Дзержинский — председатель ВЧК – ОГПУ… С. 223–224.

193

Отчет ВЧК за 4 года ее деятельности. М., 1922. С. 205.

Архив ВЧК… С. 439.

195

Очерки истории российской внешней разведки. Т. 2. М. 1997. С. 45.

Отчет ВЧК за 4 года ее деятельности. С. 206.

197

ГАРФ. Ф. Р-130. Оп. 5. Д. 89. Л. 565–566.

198

Там же. Ф. А406. Оп. 24 в. Л. 6. 1–2.

199

Там же. Ф. Р-130. Оп. 5. Д. 89. Л. 565–566. Подсчитано автором на основе штатной структуры и списка сотрудников отдела.

200

РГАСПИ. Ф.17. Оп. 112. Д. 108. Л. 2.

201

Лубянка: Органы ВЧК – ОГПУ – НКВД – НКГБ – МВД – КГБ… С. 20.

Там же. С. 22.

203

РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 7. Л. 18.

Там же. Д. 29709. Л. 1–7.

205

Отчет ВЧК за 4 года ее деятельности. С. 207.

206

РГАСПИ. Ф.17. Оп.84. Д. 227. Л. 57.

207

Лубянка: Органы ВЧК – ОГПУ – НКВД – НКГБ – МВД – КГБ… С. 23.

Отчет ВЧК за 4 года ее деятельности. С. 208.

209

Лубянка: Органы ВЧК – ОГПУ – НКВД – НКГБ – МВД – КГБ… С. 24.

210

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 8. Д. 617. Л. 1; Оп. 68. Д. 632. Л. 233об — 234. Подсчитано автором на основе писков членов партячейки отдела.

211

Лубянка: Органы ВЧК – ОГПУ – НКВД – НКГБ – МВД – КГБ… С. 24.

Плеханов А.М. ВЧК – ОГПУ. 1921–1928. М., 2003. С. 254.

213

РГАЭ. Ф. 870. Оп. 251. Д. 2082. Л. 3, 6, 8.

214

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 9. Д. 2025. Л. 31.

215

Там же. Оп. 84. Д. 227. Л. 57.

Там же. Оп. 112. Д. 206. Л.2.

217

Архив ВЧК… С. 470.

Шишлов В.И. Служба почетная и ответственная // Ветеран границы. 2013. № 4 (63). С. 44–47; *Хайров М.А.* Из истории оперативных органов пограничных войск // Там же. С. 48–55.

219

РГАЭ. Ф. 413. Оп. 2. Д.217. Л.15; Д. 158. Л. 221; Д. 243. Л. 247–248; Ф. 413. Оп.14. Д. 517. Л.21; Летопись пограничного века: к 100-летию со дня учреждения пограничной охраны / К. Н. Маслов (руководитель), А. Е. Белов, Ю. Ф. Кашлев, В.Ф. Нэх и др.] М.: КЖИ «Граница», 2017. С.24–25, 28–29; Пограничный округ: ретроспективный анализ (1960–1991) /Боярский В.И. и др. М.: КЖИ «Граница», ПНИЦ ФСБ России, 2015. С. 31–37; История охраны государственной границы. М.: ООО «Гренадеры», 2001. С.126–142; На страже границ Отечества. История пограничной службы. Краткий очерк. М.: КЖИ «Граница», 1998. С. 593–599. URL: http://www.fps.ru/fps.nsf (дата обращения: 14.02.2008).

220

РГАЭ. Ф.413. Оп.8-лс. Д. 4769. Л.28–34.

221

Там же. Оп. 14. Д. 393. Л. 245.

222

ГАРФ. Ф. 3524. Оп. 1. Д. 95. Л. 71.

223

РГАЭ. Ф. 413. Оп. 14. Д. 397. Л. 128 об.

Там же. Д. 397. Л. 46–46 об.

225

Там же. Д. 399. Л.108–110.

Там же. Д. 397. Л. 2.

227

Там же. Д. 398. Л. 47 об.

228

Там же. Л. 9–10 об.

229

Там же. Д. 396. Л. 378.

Ф.Э. Дзержинский — председатель ВЧК — ОГПУ… С.70.

231

Там же.

232

Еженедельник чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией. 1918. № 1. 22 сентября.

233

Центральный архив (ЦА) ФСБ России. Ф. КПИ. Д. 1441. Л. 80.

Ратьковский И.С. Хроника красного террора ВЧК. Карающий меч революции. М.: Яуза: Эксмо, 2017. С.178–179.

235

Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. Р-33. Оп. 1. 85. Л.30.

236

От ЧК до ФСБ. 1918–1998. Сборник документов и материалов по истории органов государственной безопасности Тверского края. Тверь: Тверское обл. книжно-журнальное изд-во, 1998. С. 40.

237

Там же. С.40–41.

Там же. С. 60.

239

Центр документации новейшей истории Ярославской области (ЦДНИЯО). Ф. 4773. Оп. 6. Д. 44. Л. 14.

240

Еженедельник ЧК. 1918. 6 октября (№ 3). С. 26.

241

Архив УФСБ России по Ивановской области (АУФСБИО). Протоколы заседаний Иваново-Вознесенской губЧК за 1918–1920 гг. Т.1. Л. 13.

242

ГАИО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 85. Л. 49.

243

Там же. Л. 30.

Там же. Д. 24. Л.13.

Там же. Л. 9.

АУФСБИО. Протоколы заседаний Иваново-Вознесенской губЧК за 1918–1922 гг. Т.1. Л. 1.

247

Здесь ошибка — в октябре 1918 г. г. Шуя была уездным центром вновь образованной Иваново-Вознесенской губернии.

248

Еженедельник чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией. 1918. № 4. 13 октября.

249

От ЧК до ФСБ… С. 84.

250

ГАИО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 85. Л. 30.

251

ВЧК уполномочена сообщить…, 1918 г. Жуковский, М.: Кучково поле, 2004. С. 275, 276.

Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 410.

253

ВЧК уполномочена сообщить… С. 279.

254

ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 2. Д.4. Л.38.

Там же. Л. 65.

Там же. Л. 54, 60–67.

257

Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. Р-601. Оп. 2. Д. 68. Л.11.

258

ГАЯО. Ф. Р-601. Оп. 2 Д. 283. Л. 24.

259

АУФСБ ВО. Арх. № 46. Л. 87.

260

Там же.

261

От ЧК до ФСБ… С. 59.

262

ЦА ФСБ России. Ф. 1. Оп. 2. Д. 56. Л. 4 об.

263

Там же.

264

ГАИО. Ф. Р. 33. Оп. 1. Д. 223. Л. 182.

265

Там же.

ЦА ФСБ России. Ф. 1. Оп. 3.Д. 86.

267

Отчет ВЧК за четыре года ее деятельности. С. 75.

Там же. С.76.

269

ГАИО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 85. Л. 30.

ЦА ФСБ России. Ф.1. Оп. 3. Д. 10. Л. 13.

Там же.

Ф.Э. Дзержинский — председатель ВЧК — ОГПУ… С.102

Цит. по: Верой и правдой. ФСБ. Страницы истории. Ярославль, 2001. С. 158.

Цит. по: *Зданович А.А.* Интриги разведки. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. С. 153.

Литвин А. Красный и белый террор в России. М.: Эксмо, Яуза, 2004. С. 19.

Без победителей: из истории Гражданской войны в Крыму / А. Г. Зарубин, В. Г. Зарубин. 2-е изд., испр. и доп. Симферополь: Антиква, 2008. С. 670.

277

Прошу доложить т. Дзержинскому: 95-летию создания органов безопасности в Крыму посвящается… Симферополь: Таврида, 2016. С. 9.

Терехов С.А. И. И. Каминский — первый руководитель советских органов государственной безопасности в Крыму // Парадигмы истории и общественного развития: сб. науч. тр. Вып.17–18. Севастополь: СевГУ, 2020. С.72.

Терехов С.А. Указ. соч. С.73.

280

Архив МВД России по Республике Крым. Оп.85. Д.1. Л.11.

281

Красный Крым. 1921. 9 февраля.

Крымский щит России. Симферополь: Н. Оріанда, 2019. С.34

283

Там же. С. 36–37.

284

Прошу доложить т. Дзержинскому… С. 93

285

Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. Р-1110. Оп. 1. Д.27. Л. 12–18.

ГАРК. Ф.Р-1110. Д. 50, 67, 68, 70, 110, 168, 256.

287

Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 38. Оп. 1. Д. 295. Л. 18.

Там же.

Там же. Л. 7.

Там же. Л. 2.

291

Там же. Л. 1.

Там же. Д. 310. Л. 2–4.

293

Там же. Л. 13–14.

Там же. Л. 17.

Там же. Л. 19.

Там же. Л. 14.

Соболева Т.А. История шифровального дела в России. М.: ОЛМА-ПРЕСС-Образование, 2002.

Гольев Ю.И., Ларин Д.А., Шанкин Г.П. Криптографическая деятельность революционеров в России. Полиция против революционеров // Защита информации. INSIDE. 2008. № 2. С. 86–96.

Гольев Ю.И., Ларин Д.А., Тришин А.Е., Шанкин Г.П. Начало войны в эфире // Защита информации. INSIDE. 2005. № 3. С. 89–96.

Соболева Т.А. Указ. соч. С. 336.

301

Там же. С. 409–410.

Востоков К. Рождение радиоразведки // Независимое военное обозрение. 2000. № 30. С. 7.

303

Очерки истории российской внешней разведки: в 6 т. М.: Междунар. отношения, 1996. Т. 2. С. 84.

Мерзляков В. КРО ОГПУ: люди и судьбы двадцатых // Тайные операции российских спецслужб с IX по XXI век. М.: «Гелиос», 2000. С. 215–252.

305

Очерки истории российской внешней разведки. Т. 2. С. 239.

306

Дашнаки — члены националистической партии «Дашнакцутюн», правившей в армянской республике в 1918–1920 гг.; в феврале 1921 г. они организовали антисоветский мятеж, а после его подавления действовали за границей СССР.

307

Очерки истории российской внешней разведки. Т. 2. С. 245.

Цит. по: Часовые советских границ. Краткий очерк Пограничных Войск СССР. Изд. второе, дополненное. М., 1984. С. 29–30.

Декреты Советской власти. Т. II. М.: Политиздат, 1959. С. 331.

Там же. С. 332.

311

Там же.

Минаев А.В. Становление и организация системы управления Пограничной охраной Советского государства (1917–1923 гг.). URL: https // cyperleninka/ ru (дата обращения: 18.11.2020).

313

Декреты Советской власти. С. 331.

Минаев А.В. Указ. соч.

315

Декреты Советской власти. С. 333.

316

РГИА ДВ. Ф. р-2422. Оп. 1. Д. 140. Л. 1об.

317

Там же. Ф-372. Оп. 1. Д. 198. Л. 20, 50.

318

Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. П-2. Оп. 2. Д. 19. Л. 18.

319

Там же. Л. 162–163.

Там же. Л. 161.

321

Там же.

322

Арапов Д.Ю., Косач Г.Г. Ислам и мусульмане по материалам Восточного отдела ОГПУ. 1926 год. М.: Нижний Новгород, 2007; *Гусева Ю.Н.* Восточное измерение деятельности ОГПУ: «Восток» между географией, знанием и политикой // Уроки Октября и практики советской системы. 1920–1950-е годы: Материалы X международной научной конференции. Москва, 5–7 декабря 2017 г. М., 2018. С. 434–446; *Ее же.* Первые циркуляры Восточного отдела ОГПУ 1922–1923 гг.: советская контрразведка и «восточный» вектор российской политики // Отечественные архивы. 2018. № 2. С. 56–61; Ислам и советское государство. Вып. 1 (по материалам Восточного отд. ОГПУ. 1926 г.). М., 2010; *Карташов А.А.* Восточное направление в деятельности ВЧК — ОГПУ // ВЧК (1917–1922): к столетию создания / Сборник статей и документов. М., 2017. С. 349–364; *Христофоров В.С.* Советские спецслужбы открывают Восток. М.: РГГУ, 2019.

Гусева Ю.Н. Указ. соч. С. 434–446.

324

Егоров Н.А., Цыбин А.Ю. Белоэмигрантские организации на Дальнем Востоке в 20-30-х гг. XX в. и деятельность советских спецслужб // Проблемы Дальнего Востока. 2008. № 5. С. 77–88.

325

Христофоров В.С. Материалы Центрального архива ФСБ России о Монгольской Народной Республике начала 1920-х годов / Вестник Бурятского науч. центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2012. № 4. С. 56–68; *Христофоров В.С., Гусева Ю.Н.* Монголо-буддийские сюжеты в «восточной» работе советских спецслужб в 1922–1934 гг. / Terra Eurasica: к 60-летию академика Б.В. Базарова: Сборник научных статей. Иркутск: «Оттиск», 2020. С. 152–177.

Соловьев А.В. Тревожные будни забайкальской контрразведки. М.: «Русь», 2004.

Монголия в документах архивов ФСБ России (1922–1936 гг.): Сборник документов. М.: ИВ РАН, 2019.

328

ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 519. Л. 366.

329

Приказом ОГПУ от 10 сентября 1930 г. в целях объединения работы по всем видам шпионажа и по «белогвардейско-кулацкой и повстанческой контрреволюции как в самой Красной армии, так и вне ее, ВО и КРО были ликвидированы и влиты в Особый отдел ОГПУ (См.: Лубянка: Органы ВЧК — ОГПУ — НКВД — НКГБ — МГБ — МВД — КГБ… С. 47–48).

При этом материалы по мусульманам Китая и Синьцзяна предписывалось направлять в Восточный отдел.

331

Гусева Ю.Н. Первые циркуляры Восточного отдела ОГПУ 1922–1923 гг.: советская контрразведка и «восточный» вектор российской политики // Отечественные архивы. 2018. № 2. С. 56–61.

Монголия в документах архивов ФСБ России… С. 6.

333

ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 3. Д. 237. Л. 169–171.

334

Архив УФСБ России по Республике Бурятия. Ф. 5. Оп. 6. Д. 6. Л. 337.

История Бурятии: в 3 т. Т. 3. XX–XXI век. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. С. 119.

Монголия в документах архивов ФСБ России… С. 34–37.

337

Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 17. Л. 11.

Монголия в документах архивов ФСБ России… С. 34–37.

339

Там же. С. 51.

340

Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 17. Л. 14.

341

Там же. Д. 141. Л. 44–46.

342

ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 1. Д. 655. Л. 27–43.

343

ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 1. Д. 655. Л. 15; *Христофоров В.С.* Описание «внутреннего» и зарубежного Востока в обзорах советских спецслужб 1920-х — 1930-х годов: темы, термины, идеи // Труды Института востоковедения РАН. Вып. 17: Архивное востоковедение (Материалы симпозиума к 200-летию ИВ РАН). М.: ИВ РАН, 2018. С. 235–248.

Монголия в документах архивов ФСБ России… С. 135, 137, 141–143, 214–218.

345

Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 9920. Л. 34–37.

346

Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 141. Т. 2. Л. 124; ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 8. Д. 378. Л. 78; Ф. 3. Оп. 3. Д. 1343. Л. 10–13, 198.

347

Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 141. Т. 2. Л. 177–184; Д. 9920. Л. 176–177об.

348

ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 8. Д. 307. Л. 1–5, 9–13, 54–58; Д. 378. Л. 12–18, 76–77, 99, 323–323об, 395; Оп. 10. Д. 531. Л. 128–128об.

349

Панчен-лама — второй по рангу лама после Далай-ламы.

Яньшин А. Становление информационной службы ВЧК — ОГПУ // ВЧК (1917–1922): к столетию создания / Сборник статей и документов. М.: ИРИ РАН, 2017. С. 326; *Христофоров В.С.* Описание «внутреннего» и зарубежного Востока в обзорах советских спецслужб 1920-х — 1930-х годов: темы, термины, идеи // Труды Института востоковедения РАН. Вып. 17: Архивное востоковедение (Материалы симпозиума к 200-летию ИВ РАН). М.: ИВ РАН, 2018. С. 235–248.

351

ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 1. Д. 794. Л. 105–106.

Там же. Оп. 8. Д. 53. Л. 321–322.

Долматов В. Главные документы ВЧК. М., 2017. С. 268, 366.

Христофоров В.С. История советских органов госбезопасности: 1917–1991 гг.: учебное пособие. М., 2015. С. 20–21.

Линдер К. Б., Чуркин С.А. Спецслужбы России за 1000 лет. М., 2008. С. 623.

Христофоров В.С. История советских органов госбезопасности… С. 98.

357

Христофоров В.С. О высылке меньшевиков из России в 1922 году // Интеллигенция России и Запада в XX–XXI вв.: поиск, выбор и реализация путей общественного развития. Материалы научной конференции, 28–29 мая 2004 г. Екатеринбург, 2004. С. 115–117; *Его же.* Высылка ученых и деятелей культуры из России в 1922 г. в документах ГПУ // Русский Берлин: 1920–1945: Междунар. науч. конф. М.: Русский путь, 2006. С. 39–65; *Христофоров В.С., Макаров В.Г.* Из истории репрессий меньшевиков в 1921–1923 годах (По материалам Центрального архива ФСБ) // Архив еврейской истории / Международный исследовательский центр российского и восточноевропейского еврейства. Т. 4. М., 2007. С. 189–218.

Христофоров В.С., Макаров В.Г. К истории Всероссийского комитета помощи голодающим // Новая и новейшая история. 2006. № 3. С. 198–205.

359

Христофоров В.С., Макаров В.Г. Гангстеры и филантропы. АРА под зорким наблюдением чекистов // Родина. 2006. № 8. С 79–85; *Они же.* Новые данные деятельности Американской администрации помощи // Новая и новейшая история. 2006. № 5. С. 230–243.

Христофоров В.С. «Философский пароход». Высылка ученых и деятелей культуры из России в 1922 г. // Новая и новейшая история. 2002. № 5. С. 126–170; *Его же.* С.П. Мельгунов — пассажир «философского парохода» (1922 г.) // Новая и новейшая история. 2003. № 2. С. 119–140; *Христофоров В.С., Макаров В.Г.* Пассажиры «философского парохода» (судьбы интеллигенции, репрессированной летом — осенью 1922 г.) // Вопросы философии. 2003. № 7. С. 113–137.

361

«Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 г.). Т. 1. Ч. 1. М., 2001. С. 203.

Христофоров В.С. История советских органов госбезопасности: 1917–1991 гг.: учебное пособие. М., 2015. С. 98.

363

Подробнее о работе ГПУ — ОГПУ по «восточной контрреволюции» см.: *Христофоров В.С.* Советские спецслужбы открывают Восток. М., 2019. С. 33–46, 61–82; *Его же.* Восточные окраины» как объект изучения Восточного отдела ГПУ — ОГПУ (1922–1923) // Уральский исторический вестник. 2019. № 2 (63). С. 104–111.

Христофоров В.С. Алихан Букейханов: «Советскую власть не люблю…» (по материалам ЦА ФСБ России) // Вестник Евразийского университета имени Л.Н. Гумилева. 2016. № 5 (114). С. 293–297; *Его же.* В целях изоляции Алихана Букейханова от казахского населения выслать его в Москву (по материалам ЦА ФСБ России) // Российская история. 2017. № 43. С. 66–74 и др.

Христофоров В.С. История советских органов госбезопасности. 1917–1991 гг. М., 2015. С. 15–116.

Маор И. Сионистское движение в России. Иерусалим, 1977. С. 373–374.

367

Рабоче-крестьянский Нижегородский листок. 1918. № 47. С. 2.

Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм. М., 2003. С. 74.

369

Сионистские партии и организации в СССР. 1920-е гг.: в 2 кн. Кн. 1. М., 2019. С. 28–75.

«Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.): сб. док. Т. 1. В 2 ч. Ч. 2. М., 2001. С. 861.

«Совершенно секретно»… Там же. С. 877.

«Совершенно секретно»... Т. 2. М., 2001. С. 155–156.

Там же. С. 211.

Там же. С. 296.

Там же. Т. 3. Ч. 1–2. М., 2002. С. 134.

Там же. Т. 4. Ч. 1. М., 2001. С. 389.

Там же. Т. 5. М., 2003. С. 380.

Там же.

Там же. Т. 5. М., 2003. С. 508.

Там же. Т. 6. М., 2002. С. 196.

Каймаразов Г.Ш. Формирование социалистической интеллигенции на Северном Кавказе. М., 1988. С. 40.

382

Жанситов О.А. Воспоминания Г.С. Русакова о революционной деятельности в Кабарде и Балкарии // Политические репрессии в Кабардино-Балкарии в 1918–1930-х годах (статьи и документы): бюллетень Кабардино-Балкарского республиканского правозащитного центра. Нальчик, 2011. Вып. 5. С. 22.

383

Арапов Д.Ю. Ислам на Северном Кавказе в 20-е гг. (по материалам ОГПУ) // Ислам и Советское государство (1917–1936). Вып. 2. М., 2010. С. 194.

Лубянка: ВЧК — ОГПУ — НКВД — НКГБ — МГБ — МВД — КГБ… С. 101.

Христофоров В.С. Советские спецслужбы открывают Восток. М., 2019. С. 118–119.

Ислам и советское государство (по материалам Восточного отдела ОГПУ). М., 2010. Вып. 1. С. 77.

387

Емтыль З.Я. «Внимание на борьбу с так называемым прогрессивным духовенством…»: советская власть и мусульманское духовенство Северного Кавказа в 1920-е — начале 1930-х гг. (по материалам Адыгеи, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии) // Вестник РУДН. Сер. «История России». 2010. № 1. С. 156.

388

Управление центра документации новейшей истории Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики (УЦДНИ АС КБР). Ф. 1. Оп. 1. Д. 25. Л. 14–15.

389

РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 353. Л. 36.

Там же. Ф. 17. Оп. 84. Д. 537. Л. 4.

391

Диманштейн С.М. Антирелигиозная работа на Востоке // Революция и культура. 1929. № 9–10. С. 69.

Там же. С. 69.

Кармов Р.К. Неопубликованные речи большевиков или скрытая правда времени // Архивы и общество. 2008. № 4. С. 300.

Ислам и советское государство… С. 85.

395

РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 4. Д. 117. Л. 9.

ЦК РКП (б) — ВКП (б) и национальный вопрос. Кн. 1. 1918–1933 гг. М., 2005. С. 502.

397

УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 115. Л. 46–47.

398

Управление центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики. Ф. И.-26. Оп. 1. Д. 10. Л. 56.

Там же. Л. 6.

Книга Памяти жертв политических репрессий. Кабардино — Балкария. 1920–1941. Нальчик, 2009.

Христофоров В.С. Советские спецслужбы открывают Восток. С. 43.

402

Лубянка: ВЧК — ОГПУ — НКВД — НКГБ — МГБ — МВД — КГБ… С. 124.

403

Всесоюзная коммунистическая партия. Ленинградская губернская конференция (1927; 24). XXIV Ленинградская губернская конференция ВКП(б): Стенографический отчет и резолюции. Л.: Прибой, [1927].

«Совершенно секретно»… Т. 5. 1927 год. URL: http: // istmat. info //safety.spbstu.ru/book/hrono/sobyt/1927sssr.html, свободный (дата обращения: 07.05.2020).

Данилов В. П. К истории сталинского террора // Куда идет Россия? Формальные институты и реальные практики: Материалы девятого международного симпозиума. М.: МВШСЭН. 2002. С. 311.

Ларионов В. А. Боевая вылазка в СССР. Париж: Борьба за Россию. 1931. URL: https: // royallib. com. /book/ viktor_ larionov/ boevaya_vilazka_ v_ sssr.html/ (дата обращения: 03.05.2020).

407

Архив Управления ФСБ России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (АУФСБ России по СПб и ЛО). Ф. 8. Оп. 6. Д. П-92158. Л. 83–89.

Ларионов В. А. Указ. соч.

409

Там же.

Там же.

411

Архив УФСБ России по СПб и ЛО. Ф. 8. Оп. 6. Д. П-16/1-12. Л. 5.

Там же. Л. 6.

413

Там же. Л. 7.

Там же. Л. 13.

415

Там же. Л. 152.

Там же. Л. 218.

417

Там же. Л. 212–213.

Там же. Л. 319.

419

Там же. Л. 320.

Там же. Л. 321.

421

Там же. Л. 322.

Там же. Л. 324.

Зданович А.А. Польский крест советской контрразведки. М.: Яуза. 2019. С. 407–408.

424

Архив УФСБ России по СПб и ЛО. Ф. 8. Оп. 6. Д. П-16/1-12. Л. 1.

425

Красная газета. Утренний выпуск. 1927. 25 сентября.

426

Егоров Н.А. Дальневосточный отдел диверсионно-террористической организации «Братство Русской Правды» // Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 4. С.141–142.

427

ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 165. Л. 46.

428

Егоров Н.А. Борьба дальневосточных органов государственной безопасности СССР с подрывной деятельностью белоэмиграции в 20-е годы XX в. // Пограничная деятельность органов федеральной службы безопасности Российской Федерации по обеспечению национальных интересов государства в Дальневосточном федеральном округе: материалы Всеросс. науч. — практ. конф. 13 апреля 2011 года. Ч. 2. Хабаровск: Хабаровский пограничный институт ФСБ России, 2011. С.299–300.

429

Государственный архив Амурской области. Ф. 376. Оп. 2. Д. 57. Л. 1, 6, 28, 138.

430

ГАХК. Ф. П-2. Оп.1. Д. 98. Л. 21–22.

431

Егоров Н.А., Цыбин А.Ю. Белоэмигрантские организации на Дальнем Востоке в 20-х — начале 30-х гг. XX в. и деятельность советских спецслужб // Проблемы Дальнего Востока. 2008. № 5. С. 83.

ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 6. Д. 612. Л. 333.

Там же. Д. 321. Л. 134.

Там же. Оп. 11. Д. 1677. Л. 112.

435

Егоров Н.А., Ширяев В.А. Пресечение подрывной деятельности против Советской России на Дальнем Востоке в 1920-е годы // Военно-исторический журнал. 2012. № 4. С. 20–21.

Николаев С. «Маки-Мираж». Из истории отечественных спецслужб. Хабаровск, 2000. С. 56.

Егоров Н.А., Цыбин А.Ю. Указ. соч. С. 84.

Там же. С. 85.

Остряков С.З. Военные чекисты. М., 1979. С. 126.

ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 165. Л. 93–442.

441

Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 3. Оп. 30. Д. 226. Л. 1–2.

Там же. Л. 3.

Там же. Л. 14.

Там же. Д. 223. Л.52–58.

Там же. Л. 65–69.

Там же. Д. 224. Л. 68–74.

447

Архив Президента Российской Федерации (АП РФ). Ф. 3. Оп. 58. Д. 54. Л. 7

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 30. Д. 224. Л. 108.

449

АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 23. Л. 136–149

450

Декреты Советской власти, Т. 2. М.: Политиздат, 1959. С. 331–333.

451

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 16011. Оп. 2. Д. 5. Л. 1–2.

452

17 октября 1923 г. Р.В. Менжинский был назначен первым заместителем председателя ОГПУ.

ВЧК (1917–1922 гг.): к столетию создания: сборник статей и документов. М.: ИРИ РАН, 2017; *Зданович А.А.* Органы государственной безопасности и Красная армия: Деятельность органов ВЧК — ОГПУ по обеспечению безопасности РККА (1921–1934). М.: «Икс-хистори»; Кучково поле, 2008; *Мозохин О.Б.* ВЧК — ОГПУ — НКВД на защите экономической безопасности государства. 1917–1941 годы. М.: «ТД Алгоритм», 2016.

Лацис М.Я. Два года борьбы на внутреннем фронте. М., 1920. С. 13.

20 лет ВЧК— ОГПУ — НКВД. М., 1938.

Софинов П.Г. Очерки истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии (1917–1922 гг.). М., 1960.

Там же. С. 149–152, 187–188.

Велидов А.С. Коммунистическая партия — организатор и руководитель ВЧК. М., 1967. С. 72–78.

Там же. С. 386–388.

Голинков Д.Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. В 2 кн. 2-е изд. М.: Политиздат, 1978.

Там же. Кн. 1. С. 121–130.

Там же. Кн. 2. С. 172–180.

463

Кутузов В.А., Лепетюхин В.Ф., Седов В.Ф., Степанов О.Н. Чекисты Петрограда на страже революции. Л.: Лениздат, 1987.

Литвин А.Л. Красный и белый террор в России. 1918–1922 гг. Казань, 1995; *Рассказов Л.П.* Карательные органы в процессе формирования и функционирования административно-командной системы в советском государстве (1917–1941). Уфа, 1994; *Ратьковский В.С.* Всероссийская чрезвычайная комиссия и политика красного террора в Советской России в 1918 г.: автореф. дис. … канд. ист. наук. СПб., 1996.

Плеханов А.М. ВЧК — ОГПУ: Отечественные органы государственной безопасности в период новой экономической политики. 1921–1928. М.: Кучково поле, 2006.

Там же. С. 462–467.

Епихин А.Ю., Мозохин О.Б. ВЧК — ОГПУ в борьбе с коррупцией в годы новой экономической политики (1921–1928). М.: Кучково поле; Гиперборея, 2007; *Мозохин О.Б.* ВЧК — ОГПУ — НКВД на защите экономической безопасности государства. 1917–1941 годы. М.: «ТД Алгоритм», 2016; *Цыбин А.Ю.* Деятельность дальневосточных органов ГПУ – ОГПУ по реализации социально-экономической политики СССР в регионе: 1922–1934 гг.: дис. … канд. ист. наук. Хабаровск, 2010 и др.

Епихин А.Ю., Мозохин О.Б. Указ. соч. С. 85–121.

Там же. С. 261–283.

Шатилов А.П. Транспортные органы ВЧК в годы Гражданской войны // ВЧК (1917–1922 гг.): к столетию создания: сборник статей и документов. М.: ИРИ РАН, 2017. С. 365 – 380.

471

Василевский В.П., Сушко А.В. Кадровый отбор в Сибирскую школу по подготовке сотрудников государственного политического управления (ГПУ) на транспорте // Научные ведомости БелГУ. Сер. История. Политология. Экономика. Информатика. 2013. № 15 (158). Т. 27. С. 133–139.

472

Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т.1. Кн. 2. М.: А/О «Книга и бизнес», 1995. С.164–165.

Борьба с эпидемиями в СССР в мирное и военное время. URL: https://smolbattle.ru/threads/ (дата обращения: 02.12.2020).

По состоянию на 1920 г. в Сызрани проживало около 53 тыс. человек. — *А.Д.*

Цит. по: Изоляция, вакцинация и расстрел: как в СССР боролись с эпидемиями. URL: https://www.mk.ru/amp/social/2020/03/19/izolyaciya-vakcinaciya-i-rasstrel-kak-v-sssr-borolis-s-epidemiyami.html. (дата обращения: 02.12.2020).

Докладная записка ОГПУ об эпидемии в Уральской области по состоянию на 10 июня 1933 г. URL: http://istmat.info/node/59403 (дата обращения: 02.12.2020).

477

Сообщение ОГПУ об эпидемии в Уральской области по состоянию на 13 июня 1933 года. URL: http://istmat.info/node/59401 (дата обращения: 12.12.2020).

Там же.

Сообщение ОГПУ с заключением профессоров-эпидемиологов Никанорова, Суворова и Князецкого о причинах эпидемии в Уральской области от 25 июня 1933 г. URL: http://istmat.info/node/59400 (дата обращения: 14.12.2020).

Сообщение ОГПУ об эпидемии в Уральской области по состоянию на 26 июня 1933 года. URL: http://istmat.info/node/59399 (дата обращения: 16.12.2020).

481

Бадугинова М.В. Борьба с эпидемией чумы в Калмыцкой АССР и Сталинградской области в 1937–1938 гг. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. № 12. 2012. С. 108–113.

482

Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т.2. Кн. 1. М.: Издательство «Русь», 2000. С.448–450.

483

Об участии органов госбезопасности в предотвращении эпидемии холеры в г. Сталинграде летом 1942 г. см.: *Христофоров В.* Сталинград: Органы НКВД накануне и в дни сражения. М.: ОАО «Московские учебники и Картолитография», 2008. С. 29–30.

484

Центральный государственный особый архив (ЦГОА). Ф. 500. Оп.1. Пор. 756. Л. 25, 25об., 26.

485

Там же. Пор. 757. Л. 57–58.

Андрианов В.Н. Участие чекистов в партизанской борьбе в годы Великой Отечественной войны. М.: ВКШ КГБ СССР, 1990. С. 109.

Незримого фронта солдаты. Тула, 1971. С. 125.

488

Орджоникидзеград — железнодорожная станция в Бежитском районе Брянской области.

489

Незримого фронта солдаты. С. 125.

Медведев Д.Н. Партизанская война, разведывательная и диверсионная работа в оккупированных районах. М., 1942. С. 21.

491

Там же. С. 21.

Там же.

Андрианов В.Н. Указ. соч. С. 111.

Честь и верность. 70 лет военной контрразведке Тихоокеанского флота. Владивосток: Рус. остров, 2002. С. 38.

495

Отдельные материалы из фонда 78 дела 49 Архива Управления ФСБ России по Омской области, касающейся организации подготовки оперативных сотрудников ОО НКВД ТОФ в период Великой Отечественной войны, рассекречены решением экспертной комиссии разработчика документов.

496

Архив Управления ФСБ России по Омской области. Ф. 78. Оп. 1. Д. 49. Л. 45.

Там же. Л. 65.

Там же. Л. 63–64.

499

Там же. Л. 66–67.

500

Контрразведка ВМФ СССР. 1941–1945/ В.С. Христофоров, А.П. Черепков, Д.Ю. Хохлов. М.: Вече, 2015. С. 269

501

Честь и верность… С. 153–154.

502

На долю Кавказа приходилось 86,5 % общей доли добычи нефти, 65 % — природного газа, 56,5 % — марганцевой руды. Один Бакинский район давал почти три четверти всей нефти, добывающейся в СССР. См.: *Мощанский И.Б.* Оборона Кавказа. Великое отступление. 25 июля — 31 декабря 1942 года. М.: Вече, 2010. С. 6; Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: сборник документов. М., 1995. Т. II. Кн. 1. С. 361, 374, 379, 381–383; *Христофоров В.С.* Органы госбезопасности СССР в 1941–1945 гг. М.: Изд-во Главного архивного управления города Москвы, 2011. С.160; Великая Отечественная война: Вопросы и ответы / П.Н. Бобылев [и др.]. М.: Политиздат, 1984. С. 162–165.

503

Битва за Кавказ в 1942–1943 гг. делится на два периода: оборонительный (с июля 1942 г. до начала января 1943 г.) и наступательный (с начала января до октября 1943 г.). Летом 1942 г. Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкария, часть Северной Осетии и небольшая территория Ингушетии оказались в зоне немецкой оккупации. — *Авт.*

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне… 2000. Т. II. Кн. 1. С. 556–557.

505

Ибрагимбейли Х.М. Крах «Эдельвейса» и Ближний Восток. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1977. С. 204–206; Без грифа «секретно». Из истории органов безопасности на Кубани: очерки, статьи, документальные повести УФСБ России по Краснодарскому краю. Краснодар: Диапозон-В, 2008. С.477–485.

506

Безугольный А.Ю., Бугай Н.Ф., Кринко Е.Ф. Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: проблемы истории, историографии и источниковедения. М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2012. С. 310.

507

Безугольный А.Ю., Бугай Н.Ф., Кринко Е.Ф. Указ. соч. С. 308; *Сулейманов С.И.* Чекисты на войне. Махачкала: Изд-во «Юпитер», 2005. С. 102; *Христофоров В.С.* Указ. соч. С. 196.

Безугольный А.Ю., Бугай Н.Ф., Кринко Е.Ф. Указ. соч. С. 308.

509

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне… 2003. Т. III. Кн. 1. С. 242.

Там же. Кн. 2. С. 241.

511

Синицын Ф.Л. Советская нация и война. Национальный вопрос в СССР. 1933–1945. М.: Центрполиграф, 2018. С. 166.

512

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне… 2003. Т. III. Кн. 1. С. 515.

513

Там же.

514

НКВД — МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939–1956): сборник документов. М.: Объединенная редакция МВД России, 2008. С. 511.

Сулейманов С.И. Указ. соч. С. 124–125.

516

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне… С. 362.

517

Там же. С. 362.

Безугольный А.Ю., Бугай Н.Ф., Кринко Е.Ф. Указ. соч. С. 306–307.

519

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне… Т. II. Кн. 2. С. 322.

520

Численность истребительных батальонов в республиках, краях и областях Северо-Кавказского региона и Закавказья увеличилась на 9700 человек. По Краснодарскому краю — на 3975 человек, по Орджоникидзевскому краю — на 2000 человек, по Грузинской ССР — на 2375 человек, по Чечено-Ингушской АССР — на 700 человек, по Дагестанской АССР — на 250 человек, по Кабардино-Балкарской АССР — на 400 человек. — Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне… С. 465.

521

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне… Т. II. Кн. 1. С. 302, 304, 310–312, 313–315, 316–317; Органы государственной безопасности и общество. Кабардино-Балкария (1920–1992): сборник документов и материалов. Нальчик: Изд. центр «Эльфа», 2007. С. 130–135, 137–138.

522

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне… Т. III. Кн. 1. С. 242.

Там же. Т. I. Кн. 1. С. 22, 79–81.

Сулейманов С.И. Указ соч. С. 78–79.

Там же. С. 82–83.

Там же. С. 84.

527

Пачулия В. Борьба с германской разведкой на территории Абхазии (1941–1945 гг.) // Ученые записки Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья. Т. I. Абхазия. М., 2013. С. 172–189.

Сулейманов С.И. Указ. соч. С. 85.

529

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне… Т. III. Кн. 2. С. 514, 515.

Сулейманов С.И. Указ соч. С. 108–109.

531

Там же. С. 110.

Вязьменский С.Б. Ленинградская битва 1941–1944. Партизанский отряд Франциско Гульона: судьба и память. М., 2019.

533

ЦГАИПД СПб. Ф. Р-116 л. Оп. 1. Д. 218. Л. 28, 45.

Там же. Д. 41. Л. 18.

Вязьменский С.Б. Указ. соч. С. 37–41

536

ЦГАИПД СПб. Ф. Р-116 л. Оп. 1. Д. 366. Л. 95.

537

Там же. Д. 815. Л. 73

Там же. Оп. 34. Д. 192. Л. 3, 17.

Там же. Оп. 4. Д. 99. Л. 68 об.

Вязьменский С.Б. Указ. соч. С. 42–45.

Там же. С. 92–96.

542

Ковалев Б.Н. Деятельность советских спецподразделений в тылу группы армий «Север» (1942–1944 гг.) // Вестник Новгородского государственного университета. 2013. № 72. С. 10–11.

543

Российский государственный военный архив. Ф. 40973. Оп. 1. Д. 135. Л. 2.

О заседании Общественного совета при ФСБ России // URL: http://www.fsb.ru/fsb2019/press/message/single.htm%21id%3D10438972%40fsbMessage.html (дата обращения: 10.01.2020).

545

Сборник оригинальных и переводных статей М. Драгомирова. Т. 1. 1858–1880. СПб., 1881. С. 444.

На страже границ Отечества. Пограничные войска России в войнах и вооруженных конфликтах XX в. Т. 3. М., 2000. С. 348.

Городинский В. Правда истории или мифология? Малоизвестные страницы служебно-боевой деятельности Пограничных войск НКВД СССР в начальный период Великой Отечественной войны. М., 2016.

Городинский В. Стойко и мужественно выговаривать правду // Граница России. 2013. № 5; *Его же.* Стойко и мужественно выговаривать правду // Граница России. 2013. № 6; *Его же.* Стойко и мужественно выговаривать правду // Граница России. 2013. № 7; *Его же.* Стойко и мужественно выговаривать правду // Граница России. 2013. № 8.

Бандурин С.Г. «Карты одни, выводы разные. Или как создаются мифы истории» // Исторические чтения на Лубянке. 2016 год. Отечественные органы безопасности: история и современность. М., 2017. С. 319–324; *Смирнов П.А.* Правда истории или мифология? // URL: http://www.chekist.ru/article/4961 (дата обращения: 10.12.2020); *Плеханов А.М.* «Для того, чтобы с толком искажать историю, её надо знать» // URL: http://www.chekist.ru/article/4967 (дата обращения: 10.12.2020); *Смирнов П.А.* Правда истории или мифология? Продолжение дискуссии. URL: http://www.chekist.ru/article/4983 (дата обращения: 10.12.2020) и др.

550

Овчинников Петр Иванович (17.07.1918 г.р., с. Ново-Славянка ныне Ижморского р-на Кемеровской обл. — 9.08.1945), советский воин-пограничник, именем которого названа пограничная застава, младший сержант.

551

Здесь и далее выделенное курсивом в оригинале документа вписано от руки.

552

Архив Центрального пограничного музея ФСБ России. Д. ДНВ-1653. Л. 15–16.

553

Там же. Д. ДНВ-1655. Л. 66–68.

Заседание Российского организационного комитета «Победа». 12 июля 2013 г. 17:40. Прохоровка. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/18714 (дата обращения: 10.12.2020).

555

Мозохин О.Б. Статистические сведения о деятельности органов ВЧК — ОГПУ — НКВД — МГБ (1918–1953 гг.). М.: ООО «ТД Алгоритм», 2016. С. 15, 188–230.

556

Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1952. С. 9–10.

Там же. С. 10–11.

Вольхин А.И. Контрразведка Урала и Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). М. 2000. С. 203.

559

Архив Регионального управления ФСБ России по Архангельской области (АРУФСБ РФ по АО). Ф. 7. Д. П-18796. Л. 1–52

Там же. Л. 1–56.

561

Там же. Л. 48.

562

О двойственной природе советских спецслужб см.: *Демидов А.М.* Деятельность территориальных органов государственной безопасности на объектах оборонной промышленности. Июнь 1941 — апрель 1943 гг. (по опыту работы органов госбезопасности Урала и Поволжья). М., 1992. С. 20–21.

563

Постановление ЦИК и СНК СССР от 5 ноября 1934 года «Об Особом совещании при Народном Комиссариате внутренних дел Союза ССР» // Свод законов СССР. 1935. № 11. Ст. 84

564

Мозохин О.Б. Право на репрессии. Внесудебные полномочия органов государственной безопасности. Статистические сведения о деятельности ВЧК — ОГПУ — НКВД — МГБ СССР (1918–1953): монография. М.: Кучково поле, 2011. С. 164.

565

Лубянка: Сталин и НКВД — НКГБ — ГУКР «Смерш». 1939–март 1946: Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. М.: МФД: Материк, 2006. С. 223–224.

566

РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 25. Л. 142–143.

567

Там же. Оп. 1. Д. 14. Л. 101.

568

ГАРФ. Ф. Р–8131. Оп. 38. Д. 78. Л. 102–103.

569

Лубянка: Сталин и НКВД — НКГБ — ГУКР «Смерш». 1939 — март 1946: Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. М.: МФД: Материк, 2006. С. 377.

ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 1а. Д. 93. Л. 218–223.

571

Там же. Ф. Р-8131. Оп. 38. Д. 96. Л. 97–99.

Цит. по: *Обухов В.В.* Правовые основы организации и деятельности военных трибуналов войск НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (историко-правовое исследование): дис. …канд. юрид. наук. М., 2002. С. 120–121.

573

Мулукаев Р.С., Малыгин А.Я., Епифанов А.Е. История отечественных органов внутренних дел: учебник для вузов. М.: NOTA BENE Медиа Трейд Компания, 2005. С. 216–217.

ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 662. Л. 219–222.

Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М.: Республика: Верховный Совет Российской Федерации, 1993. С. 114.

Кудрявцев В.Н., Трусов А.И. Политическая юстиция в СССР. М.: Наука, 2000. С. 261–262.

Мулукаев Р.С., Малыгин А.Я., Епифанов А.Е. Указ. соч. С. 216; *Епифанов А.Е.* Ответственность за военные преступления, совершенные на территории СССР в период Великой Отечественной войны (историко-правовой аспект): дис. … д-ра юрид. наук. М., 2001. С. 241.

Мозохин О.Б. Право на репрессии… С. 265.

Кудрявцев В.Н., Трусов А.И. Указ. соч. С. 281–282.

ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960. М.: МФД, 2000. С. 434.

581

Там же. С. 434.

582

Мозохин О.Б. Статистические сведения о деятельности органов ВЧК — ОГПУ — НКВД — МГБ (1918–1953 гг.): статистический справочник. М.: ООО «ТД Алгоритм», 2016. С. 197; Деятельность органов военной юстиции в годы Великой Отечественной войны. Материалы «Круглого стола» журнала «Государство и право» // Государство и право. 1995. № 8. С. 89–90.

583

Иванова Г.М. История ГУЛАГа, 1918–1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты. М: Наука, 2006. С. 122; *Кудрявцев В.Н., Трусов А.И.* Указ. соч. С. 283.

584

Архив Управления ФСБ России по Свердловской области (АУФСБСО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 120. Л. 105.

Мозохин О.Б. Право на репрессии… С. 263.

Иванова Г.М. Указ. соч. С. 122–123; *Мозохин О.Б.* Право на репрессии… С. 259.

587

ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 38. Д. 282. Л. 60–67.

588

Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. С. 118.

589

История сталинского Гулага. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7 т. Т. 2. Карательная система: структура и кадры. М.: РОССПЭН, 2004. С. 326–327.

590

ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 38. Д. 484. Л. 75–84.

591

Мозохин О.Б. Право на репрессии… С. 260, 271.

592

АУФСБСО. Ф. 1 Оп. 1. Д. 367. Л. 181–195; Д. 399. Л. 179–179 об.

Иванова Г.М. Указ. соч. С. 87.

594

Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. С. 119.

Там же. С. 121–122.

Там же. С. 71.

ГУЛАГ: Главное управление лагерей… С. 148.

598

АУФСБСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 111. Л. 9–10, 11–11об, 12об, 14; Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сборник документов. Т. 3. Кн. 1. М.: «Издательство «Русь», 2003. С. 143, 151.

До 1978 г. — УКГБ при СМ СССР по г. Москве и Московской области.

600

Хлобустов О.М. КГБ СССР 1954–1991 гг. Тайны гибели Великой державы. М.: Издательский центр «Аква-Терм», 2012. С. 97.

601

Известия. 1964. 29 сентября.

602

Ария С.Л. Жизнь адвоката. Издание 3-е, дополненное и исправленное. М.: Американская ассоциация юристов, 2010. С. 293–296

603

Известия. 1977. 4 марта.

Там же.

605

Щаранский А.Б. Не убоюсь зла. М.: «Олимп»; Рига «Век», 1991. С. 8

Известия. 1983. 17 апреля.

607

Клименко В.Г. Записки контрразведчика. Взгляд изнутри на противоборство КГБ и ЦРУ, и не только… М.: Международные отношения, 2019. С. 139–140

Известия. 1969. 21 ноября.

609

Труд. 1969. 21 ноября.

Комсомольская правда. 1969. 21 ноября.

611

Литературная газета. 1973. 21 марта.

612

Известия. 1968. 3 января.

613

Известия. 1968. 9 января.

Известия. 1968. 11 января.

615

Известия. 1968. 6 января.

Известия. 1968. 26 февраля.

Правда. 1978. 21 мая.

618

Московская правда. 1978. 19 мая.

619

Вечерняя Москва. 1978. 18 мая.

Известия. 1980. 21 июня.

621

Труд. 1980. 2 сентября.

622

Московская правда. 1982. 2 июля.

623

Известия. 1961. 1 декабря.

Московская правда. 1981. 21 ноября; 1981. 22 ноября; 1981. 24 ноября.

625

Известия. 1983. 25 ноября.

Известия. 1984. 1 августа.

627

Советская Россия. 1986. 2 августа.

Советская культура. 1986. 2 августа.

629

Вечерняя Москва. 1980. 27 февраля.

Московская правда. 1980. 27 февраля.

631

Вечерняя Москва. 1980. 9 июля; Московская правда. 1980. 9 июля.

Полвека в боевом строю. М.: МВПККУ, 1982. С. 10.

Там же. С. 11.

634

Центральный пограничный архив (ЦПА) ФСБ России. Ф. 742. Оп. 1. Д. 1016. Л. 140.

Там же. Д. 1. Л. 12.

Там же. Д. 1016. Л. 140.

637

Там же. Д. 1. Л. 12.

Полвека в боевом строю. С. 38.

639

ЦПА ФСБ России. Ф. 742. Оп. 1. Д. 1019. Л. 48.

Полвека в боевом строю. С. 38.

641

ЦПА ФСБ России. Ф. 742. Оп. 1. Д. 1019. Л. 48.

642

РГВА. Ф. 32886. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.

643

Там же. Ф. 38710. Оп. 1. Д. 3. Л. 17.

Там же. Ф. 38710. Оп. 1. Д. 3. Л. 2. 65–67.

645

ЦПА ФСБ России. Ф. 742. Оп. 1. Д. 1019. Л. 157.

Там же. Д. 27. Л. 15.

647

Полвека в боевом строю. С. 89.

Пограничники в огне Афганистана. 1979–1989: в 3 т. М.: Издательский дом «Граница», 2020. Т. 3. С. 346–358.

649

Христофоров В.С. КГБ СССР в Афганистане. 1978–1989 гг.: к 25-летию вывода советских войск из Афганистана. М.: Издательство Главного архивного управления г. Москвы, 2014. С. 3.

Христофоров В.С. Афганистан. Военно-политическое присутствие СССР 1979–1989 гг. М.: ИРИ РАН, 2016. С. 263–264.

651

Крючков В.А. Личное дело: в 2 ч. Ч. 1. М.: Олимп, ТКО АСТ, 1996. С. 189–190.

652

Военная контрразведка КГБ СССР в Афганистане: воспоминания сотрудников Особого отдела КГБ СССР по Ленинградскому военному округу, 1979–1991 гг. СПб., 2010. С. 20–30.

Христофоров В.С. Афганистан: военно-политическое присутствие СССР… С. 70.

Христофоров В.С. Афганистан. Правящая партия и армия (1978–1989). М.: КЖИ «Граница», 2009. С. 38.

655

Чекисты Ленинграда в Афганистане: к 30-летию ввода и 20-летию вывода советских войск из Афганистана. СПб, 2011. С. 22–47.

Крючков В.А. Указ. соч. Ч. 1. С. 210–211.

657

Служба государственной информации ДРА — афганская служба разведки и контрразведки, образована в начале 1980 г., в мае 1986 г. переименована в Министерство государственной безопасности.

Христофоров В.С. КГБ СССР в Афганистане… С. 21–22.

659

Кирпиченко В.А. Разведка. Лица и личности. М., 1998. С. 67.

Чекисты Ленинграда в Афганистане… С. 89–96.

661

Военная контрразведка. История, события, люди. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. С. 230–231; *Христофоров В.С.* Трудный путь к Женевским соглашениям 1988 года по Афганистану // Новая и новейшая история. 2008. № 5. С. 23–47.

«Смерш»: Исторические очерки и архивные документы. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2005. С. 232–233.

663

Христофоров В.С. История советских органов госбезопасности 1917–1991 гг. Учебное пособие. М. 2015. С. 414–418.

Христофоров В.С. Афганские события 1979–1989 гг.: от познания к осмыслению и признанию // Российская история. 2019. № 6. С. 3–21.

Ютов В.И. Каскад и Омега. М.: «X-History», 2003. С. 6.

Христофоров В.С. КГБ СССР в Афганистане… С. 45.

667

Там же. С.46.

Воронов В.Ю. ОСНАЗ. От Бригады особого назначения к «Вымпелу». 1941–1981 гг. М.: Олма-Пресс, 2001. С.52.

Ютов В.И. Указ. соч. С. 9.

Дроздов Ю.И. Вымысел исключен. Записки начальника нелегальной разведки. М.: «Артстиль-полиграфия», 2009. С. 513.

Дроздов Ю.И. Вымысел исключен… С. 504.

Ютов В.И. Указ. соч. С. 52.

Там же. С.130.

История отечественных спецслужб и правоохранительных органов. [Электронный ресурс]. URL: http://shieldandsword.mozohin.ru/kgb5491/structure/1GU/13.htm. (дата обращения 25.08.2019).

Попов А. Ю., Цветков А. И. Русский диверсант Илья Старинов. СПб, 2003; *Попов А.Ю., Цветков А.И.* Бог диверсий: Профессор русского спецназа Илья Старинов. М., 2004.

Суродин В.И. Спецназ госбезопасности. М., 2002. С. 138–139.

677

Мурин В.Б., Суродин В.И. Спецназ России: История и современность. М.: КЖИ «Граница», 2017. С. 61.

Хлобустов О.М. Козлов Э.Г. // Выпускники и сотрудники Академии ФСБ России — Герои Советского Союза и Российской Федерации. Сборник очерков. М., 2020. С. 44–48.

Ассоциация ветеранов «Вымпел». URL: http://group-vympel.ru/index.php/press-sluzhba/intervyu/83-intervyu/109-veterany-savintsev-e-a. (дата обращения: 08.01.2020).

680

Давыдов В.М. 30 лет доблести: от создания группы специального назначения КГБ СССР «Вымпел» до Управления «В» Центра специального назначения ФСБ России: (1981–2011). М., 2011.

681

Давыдов В.М. Указ. соч.

Перфильев Ю.Н. Террор. Бейрут — жаркий октябрь. М., 2000.

Савостьянов Е.В. Спецслужбы на переломе. М., 2017. С. 8–20.

Мурин В.Б., Суродин В.И. Спецназ России: история и современность. М., 2017. С. 84–85.

Ломов М. Несанкционированные мысли военного контрразведчика. М.: РИЦ «Пилигрим», 1995. С. 20–21.

Калугин О.Д. Прощай, Лубянка! (XX век глазами очевидцев). М.: ПИК — Олимп, 1995.

Калугин О.Д. Указ. соч. С. 191–192, 247.

Бакатин В.В. Дорога в прошедшем времени. М.: Дом, 1999. С. 262, 265, 267, 285-286, 291, 293.

Перетрухин И.К. Агентурная кличка — Трианон. Воспоминания контрразведчика. М.: Центрполиграф, 2000.

Там же. С. 138, 298.

691

Голубков К.В. Жил-был НТС // Следствие продолжается… Кн. 4. СПб: Специальная Литература: Первый класс, 2010. С. 102–107.

Там же. С. 103, 106–107.

693

Андропов. КГБ отвечает за всё / Ф. Бобков, В. Крючков, В. Широнин. М.: Алгоритм, 2012.

Там же. С. 179, 181, 183-184, 223-224, 229, 232-234, 239-250.

695

Бобков Ф.Д. Как бороться с «агентами влияния». М.: Алгоритм, 2014. С. 125, 137, 141–142.

Туманов О. Подлинная «судьба резидента». Долгий путь на Родину. М.: Алгоритм, 2017. С. 22.

Туманова С. Он жил для России // Подлинная «судьба резидента». Долгий путь на Родину. М.: Алгоритм, 2017. С. 285.

Маркс К. К критике гегелевской философии права // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. 2-е издание. М.: Госполитиздат, 1955. Т. 1. С. 325.

Заславский Д. В. Предисловие // Роуан Р. Очерки секретной службы. Из истории разведки. М.: Воениздат, 1946. С. 3–4.

Уголовный кодекс Российской Федерации. М.: Проспект, КноРус, 2014. С. 168.

701

Дундуков М.Ю. Разведка в государственном механизме США. М.: Кучково поле, 2008. С. 16.

702

Сунь-Цзы. Искусство войны / под ред. Т. Клири, пер. с англ. М.: Изд. «София», 2011. (Данный трактат является первым из известных документов, раскрывающих, по сути дела, теорию разведки. Он пользуется большой популярностью и в настоящее время. Практически ни одна работа, посвященная истории разведки, не обходится без упоминания о нем. Трактат был настольной книгой военачальников Японии, неоднократно переводился на многие языки и не утратил своего значения и в настоящее время).

703

Цит. по.: *Конрад Н.И.* Избранные труды. Синология. М.: Гл. ред. восточной литературы, 1977. С. 44.

Малявин В. Военный канон Китая. Сунь-цзы. Сунь Бинь. М.: РИПОЛ классик, 2016. С. 334.

705

Цит. по: *Дроздов Ю.И., Марков А.Г.* Наглый орел — 2007. (Разведка и война в системе США). М.: Изд. ООО Артстиль — полиграфия, 2207. С. 113.

Дроздов Ю.И., Марков А.Г. Указ. соч. С.147.

Дундуков М.Ю. Указ. соч. С. 18.

Там же. С.7.